

ИЛЪЯС ДЖАНСУГУРОВ
САКЕН СЕЙФУЛЛИН

Советский
писатель

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Редакционная коллегия

*Ф. Я. Прийма (главный редактор),
И. В. Абашидзе, Н. П. Бажан, В. Г. Базанов,
А. Н. Болдырев, П. У. Бровка, А. С. Бушмин,
Н. М. Грибачев, А. В. Западов, К. Ш. Кулиев,
М. К. Луконин, Э. Б. Межелайтис, В. О. Перцов,
В. А. Рождественский, С. А. Рустам, А. А. Сурков,
Н. С. Тихонов, М. Т. Турсун-заде*

*Большая серия
Второе издание*

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

ИЛЪЯС ДЖАНСУГУРОВ
САКЕН СЕЙФУЛЛИН

СТИХОТВОРЕНИЯ
И ПОЭМЫ

Вступительное слово

В. А. Рождественского

Вступительные статьи, составление и примечания

М. К. Каратаева и С. С. Кирабаева

Редакция стихотворных переводов

С. В. Ботвинника

В сборник включены переводы избранных произведений двух замечательных поэтов, основоположников казахской советской поэзии Ильяса Джансугурова (1894—1938) и Сакена Сейфуллина (1894—1938).

Превосходный знаток природы Казахстана, его истории и национальных поэтических традиций, Джансугуров выступил в своем творчестве певцом коренных преобразований в жизни казахского народа, вызванных Великим Октябрем. Поэмы Джансугурова «Степь», «Кюй», «Кюйши», «Кулагер» соединяют в себе историю и легенду, их отличает глубокое понимание прекрасного в человеке и природе.

Имя Сейфуллина, видного общественного деятеля, поэта и прозаика, драматурга и критика, педагога и композитора, неразрывно связано с историей родного народа. Поэзия Сейфуллина характеризуется тесной связью с современностью, умелым использованием лучших традиций народно-поэтического творчества. В сборник включены произведения Сейфуллина самых различных жанров: поэмы («Разлученные лебеди», «Кокчетау», «Альбатрос», «Кзыл-ат»), лирические, сатирические и агитационные стихотворения.

В переводах произведений И. Джансугурова и С. Сейфуллина принимали участие известные советские поэты: Евг. Винокуров, Евг. Евтушенко, М. Луконин, С. Наровчатов, Вс. Рождественский и др.

© Издательство «Советский писатель», 1973

ДВА ПОЭТА КАЗАХСКИХ СТЕПЕЙ И ГОР

Тот, кто впервые вступает на землю Казахстана в весеннюю пору, когда холмистая степь, еще не выжженная солнцем, алеет в тюльпанах, а предгорья Алатау благоухают запахом свежих трав и цветов, когда с горных отрогов бешено скачет прозрачная ледяная вода, а в густую синеву неба четко врезаны острогранные алмазы снежных вершин, тот сразу почувствует себя в особом мире и подумает: да, в такой стране, где так прекрасна, разнообразна и щедра на дары природа, и народ должен растить в душе высокие чувства родственной и дружеской связи с окружающим его миром. И дальнейшее знакомство с историей народа, с богатствами его устного творчества, его литературой подтверждает это первое впечатление.

В глубоком прошлом казахи, кочевавшие по своим неоглядным жарким степям, пастухи овечьих отар и конских табунов, вели существование в тяжелых условиях ханского угнетения, да еще в атмосфере родовых распрей и чиновничьего произвола. И все же неистребимо жила в народном сердце мысль о свободе и социальной справедливости. Провозвестником ее стал во второй половине XIX века замечательный поэт и просветитель, основоположник казахской письменной литературы Абай Кунанбаев, имя которого благодарно произносится в каждой казахской семье и по сей день. Он был не только вдохновенным поэтом, но и мудрецом-моралистом, утверждавшим этические нормы духовного развития своего народа. Ему принадлежит высокая и плодотворная мысль о необходимости сближения с культурой русских революционных демократов, ставшая в дальнейшем основой для роста национального самосознания, для казахской литературы и искусства.

Семена Абая упали на добрую почву. Казахи — народ исключительной восприимчивости и творческой одаренности. Среди других народов советской семьи они за сравнительно краткое время совершили поистине небывалый в истории путь: из кочевого феодального быта вошли в социализм, одержав решительную победу в борьбе с вековыми пережитками феодального бесправия, с гнетом мусульманской религиозной идеологии. Советская власть принесла Казахстану новую жизнь, превратив его в республику мощной индустрии, целинного хлеба, высокоразвитого скотоводства. Неисчислимы природные богатства этого обширнейшего края и столь же неисчерпаемы творческие силы его народа. Подобно глубинным залежам ценнейших недр в родных горах, они в наше время вышли на яркий свет советского дня.

Конечно, такой решительный переворот и в социальном строе, и в экономике, и в культуре не был внезапным и неподготовленным толчком, пробуждающим от векового сна и застоя. И в предшествующие Октябрю годы, под гнетом царского самодержавия, существовали на казахской земле люди, глубоко сознававшие бедственное положение угнетенных народных масс. В литературе это были последователи просветительских и освободительных идей Абая Кунанбаева. Прямыми их продолжателями в первые советские годы явились выдающиеся поэты Ильяс Джансугуров (род. в 1894 г.) и Сакен Сейфуллин (род. в 1894 г.). Оба они сверстники и соратники в деле становления, укрепления и развития советской культуры в Казахстане.

Ильяс Джансугуров не только поэт яркого и своеобразного дарования, он и общественный деятель широкого масштаба, занимавший ряд видных государственных постов в своей республике. Хорошо владея русским языком, он обладал и глубокими познаниями в области русской классической и современной литературы. Я познакомился с ним, когда он приехал в Ленинград после Первого съезда советских писателей, где был делегатом от Казахстана и выступал как представитель своего народа.

Наша первая беседа была интересной и содержательной. Происходила она в номере гостиницы «Астория», в довольно пасмурный день, и мне запомнился на фоне широкого окна, выходившего на Исаакиевскую площадь, силуэт плотно сложенного, широкоплечего человека в несколько даже величественной позе. Но когда он повернулся к свету, лицо его показалось приветливым и добродушным. Был он смугл и черноволос, а глаза смотрели умно и пытливо. Завязался непринужденный разговор, Ильяс говорил о том, как он был у Горького и как Алексей Максимович расспрашивал его о казахских

писателях, о первых книгах, выпущенных на их родном языке. Потом разговор перешел на Ленинград, и тут выяснилось, что Джансугуров приехал договариваться о поездке ленинградских писателей в Казахстан: Ленинград недавно взял индустриальное и культурное шефство над этой республикой.

Поездка действительно состоялась. В мае 1935 года писательская бригада, возглавляемая Леонидом Соболевым (тогда еще ленинградцем), выехала туда в длительную командировку. В эту группу входили Павел Лукницкий, Николай Чуковский, Александр Гитович и я. Ехали поездом, по тем временам не очень торопливым, через жаркие пески пустыни Каракум и с нетерпением ждали, когда покажется на горизонте синеватая гряда гор.

Казахские писатели встретили нас на небольшой степной станции Туркестан. Здесь собралась вся литературная общественность республики — Сабит Муканов, Сакен Сейфуллин, Мухтар Ауэзов, Габит Мусрепов, Таир Жароков, Абдильда Тажибаев, русские писатели К. Алтайский, Дм. Снегин и многие другие, с которыми ближе я познакомился позднее. Первым, кого я увидел, был Ильяс Джансугуров, тогдашний руководитель казахстанской писательской организации. Мы встретились дружески, как уже давние знакомые. Он же был и моим соседом в легковой машине, когда длинной лентой тронулся в долгий путь на Чимкент и Алма-Ату наш кортеж дружбы. Ехали степной целиной, без дорог, оставляя слева темные отроги Каратау. Солнце забиралось все выше и выше, а кругом была цветущая, безграницная степь, и при кратких остановках кружил голову неизъяснимо приятный запах еще не успевших увянуть от зноя трав. В ушах стоял нескончаемый треск кузнечиков, а голубоватые дали уже струились от разгоравшегося зноя. Всю эту дальнюю дорогу Ильяс, сидевший рядом, рассказывал мне столько интересного и нового для меня о степных обычаях, о вековых, уже отошедших в прошлое кочевьях, о преданиях, о легендах, что я вправе считать его первым, кто дал мне почувствовать и пленившую меня на долгие годы своеобразную природу этого неведомого мне раньше края, и поэтический строй души казахского народа. Впоследствии, при своих следующих приездах в Казахстан, я многим был обязан в этом отношении и другим своим новым друзьям — Сабиту Муканову и Мухтару Ауэзову. Но в те первоначальные недели неизменным спутником моим был Ильяс. Немало совершили мы с ним прогулок по окрестностям Алма-Аты, в горных ущельях и на скатах лесных предгорий, где, лежа на свежем ковре пахучих трав и ярких цветов, в тени высоких веретенообразных тянь-шаньских елей, вели дружеские беседы, раскрывавшие мне душу Ильяса — поэта, влюбленного в родную

свою землю, в свой народ, в особенности его трудолюбивого, стремящегося к новым познаниям духа. Я уже знал о том, как страстно приветствовал Ильяс Джансугуров переход из кочевого существования в социалистический быт, как много уже было им свершено в обогащении казахского литературного языка принципами и понятиями советской эпохи в первоначальную пору ее становления и роста. И столь естественной и глубинной казалась мне поэзия Ильяса в ее теснейшем животворящем родстве с безымянными, цветущими легендами устного народного творчества. Особенно ярко ощутил я это, когда довелось мне переводить одну из самых значительных его поэм — «Кюйши», занимающую особое место среди других его лиро-эпических произведений, таких как «Степь» и «Кулагер».

Поэма проста и даже несколько традиционна по своему сюжету, и содержание ее можно пересказать в немногих словах.

В давние феодальные времена кочевал в прибалхашских степях могущественный хан Кене. Однажды во время пиршества в пышно разукрашенном шатре играл перед ним бродячий молодой домбрист (кюйши), и грозный хан был так пленен его искусством, что приказывал ему играть вновь и вновь. До заката жаркого дня стрекотали и пели струны чудесной домбры. А когда замер последний звук, встала гордая и надменная сестра хана красавица Карашаш и властно потребовала, чтобы отдали ей пленившего ее кюйши в полное рабство. Хан исполнил ее просьбу, и юноша стал рабом своейвольной, резкой в своих поступках, властолюбивой и капризной девушки, исполненной дерзости и коварства. Кюйши принужден был пить до дна горькую чашу унижений и рабства. Но он был пленен красотой своей госпожи, любовь затуманила его разум, да и сама Карашаш оказалась в плену вспыхнувшей в ней страсти, в которой из гордости не хотела признаться. Непреодолимая преграда стояла между юными сердцами — сословная рознь бедности и богатства. Эта безмолвная, доверенная только языку струн любовь была мучительной и для него, и для нее. Но в сердце юноши рядом с охватившей его страстью жила и мечта об освобождении, о далекой своей родине. В пылком струнном монологе вдохновенной домбры он с таким неповторимым искусством выразил свою тоску, свою мечту о воле, что надменная Карашаш, победив себя, дала ему возможность бежать из плена.

Вот на такой простой канве Ильясу Джансугурову удалось выткать цветистую, пеструю, переливающуюся всеми красками жизни словесную ткань поэмы. Поражает богатство и обилие вплетенных в нее образов, взятых из природы, из кочевого степного быта, из мира прямых и сильных страстей. Тут и пейзажи степных предгорий

Алатау, и роскошь ханского жилища, и жестокие стычки враждующих родов, и мирные народные сборища, и красота женщины, и бурные порывы ее коварства и самовластия.

А сквозь эту эпически неуклонно развивающуюся повествовательную легенду, как основной узор ковра, проходит настойчивый лейтмотив — музыка домбры. В сущности она и является основным действующим началом, определяющим многое в развитии сюжета. Чтобы яснее себе это представить, нужно помнить, что незамысловатый, казался бы, двухструнный инструмент в руках искусного исполнителя способен для казахского слуха совершать чудеса. Он и без словесного сопровождения может передавать сложные и чисто сюжетные повествования, близкие к тому, что мы в своем обиходе называем музыкой программного характера. И потому в поэме каждое выступление с домброй юноши-импровизатора — это связный и цельный рассказ из седой степной старины или мира взметенных человеческих чувств.

Ильяс Джансугуров автор и других столь же значительных произведений, из которых особенно выделяется его прославленный на родине «Кулагер» — поэма о замечательном коне и связанном с ним судьбою его хозяине, поэма, насыщенная трагическими событиями. В ней также немало места отдано изображению старинных народных обычаев и ярко воспроизведенной панораме конных игр и состязаний, традиционным скачкам на большие степные расстояния. И вообще поэзия Ильяса Джансугурова черпает силы своей выразительности из богатейшей сокровищницы народных преданий и легенд, что не мешает Джансугурову в то же время быть поэтом всего нового, что принесла с собою в быт народа советская эпоха.

Столь же примечательным явлением в ранней советской поэзии Казахстана был и Сакен Сейфуллин. Мне меньше приходилось с ним общаться, чем с Ильясом, но запомнилась его суховатая, подтянутая фигура, своеобразное изящество жеста. Всем своим внешним обликом он несколько выделялся среди своих товарищей, был всегда на чем-то сосредоточен, говорил кратко и весомо и вообще казался не очень общительным. Но это первоначальное впечатление рассеялось во время нашей совместной поездки на пустынные берега озера Балхаш. Он отвечал на наши вопросы спокойно и обстоятельно, а потом, по ходу беседы, оживлялся и сам, видимо, с удовольствием выходил за границы своей обычной сдержанности.

Я знал о нем пока немного, но и этого было достаточно, чтобы возбудить особый интерес. Уроженец кочевого аула, он с ранних лет юности стремился к образованию, которое завершил в Омской учительской семинарии. Начинал он как поэт в духе любовной и пей-

ажной лирики Абая и не без некоторой идеализации картин родной природы и стародавнего казахского пастушеского быта, но первый же сборник «Неукротимый тулпар» (1922) показал совершенно новый лик его творчества. Сакен Сейфуллин выступил в нем с позиций поэта-гражданина, вдохновенно воспевающего завоевания Октября. Это было и понятно, и закономерно.

Можно представить, какую нелегкую литературную задачу пришлось ему решать наново, если иметь в виду чисто лингвистическую сторону дела. Традиционный одиннадцатисложный казахский стих спокойно-повествовательного характера ритмически не соответствовал общему темпу бурно развивающихся революционных событий. Поэту пришлось стать новатором стихотворной формы, писать для нового читателя, нарушая при этом привычные его представления о самой фактуре поэтической речи. Встретилась и другая трудность: многие понятия и термины, порожденные советским бытом, не находили еще точного выражения в обиходном казахском языке, и надо было искать выход в привычной народному сознанию образности, заимствованной из векового обихода. Отсюда возникала и некоторая символистичность творческого метода, и неизбежная отвлеченность выражения мыслей. Первоначальные крупные стихотворные произведения Сакена Сейфуллина, такие его поэмы, как «Советстан» и «Экспресс», не лишены некоторой декларативности, хотя и преодолеваемой, в общем, высоким эмоциональным движением поэтической речи. В особенности это сказывается на основной его поэме «Альбатрос» (1933), написанной не без влияния горьковского «Буревестника» и местами в стилистической манере Вл. Маяковского. Столь же символистическим было и другое крупное произведение — «Қзыл-ат» («Красный конь»), хотя речь в нем идет о бытовых обстоятельствах переломного периода в жизни народа.

Однако по природе своей Сакен Сейфуллин — поэт лирического склада, что ясно сказывается и в его стихах гражданской темы. О чем бы он ни писал, живо откликаясь на общественные события текущего дня, всегда в его словах слышен его собственный голос в живых непосредственных интонациях, в особой, лично ему присущей манере выражать свои мысли. Не был чужд Сакен Сейфуллин и традиционного для казахской поэзии навыка обращаться к материалу фольклорного характера. В 1925—1928 годах он написал поэму «Кокчетау», вдохновленную преданиями и легендами глубокой феодальной старины. Но эта сторона творчества не столь типична для него как лирика общегражданского склада. Современниками воспринимался он прежде всего как поэт гражданских мотивов и вместе с тем как новатор стихотворных форм.

Много лет спустя после первой поездки в Казахстан, уже при повторных посещениях этой республики, мне доводилось неоднократно беседовать с Мухтаром Ауэзовым о казахской поэзии вообще и об особых условиях ее развития в дореволюционное и в советское время. Высокообразованный и тонкий ценитель поэтического слова Мухтар Ауэзов отдавал должное творчеству и Ильяса Джансугурова и Сакена Сейфуллина, замечая попутно, что хотя они поэты разного темперамента и разной творческой манеры, оба достаточно типично выражают общее состояние казахской советской поэзии в первоначальные советские годы. Подчеркнул он и то обстоятельство, которое всегда интересовало А. М. Горького: связь письменной литературы Казахстана с вековыми традициями устного народного творчества. И говорил он примерно так: казахский народ бесчисленные столетия кочевал в степи со своими отарами, с табунами коней. Что видел он перед собой? Только степь и зеленые, холмистые предгорья, куда выгоняют скот на летнее пастбище — джайлау, знойное небо над головой или крупные звезды прохладною ночью. У народа, воспитанного природой, стоящего всегда с ней лицом к лицу, глубоко развивается поэтическое чувство. Но как он может его выразить, от века не имея собственной письменности? Только в слове да песне. Слово издавна у нас в великом почете. Каждый казах в душе поэт, каждый умеет вовремя к месту сказать цветистое слово. И немало есть у нас великих искусников этого дела. А слово и песня породили домбру, неизменную спутницу словесных импровизаций. Есть и мудрые старики акыны, хранящие в памяти великое множество сказаний и легенд, дошедших из седой древности, передающихся из уст в уста, из поколения в поколение. Джамбул лишь один из них. В степи много таких же акынов, подобных своему старшему собрату. О чем же поет наша степная песня? О том, что видит казах вокруг себя повседневно. Однако есть у певцов и у искусников домбры заветные, повторяющиеся каждый раз по-разному темы: красота расцветающей весенней природы, красота девушки, красота коня. Тот, кто хочет войти в мир казахской поэзии — героической или лирической, — должен помнить о том, что эти привычные мотивы повторяются в настойчивости и разнообразии подобно узорам любовно вытканного ковра.

Наша молодая книжная поэзия развивается уже по своим, новым путям, но ее развитие идет где-то рядом с безымянной поэзией народа и родственно связано с великим образным богатством народного воображения. Никто из наших современных поэтов не избежал этого благотворного влияния. Образность — неперемнное свойство и нашей устной, и письменной речи.

Кстати, образ коня, в том или ином значении, можно найти у всех поэтов. Казах был неразлучен с этим верным товарищем его кочевой жизни с самой седой старины, да и сейчас конь — надежный помощник в оседлом быту. И с какой уверенностью этот прямой потомок завещанного сказками и легендами быстролетного, как ветер, тулпара входит в современные стихи! У Джансугурова он существует как реальность со всеми статями благородной породы, со всеми особенностями масти, сложения, бега; а у Сейфуллина он даже вступает на равных правах в диалог со своим хозяином. И никого не удивляет появление этого символа в реальной обстановке наших дней. В свое время даже первые поезда Турксиба сравнивали поэты с огнедышащим тулпаром, который мчится с дробным топотом копыт, оставляя за собой густую гриву дыма.

Мухтар Ауэзов отметил существенную черту казахского стихотворчества. Поэтическая душа народа в своем словесном и музыкальном воплощении питается образами и понятиями, близкими к ее повседневному обиходу.

Поэты-сверстники Ильяс Джансугуров и Сакеп Сейфуллин в ряду зачинателей советского периода родной литературы шли единым путем, хотя и были различны по своим творческим устремлениям и стилистическим приемам. Но народ с одинаковой почтительностью произносит их имена. И дело не в том, что один более традиционен, а другой стремился быть новатором стихосложения. Оба они были высокоодаренными художниками родного им слова, оба стояли у истоков современной казахской поэзии, явились зачинателями многих ее дальнейших побед. И творения их не только страницы недавней истории. Они и донныне — живое свидетельство современников и участников великих преобразовательных событий в жизни уверенно шагнувшего из кочевого быта в социализм Советского Казахстана.

Вс. Рождественский

ИЛЪЯС ДЖАНСУГУРОВ

ПОЭЗИЯ ИЛЬЯСА ДЖАНСУГУРОВА

Когда мы, современники большого поэта Советского Казахстана Ильяса Джансугурова (1894—1938), думаем о нем, на память приходят нежные и глубокие строки Александра Блока:

Он весь — дитя добра и света,
Он весь — свободы торжество!

В творчестве Ильяса Джансугурова верность традициям народной поэзии счастливо соединилась с широкой проблемностью и свободной поступью современного стиха, рожденного нашим великим временем.

В созвездии имен, сверкающих на небосклоне казахской литературы советского периода как звезды первой величины, выделяются могучие таланты, и среди них Ильяс Джансугуров занимает особое место.

Он был одним из самых крупных и талантливых поэтов Казахстана, одним из основоположников казахской советской литературы, одним из тех писателей, которые открыто, страстно защищали народ, его кровные интересы, справедливую, народную власть Советов. Таланту Джансугурова, как и всякому подлинному большому таланту, присуще своеобразие, самобытность, свое видение мира. Его поэзия отличается «лица не общим выраженьем», неповторимыми чертами.

Задолго до революции творчество великого поэта казахского народа Абая Кунанбаева пробудило сотни тысяч читателей из недр казахского народа, завербовало множество поклонников и последователей, вызвало к жизни целое поколение литераторов.

Абаю Кунанбаеву, покоряющему влиянию его поэзии обязана казахская литература такими яркими и интересными фигурами, как Султанмахмут Торайгыров и Сабит Донентаев, которые были видными поэтами демократического направления. Они передали абаевскую эстафету поэтам и писателям, на долю коих выпала миссия заложить фундамент новой казахской литературы, советской.

В плеяде основателей послеоктябрьской литературы, представленной С. Сейфуллиным, Б. Майлиным, С. Мукановым, М. Ауэзовым, Г. Мусреповым, А. Токмагамбетовым, Ильяс Джансугуров — один из наиболее ярких, самобытных поэтов.

Творчество Джансугурова — живой и наглядный пример благотворного влияния Октябрьской революции на духовную жизнь народа, на расцвет его культуры. Поэт выдвинулся из самых недр народа, из глухого кочевого аула, из пастушеской семьи. Он плоть от плоти и кровь от крови трудовых людей, их певец и глашатай. Он неотделим от народа и немислим без него.

Самобытность поэтического дара и органическая народность всего творчества, пронизанного революционной идейностью, являются самыми существенными чертами Ильяса Джансугурова. Людям, хоть раз видевшим его, он навсегда запомнился, как удивительно своеобразный и очень красивый человек. Живые, огненно-черные глаза, резко очерченный, словно вырезанный резцом, профиль, налитая силой фигура степняка, — за всем этим угадывалось горение творческой мысли, непрерывный труд, благородная, неудовлетворенность свершенным, стремление к вершинам.

В его цельной натуре отразилась природа родной земли с необъятными, богатырскими степями, с несущимися косяками коней, со снежными вершинами неприступных гор, с хрустально чистыми ледниковыми реками, с синими озерами.

Как поэт Джансугуров многим обязан народной песне, батырской поэме, сказке — тем сокровищам устного творчества казахского народа, знатоком и ценителем которых он был.

Без преувеличения можно сказать, что неуязвимый фольклор казахского народа был университетом Джансугурова-поэта. Творчество Джансугурова сливалось с фольклором, и не случайно многие стихи его становились народными песнями, часто распевались людьми, ничего не знающими об авторе.

Но это не значит, что поэзия Джансугурова ничем не отличается от фольклора. Наоборот, именно в том и заключается достоинство и своеобразие творений Джансугурова: пропитанные соками народной поэзии, насыщенные ее образами и мотивами, они поднялись над ее традиционными формами, утверждая новые черты художественной поэзии, которую В. Г. Белинский, говоря о Пушкине, считал «перешедшей из естественной» и «которая, не переставая быть национальной, доступна для всякого века и всякой страны». ¹

¹ В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. 4, М., 1954, с. 197.

К тому же казахская народная поэзия имеет ту отличительную особенность, что создавали ее не только безымянные авторы далекого прошлого, а известные профессиональные акыны позднейших времен, произведениям которых свойственна высокая культура мышления и стиха. Когда говорится, что поэзия Джансугурова рождена преимущественно народным творчеством, то имеется в виду именно поэзия известных народных акынов (из которых было много повосточному грамотных и образованных людей типа Махамбета, Шоже, Суюмбая, Джамбула).

Поэзия Джансугурова национальна и самобытна в своих лучших произведениях не только потому, что она всеми корнями уходит в народную поэзию, но и потому, что выступает из нее, воспринимая передовые традиции Абая и русской поэзии. Она национальна по своей народной сути, потому, что она выражает национальный дух освобожденного социалистической революцией казахского народа. Лучшие поэмы Джансугурова — «Кюй», «Степь», «Кюйши» и «Кулагер» — написаны на основе народных легенд или событий национальной истории. В них все национальное, все казахское: и мироощущение, и быт, и природа, и песни, и образы, и язык. . . Но все это пронизано и освещено новой идеологией, новым мировоззрением казахского советского поэта. Поэтому не смог бы создать джансугуровские поэмы ни казахский акын далекого прошлого, не вооруженный марксистско-ленинским мировоззрением, ни поэт другой национальности, незнакомый с казахским национальным бытом. Тем не менее эти поэмы вполне доступны для понимания читателей любой национальности. Джансугуров остается казахским национальным поэтом. Даже в произведениях на сугубо «производственные» и на интернациональные темы его выдают и своеобразное восприятие окружающей действительности, и образная фактура языка, свойственные именно казахам-скотоводам. Так, например, рисуя движение поезда, поэт сравнивает его с конем на байге, а паровоз — с жеребцом, «почувявшим степных кобыл косяк»; говоря о процессе плавки свинца, он опять-таки прибегает к сравнению: «Рукава засучить нам пришлось. . . Расплавив свинец, словно курт, кипятить, гнать тачек стада, как чабан свонх коз» («Золотая чаша»). Гималай представляется ему «всего земного шара юртой», а о творческом процессе он пишет: «Как саба¹ — мое сердце. Чудесный волшебный кумыс из души, не таясь, не скупясь, в ваши души я лью» («Певец»). Так может сказать только казахский поэт. И природа России увиденна в его стихах именно казахским поэтом:

¹ Саба — емкая посуда из кожи, в которой держат кумыс.

Всё силой и спокойствием объято:
И горы, и долины, и тайга.
И вдалеке, как будто бы ягнята,
Пасутся тихо сонные стога.

(«Земля России»)

Следует сказать, однако, что обращение к народным образным выражениям не всегда приносило успех Джансугурову. Близкие и понятные казахам, они иногда не воспринимались иноязычным читателем.

Ильяс Джансугуров родился 1 мая 1894 года в ауле № 4 Аксуйской волости Капальского уезда (ныне — Аксуйский район Талды-Курганской области).

Это был почти сплошь неграмотный аул, затерявшийся в огромной степи. Маленький Ильяс рано потерял мать, и его воспитывал отец — Джансугур Берсугуров, человек сурового нрава. Он знал арабскую грамоту и занимался сбором устных поэтических произведений — песен, сказок, рождавшихся на импровизированных поэтических состязаниях акынов (айтысах). Ильяс еще мальчиком познакомился с лучшими произведениями Абая, Шернияза, Махамбета, Базара, Ахана, Биржана, чьи произведения передавались из уст в уста. Особенно хорошо изучил будущий поэт по записям отца айтысы, происходившие между семиреченскими акынами Суюмбаем и Кунбалой, Асетом и Рысжаном, Жанаком и Тубеком, Кемпирбаем и Шоже, Биржаном и Сарой.

Много лет спустя Ильяс Джансугуров, уже при советской власти, обнаружил эти жемчужины народного творчества в альманахах и журналах.

Народному языку Джансугуров учился, таким образом, не только слыша живую речь, но и по образцам народной поэзии, записанным его отцом. Он как бы перебирал слова-самоцветы в волшебной малахитовой шкатулке. Это была плодотворная учеба, сказавшаяся потом при создании им стихов и поэм.

Я к словам народным издавна приник,
Я до дна стремился вычерпать родник,
Где спрятанные тайны и тайные слова.
Старые легенды слушать я привык.

(«Кулагер»)

У отца Ильяса были что называется золотые руки: он отлично обрабатывал кожу, металл и дерево. Надо отдать должное строгому

и взыскательному отцу поэта: Ильяс с малых лет был обучен не только ремеслам, но и игре на домбре, пению.

Смышленный и одаренный мальчик поступил в Карагашскую казахскую неполную среднюю школу и с отличием закончил ее в 1911 году. Стихи Ильяс начал писать очень рано. Вернее, он, подражая акынам, слагал устные песни.

Первое стихотворение «Что с ними?» — о пленниках белогвардейского атамана Анненкова — Ильяс Джансугуров напечатал в 1919 году, когда ему было 24 года.

Более ранние стихи его долгое время были неизвестны.

В самое последнее время в Государственной библиотеке имени Пушкина (Алма-Ата) среди редких книг и рукописей были обнаружены две тетради стихов, видимо подготовленные поэтом для издания. Одна из них датирована 1915-м, другая — 1920 годом.

Это драгоценная находка. Она позволяет судить не только об одаренности, стиховой культуре, хорошем литературном вкусе молодого Джансугурова, но и демократическом (абаевско-тукаевском) направлении его дореволюционного поэтического творчества.

Семнадцать стихотворений, содержащиеся в этих тетрадях, — это юношеские произведения поэта, относящиеся к предреволюционным годам. В них отразились настроения, надежды и раздумья молодого человека, еще не совсем ясно и четко представляющего будущее своего народа. Его думы и чаяния проникнуты жадной свободой, желанием и призывами учиться, просвещать народ, не делать зла, делать людям только добро, любить поэзию и музыку и т. д. Но все это у него носит пока отвлеченный характер. Вообще лейтмотивом всей ранней поэзии И. Джансугурова можно считать строки из стихотворения «Соловей»:

Сумей-ка песней так затронуть душу,
так взволновать мелодисй сумей. . .

К сожалению, ранние стихотворения поэта не переведены на русский язык, и это затрудняет их характеристику. Первое по времени написания стихотворение, названное «Певцу», посвящено чарующему воздействию песни на слушателя. Много пламенных строк посвящает Ильяс поэтическому слову, описанию его духовно-очистительной и облагораживающей силы. Недаром свое короткое, но яркое стихотворение о поэзии, перекликающееся с абаевским стихотворением на эту тему («Поэзия — властитель языка»), он назвал «Живое слово». В нем говорится о том, что поэзия способна будить душевные порывы, заглушать горе, доставлять радость, «очистить зеркало сердца от пыли». В стихотворении «Беспокойство» поэт обращается,

подражая Абаю, к своим сверстникам и делится с ними мыслями о своем поэтическом призвании, прося их быть строгими, но справедливыми его критиками.

Другим постоянным мотивом юношеских произведений поэта является стремление к знанию и труду, ненависть к темноте и невежеству, к застою и отсталым привычкам. Особенно отчетливо выражен этот мотив в стихотворениях «Себе» и «Современникам», где, осуждая леность, пустопорожнюю жизнь, поэт призывает своих современников встрепенуться, преодолеть инерцию, мобилизоваться для достижения светлой цели. Во всех этих стихах звучат нотки жалобы на свою судьбу, на удушливую атмосферу общественной жизни, видна жажда ветра, простора, свободы. Поэт признается, что только в песне и стихах, только в любви можно на время забывать все, что сковывает и угнетает («Влюбленные»).

Ильяс Джансугуров в начале своего творческого пути испытал на себе значительное влияние поэтов общедемократического направления, творчество которых сформировалось в условиях дореволюционной действительности. В отличие от Сейфуллина, политические взгляды которого к тому времени вполне определились, Джансугуров не сразу поднялся до верного понимания существа Октябрьской революции.

У зачинателей молодой казахской революционной литературы Сейфуллина и Джансугурова, как и у Б. Майлина и С. Муканова, было много общего в идейно-эстетической концепции, что объединяло их с самого начала на советской платформе, на признании завоеваний Октября. Все они приветствовали Советскую власть и свободу, которую она принесла казахским трудящимся, осуждали проклятое прошлое. Все они сочли долгом служить новому строю. Однако глубина понимания социалистической природы Великой Октябрьской революции и роли в ней Коммунистической партии была у них в первые годы гражданской войны в Казахстане неодинаковой. Дело в том, что названные поэты находились в это время в разных условиях. Сейфуллин — семинарист, учитель — очутился в горниле революционной борьбы и сразу же после победы Октября вступил в большевистскую партию, участвовал в установлении Советской власти в Центральном Казахстане, сидел в тюрьме колчаковской и алаш-ордынской контрреволюции. Джансугуров же, не имевший еще никакого образования, находился в далеком ауле Семиречья, где свирепствовали колчаковские банды, и только в 1920 году попал из провинции в Ташкент. Это определило не только различные силы и характера их поэтического голоса, но и их общественно-политическую позицию. Сейфуллину легче удалось преодолеть ограниченность

общедемократического мировоззрения, правильно и глубоко оценить значение революционных преобразований, проводимых Коммунистической партией и ее вождем великим Лениным. Одновременно он бескомпромиссно разоблачал буржуазных националистов, пробравшихся в советские учреждения.

Ту же позицию занял и Джансугуров, но гораздо позже и не с такой ясностью и четкостью, как то было у Сейфуллина.

В 1920 году поэт опубликовал стихотворение «Мой порыв», в котором говорилось о его заветной цели, совпадающей с целями и стремлениями пробужденного революцией народа:

Небо, мы сорвем с тебя туманов покрывало!
Вырвем сорняки твои, заросшая земля!
Будешь жить ты, степь моя, без баев-феодалов,
Солнечную радостью труд свой окрыля.

В том же году он выступает со стихотворением, озаглавленным «Трудящимся», страстно призывая казахскую бедноту к объединению, к труду, овладению знаниями. Только в этом видит поэт залог окончательной победы над старым.

Как уже говорилось, летом 1920 года Джансугуров поехал в Ташкент, чтобы восполнить пробелы своего образования. Там он поступил на курсы по подготовке учителей и успешно их окончил. Учась, он работал корректором казахской газеты «Ак-жол», писал стихи и печатал их в губернской газете «Тилши», выходившей в г. Верном (Алма-Ата). По окончании курсов он приехал в Талды-Курганский уезд и стал учительствовать в Белтоганской аульской школе и одновременно активно сотрудничал в губернской газете «Тилшн» в качестве корреспондента.

Еще в 1920 году Джансугуров одним из первых казахских поэтов (после Сейфуллина) написал стихи о Коммунистической партии, о советском строе и о классовой борьбе в степи.

Гражданственность, народность поэта нашли живой отклик в читательских сердцах. Стихи его звучали в самых отдаленных аулах, они подхватывались, становились народными песнями, заучивались. Отдельные крылатые строки входили в речевой обиход народа.

Джансугуров приветствовал советский строй как молодость мира, источник жизни, воплощение вековых народных чаяний. Идеиное, политическое созревание поэта шло вместе с овладением поэтическим мастерством. Его публицистические стихи были взволнованными и поэтому всегда находили отклик читателя, были предельно искренними и поэтому брали за сердце, были политически острыми и поэтому помогали друзьям и без промаха разили врагов.

Джансугуров постоянно присматривался к условиям жизни казахов в аулах, к тем новым порядкам и веяниям, которые принесла в степь Советская власть. Поэт, учитель и член только что организованного Батрацкого союза, Джансугуров с большим подъемом и страстью писал о детях, о молодежи («Все м молодым», «Юным соловьям», «Любовь матери», «Сирота»), разоблачал хищность басов и их прихвостней («В буран», «Волостной Бейсембек»), высмеивал проявления ада та и шарната («Венчалник», «Казахский вывод», «Мольба муллы»).

Осенью 1922 года Джансугурова пригласили на работу в газету «Тилши», а в феврале следующего года он был назначен директором Казахского института народного образования. Но ни газета, ни институт, ни большая общественная нагрузка не оторвали его от поэзии, без которой он не мог жить.

1923—1925 годы явились наиболее плодотворными в творчестве Джансугурова. За эти годы он написал около семидесяти стихотворений. Дело, разумеется, не в количестве. Джансугуров сумел преодолеть известную ограниченность мировоззрения, идейно вырос, расширил и углубил тематику, овладел литературным мастерством. Октябрьская революция и ее влияние на жизнь казахов стали в эти годы его ведущей темой. Ежегодно в Октябрьскую годовщину Джансугуров выступал со стихами, посвященными великой дате, и с каждым годом эти стихи делались ярче, глубже, значительнее и весомей. Уже не только торжественный призыв «агитатора, горлана» стал звучать в его стихах, но и голос глубоких раздумий над эпохальными явлениями века. В революции он увидел не только разрушительную для всего старья вулканическую лаву, но и созидательную ее силу, рождение нового, невиданно прекрасного мира.

Еще сверкают сабли молний в небе
И не остыли камни и пески,
Я вижу: рвутся к солнцу через пепел
Нетерпеливой зелени ростки.
И старый мир, пройдя горнило магмы,
Где грязный мусор начисто сожжен,
Жить начинает, веря в счастье, как бы
В огне и дыме заново рожден.

(«Вулкан»)

Двадцатые годы в жизни Казахстана характеризуются проведением целого ряда социальных мероприятий, целью которых было революционное преобразование жизни казахского аула. Их осу-

ществленне сопровождалось ожесточенной классовой борьбой. Борьба эта усугублялась еще и тем, что буржуазно-националистическая интеллигенция, признавая на словах революционные мероприятия, на деле оказывала всяческое сопротивление их осуществлению. Она разжигала феодально-патриархальные пережитки в казахском ауле, имевшие тогда довольно ощутимое влияние на известные слои населения. В этих условиях неоценимую роль сыграла молодая советская литература, помогая партии в воспитании классового самосознания трудящихся, в разоблачении подрывной деятельности баев-кулаков и их националистических прихвостней. Вот почему такие мероприятия, как советизация казахского аула, организация Союза батраков для борьбы с эксплуататорами, борьба с феодальными пережитками в быту, эмансипация казахских женщин, ликвидация безграмотности, передел пастбищных и сенокосных угодий, конфискация имущества крупных баев-полуфеодалов, организация первых колхозов, — составили основное содержание всей казахской советской литературы двадцатых годов. Вот почему политическая острота, публицистичность, классовость и партийность обусловили высокий гражданский пафос этой литературы, в которой меньше всего оставалось места для элегии, интимной лирики и романтических мечтаний.

Строгий реализм суровых лет непримиримой классовой борьбы также определил остро публицистический характер реалистической поэзии Ильяса Джансугурова.

В 1924 году Джансугуров вступил в партию Ленина, а через год уехал в Москву, в Коммунистический институт журналистики.

В Москву, на длительную учебу Джансугуров поехал, когда ему шел тридцать первый год, — возраст не ученический!

Замечательно то, что поэт осознал неполноту подготовки к литературной и государственной деятельности, пробелы в образовании и проявил настойчивость, чтобы восполнить эти пробелы и «в просвещении стать с веком наравне».

Три года в Москве были годами упорной жадной учебы. Учившиеся вместе с ним утверждают, что этот самый старший по возрасту на курсе студент все силы и все время отдавал учебе, чтению и работе над собой. Он встречался с Маяковским, Д. Бедным, Багрицким, Уткиным, Светловым, Луговским, Исаковским и другими поэтами.

В результате всего этого Джансугуров приобрел не только знания. Ему открылись широкие горизонты жизни. Не аул и даже не Казахстан, а весь мир предстал перед его внутренним взором, всем сердцем он почувствовал величие совершающихся персмен. Это

позволило поэту углубить и расширить тематику, по-новому, с новых позиций взглянуть на судьбу своего народа и его дружеские связи с другими народами, и прежде всего с великим русским народом.

Институт журналистики Джансугуров окончил в 1928 году.

Стихи, написанные им в годы московской учебы, свидетельствовали о дальнейшем совершенствовании поэта, радовали зрелостью, широтой тематики, глубиной изображения действительности. Одним из первых в Казахстане Ильяс Джансугуров ввел в казахскую поэзию тему города и рабочего класса как инициатора и творца коренных преобразований в жизни народа.

Для молодой казахской советской поэзии это было новаторским шагом и свидетельствовало о правильном понимании Джансугуровым сути происходивших в его республике процессов. В качестве примера можно привести стихотворение «На заводе» — результат знакомства поэта с жизнью московских металлургов, рабочих завода «Серп и молот».

В этом великолепном стихотворении он реалистически точно и взволнованно воспел труд на большом заводе, где мартеновская печь мучается, как роженица-мать, а младенец-металл ералашно орет, где стальные щипцы, как когти беркута, хватают вишневопунцовые брусья, где вахту несут прокатчики, похожие на волшебников.

Изображение заводской жизни пронизано раздумьями поэта о судьбах степного народа:

Огнями кромешный мрак разогнав,
Заводы-батыры сомкнутся в ряд.
И гордое здание Равных Прав
Вот эти звонкие гвозди скрепят.

В тоске по металлу в степи седой
Заря на заводы людей позовет.
И рядом с большими народами в строй
Ты встанешь, родной кочевой мой народ.

Джансугуров вместе со своим народом хотел услышать гудки в степи, увидеть растущие в степных просторах заводы и фабрики, а вчерашних пастухов — шахтерами, металлургами, механиками, энергетиками.

Новыми глазами увидел он золотоносный Риддер и в красочном, напевном стихотворении «Золотая чаша» приветствовал рожде-

ние казахского рабочего класса. Он с гордостью говорил в своих стихах о разработке Қарсақпайского месторождения меди, о нефтяных фонтанах Эмбы, об автомобилях и тракторах на родной земле и о самолетах в родном небе.

После окончания Института журналистики Джансугуров приехал в Қзыл-Орду, бывшую тогда столицей Қазақстана. Там в 1928 году вышла первая книга его стихов «Саганак» (саганак — решетка юрты, каркас; у поэта это слово означает «основа»). Книга, вышедшая с теплым, дружеским предисловием Сабита Муқанова, быстро разошлась и сделала имя Джансугурова известным в республике.

«Ильяс прежде всего поэт села, — писал Сабит Муқанов, — поэт рядового крестьянства. Он склонен прежде всего любить на селе бедняков».

Это наблюдение относилось преимущественно к стихотворениям, написанным в первой половине двадцатых годов, которые и вошли в сборник «Саганак». Вместе с тем следует подчеркнуть, что Джансугуров всю творческую жизнь был певцом и летописцем революционных преобразований в ауле.

Интимно-лирических стихотворений Джансугуров писал крайне мало и, как правило, не включал их в свои сборники. Изображение природы никогда не было для него самоцелью, а служило чаще всего лишь фоном в его публицистических стихах. И то небольшое, что имеется у него в жанре интимной и пейзажной лирики, в основной массе своей еще не переведено, если не считать пяти стихотворений, которые вошли в этот сборник. Это — «То с удачей по соседству. . .», «Скала», «Облако», «Соловей», «Ветер». Стихи эти весьма оригинальны и самобытны.

Ах, облачко!
Ты вровень
с высокой грудью скал —
как будто сдвинул брови
вздремнувший аксакал.

(«Облако»)

Или:

Закинешь голову покруче —
а ветер,
вырвавшись, звенит,
уже торопится за тучей,
как за красавицей джигит.

(«Скала»)

Тут «сдвинутые брови вздремнувшего аксакала», «джигит, топчущийся за красавицей», удачно придают стихам характерный казахский колорит и свидетельствуют об остром поэтическом видении мира.

Ильяс Джансугуров с первых строк заявил себя сторонником и глашатаем бедноты и беспощадным противником байства и никогда, ни в чем не изменял этой позиции. В стихах он воспевал разбужденные Октябрьской революцией силы трудового народа, строительство новой жизни. В сатирических произведениях острее его пера было направлено против эксплуататоров-баев, против контрреволюционных алаш-ордынцев, против вредителей, мулл и тунеядцев. Индустриализация родной республики, коллективизация крестьянства и уничтожение на этой основе эксплуататорских классов, героические дела на фронте науки и культуры, дружба казахского и русского народов, руководящая роль ленинской партии во всех областях жизни — эти темы были ведущими в творчестве Джансугурова.

Однако следует заметить, что коллективизация кочевых хозяйств и их оседание проходили в особо трудных условиях, осложненных перегибами со стороны некоторых руководящих работников и подрывной деятельностью враждебных элементов. Эти события получили реалистическое отражение в известной поэме «Кзыл-ат» («Красный конь») С. Сейфуллина, тогда как в поэзии Джансугурова их сложность была несколько сглажена. Не только у Джансугурова, но и у многих поэтов начала тридцатых годов эпические произведения, посвященные современной теме, в частности — колхозной и производственной, носили печать риторики и схематизма. По-видимому, это объяснялось тем, что поэты еще не успели глубоко осмыслить новые явления в жизни. В частности, две большие поэмы Джансугурова на темы современности, «Энергия» (о Днепротэсе) и «Поход» (о подвиге челюскинцев), получились малоудачными в результате поверхностного описания событий, значение которых не было до конца осознано автором. Но зато самые лучшие эпические произведения поэта написаны в это время на темы казахской истории.

Одним из первых в Казахстане Ильяс Джансугуров разработал тему дружбы русского и казахского народов. Размышляя об исторических судьбах родного народа, он пришел к пониманию того, что еще до революции сближение русских с казахами имело как культурно-просветительское, так и революционно-освободительное значение. Ведь русский рабочий класс, ведя борьбу с самодержавием, вовлекал в это движение и казахскую бедноту, батрачество.

Джансугуров проникся тем отношением к России, усвоил ту оценку ее роли в жизни казахского народа, которые были свой-

ственными трем великим просветителям — Абаю Кунанбаеву, Ибраю Алтынсарину и Чокану Валиханову.

Неизмеримо выросла роль России в судьбе Казахстана после победы Октябрьской революции. В основу ленинской национальной политики были положены дружба народов, взаимопомощь, равенство и братство. Это Джансугуров понимал умом и сердцем. Поэтому-то его стихи о дружбе русского и казахского народов звучали так взволнованно, захватывающе, с такой покоряющей силой убеждения.

В замечательном стихотворении «Земля России» (1927), написанном с искренним, сердечным чувством любви и уважения, поэт глубоко и тонко рассказал о том, чем мила ему Россия, — пашни, похожие на черный бархат, трепещущие на ветру березки, косматые стога, рязанские рощи, густые хлеба, Волга и, конечно, великий, созидательный труд ее народа. Поэт признается, что ему «радостно до слез» видеть Россию, где «все широко и праведно, как Волга, и отпечаток доброты на всем». Он с гордостью истинного друга утверждает:

Вся жизнь России — бой святой, жестокий,
Да славятся России хлеб и труд!
Поэт, красноармеец или токарь —
Все хлеборобы истинные тут!

Хлеба встают, высокие, густые,
И журавли вдали летят, трубя...
Ты навсегда в душе моей, Россия,
Спасибо же, Россия, за тебя!

В большом стихотворении «Москва — Казахстан», напечатанном в 1930 году, Джансугуров воспел на конкретном примере дружбу русского и казахского народов, сложившуюся в условиях советской действительности. Поводом для написания этого стихотворения послужила братская, бескорыстная помощь рабочего класса Москвы, оказанная трудящимся Казахстана.

Поэт не просто живописал поезд дружбы, который вез казахам из Москвы дорогие подарки — тракторы и книги. Он вскрыл суть новых отношений между народами, для которых дружба — не декларация, не красивое слово, не лозунг, а зримое, осязаемое, горячее дело, от него хорошеет человек, радуется душа и изменяется к лучшему жизнь.

Мчится в Казахстан скорый поезд из Москвы, и все кругом наполняется радостью: реки готовы изменить русло, травы наливают-

ся зелению, Алатау прерывает сон, чтобы приветствовать друзей и братьев...

Тот, кто горькое горе знал,
Кто в степи, как камень, лежал,
Не забудет верных друзей,
Тех, кто к жизни народ призвал.
«Стань республикой, край степей!» —
Ты сказала, моя Москва.
Небо стало сразу синей.

В стихотворении «Гималай», посвященном освобождению народов Востока от колониального рабства, Джансугуров поднялся на новую ступень понимания происходящего уже не только в родном Казахстане, но и во всем мире.

Гималай — титанический образ, обобщение. Это — угнетенные народы, в душе которых зреет идея великого бунта, мечта об освобождении от оков колониализма.

Джансугуров пророчески сказал свое поэтическое слово о неизбежности столкновения поработанного Востока с угнетателями-империалистами и предсказал народам Востока победу и светлое будущее:

Но в самом сердце Гималая —
Попробуй тронь, —
И день и ночь всю пылая,
Горит огонь —
Огонь великого восхода.
И там,
и тут
Освобождения Востока
Народы
ждут.
И рухнут,
рухнут тюрем двери —
Лишь пожелай...
С тобою — мы!
В тебя мы верим,
Наш Гималай!

В 1930 году, в связи с десятилетием Казахской Советской Республики, Ильяс Джансугуров выступил с поэмой «Степь». Эта монументальная поэма по достоинству признана не только вершиной

творчества самого Джансугурова, но и достижением всей казахской поэзии в целом.

«Степь» — это поэтическая летопись жизни казахского народа. Главный герой поэмы — народ, идущий к своему счастью через годы страданий, испытаний и бедствий. В образе старца, обладающего зоркими глазами и чутким слухом, в поэме предстает сама история, дающая оценку событиям, совершающимся на земле казахов. Сын народа, его певец и глашатай, Джансугуров говорил в своей поэме о народе и от имени народа.

Энергичный, чеканный стих, большой темперамент, громадный исторический материал, гражданственность, народность — все это принесло поэме «Степь» признание далеко за пределами Казахстана.

В казахском эпосе, в устном творчестве казахов мы не найдем произведений, похожих на «Степь», хотя Джансугуров немислим без фольклора, питавшего его творчество живыми родниками. Для «Степи» характерны патетика, пафос обобщений, нетерпимое отношение автора ко всему лишнему и второстепенному. Продолжая традицию фольклорного толгау (лирико-философских размышлений о судьбе народа), Джансугуров внес значительный вклад в развитие советской поэзии. Поэма «Степь» — произведение нового типа, ранее неизвестного в казахской литературе. Это своеобразный синтез философско-лирических размышлений и эпического повествования. В этом отношении «Степь» примакает к таким поэмам, как «Двенадцать» Александра Блока, «Хорошо!» Владимира Маяковского, «Страна Муравия» Александра Твардовского.

Отдельные персонажи поэмы, как положительные (Алибий), так и отрицательные (Букейханов, атаман Анненков), — умышленно обрисованы резкими штрихами, как на остром и талантливом политическом плакате. Это, несомненно, образы-обобщения, неразрывно связанные с реальной действительностью.

Так, Алибий Джангильдин — это воплощение лучших черт казахов, боровшихся в рядах Красной Армии, Букейханов — это олицетворение Алаш-Орды, Анненков — это собирательный образ белогвардейщины.

Как сказано выше, главным героем «Степи» является казахский народ. Наряду с ним в поэме, в качестве действующих лиц, выступают Степь, Алатау, Балхаш. . . Да и сама Песня стала героем этой поэтической летописи. Если рассказывая о прошлом Казахстана, Джансугуров рисовал потрясающие картины народных бедствий, трагедию бесправия и унижения, черные тучи над сухой, выжженной солнцем степью, то для описания жизни сегодняшнего, возрожденного Октябрем Казахстана он использовал самые светлые, самые

яркие краски своей поэтической палитры, любовался хозяином новой жизни — молодым казахским большевиком:

Земля перед ним расступилась,
Зерно в ее недра бежит.
В ней дремлет мощная сила.
Степь желтая дрожью дрожит.
Гремит Алатау в дыме,
Грохочут Балхаш и Арал.
Доим мы черное вымя
Земли — там и хлеб и металл.

Торжественным гимном звучит заключительная глава поэмы, песней ликования возрожденного счастливого народа. Главу эту поэт назвал «Тойбастау». Так именуется запев, которым обычно открывались народные торжества. Радуюсь вместе с родным народом в день десятилетия Казахской Советской Республики, поэт взял на себя миссию акына, который вдохновенно исполняет тойбастау:

Песня моя! Средь степей
Соколом легким лети.
Песня! Ты молотом бей,
Камни потоком кати!
Красным тюльпаном цвети!
Лейся! Взвивайся! Лети!
Пир небывалый у нас.
Песня! С тобой выхожу.
Сердце мое — напоказ,
Строгий экзамен держу.
Пламенной будьте, слова!
Мысли родник, клоочки!
Если ты, песня, жива,
То вдохновенней звучи!

Каждая строка поэмы звучит вдохновенно. В этой поэме нет строгой сюжетной линии, нет развития человеческих характеров. Но в ней слышится голос глубоко взволнованного поэта, то искренне скорбящего, когда говорится о трагических событиях прошлого, то безмерно радующегося, когда речь идет о новой, свободной жизни родного народа. Вот эта живая лирическая струя в широком русле эпического повествования и составляет сокровенную душу произведения, придает ему особую силу эмоционального воздействия. В поэтическом творчестве Ильяса Джансугурова можно проследить три

излюбленные темы, три струи, которые с годами не иссякали, па-
оборот, нарастали, ширились, как это бывает с реками: исток реки —
ручеек, а потом она полнится, набирает силу и в устье становится
широкой и могучей.

Первая и главная — это партия, Ленин.

В 1920 году на страницах газеты «Тилши» Джансугуров напеча-
тал стихотворение «Коммунистическая партия». Это было одно из
самых первых произведений о партии во всей казахской поэзии.
Возлагая надежды на мудрую и справедливую политику партии,
Джансугуров обращал к ленинской партии свое сыновнее слово пре-
данности: «Путь твой ясен. Правду жизни знаешь ты... Воплощаешь
справедливость и добро...»

Продолжая эту тематическую линию, в том же 1920 году поэт
выступил со стихотворениями «Трудящиеся» и «Мой порыв», где
тема партии конкретизируется, теснее связывается с темой трудо-
вого народа, авангардом которого партия является.

Поэт не отделяет себя от эпохи, которая вносит коренные изме-
нения в жизнь трудящихся. Так, в стихотворении «Я буду учиться»
(1925), обращаясь к матери, он говорит: «Кем же буду я? Сыном
эпохи своей!»

Особенно плодотворными были для Джансугурова 1923 и 1924
годы. Он написал и опубликовал множество стихотворений, свиде-
тельствующих о его идейно-политическом росте, о гражданственности
и партийности его творчества.

Это прежде всего сказалось на разработке и углублении темы
партии и Ленина в его творчестве.

Смерть Ленина потрясла Джансугурова, и он, как поэт и чело-
век, не мог не отозваться на это скорбное событие: был написан
реквием. Стихи получились искренние, эмоциональные, пропитанные
сыновней любовью к ушедшему:

...Буду песню петь
Об одном корабле,
Что стремится
сквозь бури
к счастливой земле...

Толпы волн,
И в глазах — только волны рьят,
И пронзительно, жалобно мачты скрипят,
Будто хнычут: «Идем ко дну...
Капитана нашего
нет...

Мы у бурь в безнадежном плену...

Кто поможет?

Кто даст совет?»

(«Умер Ленин»)

Несмотря на высокий лирический накал этого очень искреннего стихотворения, нельзя не заметить, что образная структура его несколько традиционна.

В самом деле, на всех языках и наречиях разные поэты сравнивали Владимира Ильича с капитаном, ведущим корабль — Россию по бурному океану. Но традиционность приема не снизила впечатляющей силы этого стихотворения. Ровно через год появилось новое стихотворение поэта, также проникнутое большой мыслью и большим чувством:

Не умер Ленин. Вы не верьте,
Что лег он в гроб, глаза смежив.
Бессмертные не знают смерти,
А он бессмертен — значит, жив!
В его томах и строчка-кроха
Умом великим рождена.
Деянья Ленина — эпоха,
И нам завещана она...
Назад эпоху двинуть? Бредни!
За Ленина и стар и млад...
Могуч у Ленина наследник —
Всесветный пролетариат.
И мы железными шагами
Идем дорогой столбовой.
И Ленин неизменно с нами —
Неумирающий! Живой!

(«Ленин жив»)

В стихотворении «Гималай» нет слов о партии и Ленине, но лирическое звучание этого стихотворения, его концепция свидетельствуют о глубоком понимании поэтом ленинской программы раскрепощения народов Востока, о его ощущении ленинской революционной страсти, ленинского действенного гуманизма.

В маленькой поэме «Золотая чаша» так же, как в стихотворении «Гималай», звучит лирический рассказ о торжестве ленинской национальной политики, о величии и героизме людей, живущих в созданном Лениным и его партией государстве. Пафосом раскованного, раскрепощенного труда во имя народного блага наполнено это

Ильяс Джансугуров

стихотворение. Когда читаешь это филигранное создание поэта-мастера, слышишь удары кирки, вгрызающейся в твердую породу, глуховатый звон отваливающихся глыб, напряженный ритм целебного, но веселого, дружного труда:

Добравшись до меди, до ценных пород,
Кирка, расходившись, вгрызается, бьет.
И бур, вострепнувшись, протяжно гудит,
Совсем как пчела, что почуяла мед. . .

Работа кипит. Веселей нажимай!
Уж если играть, то киркою играй, —
Здесь золота столько, свинца, серебра,
Запасы огромны — работай давай!

Шло время, а тема партии в творчестве поэта не иссякла, а получила новое решение, облеклась в новую форму. Надо заметить, что эта тема особенно вдохновляла Джансугурова на поиск новых форм, ранее неизвестных в казахском стихосложении. Джансугуров смело ломал каноны, учился у лучших мастеров России, расширяя поэтические возможности родного языка.

Вслушайтесь в ритм, проследите за рифмовкой и звуковыми повторами в заключительной части Ленинианы Джансугурова «Мавзоль», и вы убедитесь, что это выступает зрелый мастер слова, обогативший вековой казахский фольклор достижениями новейшей поэзии русского народа:

Густ
 людской поток —
Плещет,
 льется,
Поступь, топот
 тысяч ног
Раздается. . .

Лица
 темны их
 от пота и гари.
Это —
 рабочие
 двух полушарий,

народных масс по ленинскому пути будет сметен Историей. Такова позиция поэта-партийца, поэта-ленинца.

Другая важнейшая струя в поэзии Джансугурова — это тема народа.

Решение этой темы также совершенствовалось от произведения к произведению, причем народность и гражданственность поэзии Джансугурова с годами росли и углублялись. Поэт-глашатай, поэт-трибун, перекликавшийся в своем творчестве с Маяковским и Демьяном Бедным, отзывался на многие крупные политические и социальные события эпохи.

Конфискацию имущества крупных баев-феодалов, разбогатевших на непосильном труде бедноты, и распределение этих богатств, а также пастбищ среди неимущих называют в Казахстане малым Октябрем. В день выхода декрета о конфискации скота и пастбищ поэт выступил с поэтическим откликом «Наше». В нем вчерашний батрак говорит:

Кто дал тебе богатство, живоглот?
Пастушьи слезы и батрацкий пот.
Мы из аула выгоним тебя!
Теперь всё наше: власть, земля и скот.

Позднее вышла поэма Джансугурова «Конфискация».

Разрабатывая тему народа, поэт выступал с сатирическими стихами и фельетонами, направленными против бая, муллы, торговца-кровососа. Клеймил он и сохранившиеся до того времени традиции феодально-патриархального общества. С блеском и мастерством написаны им в разные годы гневные, разоблачительные стихи «Чаяния муллы», «Несправедливая подать», «У родника», «Бай и байбише» и другие.

Тема народа наиболее полно раскрыта в поэме «Степь». В главе «Октябрь в степи» Джансугуров охарактеризовал тот исторический момент, когда казахский народ поверил в правду Ленина и открыто пошел против вековых поработителей.

Да! Настал удивительный
Час, что судьбы решает.
В бой горячий, решительный
Мой народ выступает.
Бой тот, полный горенья,
Алым знаменем вспенен,
И на штурм — в наступленье —
Поднимает нас Ленин!

С хрустом плечи расправила,
Пробудясь, степь большая.
Рать врагов обезглавила,
Шла, Октябрь возглашая.
Буйно шла она, молодо,
Вся облитая светом,
Серп скрестившая с молотом,
Рать, чье знамя — Советы.

Стал Октябрь наш хозяином!
Эй, рабы, выходите!
Стал Октябрь наш хозяином,
Цепи ржавые рвите!
С боем волю берите!

И, наконец, третья тематическая струя в поэзии Ильяса Джансугурова — это песня, в широком смысле — искусство народа, создателя и ценителя прекрасного.

В 1927 году он выступил с большим стихотворением «Певец», где говорил о значении песни в духовной жизни народа, о свойствах казахских песен и о народе, их создавшем. Уже в этом стихотворении Джансугуров предстает перед читателем знатоком народной песни с ее самобытностью, властью над сердцами, неувыдаемой красотой. В стихотворении слышится свист лебединых крыльев в синеве неба, голос серых гусей, опускающихся на озеро, крик верблюдицы, зовущей верблюжонка, шепот камышей, шелест весенних ливней в степи. Главная же мысль поэта заключается в том, что песня по природе своей народна и должна служить народу.

Пропади она пропадом, песня, которую петь
Не желает народ, собираясь на радостный той!

Столь же определенно говорит Джансугуров о своем идеале певца: «Как саба — мое сердце. Чудесный, волшебный кумыс Из души, не таясь, не скупясь, в ваши души я лью».

Через два года поэт возвратился к той же теме, создав музыкальную поэму «Кюй». Поэма — автобиографична. Поэт рассказал о своем детстве, о том, как он встретился со старым музыкантом — виртуозом Молкыбаем, исполнившим на кобызе полный безнадежной печали кюй «Белая верблюдица». В кюе этом слышится музыка степной ночи: монотонно звенящий бубенцами караван, крик белой верблюдицы, насильно разлученной с верблюжонком. Тоска, звуча-

шая в этом крике верблюдицы-матери, передана в кюе так выразительно и драматично, что запомнилась мальчику навсегда.

Джансугуров подчеркивает в своей поэме, что в дореволюционном Казахстане музыка и поэзия, говорившие о судьбе народа, были пронизаны скорбью, тоской и печалью, потому что жизнь его была безрадостной и рабской.

В конце поэмы ее герой, ставший взрослым, побывавший во многих городах, вступивший в новую советскую эпоху, когда пали оковы рабства, слышит новую мелодию — кюй миллионов. Его исполняет уже не одинокий кобызист Молкыбай на ветхом кобызе, а серебряные трубы огромного оркестра и тысячи голосов. Кюй этот — «Интернационал».

Через год Джансугуров снова возвратился к полюбившейся теме и выступил с «Песней радости».

В этом произведении поэт говорит о месте и значении искусства в возрожденной стране.

В песне есть подтекст: поэт ведет спор с представителями теории искусства для искусства, с мнением некоторых западных искусствоведов и деятелей буржуазного искусства, полагающих, что поэты и композиторы должны удаляться в башню из слоновой кости, порвать всякую связь с жизнью народа и выражать свои мысли и чувства, не считаясь ни с кем в мире. Опровергая и отвергая эти мертворожденные теории, Джансугуров утверждает, что песня — первая помощница народа в его борьбе за счастье, за коммунизм, а певец — это запевала в трудовом строю. Джансугуров приводит в качестве примера жизнь старого акына Джамбула, явившего собой образец служения народу песней:

Стал старик Джамбул джигитом — молодым на склоне лет,
О его втором рожденье написать сумеи, поэт.
Первым будь в соревнованье, ты не должен отставать,
Запевалою народа ты, поэт, обязан стать.

И когда твоей отчизны слава землю потрясла,
Разве ты, поэт, не должен прославлять ее дела?

В 1935 году Джансугуров вернулся к теме искусства и создал поэму «Кюйши». Главный герой поэмы — молодой домбрист из рода Уйсин. Он исполняет перед Кене-ханом на домбре кюй необычной красоты и силы. Все кругом замолкают, пораженные мелодией. По прихоти своей сестры Карашаш Кене-хан отнимает у юного домбриста свободу и отдает его как раба сестре. Став рабом, домбрист

исполняет девушке свои произведения, изливая тоску по родным местам, горькое чувство невольника, тревогу за будущее, зародившуюся в его душе любовь к девушке, ставшей его госпожой.

Герой поэмы — одаренный человек, виртуоз, тонко чувствующий музыку артист. Сам музыкант, Джансугуров сумел передать средствами поэзии глубину музыки, ее переливы, тончайшие нюансы. Поэт показал, какой властной силой обладает народная музыка, как она влияет на душу, облагораживает, просветляет человека, зовет его к лучшему. Домбрист исполнял те самые кюи, которые записал в свое время А. Затаевич, известный собиратель и исследователь казахских кюев и песен. Познакомившись с ними, знаток музыки, Ромен Роллан оценил кюи как степные симфонии и писал о них восторженно, как о музыкальных перлах, своеобразном сплаве лирики и драматизма, эпической широты и трагедийности.¹

Герой Джансугурова — не только прекрасный музыкант. Это смелый и мужественный человек. Став свидетелем бесчинств хапа и его приближенных, домбрист бросает в лицо хану горькую правду:

Но Абляя ли сын этот гибельный хан?
На беду из родимых я выбрался стран,
Пьет он кровь бедняков, разрывает сердца,
Он не хан, он щетинистый черный кабан.

Основная идея поэмы «Кюйши» — разоблачение враждебности эксплуататорской верхушки искусству — музыке и песне, рожденным в недрах трудового народа. Угнетателям не по душе искусство, избличающее их преступления, и поэтому преследуют они творцов таких произведений. Романтическая по своей тональности, поэма «Кюйши» содержит в себе реалистические, точные и верные жизни картины.

Это произведение Джансугурова может быть отнесено к числу образцов казахской поэзии. В нем в полной мере проявилось большое дарование и самобытность поэта.

Алексей Брагин в книге «У истока реки» приводит высказывание ленинградского поэта Всеволода Рождественского, осуществившего перевод поэмы «Кюйши»: «Вы спрашиваете меня о казахстанской теме в моих стихах? Для меня и моих друзей-северян и люди Казахстана, и его природа стали радостным открытием. В итоге — много стихотворений, поэма «Абай Купанбаев» и переводы, в том числе большая поэма «Кюйши» талантливого, темпераментного Ильяса

¹ См.: А. В. Затаевич, Исследования, воспоминания, письма и документы, Алма-Ата, 1958, с. 274, 275, 278.

Джансугурова». ¹ Талантливый и темпераментный! — верная и точная оценка!

Завершением тематической линии, посвященной проблемам искусства, и венцом поэтического творчества Джансугурова является большая поэма «Кулагер», единодушно признанная всеми жемчужиной казахской поэзии.

В фольклоре казахов, особенно в эпических поэмах, конь занимает видное место. Живущий среди степей, казахский народ поэтизирует коня. И поэтому кони любимых героев эпоса описаны красочно и точно: у батыра Кобланды — это Тайбурыл, у Ер-Таргына — Тарлан, у Алпамыса — Байшубар, у батыра Камбара — Каракаскаст.

Подобно тому как в «Илиаде» подробно описан щит Ахиллеса, в героических поэмах казахов изображены стати, масть, резвость батырских коней. Характеристику батыра, как правило, дополняет характеристика его жены — умной, красивой и обаятельной — и описание его коня. Недаром казахи говорят: конь — крылья героя. Любимым образом фольклора является — тулпар, крылатый конь. Письменная литература продолжает эту традицию. Классическое в казахской литературе описание идеального коня дано Абаем Кунанбаевым. Следуя этой уходящей в глубь веков традиции, Джансугуров избрал для своей поэмы образ певца и композитора Ахана-серэ и его знаменитого буланого коня Кулагера. Имя коня — Кулагер — стало названием лучшей поэмы Джансугурова.

Основой поэмы «Кулагер» послужила трагическая судьба широко известного и любимого народом певца и композитора Ахана-серэ.

В поэме изображены достоверные исторические факты, быль, ставшая легендой, взлелеянной народной фантазией. Этот сплав исторических (реальных) событий и легенды, прозы и поэзии вдохновил Джансугурова на одно из самых пленительных его произведений. Поэт рассказывает о тяжелом периоде в жизни Ахана — гибели его любимого и знаменитого на всю степь коня Кулагера.

В произведении Джансугурова все исполнено живой поэзии. Действие развивается среди величавых синих кокчетавских гор, о которых народ сложил много песен и легенд. Среди этих гор и живописных озер живет в одиночестве ушедший от людей и потерявший веру в жизнь Ахан — гордый певец и поэт, рыцарь красоты. Перед тем как поведать о трагедии Ахана, Джансугуров приковывает внимание читателя к сюжету такой загадочной картиной:

¹ Алексей Брагин, У истока реки, Алма-Ата, 1964, с. 273—274.

В те дни жила одна душа, уйдя от бранных дел.
Старик, уйдя от суеты, там жил и песни пел.
К березе часто подходил, а на ее суку
Был конский череп укреплен, меж листьями белел.

Горы, безлюдье, отшельник, в одиночестве слагающий песни, таинственная береза с белеющим конским черепом — все это захватывает читателя. Выясняется, что это Ахан, поэт и музыкант, добровольно отказавшийся от богатства и власти, сменивший большие чины на песнетворчество. Он разлучен с любимой девушкой Акмаркой и изливает тоску в песнях, посвященных ей. У него единственный друг — конь Кулагер. Слава о коне идет по степи. О нем поют акыны и беседуют аксакалы.

Джансугуров дает «портрет» коня. Здесь мастерство поэта поднимается до абаевских высот. Никто после Абая так точно, с тонким знанием дела не описывал коня, не воспевал его.

Голова суха, а уши, как камыш, торчат,
Шея гибкая, как глотки молодых зайчат,
Круп широк, спина прямая, мускулы туги,
Соколиное предплечье, ноги — как рычаг...
Отпусти на лето — жиром он не обрстет,
Лишнего, для среза, мяса ворог не найдет.
Длинный круп, пещера — горло. В кресле скачешь ты!
Ветер — в беге, а привяжешь — станет и замрет.

С любимым Кулагером, единственной своей радостью, Ахан появляется на асе (поминках) знатного феодала Сагыная.

Джансугуров дает великолепную, полную точнейших деталей картину аса. На пиршество, как стервятники, слетелись баи, бии, уездный начальник, волостные, муллы... Знаменитый конь Кулагер привлекает всеобщее внимание.

Начинается единоборство джигитов, выступления акынов и, наконец, конские скачки.

Поэма «Кулагер», помимо ее поэтических достоинств, имеет и большое познавательное значение. Джансугуров сумел создать достоверную картину быта казахов всех сословий, поражая богатством подмеченных деталей. Это малая энциклопедия жизни Казахстана той поры. Волшебник песни Ахан выступает, очаровывая всех. Нет равных ему. Но враги не дремлют. Начинаются гонки. Тысяча триста отборных чистокровных скакунов оспаривают первенство. Бесподобный Кулагер скачет впереди, и уже никто не сомневается в его

победе. Но легендарный конь гибнет от руки наемного хитрика Батыраша. Враги знали, как поразить Ахана. Певец возвращается в Кокчетау со смертельной раной в сердце: у него отняли единственного друга. В согбенной трагической фигуре Ахана — олицетворено человеческое горе: в его глазах крупные слезы. На луке седла — голова погубленного Кулагера, а за спиной акына мальчик-сирота. Наглый, как волк, коварный, как лиса, Батыраш остается в седле. Ахан же слагает прощальную песню о Кулагере.

Пел Ахан, пел Ахан, тишину гоня,
Песня к небу утекала, как струя огня.
И над всею степью был слышен этот плач.
Вместе с ним оплакивал весь народ коня.

Много он родов проехал, только ни в какой
Не направил он коня твердою рукой.
Прямо ехал, пел и пел песню «Кулагер»,
Степь рыдала и звенела болью и тоской.

Трагедия Ахана — это повторение трагедии многих даровитых людей его эпохи.

Нет, он не Лермонтов — Ахан, но вечен тоже он.
И даром песен золотым он не был обделен.
Был одиноким, изгнан был, не признавал врагов,
И к сильным мира никогда не шел он на поклон.

Поэт-протестант Ахан типичен для своего времени. Джансугуров создал трагедийный образ, в котором мы без труда находим черты талантливых, умных и честных людей той эпохи, дерзнувших выступить против поработителей и мракобесов. Поднимаясь до широких обобщений, Джансугуров сближает судьбу Ахана с трагической судьбой Пушкина и Лермонтова.

В Ахане мы узнаем черты известных казахских акынов и борцов за свободу Махамбета и Шернияза, Биржана и Суюмбая, Жаяу Мусы и Джамбула. «Кулагер» — вершина поэтического мастерства Ильяса Джансугурова. Но эта изумительная по эпическому охвату и тонкому лиризму, по романтическому звучанию и яркости изобразительных средств поэма явилась и лебединой песней его.

Поэма «Кулагер», какой мы ее знаем, это первый и, в сущности, незавершенный вариант, появившийся в газете.

Многим памятно обсуждение этого газетного варианта в Союзе писателей Казахстана. Участники обсуждения с полным единодушием признали поэму большой творческой удачей Джансугурова и искренне поздравили его. Вместе с тем автор «Кулагера» получил много дружеских советов о расширении поэмы, исправлении отдельных деталей ее. Джансугуров, очень внимательно выслушав советы друзей, уехал в совхоз Дегерес, славившийся конскими табунами, поставил там юрту и три месяца непрерывно работал над газетным вариантом поэмы, отшлифовывая каждую строчку, дополняя, уточняя, доводя до возможного совершенства отдельные ее части и всю ее в целом.

Автору этих строк посчастливилось читать подготовленный для отдельного издания вариант «Кулагера». Это была, в сущности, новая поэма — настолько она улучшилась, углубилась, заиграла гранями самоцветов, зазвенела золотым звоном истинной поэзии.

Однако новому варианту поэмы не суждено было увидеть свет.

Творчество Джансугурова оборвалось в самом расцвете. Но он навсегда остался в казахской советской литературе как один из ее основателей, как поэт широкого дыхания, большого диапазона, пафоса и искренности, как зрелый мастер стиха, знаток родного языка и музыки.

Он учился у лучших представителей родной литературы Абая, Махамбета и Шернияза, использовал богатства неиссякаемой сокровищницы устной поэзии своего народа, испытал благотворное влияние мастеров русской классической и советской поэзии от Пушкина и Лермонтова до Маяковского и Демьяна Бедного.

Творя на родном казахском языке, будучи поэтом национальным, чье творчество неразрывно связано с фольклором, он не замыкался в рамках национальной поэзии, а стал поэтом, известным далеко за пределами своей республики. Основа этого — его талант, обогащенный передовым мировоззрением, глубокое знание русской поэзии, звучащей во всем мире для всех народов, непосредственное общение с Максимом Горьким и учеба у него.

Джансугуров, как и его современники — зачинатели казахской советской литературы, работал и в других жанрах и был горячим поборником многожанровой, профессиональной, большой литературы родного Казахстана.

Близко знавший Джансугурова русский поэт Константин Алтайский пишет о нем в своих воспоминаниях: «Ильяс Джансугуров заканчивал перевод на казахский язык пушкинского «Евгения Онегина». Выглядел Ильяс утомленным, но глаза горели черным, жарким огнем.

— Убежден в необходимости перевода на казахский язык всего Пушкина, — горячо говорил он. — Понимаешь? Всего. От «Руслана и Людмилы» до эпиграмм, от «Капитанской дочки» до фельетонов, подписанных псевдонимом «Косичкин». Пушкин работал почти во всех жанрах. Перевод его творений на казахский язык будет для нас незаменимой школой. Подлинный расцвет казахской литературы наступит только тогда, когда она будет многожанровой. Понимаешь, друг? У нас должен быть свой Сергей Есенин, свой Тренев, свой Михаил Кольцов. Молода наша литература. Любому из нас, Сакену, Бснмбету, Мухтару, Габиту, придется метаться от одного жанра к другому. Настанет пора, и каждый будет работать в своем любимом жанре.

Фельетоны свои Ильяс писал тем же раскаленным докрасна пером, что и поэмы. Он был провозвестником многожанровости родной литературы».

Следует заметить, что в этих высказываниях Джансугурова слышится голос страстного полемиста с некоторыми западными литераторами, которые как тогда, в тридцатые годы, так и теперь твердят о том, что наша советская литература якобы не свободна и развивается по указке свыше, выполняя «заказы» партии. Говоря о том, что он сам и его соратники переходят от жанра к жанру, Джансугуров свидетельствует: мы работаем по велению сердца, наша писательская совесть подсказывает нам, чего ждет от нас родной народ. Мы отдаем все силы, чтобы полнее удовлетворить требования культурно растущего народа и создать большую многожанровую литературу. Мы заодно с народом, знаем его запросы, и нам не требуется никаких подсказок, чтобы работать на благо народа.

Ильяс Джансугуров широко известен как прозаик. Его перу принадлежат не только очерки и рассказы, но и один из первых в казахской литературе роман «Товарищи».

В очерках и рассказах «На новом пути», «Чабан и аэроплан», «Неразгаданная загадка», «Экстренная помощь» много жизненно правдивых зарисовок и портретов современников и чувствуется стремление автора осмыслить то новое, что пришло в казахский аул вместе с революцией.

В центре романа «Товарищи» — образ сообразительного, расторопного юноши, бедняка Садана, который в дореволюционную пору попал в байскую кабалу и работал батраком. Испытав всю горечь обид и унижений, Садан становится сознательным бойцом и с такими же, как он сам, принимает активное участие в классовых боях 1916 года.

Позднее Садан и его товарищи становятся большевиками, организаторами революционной борьбы в Казахстане. В романе реалистически, жизненно достоверно показан казахский аул со всеми его противоречиями, со сложной расстановкой классовых сил.

Ильяс Джансугуров работал и как драматург. В последний период своей творческой жизни он написал пьесы «Мечь», «Турксиб» и «Исатай-Махамбет».

Пьеса «Мечь» посвящена классовой борьбе в казахском ауле; идейная позиция автора открыто партийна, симпатии его на стороне аульной бедноты. Пьеса «Турксиб» также с партийных позиций разоблачает враждебные, подрывные действия антисоветских элементов на большом строительстве Туркестано-Сибирской железной дороги, которая была в те годы в центре внимания всей страны.

Обе пьесы были пробами пера Джансугурова в драматургии и продержались на сцене недолго. Большой творческой удачей Джансугурова и вместе с ним всей казахской советской драматургии тех лет была пьеса «Исатай-Махамбет», написанная белым стихом. В ней Джансугуров исторически верно показал причины и ход вооруженного восстания народных масс, поднявшихся в тридцатых годах девятнадцатого века против царя, казахских ханов и султанов. Главное в пьесе — это полнокровные, многогранные, жизненно правдивые образы бесстрашных вожakov восстания, преданных народу, — Исатай и Махамбет.¹ У Джансугурова это прежде всего поэтические образы, имеющие черты взлелеянных народной фантазией батыров.

Поэт Джансугуров глубоко, тонко, проникновенно, исторически верно понял душу боевой, наступательной поэзии Махамбета. Поэт о поэте написал языком образно-поэтическим, ярким и сильным. Это в полном смысле слова поэтическая пьеса, созданная чародеем слова, автором «Степи» и «Кулагера».

Одним из свойств жансаугуровского таланта является юмор, переходящий порой в острую сатиру.

В поэме «Степь» в сатирическом ключе написаны те ее части, которые касаются царского генерала Колпаковского, алаш-ордынцев и их лидера Букейханова, учредительного собрания (курултая). Есть у него произведения юмористические и сатирические по преимуществу. Лучшие произведения этого жанра: «Слово Камысбаеву»,

¹ Исатай и Махамбет — вожаки национально-освободительного восстания казахов против ханов и султанов в 30-х годах XIX века. Махамбет — поэт-трибун.

«Услуга за услугу», «За пиво — медок», «Молодец, дружок Шалгабай» и другие — были изданы отдельным сборником под названием «Кук».

Разящая, беспощадная сатира звучит в стихах «Волостной Бейсембек», «Что говорит . . . ов, когда выходит к народу», «Сводники», «Чаянья муллы», «Сивая кобыла», «Ну и собака», «Несправедливая подать», «Заповедь умершего муллы».

И, наконец, Ильяс Джансугуров был блестящим, самобытным фельетонистом, чьи выступления в газетах неизменно пользовались заслуженным успехом в самых широких массах. Фельетоны Джансугурова отличались целенаправленностью, политической остротой, умением выхватить из быстротекущей жизни типический, общезначимый факт и так повернуть и осветить его, что он становился предметом осмысления и обсуждения широкого читателя. Оружие смеха, которым Джансугуров владел мастерски, он держал всегда отточенным. Смех его был многообразным, обладал многими оттенками: от гневной сатиры до мягкого юмора, от беспощадного сарказма, обрушиваемого на врагов, до задушевной улыбки, адресованной друзьям. Не случайно Джансугуров обнародовал песни Шернияза, изобличающие султана Баймагамбета, эти песни являются образцом народной сатиры — темпераментной, острой и беспощадной.

Мастер отточенных фельетонов, Джансугуров создал в казахской литературе свою школу, к которой можно отнести сатириков А. Токмагамбетова, К. Тайшикова, С. Тулешова.

Когда осуществлялось первое при советском строе издание произведений Абая Кунанбаева, Джансугуров написал обстоятельное предисловие, которое можно считать первым шагом в советском абаведедении. Все последующие исследовательские, критические, литературоведческие работы об Абае Кунанбаеве неизменно исходили из мыслей и положений этой работы Джансугурова, расширяя, углубляя или отталкиваясь от них.

Много сил, таланта и вдохновенного труда отдал Джансугуров переводческому делу. Им переведены некоторые произведения М. Горького и среди них знаменитый «Буревестник» — в двух вариантах: в прозе и стихами. Любовно перевел поэт поэтические произведения В. Маяковского, отдельные стихи Лермонтова, Некрасова, Д. Бедного, А. Жарова, И. Уткина и западных классиков — Гете, Гюго и Гейне. Отдельно следует сказать о художественных переводах Пушкина. К переводам Пушкина Джансугуров обращался неоднократно. Вначале он осуществил переводы отдельных стихотворений Пушкина, затем последовал блестящий перевод пушкинской «Гаврииллады».

К столетию со дня смерти гениального русского поэта в Казахстане решено было издать трехтомник Пушкина на казахском языке. Встал вопрос о переводе «Евгения Онегина». Как известно, Абай в свое время сделал вольный перевод отдельных отрывков этого романа в стихах. С тех пор никто из казахов не решался осуществить перевод «Евгения Онегина», представляющий громадную трудность: множество слов и понятий, наличествующих в романе, на казахском языке не существует. Классическая онегинская строфа в казахском стихосложении не употреблялась. Была и еще одна трудность: перевод нужно было сделать в сжатые сроки, к юбилею. Когда на совещании в Союзе писателей Казахстана выяснилось, что никто не берется за этот громадный труд, Джансугуров решил добиться, чтобы гениальное произведение Пушкина зазвучало и на казахском языке. И он осуществил перевод, не отступая от поставленной труднейшей задачи: в переводе сохранена мелодическая и ритмическая точность. Перевод «Евгения Онегина» был беспрецедентным событием в казахской переводной литературе; он был напечатан в трехтомнике и вызвал много противоречивых выступлений. Как всякий первый опыт в таком большом и сложном деле, джансугуровский перевод, разумеется, не свободен от некоторых ошибок, неточностей и упрощений. Но это был первый полный перевод пушкинского романа, и в последующие двадцать восемь лет никто не осуществил его нового перевода. Попытка же поэта К. Шангитбаева потерпела полную неудачу и не была доведена до конца.

Джансугуровский переводческий труд остался единственным и непревзойденным.

Поэт, прозаик, сатирик, драматург, литературовед, фольклорист, фельетонист Джансугуров стоял у колыбели писательской организации Казахстана. В 1932 году был создан Казахстанский организационный комитет Союза писателей СССР. Председателем Комитета стал Ильяс Джансугуров, как один из виднейших поэтов.

Четыре года он возглавлял писательскую организацию Казахстана, отдавая много сил и энергии воспитанию молодых писателей, развитию литературы в духе социалистического реализма. Как руководитель казахстанской писательской организации он ездил к Горькому и беседовал с ним о собирании литературных сил, об использовании фольклорных сокровищ, о социалистическом реализме.

Как делегат Первого съезда советских писателей Джансугуров сделал доклад о состоянии и задачах казахской советской литературы. В докладе он поставил много актуальных творческих вопросов

и проблем. На съезде он снова встречался и беседовал с М. Горьким. Сохранилась фотография, на которой Джансугуров снят с Горьким.

Я прекрасно помню, как после Первого Всесоюзного съезда писателей Джансугуров приехал в Ленинград на встречу со студентами-казахами, среди которых был и я. Оживленный, полный впечатлений от встречи с собратьями по перу, как будто сбросивший с плеч десяток лет, Ильяс Джансугуров с большим подъемом рассказал нам о съезде, о докладе Горького и встрече с ним. Его особенно вдохновили слова Горького о значении фольклора в деле создания произведений социалистического реализма. В них Джансугуров нашел отклик на собственные мысли. Горький подтвердил, что творчество Джансугурова и его друзей-соратников Сейфуллина, Майлина, Муканова, Ауэзова, Токмагамбетова, Тажибаева, Жарокова, не отрывающихся от сокровищницы народного творчества, шло по правильному руслу. Джансугуров нарисовал студентам картину развития казахской литературы на ближайшее время и поделился с нами своими творческими планами. Всех нас поразило подъем, с каким он говорил о литературе, ее роли и задачах. Верилось, что этот человек сделает еще много прекрасного, подарит народу не одно произведение. Так оно и было. Говоривший с нами уже работал над поэмой «Кюйши» и вынашивал замысел «Кулагера».

Однако творческим планам поэта во всей их полноте не суждено было осуществиться: он трагически погиб в 1938 году.

Только после посмертной реабилитации поэта произведения Ильяса Джансугурова были вновь переизданы на казахском и русском языках и возвращены народу. В шестидесятых годах началось изучение его литературного наследия. Защищена кандидатская диссертация Турсунхан Абдурахмановой на тему «Поэмы Ильяса Джансугурова». Имя Джансугурова появилось в Литературной энциклопедии. Издана монография Мырзабека Дуйсенова «Жизнь и творчество Ильяса Джансугурова», в одноименнике «Очерк казахской советской литературы» творчеству Джансугурова посвящен специальный раздел, в Алма-Ате трижды издавалась на казахском языке книжка «Ильяс Джансугуров».

На русском языке в Алма-Ате и Москве изданы два одноименника избранных произведений Ильяса Джансугурова. Отдельным изданием на русском вышли его фельетоны. Переводы произведений Джансугурова на русский язык осуществлены русскими поэтами Вс. Рождественским, М. Луконным, К. Алтайским, Евг. Винокуровым, Е. Евтушенко, В. Соколовым, Т. Стрешневой, А. Кафановым, Н. Пановым, В. Савельевым и другими.

Творчество Джансугурова многогранно, а талант его самобытен. Но главный вклад его в литературу — стихи и поэмы; в память народную он вошел прежде всего как поэт.

Взятая в целом поэзия Ильяса Джансугурова — поэзия глубоких дум, больших чувств, гражданственности, самобытной формы. Это высокоидейная, жизненно правдивая, одухотворенная высокой мечтой, негасимая поэзия, рожденная горячим сердцем поэта-гражданина, поэта-ленинца, жившего одной жизнью с народом. Содержание его поэзии охватывает самые существенные черты эпохи, ее основной герой — народ и Коммунистическая партия, ведущая народ к коммунизму.

Мухамеджан Каратаев

СТИХОТВОРЕНИЯ

1. МОЯ АКСУ

Через преграды,
Через годы,
Являя дикую красу,
Несешь ты вспененные воды,
Неукротимая Аксу.

Беря исток под облаками,
Вплетая в струи
Каждый луч,
За камнем скатываешь камень
С касающихся неба круч.

И неспроста
Порою поздней,
Как будто чем удивлены,
Кустам подмигивают звезды
С твоей стремительной волны.

Ах, скольких немощных сносило
Твое течение.
Но всегда
Меня одаривала силой,
Как лед холодная, вода.

Она охватывала жгуче,
Сомкнув объятья за спиной.
А серп луны,
Пристроясь к туче,
Скользил бесшумно надо мной.

Моя Аксу!
Сердца волнует,
Течешь ты вдаль издалека.
Твои трепещущие струи
Скользят сквозь пальцы тростника.

А к ним,
Как повелось издревле,
В немом безмолвии ночей
Светло стекает по деревьям
Поток серебряных лучей.

Напор воды таит угрозу,
Но тем и явственней покой.
Дрожат упруго
Вновь березы,
Качая птицу над рекой.

1921

2. ОБЛАКО

Дождем,
хлеставшим ночью,
умыт теперь простор.
Но туч седые клочья
дрожат на пиках гор.

Как пояс великана,
на талии хребтов
лежит кольцо
тумана
и дымных облаков.

Ах, облачко!
Ты ровень
с высокой грудью скал —
как будто сдвинул брови
вздремнувший аксакал.

Дитя горы и лета,
округлое с боков,
поспи ты
до рассвета,
до первых ветерков.

1922

3. ВЕТЕР

Над степями кружится
ураган.
Ветер бьет в невидимый
барабан.

Ветер, ветер! Ты меня
над людьми,
над бедой и радостью
подними!

Мне не зря крыло твое
по руке.
Мы с тобой опустимся
вдалеке.

Там высок и солнечен
свод небес.
Там страна заветная,
край чудес.

Он ночами снился мне
столько раз.
Люди там сердечные
встрелят нас.

Протяну я руку им
в свой черед.
Ты со свистом, ветер мой,
мчись вперед.

Нас в краю чудесном том
ждет привал.
Я на много лет тебя
оседлал!

1923

4. СКАЛА

То тень уляжется
под ветвью,
то снова солнце и жара.
И чем стремительнее ветер,
тем бойче древняя игра.

Закинешь голову покруче —
а ветер,
вырвавшись, звенит,
уже торопится за тучей,
как за красавицей джигит.

Шуршит травой,
бодает горы,
лохматит шубы облаков.
Но вот грома вступают в споры,
грохочут голоса веков.

Встают дождя косые стены,
сгорают молнии дотла,
во всем заметны перемены...
И лишь скала — всегда скала.

1923

5. СОЛОВЕЙ

Сумей-ка песней так затронуть душу,
так взволновать мелодией сумей...
Чу! Тишину вечернюю нарушив,
на сто ладов защелкал соловей.

Певец садов в неповторимом раже,
хоть с виду он невзрачен был и мал,
былую память сердца взбудоражил,
сознание мое околдовал.

Насторожились, дивным звукам внемля,
стада и юрты, реки и леса.
Мелодия то падала на землю,
то снова возносилась в небеса,
то растекалась к дальним перевалам,
чаруя отчий край куда ни глянь. . .
Казалось, сердце к горлу подступало
и сохла от волнения гортань.

И сам я оступался то и дело,
то шел вперед, то подавался вспять,
не чувствуя ни ног своих, ни тела. . .
Пой, соловей!
Звучите, песни, смело,
чтоб мне иных болезней не знать!

1923

6

То с удачей по соседству,
то вблизи большой беды
мчит меня по жизни сердце
без поводьев и узды.

Мчит!
А что со мною будет,
угадать сейчас нельзя.
Надо мной смеются люди,
потешаются друзья.

Но, осилившая ветер
стольких жизненных высот,
есть одна душа на свете —
та душа меня поймет! . .

1923

7. ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

Шесть месяцев зимних болела земля,
Лежала под снежным своим одеялом.
Но солнце, по-лекарски боль утоля,
Велело больной, чтоб с постели вставала.
Очнулась земля, приоткрыла глаза, —
Они полыхнули озерною синью.
Омыла ее теплым ливнем гроза,
А ветры в лицо задышали теплыню.
Земля огляделась, потом сорвала
Лохмотья с себя с отвращеньем великим.
Как песенка жаворонка ей мила!
Как радостны ей журавлиные клики!
Сестра ее — вечно живая вода
Журчала, играючи делала дело,
Гоня на вершины хребтов холода,
Чтоб больше сестрица-земля не болела.
Целебен и благостен воздух степной, —
Проклюнутся листья, проснутся растенья. . .
И выступила наконец у больной
Испарина — вестница выздоровленья.
Больную в зеленый бешмет облекли.
Вернулись к ней силы. Смотрите, казахи!
Румянец сплошной на щеках у земли:
Пылают, цветя, жарко-алые маки!

1923

8. УМЕР ЛЕНИН

(В день смерти Ленина)

. . . Буду песню петь
Об одном корабле,
Что стремится
 сквозь бури
 к счастливой земле. . .
Толпы волн,
И в глазах — только волны рябят,
И пронзительно, жалобно мачты скрипят,
Будто хнычут: «Идем ко дну. . .»

Капитана нашего

нет. . .

Мы у бурь в безнадежном плену. . .

Кто поможет?

Кто даст совет?»

Пусть в глазах наших волны рябят и рябят,

Пусть иные людишки,

как мачты,

скрипят,

Пусть всё громче

гудит океан —

С нами,

с нами наш капитан!

Будет солнце,

и хлынут навстречу лучи,

Были мы бедняки —

будем мы богачи!

Мы богаче всех!

И уже сейчас

Солнце будущего

светит

для нас!

Капитан!

Мы под знаменем гордым твоим.

Мы пробьемся,

пробьемся к счастливой земле.

Если будет нам трудно —

Мы устоим

На качающемся

корабле. . .

Мы сжимаем сильнее еще кулаки

В нашем вечном порыве святом. . .

Двери рая

взломаем мы,

бедняки,

Нашим молотом

и серпом!

1924

9. ЛЕНИН ЖИВ

Не умер Ленин. Вы не верьте,
Что лег он в гроб, глаза смежив.
Бессмертные не знают смерти,
А он бессмертен — значит, жив!
В его томах и строчка-кроха
Умом великим рождена.
Деянья Ленина — эпоха,
И нам завещана она.
Назад эпоху двинуть? Бредни!
За Ленина и стар и млад...
Могуч у Ленина наследник —
Всесветный пролетариат.
И мы железными шагами
Идем дорогой столбовой.
И Ленин неизменно с нами —
Неумирающий! Живой!

1925

10. Я БУДУ УЧИТЬСЯ

Был я малым ребенком. От стужи храня,
Ты дышала теплом, пеленала меня.

Ворковала у зыбки моей вечерком
И усердно кормила, любуясь сынком.

Попрошу я огузок — ты жир мне даешь,
Я заплачу о сахаре — мед мне несешь.

На груди материнской взлелеян был я.
Будь же счастлива, мама родная моя!

Я подрос. Разреши мне идти в первый класс.
Сохраню я в душе свет живых твоих глаз.

Оседлаю, бывало, в степи стригунка,
Погоню, и не вскачь, не в галоп, а слегка —

Сразу окрик отца. Чуть ослушаюсь — вновь
Слышу голос его, горячит он мне кровь.

Вот ягнят я пасу. Подремлю пять минут —
Предо мною отец, а в руке его кнут.

Только кнут засвистит над моей головой —
Слышу, мама, я голос спасающий твой:

«Эй, оставь малыша! Утомился малыш.
Сам ты с другом за шашками день весь сидишь».

Расставаться пора. «Путь счастливый!» — скажи
И звезду путеводную мне укажи,

Чтоб учение было успешнее с ней.
Кем же буду я? Сыном эпохи своей!

1925

11. КАРТИНЫ ДЖЕТЫСУ

Вступление

Нет места,
Равного тебе,
Мой Джетысу,
И я не знаю, как воспеть
В стихах
Твою красу!
Хочу воспеть я Куркилдек,
Или, Лепси и Чу. . .
Тебя, родной мой Казахстан, —
Тебя воспеть хочу.
Везде, куда ни бросишь взор,
Природа хороша!
Глядят,
Глядят глаза озер
В ресницах камыша.
Как помогает мне всегда
В печали и тоске
Медоточивая вода
Грохочущей Жёнке!
И птицы,
Трепета полны,

Поют,
 поют, поют,
И, словно в волнах,
Табуны
По грудь в цветах плывут.
О Джетысу,
Как жизнь моя
Тобой озарена!
В моей душе всегда звучит
И песня чабана,
И горный тихий родничок...
И я тебя пою,
Пою тебя, мой Джетысу,
Как молодость свою!

1925

12. КАМЕНЬ-МАТЬ

Словно дьявол в нее вселен,
Так свирепо хлещет вода.
Адский грохот со всех сторон
Оглушителен как всегда.
Здесь рождается водоворот,
Если лопасть дрогнет едва,
Замедляя привычный ход.

Скрип и скрежет здесь круглый год.
Мерно кружатся жернова.
Будто каменный, плоский рот
Непрерывно зерно жует.
Всё измелет и перетрет.
В чреве каменном рождена,
Продолжается жизнь зерна.
Тихо сыплется в ларь мука,
Серебристая, как луна.

Друг, иглой запасись стальной,
Ты зашьешь свой полный мешок.

Невесомой пылью мучной
Ты покрыт с головы до ног.

Так вкусны и румяны так
И лепешки и баурсак.
Испекла их бабка тебе.
И поевший досыта дед
Благодарен будет судьбе.
В час, когда восход не потух,
Но и день еще не согрет,
Теплый хлеб положит пастух,
Завернув в платок, на обед.
Человек, отведав его,
Скажет: хлеб — важнее всего,
Хлеб — он жизни основа всей.
И пшеницы зёрна смолов,
Наполняя нам закрома,
Кормит мельница всех детей,
Хлебом радует стариков.
Наша мельница — жизнь сама.
Как еще тебя мне назвать?
Неустанно всегда кружась,
Грудью каменной кормит нас
Добрый камень — вторая мать.

1926

13. ЗЕМЛЯ РОССИИ

Земля России, черная, густая,
Как бархат, шелковиста и мягка.
Над нею облака, как птичьи стаи,
И птичьи стаи, словно облака.

Блестят росы серебряные слезы
В глазах цветов, раскрытых поутру,
И тонкая озябшая береза
Качается, трепещет на ветру.

Земля России! К ней — пахучей, темной,
К ней — самой светлой, обращаюсь я...

Весенний дождь летит, хороший, теплый,
Тебя лаская, русская земля.

Бескрайняя поlynная равнина,
И над равниной воздух голубой. . .
Россия, да ни с чем ты не сравнима, —
Сравнима только ты сама с собой!

В тебе воплощены надежды наши —
На свете величавей нет земли!
Как густо на земле чернеют пашни,
Как густо сѣла русские легли!

Дожди прольются, блещущие струи,
Везде стоят косматые стога,
Как будто шерсть пушистую, густую
Состригли с вас, осенние луга.

На дело рук своих в красе и силе,
Ладонью жесткой вытирая лоб,
Глядит сама рабочая Россия —
Великий, знаменитый хлебороб.

Ты столько видел дней тяжелых, грустных,
Наш бедный хлебом казахстанский край.
Пусть Койшибай поучится у русских!
Поучится пускай и Букабай!

Всѣ силой и спокойствием объято:
И горы, и долины, и тайга.
И вдалеке, как будто бы ягнята,
Пасутся тихо сонные стога.

О рощ рязанских кружевные своды!
О красные тамбовские плоды!
Плывут, плывут по рекам пароходы,
И пахнут мокрым деревом плоты.

Всѣ широко и праведно, как Волга,
И отпечаток доброты на всем,
И, как вино, отстаиваясь долго,
Лоснится маслянистый чернозем.

И первый стебель, радостен и тонок,
Еще не понимая ничего,
Как в бархате взлелеянный ребенок,
Вдруг, развернувшись, выйдет из него!

И тут деревья не стоят сутуло,
А на плечах вздымают небеса.
Тут нет, как в Казахстане, саксаула,
Тут жалко на дрова рубить леса!

За поездом, гремя, проходит поезд,
И радостно мне, радостно до слез,
Когда, как бык у нас в степи, напорист
Летит, раздувши ноздри, паровоз!

А женщины России! Сколько муки
Им вынести пришлось, но никогда
Они в беде не складывали руки, —
Герои войн и мирного труда.

Вся жизнь России — бой святой, жестокий,
Да славятся России хлеб и труд!
Поэт, красноармеец или токарь —
Все хлеборобы истинные тут!

Хлеба встают, высокие, густые,
И журавли вдали летят, трубя. . .
Ты навсегда в душе моей, Россия,
Спасибо же, Россия, за тебя!

1927

14. ПОЕЗД

(Туркестано-Сибирская железная дорога)

1

Где Алатау снежный перевал
Уходит вдаль — бескраен и высок,
Где степь безбрежна и зыбуч песок,
Где мой народ веками горевал,

Где голодал веками мой народ,
Где плакала скрипучая арба, —
Срывая груз с верблюжьего горба,
По рельсам поезд радостно идет.
Как очи филлина — его огни,
Гудок подобен ржанью жеребца.
Он стелет дым летучий без конца.
Он быстр, как змей, — попробуй обгони!
Он как пугливый фыркает кулан,
Гремит, грохочет. . .
И вагонов ряд,
Нацелясь на сверкание Плеяд,
Степной пересекает океан.
Пусть ночь безлунна, непроглядна тьма —
В однообразном грохоте колес
Влечет вперед бесстрашный паровоз
Вагонов быстрокрылые дома.
Как тридцать юрт, соединенных в ряд,
Как за верблюдом мчащийся верблюд,
Они колесами по рельсам бьют,
Вдоль станций, вновь построенных, летят.
И вот песчаный океан иссяк,
Аул Шоккара виден наконец.
А паровоз заржал, как жеребец,
Почуявший степных кобыл косяк.

2

Рванулись к небу пики гор. Везде
Скал неприступных высится гранит.
Меж ними только ветер шелестит,
Рождая бури в каменном гнезде.
Но паровоз идет, как властелин,
Туда, где даже ветер не бывал,
Где высится опасный перевал,
Крутой, как будто бронзовый кувшин.
Здесь голый грунт желтеет искони,
И саксаул на нем — как шерсть ягнят,
А если на барханы бросить взгляд —
Верблюжьей гривой кажутся они.
Дорога дальше вьется вдоль реки.

Там серебрится озеро, как диск,
На берегах — зеленый тамариск,
Степных кобыл пасутся косяки.
Там веют крылья лебединых стай,
Там люты волки, дики кабаны.
Там оседал народ моей страны.
Мне часто снится этот горный край!
Растет густой камыш среди болот. . .
Вдруг хлынет ливень, загремит гроза,
Зигзаги молний ослепят глаза,
И всюду зелень бурно зацветет!

8

Рассвет белеет ковылем седым.
Заря цветет, девичьих губ алей,
Над перевалом. . .

И навстречу ей
Грохочет поезд и клубится дым. . .
Картины нет прекрасней для меня!
Но только поезд взял подъем крутой —
Увидел я кибиток древних рой. . .
Казахи и казашки у огня.
Тулуп убогий, рваный малахай. . .
Хмельное самодельное питье. . .
Былая жизнь! Чтоб изменить ее,
Железный конь примчался в этот край.
Я слышу грабель монотонный звук. . .
Я слышу, как зовет ребенка мать. . .
Я вижу: бедняки, собравшись в круг,
Опять решили в степь откочевать.
Худые лошаденки под седлом,
Верблюды с грузом сумрачно стоят. . .
И детский крик, и бляенье ягнят,
И шум народа слышатся кругом.
Готовы все опять в поход идти —
От бедности бежать, от неудач,
И только злобно щерится богач:
Ему — куда ни кинься — нет пути!

Песком горячим, выжженной травой
 Вдоль Алатау поезд мчится вновь.
 В твой мертвый мир вошла живая кровь —
 Простись, гора, со спячкой вековой!
 По тигровым путям твоих хребтов
 Пройдет победоносно мой народ,
 Все клады, все сокровища пород
 Без усталы отыскивать готов.
 Огромные заводы запоют
 Среди холмов, где витязи не раз
 Врага встречали не смыкая глаз,
 Где был волков излюбленный приют.
 Мы будем находить за кладом клад.
 Свои раскроет недра Каратау,
 И неприступный, гордый Алатау
 Отдать свои богатства будет рад.
 Дадут нам степи россыпи зерна,
 Заплещут рыбой зеркала озер.
 Гора рудою будет тешить взор,
 Вся электричеством озарена.
 Мы провода искусством наших рук
 Протянем, изменяя мира лик,
 И заструится бессловесный звук,
 Заговорит безжизненный язык.

Так начинается великий путь,
 Который строит тысячная рать.
 Так жизнь былую стали мы ломать,
 Чтоб мир к социализму повернуть.
 Здесь тракторы поднимут целину!
 Здесь корабли по рекам поплывут!
 Железная дорога там и тут
 Пересечет гористую страну.
 Не кочевым — оседлым станет край,
 И влагу вод степная ширь вберет.
 Лишь тот, кто устремляется вперед,
 Богатый собирает урожай!

Упорный труд мозолистой руки
Накормит тех, кто с голоду зачах.
Край, что пустыней был при богачах,
Преобразят бывшие бедняки.
Железный путь проложен в мой аул —
Тот путь народ рабочий проложил.
Он протянул ряды железных жил,
Он создал поездов могучий гул.
Власть баев испытавший и царя,
Теперь счастливой жизнью заживет.
Его к труду почетному зовет
Социализма алая заря!

1927

15. ПЕВЕЦ

(Из уст старого певца)

Я из рода Аргын, имя мне — норовистый Асет.
Может петь вдохновенно бездарный? Конечно же, нет!
Я — степной соловей, прямо в небо взвывающий песнь,
Так взвывающий песнь, чтоб услышал ее целый свет.
Если с песней откроет небесную дверь язычок —
С неба жемчуг посыплется, лягут кораллы у ног.
Я — крылатый скакун, обогнавший на празднике всех.

Спеть не то чтобы лучше, а так же, как я, — кто бы
смог?

Я — лихой иноходец, походкой иду не простой,
Мелкой рысью бегу, но поспорьте с моей быстротой!
Пропади она пропадом, песня, которую петь
Не желает народ, собираясь на радостный той!

Я как курица та, что брала у Найманов зерно.
Знают все: племя их под счастливой звездой рождено.
Нежусь я, словно утка, на озере общей любви.
Уваженья народа! Всего драгоценней оно!
Сыр, Ишим и Иртыш — это реки мои. Где тот край,
Что затмил бы собою Тянь-Шань или Тарбагатай?
Степь без края, пустыня глухая, озер серебро —
Вот родные места мои, вот где души моей рай.
Здесь живет мой народ. А живет он который уж век!

Он зимует в песках, он кочует вдоль пенистых рек.
Мы соседи с Китаем, с Россией. . . Равнина моя
Начинается там, где лежит на хребтах вечный снег.
Я — певец, неустанно поющий об этих местах.
Девяносто мелодий живут у меня на устах.
Песня гордая в небо взлетает, как птица звенит.
Степь гремит, отзывается малый листок на кустах.
Не однажды просили меня соловьем загреметь.
Я гремел. Я привык ничего для людей не жалеть.
Если будешь ты петь, пой легко и протяжно, как я, —
Должен петь широко, сладко должен ты петь.
Словно белую лебедь, ты в воздух напев поднимай.
Как гусей темно-серых, ты плавно его опускай.
Как верблюдица дойная, пусть он ревет широко.
Словно ливня потоки, ты щедро его проливай.
Пусть летит он, как ветер осенний, внушающий грусть.
Пусть шумит, как камыш под порывами бурными. Пусть
Он, как ветер весенний, съедающий снег в ночь луны,
В душах всех вызывает смятенье счастливейших чувств.
Пусть крылами шумит он упрямо, как ловчий орел,
Что стремительно падает, если он жертву нашел.
Пусть бежит он, пусть скачет, пусть иноходью летит.
Пусть легко он и четко звучит. Пусть не будет тяжел.
А потом тот напев ты сожми и скрути до конца.
А потом повтори его тонко. Ты слушай певца.
Если будешь ты петь, пой красиво, как старый Асет,
Чтобы дух поднимал твой напев, окрыляя сердца.
Чтобы песня твоя то громадным потоком неслась,
То струею тончайшей, когда это надо, лилась.
Чтоб она заставляла людей замереть, изнемочь,
А потом вдруг будила их, в чистое небо рвалась.
Чтоб томила она, уходя в поднебесный простор,
Чтоб казалось, что видит ее зачарованный взор.
Чтобы восемьдесят наилучших мотивов она
Совмещала в себе, их сплетая в звучащий узор.
Чтоб она сорок раз нас пленяла своею мечтой,
Девяносто заветнейших дум выражая собой,
Чтоб пять раз в наших душах взлетала она, рокоча,
Чтобы образы били в сердца, как волшебный прибор.
Вynu я из души наилучшую песню свою.
Вы любите ее. Я о вас в этой песне пою.

Как саба — мое сердце. Чудесный волшебный кумыс
Из души, не таясь, не скупясь, в ваши души я лью.
Точно буря — мой голос. Весенним дождем прозвучу,
Буйным ветром провею, и только тогда замолчу.

1927

16. НА ЗАВОДЕ

Посвящается московскому заводу «Серп и молот»

Кирпичных крутых этажей гора,
Одеты в стекло, стоят корпуса.
«Вставайте, люди, работать пора!» —
Гудок горланит на все голоса.

В спокойном сиянье электроламп
На лапах железных пляшут катки.
Ухая пушкой, грохочет штамп,
И трели трансмиссий — как всплески реки.

Огонь, как будто яростный лев,
Топорщит гриву и бьет хвостом,
А жидкая сталь — как впадающий в гнев
Тигр, притаившийся перед прыжком.

Как роженица, намучилась печь,
Орет ералашно младенец-металл.
Пружиня мышцы развернутых плеч,
Прокатчик с клещами на вахту встал.

Смотри-ка! Он в жирной копоти весь,
На чайник, черный от дыма, похож.
Попробуй постой-ка минуту здесь,
Его ты волшебником назовешь.

За окнами стужа, тут — льется пот.
Шипящий пар образует струю.
И брус раскаленной стали ползет,
Извивами повторяя змею.

Стальной этот брус вишнево-пунцов,
Он вспыхивает на дневном свету.
И когти беркута — когти щипцов —
Хватают ловко его на лету.

Охватят — и ну тянуть, обжимать,
А он всё тоньше и всё длинней.
Ему неминуемо нитью стать,
Из нити накрошат хороших гвоздей. . .

А сердцу всё жарче — хоть воду пей!
Душе всё милее машинный шум.
И мне, казаху, питомцу степей,
Такие мысли приходят на ум:

Огнями кромешный мрак разогнав,
Заводы-батыры сомкнутся в ряд.
И гордое здание Равных Прав
Вот эти звонкие гвозди скрепят.

В тоске по металлу в степи седой
Заря на заводы людей позовет.
И рядом с большими народами в строй
Ты встанешь, родной кочевой мой народ.

1927

17. СТЕПЬ СЕГОДНЯ

(Посвящается 8-й годовщине Советского Казахстана)

В древнейшее время — из года в год —
Добычей разбойников был народ.
Свирепствовал хан. Были все в тисках.
Одни только баи знали почет.
Народ не забудет о той поре,
Чернейшей в народном календаре.
Был высокомерен каждый батыр,
И властью владели тогда тюре.
Был воин любой на службе у них.
Народ был запуган, и нищ, и тих.

И так себя баи вели в те дни,
Как будто вся степь лишь для них одних.

День пасмурен был, и простор степной
Был полон гнетущею тишиной.

И в более поздние времена
К народу тому не пришла весна.
Чиновники царские у него
Карман выворачивали до дна.
Настало время для высших чинов:
Года волостных и иных волков,
Свирепых баев, жестоких царей,
Зловредных взяточников-толмачей.
Года могущества злых клыков,
Года почета байских сынков,
Года спекуляций и грабежей,
Года, тягчайшие для бедняков.
Был день туманен, как те года.
Стонала и плакала степь тогда.

Но день наступил! Боса, нага,
Напала яростно на врага
Российская чернь. Так река весной
Смывает порывисто берега.
Разрушила яростно царский строй
И строй утвердила народный, свой.
Советы созвав, декреты издав,
Крестьян наделила она землей.
Вся сплошь поднялась беднота кругом.
Пришел он и в степь, этот вешний гром.
Рабы оживились. Рабыни

испуг

Забыли, почувствовав мощь своих рук.
Разбили белых, гоня беду.
Изгнали гневно Алаш-Орду.

Стал день настоящим отныне днем.
Над степью катился счастливый гром.

Сегодня, сегодня, сегодня степь!
Была ли доныне свободна степь?

Довольно ты, степь, прозябала в ночи.
Весеннего солнца сияют лучи.
И ты отражаешь их в небе опять,
Раздольная степь, бесконечная гладь.
С казахами вместе встречая весну,
И почвы и недра раскрыли казну.
На новых просторах зажил народ.
За множество взялся новых работ.
К источникам знаний жадно припал.
Работает — словно песню поет.
Страшит тунейдцев степной простор. . .
Объятья раскрыв, расстелив ковер,
Тепло новоселов встречает степь.
Светло у казаха сияет взор.
Взялся кимешек за учење — вон как!
Взялся за оружие рваный тымак.
Чапан обветшалый винтовку взял,
Чтоб не покушался на счастье враг.

О, как ты прекрасна сегодня, степь! . .
Как люди, сегодня свободна степь!

1928

18. ТРИ МЕЧТЫ

И в дни зимы,
и в летний зной
я не народом был от века,
а той колючкою степной,
сухим и горьким эбелеком.
Пути?
Какие там пути! . .
Хоть я и пил росу утрами,
но был не в силах расцвести
под неумными ветрами.
Недаром долгие года,
с тяжелым вздохом
брови хмуря,
всегда стремился я туда,
куда меня погонит буря.

Так эбелек,
колюч и наг,
от ошалевшей непогоды
спешит в какой-нибудь овраг. . .
И все-таки
я был народом!
Как тот
безглавый исполин,
я был безграмотным и серым,
с бескрайних пастбищ и долин
бедою загнанный в пещеру.
А ну попробуй-ка,
сумей
с моей бедой ужиться рядом! . .
Меня большой и злобный змей
в пещере встретил
тусклым взглядом.
Подполз ко мне
угрюмый гад,
расположился по соседству.
Его коварный, злобный яд
проник в мое больное сердце.
Сумев собрать
остатки сил,
покорный беспросветной доле,
я руки каменно сцепил
и закусил язык от боли.
Но грудь дышала. . .
А на ней,
и на руках,
и в изголовье
тяжелый извивался змей,
всё больше наливаясь кровью.
Свирепо пенилась река,
смыкался с небом Алатау,
и всё ж ко мне
издалека
хмельные ветры долетали.
О, эти ветры дальних стран
раскачивали
лес дремучий,

секли удушливый туман
и гнали прочь густые тучи.
Да, ветры,
словно чья-то месть,
в лицо зари швыряли пылью,
зверям взъерошивали шерсть,
орлам заламывали крылья.
Как будто кто их поощрял,
ярились днем
и ночью звездной,
в ущелья мрачные
со скал
обрушивая птичьи гнезда.
Деревья повергали ниц,
гасили тучами рассветы.
И над морями
сто зарниц
зеленым вспыхивали светом.
Неповоротлив и коряв,
был неспроста
во мраке ночи
под черным парусом корабль
пучиной черною проглочен.
Другой
под алою звездой,
во всем послушный капитану,
с пучиной спорил и бедой,
с ненастьем спорил и туманом.
На страх разгромленным врагам,
день ото дня,
от ночи к ночи
он вез к батрацким берегам
в борьбе сплотившихся рабочих.
И на ветру скрипела снасть,
был каждый голос откровенен:
— Голодным — хлеб!
— Народу — власть!
— Да здравствует великий Ленин!
Хоть силы таяли мой,
я, то надеясь,
то робея,
о том прослышал в забытьи,

что жало вырвали у змея,
что люди — братья по труду —
сплотясь в ряды,
друзьями стали,
навек осилили беду
и у планеты на виду
оковы рабства разорвали.
В ушах шумели голоса
и снова затихали где-то.
Тогда и я
открыл глаза,
слегка прищурив их от света.
И так легко
вдохнулось мне:
как будто сказочная небыль,
сияло солнце в вышине,
победный стяг алел в полнеба,
летели тучи стороной.
Раскрыв могучие объятия,
стояли молча
надо мной
мои товарищи и братья.
Был серп
в руке у одного,
в руке другого — тяжкий молот.
— Вставай!
Включайся в торжество!
Забудь лишения и голод!
Отныне стал свободным ты!
Вставай! —
Я руку подал братьям,
и три руки, как три мечты,
слились в уверенном пожатье.
Мы новой видели страну:
пастух, крестьянин и рабочий.
Так три мечты
слились в одну,
а путь втроем всегда короче!

1927

19. ГИМАЛАЙ

Колониальному Востоку посвящаяю

Вершины белые сосали,
Как дети,
Грудь небес
И потихоньку подрастали,
Как подрастает лес.
Они,
Касаясь вечной сини,
Росли за веком век.
Им спины крепко терли силы,
И лица мыл им снег.
Большой,
С тяжелыми плечами,
Ты вырос,
Гималай,
Но отчего ты так печален, —
Скажи нам,
Гималай?

Тебя бураны исхлестали,
И ты от них устал.
Твои глаза слепыми стали
Не оттого, что стар.
Всё мертвенней и резче проседь.
В твоей душе —
Тоска.
И ты теперь уже не просишь
У неба
Молока.
С тоской, как высь твоя,
Большую
Стоишь ты,
Гималай.
С окаменевшею душою
Молчишь ты,
Гималай.
Как седовласые пророки,
Уже не первый год

Летят

с гудением

потоки —

Твой бывший лед.

Они бы всё сейчас низвергли —

И ты смятен.

Они исходят,

Как из сердца

Исходит стон.

О Гималай,

Скажи, что значит

Их звон и гром?

О чем кричат они

И плачут?

О чем?

О чем?

Внизу плоды спокойно зреют,

Мычат волю,

Внизу о камни трутся звери

И о стволы.

Медведь зеленою поляной

Идет к семье,

И пчелы

Мед цветочный, пьяный

Несут к себе. . .

Ты в скалах весь и в пенных струях,

О Гималай,

Но отчего в кровавых струпьях

Ты, Гималай?!

Тебя секут кнутами ливни,

Из тьмы гроза

Вонзает молнии,

Как бивни,

Тебе

в глаза.

Ты полон скорби и заботы,

О царь высот. . .

Тебя гнетет —

я вижу —

что-то. . .

Но что гнетет?!
Ты должен,
Должен мне открыться,
Тайн не скрывай. . .
Скажи мне,
 что с тобой творится,
Что,
 Гималай?
Ты лег от севера до юга,
Лег навсегда —
Всего земного шара юрта
Из камня,
 льда.
Но ты —
 ты весь сплошная рана.
Пытают, бьют
И, словно мертвого кулана,
Рвут и клюют.
Так за доверчивость проучен
Ты, Гималай.
Ты весь истерзан и измучен,
Эх, Гималай! . .
Глядишь ты сумрачно и немо,
Стоять устав,
И у тебя отняли небо,
Земли не дав.
Стоишь,
Угрюмый и огромный,
Сжав кулаки,
И кровью кашляешь ты темной
На ледники.
Глядят безмолвно слез озера.
Слез —
 через край! . .
Никто страшней не видел взора,
О Гималай!
Как юность прежняя угасла! . .
Тосклив, суров,
Ты стал
 могилою гигантской
Своих
 сынов.

Болезни,
 рабство,
 ложь и голод
Жизнь
 им несет.
Как будто змей огромный
 горы,
Обвив,
 сосет.
Ты слышишь, плачут старцы, дети,
О Гималай?!
Молчишь, обвитый змеем этим,
Ты,
 Гималай. . .

Но в самом сердце Гималая —
Попробуй тронь, —
И день и ночь всю пылая,
Горит огонь —
Огонь великого восхода.
И там,
 и тут
Освобождения Востока
Народы
 ждут.
И рухнут,
 рухнут тюрем двери —
Лишь пожелай. . .
С тобою — мы!
 В тебя мы верим,
Наш Гималай!

1929

20. ПОГОНЩИК

Сколько волн в широком море,
Столько мыслей,
Сердцу вторя,
К жизни вызовет строка!
 И они,
Пока безвестны,

То в груди сожмутся тесно,
То взлетят под облака.
 Ах, строка!
В мечтах о счастье
И она рыдает часто,
Словно жизнь ей нелегка. . .
 Валом плещется могучим,
С ветром
Шепчется над кручей,
Словно чаша тростника.
 Породнясь с горячей кровью,
Вновь стоит
У изголовья
Стихотворная строка. . .
 Станешь сух,
Под стать кураю,
Будешь думать, умирая:
«Всё не сказано пока. . .»

1929

21. МАВЗОЛЕЙ

1

Москва.
 По улицам народ
Идет,
 снует
 взад и вперед.
Взад и вперед —
 движенья рук.
Гремят подошвы:
 стук да стук.
Звенят
 трамваи
 целый день.
Повсюду слышится:
 дзень-дзень.
Проносятся
 автомашины.

Шуршат —
 шу-шу —
 тугие шины.
 Всплывают к небу
 дыма клубы.
 Пых-пых —
 дымят
 заводов трубы.

Двери открыты —
 заходи в магазин!
 Товары видны
 сквозь стекла витрин.
 В киосках —
 газеты
 с книгами вместе.
 Свежие новости!
 Последние
 известья!

Этаж к этажу
 поднимают здания.
 Вот — Кремль!
 Бьют часы,
 время
 вызывая.

Красная площадь —
 это река.

И день
 и ночь
 шумит,
 широка.

Как водопада горного,
 Клокочущего,
 в пене, —
 Неугомонно
 города
 Извечное
 кипенье.

Густ
 людской поток —
 Плещет,
 льется,

Поступь, топот
тысяч ног
Раздается.
Куда идут?
Куда идут?
Часы
на Спасской башне
бьют.
Осталось
несколько минут.

•

Арабский бурнус,
малахай казаха,
Индийское сари,
туркмена папаха,
Английская трость,
малица ненца,
Узбекский халат
и кепка немца,
Кудри негра,
чалма афганца,
Китайская кофта
с шелковым гляncем
И мягкая шляпа
американца, —
Двигутся люди
плотной толпой,
Красную площадь
заполнив собой.
Вот они —
ближе.
Вот они —
рядом.
Смотрят
вперед они
пристальным взглядом.
Лица
темны их
от пота и гари.

Это —
 рабочие
 двух полушарий,
Класс угнетенных,
 порабощенных,
Но
 не подавленных,
 не покоренных!
Это
 упорно
 стремятся сюда
Люди труда,
 сил не жалея,
Чтобы
 колени
 свои преклонить
У Мавзолея.

8

Седа кремлевская стена.
Торжественная тишина.
Гробница.
 Надпись:
 Л Е Н И Н.
Уводят вниз
 гранитные ступени.
На шлеме
 красная звезда.
В ней —
 серп и молот.
Как всегда,
Суровы
 в непреклонности своей
Два часовых
 у входа в Мавзолей.
Зорек взор.
Штык остер.
Красные петлицы.
Проходят
 мимо часовых

Застыла
рука
на груди,
Там,
где орден
привинчен...
Гляди на вождя,
гляди!
Слезы,
не застилайте
Глаза мне!
Крепись,
душа!
Сердце,
бейся негромко!
Ноги,
медленней шаг!
Крепись!
Навсегда запомни
Ленина
облик весь!
Вождь наш,
великий гений
В молчанье
покоится
здесь.

4

О, годы свершений,
Утрат
и побед!
Пять лет пролетело,
Как Ленина
нет.
Под сводом гробницы,
Ресницы смежив,
Покоится Ленин.
И всё же
он — жив!
Он — пламя,
горящее в сердце у нас.

22. КАВКАЗ

Кавказа древние хребты... Они и есть
Гора таинственная Каф. Наверно, здесь
Сейфуль Малик, Хасан Малик вели бои...
Здесь пери, дивы, джины вьются — их не счесть.

Здесь чащи, кручи, пики, вихри, кольца змей,
Царь обезьян, дракон и ведьмы всех мастей,
Потоки, смерчи, непролазные пути,
И гром, и молния, и сборище чертей.

Вот эти дикие хребты и есть Кавказ.
В объятья мощные свои два моря враз
Однажды взял он, и качает их с тех пор
Он день и ночь, с них не сводя туманных глаз.

Там — море Черное смиряет волн разбег.
Там — Каспий грудь свою о выступы рассек.
Кавказ меж ними громоздится. Он морям
Соединиться не дает который век.

Он к небу вздыбился: «Не одолеть меня!»
Расправил плечи он, уверенность храня:
«Непобедим я. . .» И волнуются моря,
Штормами бьются о Кавказ, волной звеня.

Быть может, в давние года, в седые дни,
И вместе жили, вместе пенились они,
Но разделил их навсегда вулкан, гремя,
Пылая лавою, вздымаются огни.

Всё это выяснит наука и без нас.
На то ученые. А наша цель сейчас —
Места, красивейшие в мире. Ну, а что
Всего красивей? Ну конечно, Крым, Кавказ!

А в чем краса Кавказа? В горной крутизне?
Иль в тех снегах, что спят веками в вышине?
Слова «скалистый, неприступный, роковой»
Не столь уж много говорят тебе и мне.

А может быть, краса Кавказа — это ты,
С кувшином девушка? Твой шаг? Твои черты?
«Прекрасен скалами Кавказ, лесами, мглой. . .»
Не то, не так. . . Ищу иной я красоты.

Чем море Черное прекрасно? Тишиной?
Простором? Чайками над сизою волной?
Иль непрерывным, заунывным шумом волн,
Когда в ночи дичает ветер штормовой?

Прекрасен Каспий безутешностью болот?
Или волнением своих угрюмых вод?
Или песчаным, голым берегом своим,
Где суховей палящим жаром обдаёт?

Красоты Каспия ужель в солончаках?
Краса Кавказа в тех ли кручах да снегах?
Там, где народ страдал издревле в темноте, —
О них ли речь ведут на разных языках?

Нет, в этом я большой не вижу красоты.
Воспетый Лермонтовым демон, разве ты
Полузабытым, древним обликом своим
Заменишь мне Кавказа новые черты?

Кавказ красив не величавой высотой,
Не льдами вечными, не жизнью отжитой,
А дымом фабрик, пароходов, поездов,
Всей жизнью новой, бесконечно молодой.

Прекрасен Каспий не размахом серых вод.
И на его просторах жизнь летит вперед.
Теперь в высоких, стройных вышках промыслов,
В бакинской нефти красота его живет.

Два моря в Каспии — одно кипит волной,
Другое — темной нефтяною глубиной.
На всю планету хватит нефти у Баку,
Одна уходит вышка в море
за другой.

Таятся в Каспии подводных гор хребты.
Густою нефтью их пропитаны пласты,
Там море нефти — маслянисто и черно,
Его выводим мы на свет из темноты.

Красив Кавказ запасом марганцевых руд
И теми реками, что сверху вниз бегут,
Гремя камнями, с уступа на уступ.
Свое начало в ледниках они берут.

Богат Кавказ... Каких там только фруктов нет!
Каких источников! И знает целый свет
Целебность воздуха прозрачного его.
Еще богаче стал Кавказ с недавних лет.

Текла, как слезы великана, с давних пор
Кура, кипящая в теснине древних гор.
Взгляни сегодня на Загэс — и ты поймешь,
Какой подарен ей невиданный простор.

Кура-река... Она в ущелье столько дней
Ждала хозяина. И он явился к ней,
Явился к ней ее хозяин — смелый труд.
Ты погляди, он подарил ей сто путей!

Гляди, железная дорога, звонкий путь,
Уходит в кручу, прямо в каменную грудь,
Ее тоннелем просверлив. Теперь вовек
Горе вот этой сном привычным не заснуть.

Где жили горные козлы — там вдаль летят
Дороги новые, вдоль них столбы гудят.
Растет индустрия Кавказа! Провода
Поют над безднами, о будущем звенят.

Кура-река! Гляди, товарищ, вот она
Шумит меж кручами, взволнованна, мутна.
Как молоко сосцов Казбека, вдаль течет
Кура-река, нестошимых сил полна.

Она обуздана трудом. Цемент, бетон
Пересекли ее. Но это не заслон.
Плотина эта — как ворота: мир за ней.
Твою энергию, Кура, вбирает он.

Электровозы грузно тащат поезда.
Они сюда идут, торопятся — туда.
Тбилиси ярко освещая, над рекой
Стоит Загэс, в ночи сверкая, как звезда.

Где тот Кавказ, свирепо-дикий, тот — былой?
С кинжалом злости, с кровной мезтью родовой?
Где споры все его обидчивых племен,
Подогреваемые вечною враждой?

Где генерал? Где губернатор, зол, спесив?
Где сброд чиновничий, что жаден был и лжив?
Где князь, что пил из рога терпкое вино,
К себе Тамару на колени усадив?

Как будто новый озаряет горы свет. . .
Где хан безжалостный? Где смерти минарет?
О горы Грузии, Аджария. . . Теперь
Совсем иных полны вы песен и примет.

Нет, не Симуург теперь несет на крыльях нас —
Аэроплан гостей привозит на Кавказ.
Посмотришь вниз: не змеи это — провода
Ползут над кручами, над нивами, змеясь.

Покорены ущелья мрачные трудом.
Встают дома на месте некогда пустом.
Социализм, Кавказу счастье ты принес.
Взрезает трактор пласт тяжелый за пластом.

В аулах — школы. Там детей веселый рой —
Растет в ладу со светом он, не с темнотою.
Тот пионер, что говорит: «Всегда готов!» —
Вот кто сейчас Абрек, Заур, вот кто герой.

Сады, что фруктами чудесными полхы,
Долины горные теперь превращены
В долины отдыха, в сады для детворы,
Для сыновей и дочерей моей страны.

Ах, что за девушки смеются возле школ!
И где бы ни был я, и где бы ни прошел —
Нет на Кавказе ни чертей и ни князей,
Тамара наших дней вступила в комсомол.

Любое дело новым людям по плечу.
Преображая скал хаос, лучом к лучу
Встают в горах ряды кавказских новых ГЭС,
Как лучший памятник родному Ильичу.

1930

23. СОЛНЕЧНЫЕ

Мы — солнечные! Мы из солнечных недр родились.
Мы, светлые всадники, мчимся, тьму солнцем карая.
И огненное наше знамя взвивается ввысь.
А где проскакали мы — там разнотравье без края.
Зачем нам аллах? Мы гремучие ливни прольем!
Снег, наледь мы смоем грохочущим пенным потоком!
Ветрами очистим от сумрачных туч окоём
И шири обшарим хозяйским, всевидящим оком!
Мы — солнечные! Среди нас — ни рабов, ни рабынь.
Природа нам рада. В честь нас расцвели ее маки.
Не будет у нас ни болот, ни безводных пустынь.
Родит нам земля все плоды золотые, все злаки.

1930

24. ДОМБРА

Кюй

Играй свой кюй, домбра, играй,
Напев чудесный разливай,
Журчи, как горные ручьи,
На сердце радость навевай.

Чтоб весь туман в горах исчез,
Чтоб тучи все сошли с небес,
Чтоб всё заслушалось тебя,
Твои напевы полюбя,
Еще сильнее, домбра, играй!

Три колышка да две струны,
Да девять узелков — домбра,
Да десять пальцев, что вольны
Любые вызывать ветра.
Скачите, пальцы, словно конь,
В прекраснейшей из всех погонь,
Играй еще сильнее, домбра!

Эй, слушай, трудовой народ,
Как сладостно домбра поет
В руках народного кюйши.
И даль степей, и страсть души —
Всё обращает в кюй игра!
Играй еще сильнее, домбра!

Эй, трудовых людей певец,
Властитель струн, знаток сердец.
Меня весельем взбудоражь.
Я кюй навек запомню твой
О жизни новой, молодой,
Ты — мудрый летописец наш.
Играй еще сильнее, домбра!

1930

25. ЗОЛОТАЯ ЧАША

Здесь чистое золото дремлет давно,
Покоилось в каменной люльке оно.
Но выйти наружу из камня и тьмы
И небо увидеть ему суждено.

Шелками окутана горная высь.
В стремительном шуме блистательных брызг
Свергается с гор снеговая река —
Поющая птица, летящая вниз.

Вершины Алтая — скопление льда,
Срывается вниз и сверкает вода.
Ее электричеством сделали мы,
И стала светиться земля, как звезда.

Вершины, как стенки сосуда, встают,
Как будто бы чаша огромная тут.
И небо, придя на несслыханный той,
Наполнило этот огромный сосуд.

Над этой бездонною чашею всей
Однако же царствует труд-муравей.
Гудки заводские протяжно кричат,
К себе ежедневно сзывая людей. . .

Скрежещет машина, грохочет, ревет,
Руду, как понюшку табачную, трет.
Рабочий, огладив ее, как коня,
Движеньем ладони на штурм ее шлет.

Здесь золото месят, как тесто у нас,
Свинец, словно масло, расплавят сейчас.
От примесей разных очистят его,
Как сливки, он густо польется, светясь.

На время и с небом и с солнцем простись,
Под землю в огромной бадье опустись.
Качаясь, как в бездну, уносит она.
Дыханье замрет с непривычки — держись!

Ступай осторожно, внимательным будь!
О том, что опасность грозит, — не забудь!
Не то, словно камень, что в пропасть летит,
Ты в царстве подземном окончишь свой путь.

И вот ты в глубинах, под толщей земной,
Там ходы запутаны, холод сырой.
И камни нависли, угрозу тая,
И чавкает жидкая грязь под ногой.

Здесь люди — герои; их труд закалил;
Тот ставил крепленья и свет проводил,

Тот, в тачки навалом породу грузя,
Ес на поверхность земли выносил.

Добравшись до меди, до ценных пород,
Кирка, расхондившись, вгрызается, бьет.
И бур, встрепенувшись, протяжно гудит,
Совсем как пчела, что почуяла мед.

Здесь медь, как творог, нам пришлось отжимать,
Свинец, словно мозг из костей, доставать.
Ломали породу, дробили ее, —
Тут даром добру не дадут пропадать.

Работа кипит. Веселей нажимай!
Уж если играть, то киркою играй, —
Здесь золота столько, свинца, серебра,
Запасы огромны — работай давай!

Ну что ж! Рукава засучить нам пришлось,
Вгрызаться в породу и в зной и мороз.
Расплавив, свинец, словно курт, кипятить,
Гнать тачек стада, как чабан своих коз.

Доили гранитное вымя горы,
Зовут ее Риддером лишь до поры.
Она кобылицей упрямой была,
Гора — неподатлива, люди — храбры.

Рабочий изрыл ее вдоль, поперек,
Богатства из горного сердца извлек.
Сокровища мы у горы отберем,
Пусть их сохраняют хозяева впрок.

Мой сверстник, мой брат в тымакe меховом,
Тяжел твой кулак, будто налит свинцом,
Который ты в этой горе добывал.
Работай, верши — мы потом отдохнем.

Машину свою изучил ты, ну что ж!
Ты должен к труду приобщить молодежь.
Когда ты аул поведешь за собой,
Мы скажем, что труд твой и вправду хорош.

Твой клич — он слышней заводского гудка —
Пусть степи разбудит, что спали века.
Рой землю, бей камень и скалы взрывавай,
Вода, словно мед, тебе будет сладка.

Алтай свои годы пусть сбросит с плеча,
Вся степь молодеет от блеска луча.
Отсталый аул свой огнем озари,
Пылай, как на шахтах, свет ламп Ильича.

1930

26. МОСКВА — КАЗАХСТАН

(Отрывки)

1. ОТПРАВЛЕНИЕ

Первый
Звонок.
Первый гудок.
И дым,
Словно пряжи овечьей клубок,
Валит из трубы
Железной арбы.

Третий звонок, —
Скорее в вагон.
Прощальный гудок,
Пустеет перрон.
Блестят фонари
Средь густой синевы,
И скорый, гудя,
Отошел из Москвы.

2. ДОРОГА

Летит к горизонту стремительно поезд,
Мелькают леса и поселков огни,
Степь надвое режет сверкающий пояс,
Грохочет железо, что ветру сродни.

Разбросаны села, равнины и пашни.
За поездом дыма растаявший след.
И мельница крыльями машет и машет,
Прощальный с холмов посылая привет.

А длинные рельсы сверкают и льются,
Колеса стучат: «Нам пора, нам пора!
Спешим мы туда, где нас ждут не дождутся.
Везем в Казахстан трактора, трактора...»
На стыках колес перестуки ритмичны:
«Везем мы в аулы вам множество книг.
Идти на подмогу друзьям нам привычно...»

На станции новой пытит паровик.
И снова леса и селения — мимо.
Железный по рельсам летит ураган.
Из нашей Москвы, из столицы любимой,
Направился скорый в степной Казахстан.

3. ДВИЖЕНИЕ

Поезд мчится, как на байге.
Шумно дышащий паровоз
Степь и рядом и вдалеке
Будоражит стуком колес.
Алатау вздрогнул во сне,
Дым ему застилает грудь...
Реки, радуясь новизне,
Изменить свой готовы путь.
Даже камни сдвинулись с мест,
Даже камни идут на подъем.
Собираются в путь окрест
Все, кто слышит железный гром.
Это новой жизни оркестр,
Торжествуя, гремит кругом.

4. КТО ПРИЕХАЛ

К нам приехали в гости те,
Что, священной мезтью горя,
Жили в горе и нищете,
Что прогнали, свергли царя.

Те приехали в гости к нам,
Кто, оружие в руки взяв,
По заслугам дали врагам,
На буржуев страху нагнав.
Те, кто с лозунгом Октября
Шли на штурм, не дрогнув, вперед.

Знамя, алое как заря,
К единению нас зовет,
И, родной простор покоря,
Поезд наш стремится вперед.

5. ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ

Как мы жили? А жили так:
В стародавней степи бедняк,
Бек кочуя, бездомным жил.
Нам стоянкою был овраг,
Нам товарищем ветер был.

Угасали за родом род,
И казалось людям — змея
День и ночь за ними ползет,
Избавленья жаждал народ!

Кто сказал: «Послушай меня:
Я твой друг, ты мой кровный брат»,
Кто оковы с рук наших сбил,
Кто наполнил радостью взгляд?
Кто свободу нам подарил?

Это вы, товарищи, вы,
Вы, друзья, посланцы Москвы.
Вас от сердца благодарим,
Приезжайте к нам, говорим!

6. ПОМОЩЬ

Ты, Москва, дала нам права.
В наши степи пришла Москва
И сказала: «Объединись!

Пусть раскроется глубь земли —
Чтоб руду добыть мы смогли.
Новый путь, железный Турксиб,
Разрезая степь, протянись!»
Солнцем выжженная трава
Доставалась бедным в удел,
И голодный наш скот хирел,
Кочевал в пустыне народ.
Ты пришла, сказала, Москва:
«Богатеев пускай сметет
Справедливый народный гнев.
Ты стоишь, народ-голова,
У истока великих дел.
Ты, народ, свободен и смел.
Пусть растет весенний посев!
Казахстан родной, расцветай,
К новой жизни смело шагай!»
Это всё сказала Москва.
Друг, добро пожаловать к нам!
Говорим от сердца слова
Мы приехавшим к нам друзьям:
Весь народ встречает тебя,
Шлет Москве свой братский салам!

7. МАТЬ МОСКВА

Тот, кто горькое горе знал,
Кто в степи, как камень, лежал,
Не забудет верных друзей,
Тех, кто к жизни народ призвал.
«Стань республикой, край степей!» —
Ты сказала, моя Москва.
Небо стало сразу синей.
Вечно помним эти слова.
Пред тобою мы все равны,
Ты растешь, нам знанья дая.
Ты, Москва, — дворец Октября.
Мать Москва, ты совесть страны.

1930

27. ПЕСНЯ РАДОСТИ

Дай мне силу, вдохновенье, дай высокий строй души.
Песню радости сегодня ты, перо мое, пиши.
Эй, бедняга, обездолен был ты в прошлые года,
Чуть ты в пропасть не сорвался от отчаянья тогда.
Солью слез — приправой горькой — скудный хлеб ты
окроплял,
Разве труд твой был замечен? Кем ты был и что ты
знал?

Где река могла разлиться, синей лентою внясь,
Там едва-едва сочилась илом сдобренная грязь.

Жизнь теперь бурлит повсюду, как разлив весенних
вод,

И велит она поэту, взяв домбру, идти вперед.
Новый, светлый день народа ты, поэт, воспеть сумей
Так, чтоб в песне пела радость трудовых, простых
людей.

Стал старик Джамбул джигитом — молодым на склоне
лет,

О его втором рожденье написать сумей, поэт.
Первым будь в соревнованье, ты не должен отставать,
Запевалою народа ты, поэт, обязан стать.

И когда твоей отчизны слава землю потрясла,
Разве ты, поэт, не должен прославлять ее дела?
Край обширный, край спокойный, тихий край мой,
Казахстан,

Ты среди республик равных светом солнца осиян.
Жизнь становится всё лучше с каждым часом, с каждым
днем,

И невиданный доселе ожидает нас подъем.
Испытавший униженье, вышел стчий край из тьмы,
И впервые всемогущи и свободны стали мы,
И в стране своей свободной равноправным стал казах.
О рождении героев я скажу в своих стихах.
У меня земля богата, широка моя страна,
И стихи свои к вершине я погнал, как скакуна.

На знаменах Серп и Молот — символ счастья и труда,
Нам дорогу освещает пятикрылая звезда.

Мать-отчизна, ты окрепла, ты прекрасна и горда,
Всё ты людям подарила, наши — уголь и руда,
Хлеб — на севере, на юге — хлопка снежное руно,
Человек, твое богатство навсегда тебе дано.
А в долинах благодатных наши множатся стада,
Там цветы весной душисты, там целебная вода,
Молоко коров парное, превратившееся в мед, —
Всем владеет полновластно, став хозяином, народ!
Глуби древнего Алтая, Каратау и Арал,
И Балхаш — там рыбы много, там играет пенный вал, —
Хорошо в краю родимом, часть он родины моей,
Край счастливых и любимых, солнцем залитых степей!

Десять лет, как независим стал казахский мой народ.
Я воспел леса и горы, и потоки вешних вод,
Рассказал я об Ишиме, Жаике и Сырдарье,
О вершинах Алатау, что теплеют на заре...
Мной тоска тогда владела и водила боль пером,
Соплеменники, в поэме рассказал вам о былом.
О рыданье всенародном — Актабан Шубырынде,
Об эпохе мракобесья, об униженном труде.
Проклинал я кровососов, волостных и прочий сброд,
Что бессовестно терзали обескровленный народ.
Проклинал алаш-ордынцев, поднимавших темный флаг,
Я о бедствиях народа пел в разгневанных стихах.

Мой читатель, ты со мною взглядом прошлое окинь, —
Нас, казахов, продавали как рабов и как рабынь.
Время это полно скорби, время ханов и царей —
Встало ты над Туркестаном, было ль время тяжелей?
Это время для народа хуже смерти и чумы,
Будто в чем-то провинились, так казнимы были мы.
Может быть, благое солнце виновато было в том,
Что страна была несчастна, что свободный был рабом?
Где муллы не замолкали, где желтела степь мертво,
Там, где верили в аллаха и в могущество его,
Гордый сын страны свободной, я иду — размашист шаг,
Я горжусь своей страной, тем горжусь, что я — казах!

И в руках у нас тот красный, данный Лениным мандат,
Он для нас всего дороже, он превыше всех наград.

Славься, родина героев, помним мы их имена,
На груди у них сняют, словно звезды, ордена.
Спросишь, где обрел я счастье? Отыскал его я тут,
Подарил его свободный, добровольный, честный труд.
Я хочу прославить в песне новый ленинский закон,
Торжествующую правду, полный света небосклон.
Мы под звуки этой песни ладим четкие шаги,
Пусть дрожат, ее услыша, наши общие враги.
Пусть разносит нашу песню золотое горло труб,
Пусть высоко реет знамя, развеваясь на ветру.
Пусть друзья гордятся нами, видя наш чудесный взлет,
Удивится мир, увидев, как велик у нас народ!
Мы работаем на совесть, любим творческий размах.
Пусть невежд у нас не будет, что как гири на ногах.
Пусть у нас поются песни, те, что радуют сердца,
Пусть поэт в стихах откроет всё, что знает, до конца.
Пусть и марш звучит победный, и народные кюи
Огласят твои просторы, степи, родина, твои.
Эти песни — песни сердца, их сложил твой сын — народ,
Песнь народа-песнетворца все века переживет.

1930

28. ТЕМН ОКТЯБРЯ

Мы четырнадцать лет в пути!
Сколько нам

эти годы стоили!

Нам еще к коммунизму идти,
Мы ведем бронепоезд Истории.
Нас ничем беда не возьмет —
Ни разрухой,

ни зноем,

ни стужею...

Трактор,

мслот

и пулемет —

Боевое наше оружие.

Этот путь—
 наша гордость и слава.
 Он проложен в грядущие дни.
 Мы сметаем
 и левых
 и правых,
 Чтобы нам
 не мешали они.
 Помним каждый час
 о врагах,
 Всё, что было, — осталось в памяти.
 Руки твердые
 на рычагах
 Машиниста великого —
 Партии.
 Мы четырнадцать лет в пути!
 Беззаветно мы верим друг в друга.
 Сколько хочешь,
 вьюга,
 свисти, —
 Сквозь тебя мы прорвемся,
 вьюга!
 Мы идем
 по дороге Ленина.
 Так и катятся
 в разные стороны
 Эти самые правые,
 левые
 Под жестокий
 откос Истории.
 Нам довольно вражьей возни,
 Их,
 упавших,
 не поднимайте.
 «Погибаем. . .» —
 стонут они.
 Погибаете? Что ж,
 погибайте. . .

В нас
усталости нет и следа,
И сомнения нет ни тени...
Пусть ворчат:
«А отдых —
когда? ..
Ну нельзя же такие темпы. . .»
Я пою тебя,
темп Октября!
Я пою тебя,
темп Октября!
Ты — исканье
и откровенье.
Этим темпом
выращен я,
Этот темп —
мое вдохновенье.
Наши руки
сильны,
крепки.
Мы помочь никого
не просим.
Хнычут баи
и кулаки,
Видно, чувуют —
скоро их сбросим.
О, веди
бронепоезд наш,
Партия!
О, да здравствует грохот колес!
И не плачьте в жилетку нам —
падайте
Те, кто должен упасть под откос!
Для любого,
кто в деле нам
враг,
Мы найдем
подходящий овраг!

А с гор, где и летом бывает прохлада,
С высоких снегов и нетающих льдов
Вода низвергается, катится рев
Олетнего радугами водопада.

О степь! Полнокровно твое обновленье!
В цветах ты и в травах во весь горизонт...
Мне всюду, глазастому, видится фронт,
И жадно вдыхаю я воздух сраженья.

И будто опять трубачи молодые
Зовут нас в атаку. Я слушать готов
Не гогот гусиный, а гул тракторов —
Они древний пласт поднимают вперые.

А горный поток, омывающий лозы,
Берущий начало свое с ледника,
Гортанно рокочет: «Тропа бедняка
Сливается с торной дорогой колхоза».

Народная сила играет рекою,
Срывает плотины. Родной мой аул
Разделался с байством, в колхоз повернул
И вырастит счастье своею рукою.

1934

30. МУЗЫКА И СЛОВО

Кюй

С чем я сравню тебя, кюй —
Голос струны домбровой?
С плеском серебряных струй?
С песней конской подковы?
С рокотом горной реки?
С шорохом вешней льдины?
Или с наплывом тоски
В арии соловьиной?
Душу людей шевеля,
Льешься ты струйкой тонкой,
Словно в шелках ковыля
Ржание жеребенка.

Властность в струне, что поет,
И колдовская сила.
Девушка сердце свое
Милым звукам открыла.
Манит волшебный кюй,
Нежит, томит, пленяет.
Девичий твой поцелуй
Медом цветочным тает.
. . . Ни заглушить кюй нельзя,
Ни загасить, как пламя.
Высказать трудно, друзья,
Музыку струн словами!

1936

ПОЭМЫ

31. КЮЙ

1

Древний старик Молкыбай, что из рода Матай,
Был один кобызши он в коленях Кенже, и Тунгат,
и Сакай...
Пальцы его иноходцами мчались по струнам,
Славно играл он — просили: еще поиграй!

Скулы обтянуты, брови нависли... Старик
Хриплый, рябой, отягченный годами. Старик
Слабый и желтый. Дрожат его тонкие руки.
Да и зубов не осталось, главой он поник!

Солнце его на закат уж давненько пошло.
Кюй его каждый давно уж звучал тяжело.
Он, кобызши, «Ак кобик» заставлял так тоскливо,
Тяжко греметь, что у всех в этот миг сердце жгло.

Он «Кок кобик» заставлял недовольно рычать,
«Дуль-Дуль героя Али» заставлял грохотать.
«Плач при прощанье казахов с ногаями», песню
«О расставанье племен с Орманбетом» умел он играть.

Он — кобызши, исполняющий кюй «Корамжан».
Струны его отражали мечтаний туман.
Весь в серебре был кобыз у него, но с годами
Сделался старым и ветхим кобыз-ветеран.

Помню джайляу я Амантекше... Там, рыча,
Ветер то снегом, то ливнем нас бил по плечам.
Мы же известного старца услышать хотели.
Грелся он возле костра, где горела арча.

Страстно желали мы выслушать песнь кобызши.
Дедушкой мы называли его от души.
Льдов и снегов восхищенно мы слушали песни,
Он исполнял их. Как были они хороши!..

В час, когда льдины сдвигались и тучи неслись,
Он, опьянев от кумыса, оставив кумыс,
Словно вскипал: в нем, горя, зарождались кюи.
«Мальчик, — просил он, — а ну-ка подай мне
кобыз!»

Сплюнув четырежды, брался пять раз за колки.
Раз, видно, десять он пробовал силу руки.
И превращался кобыз неожиданно в песню —
Льдины сдвигались, катились волны реки.

Вот пробирает пронзительный ветер — струны
трепещут...
Вот в Алатау ручьи запевают — струны
трепещут...

Чибиcы стонут, гуси кричат на озерах,
В дивном саду соловей песнею блещет.

Вот завывает буран, нас замечает.
Наша полянка под нами льдиною тает.
Мчится поток с Алатау, буйно ревуший.
Ветром ущелье насквозь всё продувает.

Вот налетели враги, ржут, оскалась, их кони.
С пеной у рта дико пляшет дервиш в перезвоне.
Грянула буря, и всё утонуло в хаосе.
Крутятся волны Балхаша, как будто в погоне.

Вот затихает в медлительных сумерках ветер.
Вновь соловей зазвенел, загремел на рассвете.
В страсти великой влюбленные нежно клянутся:
«Милая... Милый...» О, клятвы извечные эти!..

Кажется, звучно скликает пастух свое стадо,
Слышатся вздохи и стоны, в них боль и отрада.
Милые снова баюкают нежно друг друга.
Тихо проносится раннего ветра прохлада.

То замирала мелодия, ослабевая,
То в облака, рассердившись, летела, пылая,
То возгордится, а то застыдится, притихнет
И — снова ввысь, снова ввысь, в небесах исчезая.

Так высоко, что кобызу порой приходилось
Ждать возвращения звуков, чтоб соединилась
Песня со струнами снова... И пальцы сухие
Сыпались градом, порхали...

Так песня творилась.

Кажется: струны запыли щенком, завизжали.
Но — лишь мгновенье! И плачет невеста в печали.
Дряхлые пальцы в сердцах поднимали, казалось,
Скорби и грусти пласты, что годами молчали.

Шел иноходцем напев. Он его приручал.
Он отпускал его в степь и опять возвращал.
Пот обтирал он с висков. Мы же снова и снова
Старца о кюе просили. И он обещал.

Снова закручивал старец колки до конца.
С новой страстью играл. И дрожали сердца.
Звучно, тоскливо стонал «Боз инген» над снегами.
Чудо рождали певучие руки творца.

Ветром восторга нам сдуло шапки с голов.
Пали мы ниц, выражая признание без слов.
Дух замирал, сердце падало, вихрились мысли.
Бодрствовал дух, точно сторож... А звук был суров.

Нас, как детей, уводил он в столетья, во мрак
Далей, где с горем мы сталкивались что ни шаг.
Просьбы уважив, нам начал рассказывать старец
Быль о верблюдице белой...

И начал он так:

Старые, давние в память приходят года.
 Славен в степях бай Баглан был богатством тогда.
 В мае паслись на Арке, а под осень — в песках
 Бая Баглана большие, как тучи, стада.

Он на Аму зимовал, в Сырдарье он поил
 Стройных верблюдов своих. И казалось, что был
 Шумом идущего стада заполнен простор
 В дни, когда почва ссыхалась, а ливень не лил.

Сколько под осень жуков (не сочтешь их вовек!),
 Столько верблюдов имел он, скупой человек.
 Яловой не оставалась тайлак ни одна.
 Грузно теснились и мая, и нар, и улук.

Словно Каусылгазы сам помогал их пасти,
 Сам помогал верблюжонку любому расти.
 Самой же лучшей тайлак у Баглана была —
 Чудо-красавица, белой, как иней, шерсти.

Ни на буру не похожа и ни на инген —
 Ни на отца, ни на мать... Чуть привстанет с колен,
 И залюбуются все — точно диво снегов
 Белое к людям попало негаданно в плен.

Бай, байбише почитали ее. Сколько раз
 Жертву богам приносили они не скупясь.
 Теплой золою в морозы ей бок согревали,
 Оберегали ее от завистливых глаз.

В жгучие зимы, когда замерзает слюна,
 Не долетев до земли, — не дрожала она
 От холодов. В самаркандских шелках почивала,
 К юрте прижавшись. А было другим не до сна.

Филина перья хранили ее. Амулет
 Был ей на шею из черного камня надет.
 Зрелую стала. И не понесла верблюжонка.
 Плакал хозяин впервые за множество лет.

Дико кружился баксы, заклинанья творя,
 С джинном горы, именуемой Каф, говоря, —

Не было толку. И как ни старался гадатель,
Сорок один кумалак он раскидывал зря.

«О мой народ! — обратился к народу Баглан. —
Нет мне отрады. В глазах моих серый туман.
Белая наша инген понести не сумела.
Правду скажите: как быть? Утешенья — обман».

Серой гусыней кричала в тоске байбише:
Разве ж ей бог не пошлет верблюжонка уже?
Тут-то и встал на краю сиротина плешивый, —
Мало кто помнил обычно об этой душе.

«Эй, люди добрые, родня,
Послушайте-ка и меня.
Баглан с семейством, не печалься,
Дождешься радостного дня!
Могу совет тебе подать.
Исполнишь так — ни дать, ни взять,
Повеселюсь на вашем тое,
Коль не забудете позвать!
Вам счастья черт не принесет.
Джин от беды вас не спасет.
Убьете вы инген, замучив.
Особый нужен к ней подход.
Скажу тебе я, мой народ, —
Я видел сон недавно: ждет
Верблюдицу, что не рожает,
Судьба особая. Так вот,
Послушайте, я буду прав:
Ее в ауле привязав,
Ей синий бычий рог скормите,
Его помельче построгав,
И светлый караганник... да!..
Ей дайте вы. И пусть тогда
Ее бура покроет старый.
Из шелка будет пусть буйда,
Ее покрепче привяжите,
Накрыв узорчатым ковром,
Ее от солнца берегите,
Как и от ветра. А потом...
Родит она... Поверьте, люди!
Сказал я — значит, так и будет!»

Дни пролетели, и стала инген тяжела.
 Вымя отвисло, и шерсть распушилась, бела.
 Хвостик серебряный, а голова золотая —
 Вот верблюжонка какого инген родила.

Только украл вор ночной верблюжонка — бота.
 Кто бы заметил? Большая была темнота.
 В месте безлюдном упрятал. А мать его продал
 Людям прохожим бог знает в какие места.

Вечером темным он темную сделку свершил.
 Встал караван и в дорогу опять заспешил.
 Криком тоскливым верблюдица ночь оглашала.
 Всё озиралась она. . . Был никто ей не мил.

Грустно ревела, к детенышу в муке рвалась.
 Грусть ее горькой, соленой рекою лилась.
 Словно бы тесто, песок она мяла ногами —
 Так он был влажен от слез ее горестных глаз.

А Сырдарья, сожалея, звенела о ней.
 Гуси и лебеди пели над ней всё грустней.
 Стихли джида и джингиль, помрачнев от печали.
 Ветер заплакал. Созвездия стали темней.

С хрустом ломались сухие кокпеки у ног.
 Если ж она отставала, чтоб ринуться вбок,
 Раб, к ней привязанный толстым, тяжелым
арканом,
 Гнал, торопил ее, сам, как она, одинок.

Раб обозленный: он продан. Всё чуждо кругом.
 В гневе она: как забудешь о сыне родном?
 Вместе они — человек и животное, только
 Как им поведать друг другу о горе своем?

Тьма безысходно страдает. Кусты туранги
 Тяжко насупились вдоль омертвевшей реки.
 Лишь одинокий кулик тихо свищет: «О, пусть же
 Сын твой вернется к тебе». . . О, безбрежье тоски!

Место глухое. . . Рыдает инген, а в ответ
 В пляске ужасной шуршат ковыли, да нет-нет

И остановится заяц в испуге и в грусти,
Да лишь кустарник чия ей поклонится вслед.

Множились звезды, роились они в небесах,
Так и брела с караваном инген, вся в слезах.
...Тяжкие крики лохматой верблюдицы разве ж
Не отзовутся ответной печалью в сердцах?

Трогал кобыз наши души. Не раз он, не раз
Переворачивал сердце любого из нас.
Кюй о верблюдице слушая, так мы грустили,
Словно мы сами брели по пескам в этот час...

Ночи последние летние так хороши.
Голос печальный разносится звонко в тиши.
Если инген упиралась, то бил ее злобно
Раб, к ней привязанный, с криком: «Айтшу!
Поспеши!»

Раб, он верблюдицу бил, не жалея кнута.
И если рвался натянутый повод — буйда,
Вновь его связывал он. А она обращалась
Кротко к нему: «Как жесток ты, ведь будет беда...

Что ж так жестоко твоя, в исступленье, рука
Бьет меня палкою? Раб, не сжимай мне бока.
Ты ведь невольник такой же, как я. Помни это,
Нам одинаково эта дорога тяжка!

Правда, инген не владеет людским языком,
Но... мы равны. Значит, пользы немного и в нем,
Сядь на меня, перережь этот повод. И вместе
Скроемся ночью. И след наш засыплет песком».

Только захочет ли раб от неволи бежать?
Пищу оставить, в безлюдных песках пропадать?
Гнал ее раб. Ночь густела. Инген тосковала.
Гнал на Ургенч. Била в очи песчаная гладь.

...Так вот легендой кюйши нам тоску навевал,
Кюй напевал, «Плачем белой инген» называл.
Разве ж мы знали, весь мир под напев забывая,
Что он сердца этой песнею нам отравлял...

Старая ль рана горела в груди у певца?
Кости ль его яд печали пронзил до конца?
Цель его знать я не мог в этом возрасте детском.
Помню, что степь с ним грустила. Не помню лица.

«Песню, что сердце в степной волновала глуши,
Песню кобыза, напев оскорбленной души,
Я бы за музыку целого мира не отдал,
Как и певца, как и старца казаха-кюйши!» —

Так чересчур старика в эти дни я хвалил,
Преувеличенно вечность ему я сулил.
Дряхлый старик... И кобыз-то дырявый. И голос
Так одинок... Нет, слепым, как котенок, я был.

Слушая горестный голос, теряя свой пыл,
Детство мое забывало, что полон я сил.
Этот несчастный кобыз, и дрожа и стеноя,
Собственным жалким недугом меня заразил.

Сказка его — плод судьбы или только лишь грез?
Может, из жизни былой он недуг свой принес?
А! Разбирать я не стану. Пусть критики пишут.
Пусть обсуждают о кюе назревший вопрос.

...Да, обманулся я, слушая кюй старика.
Стала душа моя вдруг боязлива, робка.
Ржавчина древнего кюя покрыла мне душу,
Сердце мне ядом своим пропитала тоска.

Кюй старика... Я поддался невольно ему.
Въелась печаль в мою душу. В угрюмую тьму
Сердце мое погрузилось. Не кюй раздавался —
Мозг мой отравленный пел. Что он пел? Не пойму...

Долго я жил с истощенной душой. Дух поник.
Сердцем свернулся я. Мучился я каждый миг.
В сердце мне нож ядовитый вонзил что есть силы
Этот печально игравший на струнах старик.

На Алатау туман опустился. У скал
Град застучал. Ливень с шумом на землю упал.
Речка Сарканд закипела, из русла рванулась.
Что в наводнение случилось с певцом —
я не знал.

б

Чистый и ясный поднялся над степью рассвет.
Кончился дикий и долгий буран. И в ответ
На золотые лучи запылавшего солнца
Воды запели, на склонах запенился цвет.

Доброе солнце от стужи избавило степь.
Сразу разбилась морозов постылая крепь.
В джинов и всякую нечисть мы больше не верим.
Общими силами рабства разорвана цепь!

«Жизнь и свобода, вы наши!» — аулы гремят.
«Будем мы жить наконец!» — бедняки говорят.
Черви-вредители, волки лежат, издыхая.
Красные флаги в степи, как тюльпаны, горят.

Толпы идущих вперед бедняков!.. Бытие
Новое, вторгшееся в горевое житье...
Солнце великое много народов согрело.
Капелька света легла и на сердце мое.

Я обозлился на кюй, доводивший до слез.
Я отделился от круга, в котором я рос.
Истину видел я раньше в заоблачных пиках.
Нынче же прямо решил я поставить вопрос!

Бурые пашни, пески, наши степи, стада,
Сверстников, девушек — всё я оставил тогда.
Славным, высоким лучам поспешил я навстречу...
Ездил я много. Большие видал города.

Да, я в гостях у народа прекрасного жил,
Много труда на учение я положил.
Разными люди меня угощали плодами —
Всё, что давали мне, брал я. И знанья копил.

Слышал я кюй, небо рвавший, всех кюев сильней.
Звучно гремел этот кюй над землею над всей.
Силу я видел, что скалы в песок разносила.
С треском, пылая, огонь заметался над ней.

Видел людей я, к единству пришедших навек,
Вставших сплоченно на труд, как один человек.
За руки дружно держались они, собираясь
Жизнь изменить, подчинить себе времени бег.

Сильные руки я жал. Я рабочих встречал,
В саже, в мазуте. Я блеск в их глазах замечал:
Радостный блеск. Кровь толчками бежала
по жилам,
Сердце мое здоровело, и дух мой крепчал.

Видел я толпы — с оркестрами в медном огне,
Кюй исполнявшими о наступающем дне.
Смыл этот кюй яд печали с горячего сердца.
Душу от ржавчины старой очистил он мне.

Молоты плющили мощно железа куски.
Плавка текла наподобье волшебной реки.
Тонкие нити из шерсти машины сучили,
Веяли мягким теплом от машин ветерки.

Плавился я, как чугун. Я в огне закипал.
Кюй небывалый меня, как и всех, согревал.
Выжав из крови жестокую горечь кобыза,
Он мое тело победно собой наполнял.

Кюй миллионов я слушал и думал: в огне
Красное солнце встает и идет по стране.
Совы ночные и мыши летучие дохнут. . .
Голос могучий волнение передал мне:

«Вставай, проклятьем заклеянный,
Весь мир голодных и рабов»

То не кобыз одинокий, что возле песков
Пел мне, мальчишке, угрюм, глуховат и не нов.
Нет. То стальная энергия, кюй всепобедный,
Кюй, исполняемый тысячами голосов.

Грозно плывет он, сильнее грохочущих струй.
Сердцу велит он кричать: «Мир свободный, ликуй!»
Эх, Молкыбай, одиночка с дырявым кобызом,
Разве б сыграл ты такой удивительный кюй!

Нет, не сыграет уж старый кобыз, не споет, —
Волк, что со стоном завыл, уже знает: конец настает.
Горькие слезы того старика означали:
Он обречен уже, с ним не пойдет мой народ.

Юности дерзкой и буйной отпела река.
Темного горя поводья моя же рука
Оборвала. И навек я простился с легендой
Высохшего и безрадостного старика.

...Так вот вернулся я из путешествия.

Нам
Свойственно всем погрузиться о былом... Но следам
Прошлого я не отдался. Пошел я по следу
Кюя, гремящего, нового, — новый и сам.

Так вот вернулся я после большого пути.
И заиграл я свой кюй. И сумел я найти
Песню свою, свой напев к беднякам обращая.
Песнь моя, всё откровенней звени! Вдаль лети!

И не один я такой. Каждый час, каждый миг
Всё он сильнее, молодых голосов переклик.
Кюй наш оркестром могучим гремит, пробуждая
Степь!.. И молчит отгрустивший, отпевший старик.

Кюй наш всесилен. Он преображает простор.
Место расчистив, он чертит на нем свой узор.
Яростно жизнь обновляя всегда и повсюду,
В пыль он стирает преграды, летит выше гор.

Кюй наш — уставшие, баям отдавшие труд —
Любят казахи-кочевники. Сами поют.
Раньше и думать не смели, чтоб голову вскинуть.
Нынче уверены: к цели заветной придут.

РАССВЕТ

Заиграл зари опал,
Тронув дальний край небес.
Мрак рассеялся, пропал,
Блеск высоких звезд исчез.
Синь рассек горячий луч,
Крася степь в багряный цвет.
И раздвинул кошмы туч
Лета жаркого рассвет.

Гул реки плывет в простор,
С гулом степи он един.
Широки объятья гор.
Звон и плеск на дне долин.
Чьи тут силы? Чей здесь труд?
Торжество каких побед?
Степь проснулась. Слышен гуд,
И потоком льется свет.

Мудрый, знавший гнет и страх,
Старец на холме сидит.
Сед, сутул он, мрак в очах,
Лоб морщинами изрыт.
Он прислушался в тиши
И смежил свои глаза:
Слышит плач и смеха звон,
Шум пиров и горя стон —
Древней степи голоса.

С юга, с севера они,
Из расселин, из песков,
С гор, что тучам лишь сродни,
Из озерных тростников, —
То грохочут, как обвал,
То гремят, как пенный вал.
На привал спеша ночной,
Чрез барханы и леса,
Гонит ветер кочевой
Древней степи голоса.

Что за гул по степи плывет?
 С Каратау, с горных высот,
 Из долин Сырдарьи и Чу
 Он сплошным потоком течет.
 Гулом степи полным-полны,
 Им пустыни потрясены.
 Старец ухом прижик к земле,
 Слышит гул, как раскат волны.
 Молоком обильным текли,
 С Алатау в степи текли,
 На сухие пески текли
 Струи рек Сырдарьи и Чу,
 Струи двух матерей земли.
 Пыль всклубилась. Враги идут,
 Кровь густыми ручьями льют,
 Грабят, душат, в полон берут.
 Для защиты рек-матерей
 Копья взяли батыры тут.
 Сбились, сшиблись. Звенел металл,
 Бурой кровью песок набухал.
 Стало тесно в степи от тел.
 Много там сражено наповал.
 На копье торчит голова.
 Стонет женщина, чуть жива,
 На аркане взятая в плен.
 Теплой кровью курится трава.
 В безрукавых кольчугах вся,
 На поджарых конях рыся,
 Вслед за ханом неслась орда,
 Сталью лязгая, голося.
 В час, когда закат золотел,
 На пригорок вожак взлетел.
 Одинокую юрту он
 Далеко в степи разглядел.
 Каждый всадник бьет скакуна
 И, поднявшись на стремяна,
 За поживой к юрте спешит,
 И во рту вскипает слюна.
 Юрта близко. Летят в нее
 И чокпар, и сойил, и копье.

«Стой! — спокойно сказал вожак. —
Мы успеем здесь взять свое».

А у юрты стайка ребят.
Их глаза в испуге глядят,
Слезы катятся по щекам,
Голод, жажда детей томят.
Снявшись ночью, аул ребят
Здесь оставил: придем, мол, назад.
А детишки без матерей
Блеют жалобнее ягнят.

Показал вожак на детей:
«Бей! — сказал он. — И кровь их пей!»
И рванулись всадники к ним,
Серошкурых волков лютей.
Пять минут — и трупы ребят
Окровавленные висят
Кверху ножками на кереге.
Вялят мясо так и коптят.

Содрогалась степь, и кругом
Всё, вопя, бежало бегом.
Караваны шли к Сырдарье
И тонули с людьми, с добром.
Актабан! Что тебя страшней?
Голодая, толпы людей
Из березок доили сок
И сушили лягушек, змей.

«Караван достиг, кочуя,
Каратау», — пели в те дни.
«Верблюжонок гибель чувствует,
Став сироткой», — пели в те дни.
«Позади страна родная,
Лютый враг гостит у родни.
И глаза переполняя,
Льются слезы», — пели в те дни.

.. Молоком обильным текли,
С ледников Алатау текли,
На пески, на травы текли

Струи рек Сырдарьи и Чу,
Струи двух матерей земли.
Кто в степи на кого напал?
Кто разбит? Кто добычу взял?
На какой взошел ты, казах,
Исторический перевал?

Чутким ухом к земле приник,
Гулу времени внял старик.
Повесть горькую слышит он,
Стоны, скрежеты, зык и крик,
Тайны страшные Сырдарьи
Разгадал он и тайны Чу.
Кровью крася струи свои,
Покорялись реки мечу.

«Песни, песни старых времен
О кровавых распрях племен, —
Прошептал, вздыхая, старик, —
Вашей правдой я потрясен.
Как нарочно, ветер степной
Заиграл, запел надо мной,
Были страшные мне принес
О моей стороне родной».

РАБЫ

Он примчался, тот ветер, с гор,
Так вот кони во весь опор,
Разъярясь, на байге летят,
Пожирая глазами простор.
Что я слышу, песни иль стон?
Чей-то зов или сабель звон?
Сердце замерло. Стынет кровь.
Это голос давних времен.

...Алатау в короне льда.
С ледников там бежит вода.
И такое пастбище там,
Что не снилось нам никогда.
Был на пастбище летней порой
У киргизов с казахами той.

Трое суток пленялся народ
Состязаньем борцов, байгой.

Среди елей, темных всегда,
Где бормочет ключей вода,
Муравейником шевелясь,
Беззаботно пирует орда.
Мясо с жиром, как холм, растет,
И кумыс родником течет.
«Недостатка ни в чем тут нет», —
Говорят те, кто ест и пьет.

Табакши скачут тут и там.
Всё раскатистой шум и гам.
Знаменосец на холм спешит,
А за ним — толпа по пятам.
Вот отборные скакуны,
Напряженной тугой струны,
Ждут сигнала, чтоб мчаться вдаль.
Ленты в гривы их вплетены.
Подан знак. Пошли! Понеслись!

У холма же — игра саис,
И борьба и стрельба в мишень,
А поодаль — акынов айтыс.
Вот байги кончается срок,
И мелькание конских ног
Как сверканье летящих стрел.
Крик гортанный небо рассек.
Кони ближе, ближе, и вот
Камни прыгают, шум растет.
Вороного догнал гнедой —
Кто-то первым из них придет?
А старик всё к земле приник.
Веки плотно прикрыл старик.
Чутко слушает слитный гул,
Как ревуший вдали арык.
Скачки кончились, краток суд,
И награды джигитов ждут.

Вскоре всадники из толпы
Зарысили в сторону юрт.

У кегенов, как овцы, в ряд
На арканах рабы стоят.
Все с надрезами на ушах,
Стонут, в землю тупо глядят.

Вон старуха, два старика,
Да безусых три паренька,
Да три девушки молодых —
Их ведут, толкнув под бока,
В дар владельцам лучших коней...
Степь! Позор до конца испей!

...Покачал головой старик.
В его сердце — горный ледник.
Слезы чистые, как родник.
И упала с глаз пелена.
Он на грудь головой поник:
Что за черные времена!

ЖЕРТВА

Ветер летит над рекой,
С ропотом волны взвились.
Слышится голос глухой,
Словно рыдает кобыз.
Что это? Песня ли, крик?
Зов или жалобный стон?
Слушает мудрый старик
Голос ушедших времен.

Земли, где Волга течет,
Некогда облюбовал
Живший в кибитках народ,
Там он, кормясь, кочевал.
Хан над народом стоял —
Деспоту не прекословь...
В Волгу, кропя краснотал,
Каплями падала кровь.

Девушку, весен нежней,
Вырастил волжский простор.

Станом — березки стройней,
Кожей белей, чем фарфор.
Волга взломала свой лед
В час богатырской игры.
Девушка та в ледоход
Бросилась в Волгу с горы.
Это, ее пожалев,
Пряча в туманы свой свет,
Жалость приносит и гнев
Бледный от горя рассвет.
Волга текла, присмирив.
Ханский встревоживши стан,
Старый суфи нараспев
Нудно тянул свой азан.

Кто эта девушка? Кто
Смял ее нежную жизнь?
Кто погубил и за что?
Эй, старина, расскажи!
Розы нежнее цвела
Девушка, полная сил.
Пленницей хана была...
Он ее жизнь погасил.

Войско собрав, воевал
Хан на чужой земле.
Много сокровищ он взял,
Девушку взял в том числе.
Роскошью окружена,
Множеством яств и сластей,
Стала утехой она
Ханских звериных страстей.
К хану пожаловал князь,
Чин и халаты привез.

И увидал, распалась,
Девушку — розу средь роз.
Хану он только мигнул,
Тот, разгадав его пыл,
Пленницу к князю толкнул,
Ложе свое уступил.

Бедная! Милый твой где?
Он в подземелье сидит.
Шлет он проклятья беде,
Ржавую цепью гремит.
Отблеск зари был кровав.
Пленница с криком тоски,
Князя объятья порвав,
Пала в объятья реки.

«Волга моя! В белый дым
Я унесусь, как во сне,
Саваном стало моим
Белое платье на мне».
Вот и не стало ее.
Светлая Волга течет,
Вечная, как бытие,
Волга жива. Жив народ.

Смыла бедняжку волна...
Чтоб от стыда не сгореть,
Силы душевной полна,
Девушка встретила смерть.
Пены вскипающей сказ,
Волн набегающих былъ
Ветер, над степью носясь,
Буйно развеял, как пыль.

ПОХОД НА ОТАР

Ветер с северной стороны.
Тучи, как уголь, черны.
Топот ног и скрипы телег.
Это поход? Иль набег?
Иль кровавых битв полоса?
Степью летят голоса.
Плотно к сухой земле приник,
В слух превратился старик.

Годы горьких бедствий грядут,
Вопли и слезы несут.
Это катится горя шквал
От Иртыша на Урал.

Это дрожат остовы юрт
От Балхаша по Устюрт.
Это плывут с реки Нарын
Стоны в просторы равнин.

Будто его породил буран
Или морозный туман, —
Войско в степи с Урала идет,
Из пущ Сибири идет.
Нет дорог, а оно идет,
Нет воды — оно идет,
Лето, осень, зиму идет,
Песни в походе поет.
Вот пополз по барханам слух,
Достиг Алатау слух:
Мчатся гонцы в Омск на гнедых.
Грамоты в шапках у них.
В каждой грамоте той поклон
Подписью ханской скреплен:
«Бьем челом, богом данный царь,
Всея Руси государь!

Прими нас в подданство свое.
Смотри — склоняем копые.
Начнешь войну — рядом с тобой
Мы ринемся львами в бой.
В степь нашу ждем твоих купцов,
Под звон рублей, бубенцов.
Ждем! Возглавят их караван
Муллы и святой ишан».

Войско меж тем идет на юг,
Позади — Омск, Оренбург.
Двигаются кони, пушки везут,
Верблюды с водой бредут.
Черняев тут. Перовский тут,
Совет меж собой ведут.
Пыль, духота, серый туман.
Далек, далек Туркестан!

Аккан, Аппас, ты, Букей-хан,
Бай-Манап, Шабдан, Чорман,

Родовитейший хан Орман,
Кунанбай-ага-султан!
Вас прельстила погон краса,
Медали слепят глаза.
Всё продаете: землю, скот,
Совесть свою и свой народ.
С царской челядью то и знай
Пьете вы кяхтинский чай.

Но худа нет без добра —
Слышится стук топора.
В урочищах, где есть вода,
Стали расти города.
Встает Казалинск, возле вод
Семипалатинск растет,
Там, где гор бела высота,
Стронтся Алма-Ата.

Русский пахарь, пастух-казак —
Братья. Свет один в глазах.
Русский ткач и казах-шахтер —
Братья! Беден у них шатер.
Но не русских братьев, не их
Царь послал в степь — стáновых,
Управителей волостных,
Судей да городовых,
Да купцов, чтоб грабить и красть.
В степях, где овцы, — волчья власть!
Царь «Положенье о степях»
Ввел, и лишился прав казах.

«Край мой! — стонал казах, скорбя, —
Что ж теперь ждет тебя?
Смелые, как Бекет, орлы
Закованы в кандалы.
Везут кони без бубенцов
На каторгу удальцов».

«Встали колеса арбы — взгляни!» —
Пели казахи в те дни.
«От родов остались крохи одни», —
Пели казахи в те дни. . .

«К родичам рвемся мы. Где же они?» —
Пели казахи в те дни.
«Пушки грохочут. Не слышно родни», —
Пели казахи в те дни.

Род Бугы и род Сарбагыш
Шумят, как в бурю камыш.
Один за русских рвется в бой,
Другой за Коканд горой.
Встал Коканд бессилен, но смел —
Русских сломить захотел.
А чем? Кетмень, кистень у всех:
Не оружие — просто смех!
Грузно перевалив Кастек,
Тридцать тысяч человек —
Вся рать Коканда — в темноте
Двинулась к Алма-Ате.
Вот Узун-Агач. Там стоят
Тридцать шесть русских солдат.
Бился, кистенями звеня,
Коканд против них три дня.

Гнула под войском мать-земля,
Войско, свой пыл утоля,
Проиграло трехдневный бой,
Пустилось бежать домой.

«Навек я раб Ваш, генерал, —
Писал тюре-аксакал, —
Вверяю Вам себя и рать
И ставлю к сему печать».

Победу воспела печать.
Что печать! Этого мало!
Царь поставил генералу
Памятник в честь оказии:
«За покорение Азии,
За храбрость в кровавой сече,
За победу в Семиречье
На месте степного боя
Бесстрашному герою

Овеянных славой времен
Сей памятник сооружен».

«Казахи — добыча моя,
Степь — место охоты, а я
Орел. . .» И в степные края
До всех эти мысли довел
На камне чугунный орел.
«Навек, Колпаковский-герой,
Слава пребудет с тобой
За храбрость на поле брани» —
Высечено на камне.

Клекот белого смерча дик.
Страшен белой метели крик
О генеральских победах
И о народных бедах.
«Как народа скорбь велика,
И урон народу какой!» —
Скажет памятник, что в века
Вбит как гвоздь царевой рукой.

Горе уларом кричало
От Иртыша до Урала,
Качало ряды черных юрт
От Сырдарьи по Устюрт.
Бился, пенился горя шквал
От Балхаша по Арал.
Были в плену черной тоски
И ковыли и пески.

Кто в блаженстве? Лишь вражий стан —
Царь, генерал да хан.
Ветер вместе с лютой стужей
Доносит залпы ружей.
Казах ли, пришлый ли человек,
Вам саваном белый снег.
Ветер мчит из дали времен
Проклятья, вопли и стон.

Бесправье! Идут в кандалах
Русский бедняк и казах.

Набеги! Страдает казах,
А с ним и русский бедняк.
Бураны по отчему краю
Летели, гася огни.
Старик вздохнул: «Помню, знаю,
Были здесь черные дни».

СКИТАНИЯ

Ища урочищ без куги,
Меняя галоп на рысь,
На верблюде Асан Кайгы
Ехал — то вниз, то ввысь.
Что это — пира шум иль стон?
Ропот иль радости крик?
Молча, в раздумья погружен,
Слух наострил старик.

Много ль, казах, земель вспахал?
Талас, Иртыш, река Урал
Оживят ли влагой край —
Джетысу и Кустанай?
Иль разводить без лишних дум
Четыре вида скота...
Летом айран, зимой согум —
И сам и семья сыта!
Иль полей и отар не знать
И просто почту гонять?

Сказав земле: «Ты — наша мать!» —
Казахи то тут, то там
Стали степи свои пахать —
Детей приучать к полям.
Рад казах: «Я хлебом живу!»
И всюду, глаз веселя,
Как сновиденье наяву,
Зазеленели поля.

Но солнца шар кровью зардел.
И едет, от пыли сер,

Проводя земли передел,
С кокардою землемер.
Вот он, грабя без лишних слов
И лучший отрезав дол,
К казахским пахарям суров,
В чернозем вбивает кол.

Бурый беркут чертит круги
Над отобранной землей.
Вспомнили Асана Кайгы
Люди степи травяной.
У Асана, у мудреца,
Был путь в Жидели Байсын,
Там в году ягнится овца
Три раза, а не один.

Там верблюдов тысячу штук
Сочтешь у юрты одной,
Там обилен и сочен луг
И круглый год водопой.
Там озерная гладь чиста,
Лебяжья стая на ней.
Там в тени одного куста
Укроешь косяк коней.

Светла мечта, а явь темна...
«Прощайте, душа и скот», —
Так повторял в те времена
За Бекетбаем весь род.
Бросал поля и шел в пески
Лишенный земли народ.
Пел песни горя и тоски
Жираву в тот черный год.

Зимовки жег бездольный люд,
В колодцы бросал собак.
И дым густой то там, то тут
Взмывался, как черный флаг.
Слышались вопли матерей:
«Тебе не пойти ли, сын,
Из этих мертвых пустырей
В простор Жидели Байсын?»

Омыв слезами прах могил,
Покинув зимовки, люд
Шел туда, где зверь голосил,
Где ждали стужа и джут.
... «Прощайте!» — степям говоря,
В города, где тяжек труд,
Проклиная волю царя,
Страшники тихо бредут.

ВОЛНА
(1916 год)

Яд змеиный разливая,
Лютой злобою горя,
Полетело в степь без края
Слово белого царя.
Это стон раздался глухо?
Это песня или крик?
И в волнении не ухом —
Сердцем слушает старик.

Степь узнала участь вдовью,
Разграбленью предан край.
Не зеленым соком — кровью
Истекал в степи курай.
В испытании жестоком
Гибнут люди, гибнет скот.
А на западе далеко
Днем и ночью бой идет.

«Сыновей берут в солдаты!
На войну сынов берут!» —
Словно стаи змей проклятых,
Вести черные ползут.
Ропщет степь. Суфи и муллы
Голос подняли, молясь.
С Бекетбаем по аулам
Стали петь акыны враз.
Молча слушают и хмуро,
Как седой акын поет:
«Шестиустым, шестишкурым
Царь считает наш народ.

Завладев степным простором,
Он в пески нас оттеснил,
Четырехрублевым сбором
Каждый дом он обложил.

Для него, царя, не в грош мы!
Опираясь на штыки,
Взял он юрты, взял он кошмы,
И попоны, и чулки.
Взял верблюдов, аргамаков,
Гонят всех овец к нему...
Царь поклялся нам: «Казахов
Я в солдаты не возьму».

Он нам в грамоте поклялся
Сыновей у нас не брать
И под клятвой расписался,
Приложив свою печать.
Нет, не сдержит клятву банда!
Слышь, шумит гяуров пир?
Заграбастала Антанта
Весь большой подлунный мир.

Битвы шли, бойцы побиты.
Предан ты царем, казах.
И теперь идет, джигиты,
Речь о ваших головах...
Перебьют вас в снежной дали —
Вам родных не видеть мест.
И один жених едва ли
Будет тысяче невест!

Эй, джигиты! Клятвой ложной
Белый царь нас обманул.
Ждать пощады безнадежно.
Не давай сынов, аул!» —
Так акын взывал к народу.
Было множество певцов,
Их несли от рода к роду
Спины лучших жеребцов.

Скорбь в сердцах. На веках слезы,
А в словах певцов — металл.

И тогда, презрев угрозы,
На царя народ восстал.
«Не дадим сынов в солдаты!
Царь пускай воюет сам!» —
Это ропота раскаты
Прокатились по степям.

В том году края степные
Запылали мятежом.
Становые, волостные
Умирили под ножом. . .
Началось! Пополз по-рачьи
Тот, кто грабил здесь народ.
В степь пришли полки казачьи —
Трона царского оплот.
Чтобы захлебнулся страхом
Бунт пастушьих дымных юрт,
По киргизам, по казахам
Пулеметы, пушки бьют.

Как от стаи волчьей в страхе
Стадо мчит, ища приют,
И киргизы и казахи
От карателей бегут.
Бьют нещадно, не смолкая,
Дни и ночи напролет —
Батарей боевая,
Стальногорлый пулемет.
Вспомнив предков и аллаха,
Покидая отчий край,
Побрела толпа казахов
Кто к афганцам, кто в Китай.
В скорби, в ужасе, в тревоге
В этот черный страшный год
Были брошены в дороге
Трупы, юрты, скарб и скот. . .

Вброд Иртыш переходили,
В Касе пенили волну,
Там погибель находили,
Под обстрелом шли ко дну.

Как забыть «набор джигитов»?
Был тот год кровав и крут.
Ни казахом не забыт он,
Ни киргизом не забыт он,
Как сплошной великий джут.

Был на месте иль бежал ты,
Спину гнул иль молча ждал,
Если беден был — в солдаты
Непреренно попадал.
Вот конец народной драме!
Стонет сломленный народ.
И набитый тымаками,
Как убойными быками,
Эшелон на фронт идет.

Кто же выиграл? Кто лапы
От наживы потирал?
Только баи да манапы —
Тот, кто списки составлял
И за взятки от угона
На войну освобождал.

Так в степи во время джута
Ворон черный — трупоед
Чистит клюв и смотрит люто
На обглоданный скелет.
. . . Ветер. Слышен погребальный
Дальний, полный скорби гул.

Старец тихо и печально
Вдаль взгляделся и вздохнул.

СВОБОДА

Как буйно играет вода!
Весною хлынули реки.
Бестями звенят провода:
Свобода! Свобода навеки!
Что это? Пирует весь мир?
Враг сдался? Победа большая?

Сраженье иль радостный пир? —
Старец себя вопрошает.
Все радуйтесь! Радуйтесь! Эй!
Проснись! Пробудись! Ободришь!
Семьею сплотимся тесней!
На руки друзей обопрись!
Свобода! Ура! Свобода!
Согнали с престола царя.
Забыты старые годы.
Землю трудом озаря,
Братьями станут народы.
Города, аулы — страна
Ликует, вестями полна. . .
Купец и разъевшийся бай,
Кричи! Голосуй! Выбирай!
Ты видишь разинутый рот?
«Такой-то туда-то идет».
«Выбирают туда, сюда
Из орды, из большого гнезда».
Хуриат? Ура! Хуриат!
Мы предложим всем шарият.
В Курултай наш должны пройти
Казы, и казрет, и муфти.
Из-за черных, белых шаров —
Жаркий спор умнейших голов.
Хватит споров! И жирный плов,
И душистый кумыс готов.

В голове у народа тьма.
Не беда! Достанет ума
У мурзы, толмача, купца,
У тюре, у бека-дельца.
Да и сам волостной готов
Не жалеть для свободы слов!
Людям больше уж невтерпеж.
«Мой алаш!» — кипит молодежь.
Как сурпа, весь край клокотал:
«Комитет! Газета! Журнал!»,
«Тот туда, тот с тем-то попал!»,
«А такой-то то-то сказал!»
Бек, услыша это, исторг
Не людской — телячий восторг.

Мутных сил весенний наплыв,
И хмелящий слепой порыв.

У буржуя, как встарь, завод.
И у бая, как прежде, скот.
И у барина вся земля —
Водопои, трава, поля.
У правительства роль проста —
Это плеть в четыре хвоста.
День за днем —
Своим чередом,
А на западе пушек гром.
Запах крови людской кругом.

И бедняк, как прежде, бедняк,
На него и плеть и кулак.
Где же равенство? Нет его.
Пролетарий лишен всего.
Голодает, как голодал,
И воюет, как воевал.
Посмотри, во весь горизонт
Протянулся кровавый фронт.
И народ простой клокотал:
«Где ж хваленый ваш хуриат?
Костью в горле обман ваш встал,
Хватит крови и канонад!
Скоро ль смоем всё это шквал?»
Голос свой возвышал народ.
Старец, слыша это, сказал:
«Не большой ли день настает?»

БЕЗВРЕМЯ

Взмыл в небо полосатый стяг.
«Алаш! Алаш! . . .» — летит в степях,
Как зов к молитве сотен мулл.
Откуда этот слитный гул,
Протяжный этот крик?
Старик опять к земле прильнул,
И слушает старик.

Жуаны, бай и мурзы,
И бии, и казы,

Арабской вязью кто писал
И кто Коран читал —
Кричат, волнуются, спешат,
На крыльях радости летят
В старинный Орымбор.
Все как один попасть хотят
На первородный сбор.

Казахам видится мираж,
Объединил их клич «Алаш».
«Я рву с кадетами навек,
Отрекся я от них, —
Клянется тучный человек, —
Корана чту я стих.
Прочту аят в вечерний час
На кладбище, где спит Ураз.
Я омовенья совершил,
Я в руки взял Коран,
Чтоб сбор открыть всех наших сил —
Съезд истых мусульман.

Нас инородцами честить
Довольно! Жив наш край!
Молили мы нам разрешить
Созвать свой Курултай.
А большевик, как ястреб, пал
На рябчиков весной,
Разбил, рассеял, разогнал
Наш Курултай степной».

«Какой же ваш совет?» — спросил
Тот, кто в звонок звонил.
Ответ такой услышал он:
«Слова из ваших уст — закон!»
— «Ага! Тогда вы сыновей
Сажайте на коней,
И утвердится пусть тогда
У нас Алаш-Орда».

И снова гвалт и ералаш,
И хриплый крик: «Алаш! Алаш!»
Хвастливых строк водоворот:

«Отдаст и душу нам народ,
И кошмы все, и скот.
Пусть бий вершит свои дела,
Пусть молится мулла».

... Бывало, умирал старик,
Что был всю жизнь богат,
Вокруг стоял и плач и крик,
Был каждый родич рад
Для искупления грехов
Ягненка взять, телка,
Коня... Мулла был взять готов
Весь скарб у старика.
Над трупом слезы и дележ
Добра среди родни.
... И Курултай, где шел галдеж,
На похороны был похож
В те памятные дни.
Там шли словесные бои,
Шумны и горячи,
Вершили там дела свои
Степные богачи.

Текли там реками слова.
А в тех словах — туман.
Один — правительства глава,
Другой — Коканда хан.
«Алаш! Алаш! Наш день настал.
Назад дороги нет», —
Захлебываясь, возвещал
Националист-поэт.

К оружию призывал поэт
И страсти разжигал.
Настало время черных бед,
Кровавый день настал.
Алаш-Орда решила вдруг —
Колчак наш лучший друг!
Подальше от большевиков
Держать, хоть силою штыков,
Нам надобно народ.
А Дутову и Колчаку

Дадим, чтобы не быть в долгу,
Оружие и скот.

Там старец из Алаш-Орды
С клочком линялой бороды
Точил умильно лясы:
«Зачем перед лицом беды
Делить народ на классы?
Зачем тут — белый, красный — там?
В ауле, говорю я вам,
Исчез уклад старинный.
Друг друга ловят на штыки
Алаши и большевики,
А ведь казахи-степняки
Спокон веков едины!»

Толмач у старца не зевал.
Он сразу офицером стал,
Головорезов понабрал
И мчит в папахе белой.
Под ним ярится конь гнедой,
А он, клянясь Алаш-Ордой,
В аулы, где народ простой,
Летит остервенело.

Откуда дым? Аул сожжен.
Позорят девушек и жен,
Грозя штыком да цепью.
Вся банда кровью упилась
И втаптывает трупы в грязь.
Айда! Гуляй всей степью!
Толмач у старца не зевал,
Он старца адъютантом стал,
Он саблей атаману стал,
Парчой мундир украсив.
Всех непокорных зарубил,
«За что?» кричавших задушил,
Себя обезопасив.

Над степью шел кровавый дождь.
В степях трясла аулы дрожь.

Тащили на расправу
Большевиков, и кто за них,
И их друзей, и их родных.
Народ рыдал. Вот слава
Алаш-Орды кровавой.
И этот трудный перевал
В истории ты миновал,
Казах. Вон весь в скелетах
Обрыв. За ним кровавый ров.
«Здесь за казахов лили кровь», —
Но кто проверит это?
«За кровь казахов лили кровь», —
Но кто поверит в это?

Плескался полосатый стяг,
Позорный и продажный.
«Алаш! Алаш!» — в сухих степях
Стеллился крик протяжный.
И всё: и стяг, и клич в степях,
И кровь людей, как легкий прах,
Как пепел лихолетий,
Степной развеял ветер.

РАЗГУЛ АТАШАНОВ

Падая ниц и взлетая,
Усопших зовя на суд,
По ветру Тарбагатая
Текут голоса, текут...
Делаясь громче, сильнее,
Стенанья растут во мгле.
Кровь в старике леденеет,
Он ухом припал к земле.

Бешеным белым куланом,
Ищущим в снеге корма,
Стужею, джутом, бураном
Нагрязнула в степь зима.
Лютый буран разгулялся,
Морозный взвивая прах,

Как заяц, народ сжимался —
Свирип желтоплечий враг.

Как прежде, начальник в силе,
Всех распекает и бьет.
Черные дни наступили,
Страхом объят народ.
Пушки палят по кстау,
Кровь залила, как поток,
Тарбагатай, Алатау,
Села Черкес и Антон.
Снова вернулось бесправье,
Время аульных господ.
Чудище с глоткой удавьей
Жрало без жалости скот.
Жалобный стон да молитва,
Плетка да ржавая цепь...
Острым клинком, словно бритвой,
До крови бреют всю степь.

Стонут, вопят аулы —
Всюду резня и грабеж.
В дружбе с бандитами муллы
Благословляют их нож.
Белый бандит Аблайханов,
Анненков — черный бандит —
Грабят народ непрерывно, —
В страхе народ дрожит.

На берегах Алакуля,
Близ Алатау — везде
Пели свинцовые пули,
Песню о черной беде,
Реки краснели и скалы.
Жутко во тьме голоса,
Трупы терзали шакалы,
Степь очервивела вся.
Было кровавым это
Злое проклятое лето!

СЛАВЫМ ГОЛОСОМ

И в черное время цветут
Девушки из народа!
Ее луноликой зовут,
О ней, ясноглазой, поют,
Ее берегут и чтут
Первой красавицей рода.
Ее увидел толмач —
И айда к атаману вскачь:
«Никто, кроме Вас, недостойн. . .»
И сразу был сговор устроен.

Какой с атаманом торг?
Родню оделил он дарами.
Ягненочка белого волк
Схватил с вождельеньем зубами.
Волостного — рукой по плечу,
Хорунжего чин — толмачу.
И пошло присловье гулять:
«Теперь атаман — наш зять».

Куда ей идти? Она
Над своей судьбой не вольна.
Осталась одна на свете —
Воробьем, попавшим в сети.
Злой человек наступил —
Слабый побег сломил.
Крупный, холодный град
Весеннюю травку побил.

Горит атамана стан.
Трусливо бежит атаман.
Бросил он всё на путях —
Верблюдов, людей, припасы.
Полиняли его лампасы.
И ветер потом пропах.
Огненный смерч разметал,
Рассеял белые орды.
Спасаясь, в Китай бежал
Атаман, жестокий и гордый.

.

В горах Тарбагатая,
На рубеже Китая,
Осталась совсем одна
В дымной и зыбкой дали
Атамана жена —
Точкой на перевале.
«Женой гяура была.
В неволе слезы лила.
Одной вернуться сквозь горы?
Стыдно! Пойдут разговоры...»

Одна, совсем одна.
Слабая, еле живая,
Горько рыдает она,
Дерево обнимая.
«Лебедушкой я была,
Озерным простором плыла,
Заблудилась вечером, кликая,
Белоликая,
Луноликая...»

И вот я, униженная,
Сверх меры обиженная,
Кабана-атамана стала женой,
Приняла против воли объятья.
Прими ж, негодяй волостной,
От кабаньей жены проклятья!
Бабочкою степной
Я меж цветов порхала.
Судьба, как жуку весной,
Крылышки мне обломала.
Люди! Нежна, как луна,
Девочкой, полуробенком,
Я в жертву была отдана,
С заколотым схожа козленком.
Прощай, мой народ, мой край,
Родная земля, прощай!»

Поземка метет. Не светит
Солнце. И в тишине
Слова ее слышит ветер:

«Пусть никому на свете
Не будет так горько, как мне».
И голос всё тише, тише,
Как будто сковал его сон.
И в тишине чуть слышен
Робкий, последний стон.

На одичалом просторе,
По тракту на Чугучак,
Рвала свои волосы в горе
Женщина, медля шаг.
Плотно сжимая губы,
Не отогнав тоску,
Она приблизилась к дубу,
Повесилась на сук.

Буран, ее труп качая,
Запел похоронную ей.
И серая волчья стая
Откликнулась в шири степей.
Скрипели дубы и ели,
Стон слышался, бляенье, лай.
И желтые ветры летели
Оттуда, где Тарбагатай.

ПРЕДВЕСТЬЕ ОКТЯБРЯ

Мир стал моложе иль старше?
Он до основ потрясен
В громе походного марша,
В зареве алых знамен.
Топот, колеблющий землю,
Гром над землей молодой...
«Что это?» — топоту внемля,
Вымолвил старец седой.

В северном городе где-то
Длится невиданный бой.
Воин один — в эполетах,
Воин в мозолях — другой.

«Править страной своей станут
Скоро рабочий, мужик,
Те, кто в труде непрестанно», —
Молвил большой большевик.
Октябрь! Твой голос хотели
Прервать и свести на нет
Курултай-пустомеля
Да байский продажный поэт —
Кличем «Алаш», клеветою,
Ударами в барабан,
Ложью елейной, святою,
Которой набит Коран.

Весна. Броневая машина.
Вождь встал на крыло. И вот —
Льется, как с горной вершины,
Смелая речь исполина,
Заводы подняв, Балтфлот.
Везде — на море, на суше —
Встает трудовой народ.
И слушают старца уши,
Как масса на штурм идет.

В северном городе где-то
Длится решительный бой.
Воин один — в эполетах,
Воин в мозолях — другой.
Интернационалом,
Гимном земли небывалым,
Ухало и грохотало.
Старец, казалось, оглох.
Нет! Не оглох — зазвучала
Музыка новых эпох.

КРАСНАЯ ЗВЕЗДА

(Отряду Алибея)

Гимн Октября, медью звеня,
Ринулся вдаль. Ожил простор.
Звуки летят быстрее коня,
Мчащегося во весь опор.

В дни, когда не повержен враг,
Кто это там, в степи, возник?
Что в руках его — пламя, флаг?
Кто это? — хочет постичь старик.
Воет, скрежещет, вихри вьет
Зимний ветер, степной дракон.
Вся земля закована в лед,
Снег застилает небосклон.
Шабаш снега на всей земле,
Солнца нет. Не видна луна.
И в беспросветной, мутной мгле
Одна горит звезда. Одна!

Буйна, как бай навеселе,
Вьюга в степи, ей удержу нет.
Вьюга на небе, на земле,
Но сквозь вьюгу мерцает свет.
Вестник утра, Шолпан видна
В небе, одетом пеленой.
На стужу, тьму, буран она —
Одинешенька! — вышла войной.

Чу! Из Астрахани несут
Буйные ветры весть весны.
С тех сторон, где Каспия гуд
И ветер свеж, солен и лют,
Караваны с грузом идут,
Ружьями нагружены.
Караваны спешат, идут,
Торопится каждый верблюд.

Белогвардейская чехарда
Или степная Алаш-Орда —
Всё это кровь, голод и джут.
Люди в степи стонут и ждут.
Шел караван. Степь широка.
Путь истории — шаг солдат.
Под началом большевика
Шел совсем небольшой отряд.

Кто же солдаты? Башкир, казах.
О командире же говорят —

От Ленина он получил мандат
И на древке — огненный стяг.
Он для врагов — разящий свинец,
Мягкий шелк — для своих друзей.
Это новой эпохи боец,
Несравненный наш Алибей.

Он и алаш-ордынцев гнал,
Бил и остатки белых стай,
Под Оренбургом воевал
И штурмовал родной Тургай.
Он — одно с отрядом своим,
Духом смел и глазом остер.
Сам гонялся и был гоним.
Ну а сердце его — костер!

В степь принес ты свет Октября,
Шел на подвиг, страха не знал.
Партии нашей, орлом паря,
Ты доверие оправдал.

Десять лет пронеслись, старик,
Посмотри — ликует страна!
Мы в строю, наш строй многолик,
И на всех наречьях язык
Назовет друзей имена.

Слышишь вражий бессильный крик?
Казахстаном шагай, Алибей!
Старый, славный боец-большевик
И счастливейший из людей.
Жизнь живешь ты, звездой горя.
А народ наш — солнца светлей.
Защищая путь Октября,
Не отступим мы, Алибей!

ВЗРЫВ

Ветра летнего порыв,
Или ливня перезвоны,
Иль в горах высоких взрыв,
Или поступь миллионов,

Иль тысячеустый крик
Небо синее колышет?
День и ночь не спит старик,
Он приник к земле и слышит:

Ливень! Обновив красу,
В брызгах степь затрепетала.
Поколеблен Джетысу,
Мгла в ущельях реже стала.
После горя и невзгод
Снова силой наливался,
Воскресал степной народ,
Оживал и поднимался.

Рать за ратью! Ровен шаг.
Беднота шла, оживая.
Пламенея, вьется стяг,
Льется песня трудовая.
Тот, кто раньше горевал
И не знал, как светят зори,
Шел в строю — и стар и мал,
Отрешась от бед и горя.

Наш Октябрь — и тьме конец!
В Октябре источник света!
Степью правит наконец
Власть народа, власть Советов.
И встал проклятьем заклеянный
Казах, киргиз, пастух, батрак
Сорвать рукою непреклонной
Орла с колонны — царский знак.

«Нас Компартия ведет,
Мы теперь навек свободны!» —
Кто-то крикнул, и народ
Сделал клич тот всенародным.
И пошел тот клич звенеть
На немереном просторе,
По пескам, где скрыта нефть,
По степям, где трав не счесть,
По лесам, где листьев медь,
От предгорья до предгорья.

Алатау задрожал,
В буйный пляс земля пустилась,
Гимн «Интернационал»
Загремел, загрохотал —
Вся земля им огласилась.
От Балтийских берегов
До крутых тянь-шаньских склонов
Мчался он, рабочий зов,
Мчалась песня миллионов.

Улыбнулся тут старик,
Кровь в его забились жилах,
Каждый мускул ожил вмиг
И обрел былую силу.
Все — аулы, поле, луг
Позабыли лихолетье.
И старик увидел вдруг
Небо, землю в новом свете.

ОКТЯБРЬ В СТЕПИ

Из гранитного города,
По безвестным аулам
Голос страстно и молодо,
Несмолкаемым гулом,
Как поток, вдруг обрушился.
Старец встал и заслушался.
«Это, — молвил он просто, —
Не октябрьская ль поступь?»

Да! Настал удивительный
Час, что судьбы решает.
В бой горячий, решительный
Мой народ выступает.
Бой тот, полный горенья,
Алым знаменем вспенен,
И на штурм — в наступленье —
Поднимает нас Ленин!

С хрустом плечи расправила,
Пробудясь, степь большая.

Рать врагов обезглавила,
Шла, Октябрь возглашая.
Буйно шла она, молодо,
Вся облитая светом,
Серп скрестившая с молотом,
Рать, чье знамя — Советы.

Стал Октябрь наш хозяином!
Эй, рабы, выходите!
Стал Октябрь наш хозяином,
Цепи ржавые рвите!
С боем волю берите!
По горам, по урочищам,
Над посевами хлеба,
Клич будил рати-полчища,
Сотрясая всё небо.

Вдохновенные, грозные,
В славе первых сражений,
Шли полки красноезвездные,
И на стягах их — Ленин.
Пред алашами, белыми
Претерпевшие страхи,
Их встречали несмелые,
В рваных шапках казахи.

«В бой, товарищи!» — кинули
Клич герои похода.
Сразу юрты покинули
Все джигиты народа.
Получила оружие
Беднота из аулов.
И на вражье окружие
Смотрят грозные дула.

Серп зазубренный с молотом
Водрузили на знамя,
Что в колосьях из золота
Трепетало, как пламя.
И была сердцу близкою
Речь пастушья любая,

Огневой, большевистскою —
«В бой, народ, против бая!»

И ответ населения
Утопал в шуме-гаме:
«Степи ждут обновления.
Обновим мы их сами!»
Волны гнева народного
Слили небо с землею.
В громах марша походного
Были отзвуки боя.

Вняв раскатам стремительным,
Гулу, грохоту, пенью,
Старец молвил внушительно:
«То Октябрь. В нем спасенье».

СТИХИЙНОЕ ВЕДСТВИЕ

Космы буранов холодных,
Снег, схожий с солью, колючий,
Стоны и вопли голодных,
Серо-чугунные тучи. . .
Бредят тифозные где-то?
Или рыдания их душат?
Старец не спит до рассвета.
Слушают старые уши.

Волга с Уралом иссякли.
Небо в тот год не дождало.
Женщины глухо плакали,
Степь никого не кормила.
Голода когти свирепы,
Рвет он иссохшие груди.
Стали бесплодными степи,
Мерли аулами люди.

Толпы на поиски пшени
Шли под палящее небо.
Целые полчища нищих
Вдаль потянулись за хлебом.

Разве случилось им плоше?
Разве бывало им хуже?
Съели собак всех и кошек,
Вялили змей и лягушек.

Джином питались. Безумных
Делалось больше и больше.
Ели солому на гумнах.
Можно ль терпеть это дольше?
Тянутся вдаль вереницей,
Стонут голодные люди.
«Клясться теперь и молиться
Сытый в степи только будет».
Вьюга металась, свивая
Саваны для погребенья.
Девушка шла, изливая
В плаче мольбу о спасенье.
Девушка шла и искала
Пищи. Что делать голодным?
Крик оборвался. Упала.
Степь ей метельная стала
Кладбищем белым, холодным.

Воронов клювы алы,
Пищи теперь у них много.
Джуют наступил небывалый —
Трупы лежат на дорогах.

.
Ночью январской холодной
Бесится вьюга, метет. . .
Ужаса полный, голодный,
Издали голос плывет.
Стон в нем с рыданием вместе,
Ужас и горе в нем вместе.
Что-то несет этот ветер?
Смолк, обессилев, старик,
Смолк, головою поник —
«Зла ты на диво метель».

.
Степь — словно горя купель,
Она холодна, голодна.
Сквозь снег и звезда не видна.

Как свиток, пред ним чередой
Развернуты скорбные дни;
Сидел, весь в морщинах, седой,
Старик, патриархам сродни.

Да! Это те самые дни,
Когда весь народ голодал
И в черной тоске изнывал.
Пред ним громоздился в тот год
Заоблачный кряж — перевал.
И всё же не вымер народ. . .
Старик счет страданьям ведет.

НАША ВЛАСТЬ

От напасти, от беды
Степь избавилась навеки.
И блестят светлей слюды,
Славя жизнь, степные реки.
Возродясь, земля дала
Молодым побегам свежесть,
Завитки их расплела,
И сказала: «Ожила!» —
Степь, в лучах горячих нежась.

И народ живет без пут —
Он навеки сбросил путы.
Бывшие рабы идут,
Позабыв про ужас джута.
К правде тянутся они
Вдохновляющей и новой,
И в решающие дни
В смертный бой вступить готовы.

«Мы, — поют они, — гроза,
Вражьи своры, разбегайтесь!
Слиты наши голоса
В клич один: «Объединяйтесь!»
Спины распрямить смогли
Мы — хозяева земли,
И опора нам — Советы».

...В белой юрте между тем
Стол стоит, на нем газета.
За столом известный всем
Байский сын — глава Совета.
Как акын ведя айтыс,
Он поет, не умолкая,
Лишь девчонок да кумыс
Любит сын степного бая.

Массы в гневе: «Вон ступай
Из Совета, бай проклятый.
Мест чужих не занимай,
Выродок пестрохалатый.
Что возиться с ним, с сурком?
Незавидна баев доля:
Проколоть его штыком,
Вырвать, как сорняк из поля!

Ты прополз в Совет змеей,
Как тарантул, ты нас жалил.
Суд народа над тобой
Пощадит тебя едва ли.
Надоело нам молчать,
И хозяйский гнев наш страшен.
Эй, мурза! Отдай печать —
Наша власть! Советы наши!»

Эй, попутный ветер, дуй,
Оживляя степь и горы,
Вороши и атакуй
Вражьи гнезда, щели, норы.
Крут народный гнев. Ушел,
Осознав свое бессилье,
Враг со служб, с работ, из школ...
И дала нам радость крылья!

НАТЯГНВАЙ АРКАН

Упорный ветер дул и дул.
В овраг сметала снег пурга.
Не одиночки, нет! — аул
Пошел на общего врага.

«Пощады нет врагу», — сказал
Аул, вздымая красный флаг,
И забурлил, заклокотал,
Предугадав огонь атак.

В горах, в долинах, в городах
Класс против класса — в смертный бой,
И кровью блещет красный стяг,
Вся степь, вся степь кипит борьбой.
Идет сраженье, вьется прах,
Земля свой изменяет лик.
Какой порыв! Какой размах!
В раздумье слушает старик.

А Партия и Комсомол
Ведут народ на верный путь.
Идет поход аулов, сёл,
И их назад не повернуть.
Движенье множеств. Кровь и пот.
Идет атака на врага,
А тут и пахота идет,
А тут и сенокос идет,
Спешите! Минута дорога...

— Ведь мы — хозяйева земли! —
Шумит народная молва.
— Врага немедля с ног вали!
Всё наше — хлеб, земля, трава.
Аркан протянут чрез поля,
И в землю вбит надежный кол.
В тугом аркане вся земля,
Измерены и холм и дол.

У нас земля! У нас дела!
Батрак ликует с бедняком.
Они с айраном у седла
Спеша покинули свой дом.
Луга поклоны им кладут
Зеленой, шелковой травой.
С косою сладок вольный труд,
Ведь луг не байский больше — свой!

Запели косы в их руках.
Сердца их загорелись вдруг.
Роса блестит на сапогах,
Цветами дышит росный луг.
Звон кос с кобызом схож — певуч,
И гул труда могуч, велик. . .
«Вот штурм еще не взятых круч», —
Сказал растроганный старик.

ВЫСЕЛЕНИЕ

Чью радость приносит ветер?
Чье горе ветер несет?
Чей голос? Чьи вопли эти?
О чем рыдает народ?
Какое в степи состязанье?
Кто пал и кто победил?
Чья гибель, чье ликование? —
Ухо старик гриложил.

С тех пор как казах казахом
В глубокой древности стал,
С тех пор как, вздымая прах, он
В кибитке своей кочевал,
Никто не видел такого. . .
Был фронт повсюду открыт.
Народ аула степного
На два становья разбит.
Два стана сурово бьются.
Это — Революция.

Казах кочевал. Менялись
Степи. Хватило б всего!
Но вышло так: присосались
Пиявки к телу его.
Грабя степных жителей,
Бесчинствуя вновь и вновь,
Бек, чиновник, правители
Пили народную кровь.

Каждый — мурза, не менее,
Разодет был в пух и прах.

Стада — в степи, а владения,
Деньги, товар — в городах!
Степнякам ссуды давали.
Зачем их губить? Сосали. . .
Чтоб те не бунтовали,
Челядь к ним посылали —
Забрать последние зерна
И угнать последний скот
У бедных разве зазорно?
Разор худородных ждет.
Тех кровососов порода,
Пиявки те, сосуны,
На злое горе народа
«Господом богом» даны.

Батраки, бедняки — низы,
С клеймом на ушах, восстав
На ханов, тюре и казы,
Свободы жаждали, прав.
Подняли бунт, наступая
На пестрогрудых орлов —
На биев, беков да баев,
На ножезубых волков.
Та явь не волшебней ли снов?
Слабые шли на сильных —
Зайцы на бурых шли кабанов,
Режущих всех в долинах.
Шла слабая рать на сильную рать
Разить и не отступать!
С тех пор как казах казахом
В глубокой древности стал,
С тех пор как, вздымая прах, он
С юртой своей кочевал,
Никто не видел такого,
Чтоб, нищ, обездолен и слаб,
На феодала степного
Занес свою руку раб.

Сдвинулись камни и горы,
Переместились озера.
Вопят, руки вздымая,
Беки, бни да бай.

Расскажут об этом, споют...
И все, затаив дыханье,
Прослушают песню твою,
Степь, о гневе восстанья.

К Союзу Советов примкнул
Наш Казахстан, наступая
На бия, на бека, на бая,
И голос его — этот гул!
«Вперед в наступленье, вперед!» —
Кричит с улыбкой старик.
И восторг охватил народ,
Услышавший этот крик...

АЛЛО! АЛЛО!

Чу! Что за ропот вдали?
Сборище это иль пир?
Вздыбились складки земли
И содрогается мир?
Кто там — друзья иль враги?
Что там за шум? Что за гуд?
В марше сливая шаги,
Тысячи тысяч идут.

Рать ли в поход собралась?
Час ли байги наступил?
Взор старика не погас,
Он ничего не забыл.
Слушает он, как окрест
Люди выходят в поход.
Кто там идет под оркестр,
Кто в барабаны там бьет?

Грома раскаты вдали,
Но не с небес в час дождей —
Нет! Это голос земли,
Звуки его всё слышней.
Как с Алатау поток,
Он низвергался и рос,

Пеной клочущей тек,
Звонок и многоголос.

Грозно ли свищет дракон?
Вьюгой ли степь замело?
Клич. . . Как таинственен он!
Что означает: «Алло!»?
Снегом всю степь замело,
Встали сугробы стеной.
Кто это кличет «Алло!»
Где-то гортанью стальной?

Старец в халате простом
Спрашивал так малыша.
Галстук на мальчике том
Пламенем красным дышал.
Был без конца удивлен
Ласковый взор малыша,
Вынул наушники он
И приложил их к ушам
Старца, забывшего сон:
«Песня приблизится к вам».

И улыбнулся малыш:
«Нету забавней машин!
Круглые уши сквозь тишь
Слышат все песни вершин.
Даже и маленький звук
Живо поймают они,
Шепот ли, сердца ли стук. . .
С ними счастливее дни!»

Как поражен был старик,
Слыша слова малыша!
К чудо-машине приник,
Стал он внимать не дыша.
Из городов, из лесов,
С дальних просторов земли
Ширился хор голосов,
Речи текли и текли.

ДОКЛАД

Грома глухие аккорды.
Антенны от ветра дрожат.
«Друзья, товарищи», — твердо
Трибун начинает доклад.
И, словно замороженный,
Народ его слышит степной;
Радуются миллионы,
Вся степь наша стала иной.

Тот, кто в пустыне скитался,
Был голоден, беден и слаб,
С радостным днем побратался —
Он уже больше не раб!
Степь уж не мглою одета,
А светом теперь залита.
Проснулась, тянется к свету,
О шрамах забыв, беднота.

И жизнь на реках другая.
Привольно цветут берега
У Волги, Нуры, Тургая,
Что были в плену у врага.
Балхаш с Аралом невзгоды
Забыли, встречая рассвет.
Отныне судьба народов —
Не лодка без паруса, нет!

Или и Чу позабыли,
Что долго слезами текли,
И память кровавых былей
Навек в Джетысу погребли.
Свершенья мечты заветной
Дождался казахский народ...
Вокруг Алатау рассветный
Лучи свои щедрые льет.

В эпоху баев да ханов
Свистели ремни аркашов,

Синели пасти капканов,
И глухо стонал Иртыш: «Ай!»
А ныне, в степи блистая,
Горит заря золотая,
Слилась с ней звезда родная,
Ликуя, поет Иртыш: «Ай!»

Летом палящим — безводны,
Зимой от метелей — белы,
Вы были веками бесплодны,
Баяны и Каркаралы!
Овце ли с джутом бороться?
Зайцу ль спастись от волков?
Вчерашние зайцы, овцы
Сегодня — в рядах бойцов.

Давно ли, скажи, давно ли,
Прекраснейший Кокчетав,
Ты плакал в корчах от боли,
Лишенный правды и прав?
Ты больше слезы не точишь.
Откинув рваный тундук,
Ты, свет излучая, хохочешь,
И хохот твой слышен вокруг.
А голь в своих шапках рваных,
В чапанах без рукавов,
В Октябре, низвергнувшем ханов,
Слышит класса родного зов.
Батраки, пастухи — всей массой,
Став хозяевами земли,
Рабочей широкой трассой
В поход великий пошли.

Пастбища и водопой,
В прохладе, на высоте,
От баев отняты с боем,
Навек отошли к бедноте.
И стал труда колыбелью
Бедняцкий кооператив.
Идет он к заветной цели,
Ряды свои тесно сплотив.

В сплошь размежеванном крае,
Где блещет слюдою вода,
Народ кочевой, оседая,
Возводит свои города.
Не бегун-травой былинной —
Жить хочет оседло казах,
Забыв про собачью спину,
Про беды, скитанья в степях.

Смотри — на всех на них шапки,
Сердца их — костров горячей.
Смотри — в руках у них папки,
Где тезисы смелых речей.
Чтоб полям золотиться рожью,
Им потребна дождей вода.
Воды нужней молодежи —
Знания, книги. . . И в города
Молодежь рванулась тогда.

Учатся! Книжек охапки. . .
Жажда знаний горит в глазах.
Кепки у них, а не шапки
На стриженных головах.

Тополя у воды растут,
Не догнать их в росте дубам.
И специалисты растут,
И науки им по зубам.
К городам степь повернулась,
Сколько дела! Только держись!
Как много рук потянулось,
Чтобы строить новую жизнь!

Рельсовой сталью осилив
Недоступный Аблаю кряж,
Поезда заголосили,
Разгоняя зыбкий мираж.
Из туркестанского лета
В Сибирь поезда понеслись,
И народ говорит: «Это —
Настоящий социализм!»

Джигит, дымной юрты дитя,
Взяв в руки лопату и лом,
Сам строил дорогу, летя
Мечтой не в кибитку, а в дом.
Прежде верхом на собаке
Джигит гарцевал и сучком
Ее погонял, и всякий
Над ним издевался тайком.
Теперь он смеется: «Держись,
Собачья старая жизнь!»

Техника гостем желанным
Пришла нашу степь изменить,
И стали над Казахстаном
Самолеты небо чертить.
И в синеве небосвода
У нас в настоящий момент
Сутки одни — не полгода
Путь из Семеня в Ташкент.

Были несчастны казахи,
Оружье у них — кочерга.
Услышат: «Солдат» — и в страхе
Уставятся на врага.
А в наше время — дивитесь! —
Устав изучив боевой,
С винтовкой, с шашкой, как витязь,
Шагает казах молодой.

На солончаках, в бестравье
Родился и вырос совхоз.
Землю ягниться заставил,
Во тьму он созвездья принес.
Ревя железным верблюдом,
Комбайны выходят с утра.
С грохотом, звоном и гудом
Колонной идут трактора.

Трактор — гордитесь казахи! —
Идет по просторам пустым,
Жирнее, чем баурсаки,
Ложатся за плугом пласты.

Ведет его прямо, быстро
Безусый степной большевик.
И кожа у тракториста
Чернее, чем в юрте майлык.

Земля перед ним расступилась,
Зерно в ее недра бежит.
В ней дремлет мощная сила.
Степь желтая дрожью дрожит.
Гремит Алатау в дыме,
Грохочут Балхаш и Арал.
Доим мы черное вымя
Земли — там и хлеб и металл.
Карсакпай и ты, Коунрад, —
Каждый из вас медью богат,
Черным золотом богат
Карагандинский комбинат.
По Балхашу идут суда,
Рыбой полна вода,
Соль для рыбы дает вода,
В недрах земли скрыта руда,
Эмба в небо плещет струю —
Нефть муаровую свою.

Наша степь теперь зажила
Без знати, без сильных родов,
Без пестрогрудого орла.
Памятью черных годов
Жив недоносок, урод —
Байский слуга и ходатай.
Он втихомолку слезы льет
О том, что было когда-то.

Степь кипит, бурлит, клокочет,
Клад ее — уголь, нефть, руда.
Маслом она и медом хочет
Одарить усилья труда.
Пламенем чистым и ясным
Полыхает небесный свод.
Грохот победы прекрасной,
Врагов сметая, идет.

Силой такой,
Трудом таким,
Событиями такими
Живет Казахстан
Десять лет и зим
Под звездами золотыми.
Советской власти — десять лет!
Ликует голос,
Конца ему нет.
Гулы то громче, то глуше,
То тише, то снова сильнее.
И слышат старые уши
Восторженный голос степей.

Торжественно, как из горна,
Катится голос волной,
И синь на четыре стороны
Рассечена над землей.

ТОЙБАСТАУ

Победы и славы гул.
Из гула голос возник.
Обветрен, сед и сутул,
Услышал его старик
Своей смущенной душой.
Звенел, ликуя вдали,
Запев поэмы большой,
Торжественный гимн земли.

Несись, моя песня, ввысь,
В день ликования несись!
Смотрите, раб без цепей,
Рабыня с ним без цепей —
Достигли цели своей.
Несись, моя песня, ввысь,
В торжественный день несись!

Свободен мой Казахстан,
Средь равных равным он стал.

Будь тверд его мерный шаг,
И Ленина красный стяг
В руках его вей, плещись!
Несись, моя песня, ввысь!
Заклятых врагов труда
Изгнали мы навсегда.

Они не испортят жизнь...
Несись, моя песня, несись!
Сегодня рокот в степях,
В долинах, в дымных горах,
В краях, где льется Арысь...
Несись, моя песня, несись!

Несись над ковром цветов,
Чтоб тысяча тысяч ртов,
Поющих, славящих жизнь,
Тебя возносили ввысь!
Лейся ты, песня моя,
Вширь, в степные края,
Бедности там не ищи.
В новых степях мой народ
Новою жизнью живет!

Весь Казахстан мой цветет,
Зорями жарко горя.
Он ведь дитя Октября!
Он родился лишь вчера.
Десятилетье он жил.
Молод! А дела — гора...
Руки свои положил
Край мой на плечи судьбы.

Дети его не рабы,
Ходят они без оков,
Ходят они без цепей.
Прожито десять годов,
А не узнать их степей!
Всё-то цветет, цветет.
Весь Казахстан, весь народ
Радость изведал душой,
Гордость победы большой.

Звезды у нас вместо глаз,
Пиршество нынче у нас.

Песня моя! Средь степей
Соколом легким лети.
Песня! Ты молотом бей,
Камни потоком кати!
Красным тюльпаном цвети!
Лейся! Взвивайся! Лети!
Пир небывалый у нас.
Песня! С тобой выхожу.
Сердце мое — напоказ,
Строгий экзамен держу.
Пламенной будьте, слова!
Мысли родник, клокочи!
Если ты, песня, жива,
То вдохновенней звучи!

Надо — как бархат, стелись!
Надо — вприпрыжку беги!
Даль зеленеет, взглядишь —
Степи цвести принялись,
Нет в них репьев и куги.
Я к твоему торжеству
Песню принес, мой народ!
Вижу я сон наяву.
Пусть моя песня дойдет
К ближним и дальним друзьям
И — для острастки — к врагам.

Ближе, народ мой! Тесней!
Встань ты в круг песни моей!
Рей, моя песня, лети!
Реять удел тебе дан.
Десятилетье пути
С честью прошел Казахстан.
Как обняла тебя тишь,
Как ты хорош поутру!
И перед миром стоишь
На небывалом смотрю.

Ты Октябрем приведен
К цели заветной своей.
Ты торжеством озарен,
Трепетом теплых лучей.

Как хороша твоя статья,
Жребий какой тебе дан!
Стал ты пример подавать
Странам другим, Казахстан.
На состязании флаг
Гордо парит, как орел.
Твой, Казахстан, аргамак
К финишу с призом пришел.
С гулом свой голос сливай,
С рокотами соловья,
Бурно кружись и взмывай
Беркутом, песня моя!

Голос мой, звонче струны
Пой! Пусть прославит поэт
Десятилетье страны,
Десятилетье побед.
Молнией вражеский стан
Выжжен, навеки разбит.
Светлый твой лик, Казахстан,
Тысячам взоров открыт.

Мир весь увидел тебя,
Мой возрожденный народ.
Знамя, в фанфары трубя,
Выше взвивай в небосвод!
Знамени не опускай,
Голоса не понижай,
Поступи не замедляй,
Вольным трудом расцветай!

Знай, перед мощью твоей,
Мой трудовой Казахстан,
Недруг дрожит всё сильнее,
В трепете вражеский стан.
Степи, оденьтесь в лучи,

Сияйте, мои края,
Громче и громче звучи,
Песня простая моя!

Степь, твоему торжеству
Низкий несу я поклон,
Великому торжеству
Вверяю я струнный звон!
Труд, ты нам светоч один,
Мрак разгоняя, свети!
Партия, ты нас веди
По ленинскому пути!

Слева и справа враги. . .
Дозор, страну береги!
Поднимет мощь наших рук
Пятилетки нелегкий выюк.
Догонишь — перегоняй!
Простим ли отставанье!
Вступай, Казахстан, вступай
В большое состязанье.

Не выполнил — выполняй,
Стань самым первым в мире,
К цели идти обещаю —
Дружба всё крепче, всё шире.
Песня моя, погоняй
Труды большие наши,
Погоняй, смелей погоняй,
Сливаясь с громом марша.

Песня моя, погоняй,
Веди казахстанский край.
Облети его пути,
Захолустья охвати,
Пой хвалебные слова
Батракам, беднякам,
Чтоб побед они добились,
Чтоб засучивать рукава
Сами руки их просились!

Пусть на празднестве народ
Славит эти десять лет.
Песня, ты иди в полет,
Батраку неси привет!
Пастуху неси привет!
Песня, в сердце ты играй!
Песня, воодушевляй!
Песня, стань для нас штыком,
Чтоб расправиться с врагом.

Пусть выходит враг на бой
Молнией огневой,
Зародившейся вдали, —
Мы его сотрем с земли.
Пусть под саблю-пером,
И космат и зверолиц,
Враг в бессилии своем,
Кровь теряя, рухнет ниц.

Мы дошли до Октября,
Через все преграды шли...
Встала теплая заря
Над просторами земли.
Песня, ты иди на пир,
Где хозяином народ!
Тот, кто был и нищ и сир,
Счастлив стал, смотри, поет.

Пусть сурпой кипит казан
На костре средь сочных трав.
Отчитайся, Казахстан,
Пред историей представ.
Подведи итог побед
За прошедших десять лет.

.
Песни новые степей
Долетели до ушей
Старика, и слушал он,
Растревожен, возбужден,
От волненья чуть дыша,
Видя степи в серебре.

А потом он малыша
Знаком пригласил к себе:

«Песня новых дней
По степям плывет,
И в груди моей
Сердце с ней поет.
Знай, вступая в мир,
Чистый жар души,
На народный пир,
Милый сын, спешь».

Грому вешнему собрат,
В небе или на земле
Льется голоса раскат
В золотистой смутной мгле.
С Алатау льется он.
Им, громовым, степь полна.
Слышен песен миллион —
Это радиоволна!

Эта степь, где всё цветет,
Всё ликует, всё поет,
Всё работою кипит, —
Ты, страна моя, — джигит!
Солнечный мой Казахстан,
Для заморских стран пример,
Равная средь равных стран,
Что вошли в СССР.

Ты — свободы светлый стан,
Избирающий Совет,
Государство Казахстан,
Где былого рабства нет.
Вольны руки и умы,
Пред законом все равны,
Отмечаем праздник мы
Нашей солнечной страны.

Пир справляет весь народ,
Прославляя десять лет,
И играет, и поет.

Выше, песня! Ярче, свет!
Малышу в тот час сказал
Торжествующий старик:
«В десять лет народ узнал,
Как свободы дар велик.
Пусть почувствует народ,
Что бессилен гнев врагов,
Тойбастау пусть поет
Средь пылающих костров!»

КТО?

Старца речь как песня была,
И будила степную тишь.
Слышал радостные слова
На холме стоящий малыш.
Он коснулся детской рукой
Старика, что сутул и сед,
И спросил: «Кто же ты такой?
Назови свое имя, дед!»

ОТВЕТ СТАРИКА

«Твой вопрос уместен, мой сын,
Пусть народ, что за десять лет
С ликованием достиг вершин,
Тоже выслушает ответ:

Я издревле сед, умудрен,
Летописец многих времен,
И людьми всех стран и племен
Я Историей наречен».

1930

33. КЮЙШИ

1

Там, где плещет Балхаш, разметался аул.
В ханской юрте разносится струнный гул,
По домбре ударяя, сидит там кюйши,
Он, играя, к трепещущим струнам прильнул.

Скор мелькающих пальцев его полет,
Ярким пламенем песня в груди встает,
И медовые звуки с перстов текут,
А со лба его жаркий струится пот.

Тронут общим вниманием юный кюйши.
Он по струнам легко ударять спешит,
Девяносто напевов волною бегут,
То тревогой, то лаской касаясь души.

Память радуют, сердце щемят две струны,
То веселости нежной, то грусти полны,
Их звенящий напев, их трепещущий кюй
Разливается, плещет разбегом волны.

Грустно, жалобно плакали струны в степях,
Песню слушал весь мир: степь в весенних цветах,
Заяц в поле, и уши поднявший кулан,
И тигрица, что рыщет в густых камышах.

И, летя переливами «Асанкайги»
На Алтай, к Алатау, к пескам Сырдарьи,

Вырывался напев «желмая» на простор,
Разливая печальные звуки свои.

Как аул, Алатау-гора замерла,
И, как печень, дрожала, размякнув, скала,
Словно летом безудержно хлынувший дождь,
Эта песня со струн, всё бушуя, текла.

Дробью била она, как порой барабан,
Нарастая, шумела, как гневный буран,
Словно шум кочевой или топот копыт,
Иль в долине ручьев снеговой ураган.

И мороз ослабел, и растаял весь лед,
Злой батыр подобрел, не терзает народ,
Сабли белые гнутся, как мягкая жесьть,
Покоренный орел удержал свой полет.

Полевые цветы тот напев оживил,
Он, как лебедь по озеру, тихо скользил;
Сквозь преграды мелькая, резвясь и пьяня,
Из души моей горькую боль источил.

И журчал он порой, как вода под горой,
И баюкал он мысли своею игрой,
Перепрыгивал камни, как горный ручей,
И бурлил по оврагу волной ледяной.

Так звучал «Бота-кюй», словно звон бубенцов,
Что немолчно поют в такт верблюжьих шагов,
Хан с народом блаженно внимали ему,
Чуть склоняясь, как тростник у озерных кустов.

Лишь «Терис-какпай» прокатился, звеня,
Даже ветер затих средь умолкшего дня,
Зазвенела домбра, словно топот копыт
Одиноко летящего степью коня.

Коль военной тревогой поет «Корамсак»,
Разве может буран не спуститься в овраг?
Молодую калмычку на крупе коня
Вдруг напомнил напева мелькающий такт.

Застонала домбра да на весть Баканас,
Словно ветер в метельный, бушующий час,
А запел кюй Саймака «Сары-узен» —
Землю стал леденить полный мрака рассказ.

В самом сердце домбры несмолкаемый гуд:
Ноют обе струны, говорят и поют —
Кюй Тойтана кюйши затянул «Бозинген» —
Застонали сердца, как ревуший верблюд.

Солнце, песне внимая, забыло закат.
Облака подниматься к горам не спешат.
Приуныло живое вверху и внизу,
И, заслушавшись, люди печально молчат.

В руслах реки теряют течение свое,
Омертвев, на обрыве молчит воронье,
Люди песне внимают, восторгом полны,
И сочувствуют тихим рыданьям ее.

Не допет еще «Қара-жорға» до конца,
А стальные сердца стали мягче свинца.
Так однажды у хана собрался народ,
Чтоб послушать игру музыканта-юнца.

2

Ставка ханская, хан. Блеск, богатство кругом.
Хан домброй зачарован в жилище своем,
Он в раздумье глубоко, но хану Кене
Этот кюй напевает совсем о другом.

Как всегда, хан почетом сейчас окружен;
Слово хана для слуг, туленгутов — закон,
У волны Балхаша он поставил аул,
По пути к Алатау раскинулся он.

Восседает средь ставки отважный Кене,
И домбре той внимает он, точно во сне.
«То тревога похода? Иль топот копыт?
Что сейчас говорит там, в ее глубине?»

Что за сборище там? Пик сверкающих строй?
Разве в бурю удержишь безбрежный прибор?
Полосатое знамя Аблая подняв,
Соберет ли народ он единой семьей?

В Кокчетаве Аблай набирал свою рать.
Кто с ним рядом в роду моем мог бы стоять?
Кто из ханов, усопших в былые года,
Мог бы грозное знамя Аблая поднять?

Враг свершает набеги, и стонет народ,
Степь призыва к свободе в волнении ждет.
О Аблай, покровитель, когда же поднять
Полосатое знамя настанет черед?»

Видит он дни минувших боев и забав,
Едил, Яик, Арку и в степи Кокчетав.
Зелень свежих лугов, возле юрты жели,
Там, где степь проплывает, холмы приподняв.

Видит с саблями витязей он на конях,
Видит пушки, что будят у воинов страх,
Копьеносцев при звуках рожков боевых,
Алатау, как крепость, всю в снежных зубцах.

Струны, словно беседа сердцем с былым,
В думках хана проносят минувшего дым.
Что народ? Что Арка? И всеилен ли враг?
Побежденный, посмеет ли спорить он с ним?

Только мстью хан полон в раздумье своем, —
Смерть ли ждет иль победа над страшным врагом?
Гнев сверкающей молнией грудь озарил.
Это туча, что мечет грохочущий гром.

Все, кто слушает кюй, полны мыслью одной;
Звуки, словно верблюды, бредут чередой.
Слуги, ханша, батыр и властительный хан
В тишине наслаждаются этой игрой.

Точно все онемели, кругом тишина.
Всё безмолвно, домбра лишь стрекочет одна:

То камыш зашумел, то ручей зажурчал,
То в степи заунывная песня слышна.

Тигр рычит, на охоту идя в камыши,
Всё живое безмолвно от страха в тиши.
Быстроногий скакун рассекает толпу,
По домбре ударяет рукою кюйши.

Все притихли, домбра лишь стрекочет, поет,
И стоянку вокруг заполняет народ.
Песнь кочевья играет кюйши молодой —
Как бы мог заслужить он иначе почет?

То к горам подымается песня легко,
То звенит, словно струйкой течет молоко,
То, как ветер прохладный, касается щек,
То, как ливень, бурлит и шумит широко.

Птицей билась домбра и косила крыло.
Все внимали с печалью, склоняя чело,
И тогда лишь замолкнуть просили кюйши,
Когда вечером солнце за степью зашло.

8

Карашаш и горда, и хитра, и умна,
Белый кречет средь женщин аула она,
Тысяч жизней дороже она для себя,
И Кене ее слушать привык издавна.

Карашаш без боязни промолвила: «Дат!» —
И на брата свой ласковый бросила взгляд.
«Что ты хочешь, о ханша?» — спросил ее хан.
Те, что были вокруг, в ожиданье молчат.

Карашаш, как волчица, встряхнувшись, встает,
И от этого страх уже многих берет.
«Алдияр», — перед ханом склонилась она,
И, застыв в ожиданье, внимает народ.

«О Кене, ты мне — счастье, ты — крепость, Кене,
Я спокойна, но горечь у сердца на дне.

Подари человека мне этого, хан, —
Большей милости нет мне в родимой стране».

Ханши голову тихо рука подняла
И по черному волосу с лаской прошла.
Словно тигр усмехался, прищурясь, Кене,
Карашаш горделиво ответа ждала.

«Если этого хочешь ты всею душой,
Хорошо, не останусь в долгу пред тобой.
Это будет подарком от рода Уйсин,
На, возьми его жизнь! Он отныне лишь твой!»

А кюйши, устремивший в минувшее взгляд,
И не понял сначала, о чем говорят.
Лишь при слове жестокого хана «он твой»,
Холодея всем сердцем, подался назад.

Чем он гнев заслужил? Чем он кару навлек?
Почему стал к нему хан Кене так жесток?
Это сон? Или явь? Иль злой дух ворожит?
Но загадки никак разгадать он не мог.

«Алдияр, не ко мне ль твой жестокий приказ?
Стать рабом неужели я должен сейчас?» —
Горько, горько заплакал, склоняясь, кюйши,
Ручейки по щекам побежали из глаз.

Хан ответил: «Ты ханше мной отдан и знай:
Коль захочет — зарубит, продаст в чуждый край.
Воля хана — закон, нет отмены ему —
Так твердят Бугибай, и Бокай, и Бакай.

Что за род, не бывавший под властью орды?
Вы не знаете войн, не храните воды.
И одно у вас дело — играть на домбре.
Что ж вам большего ждать от небесной звезды?»

Слово хана — закон, он всему господин.
Что бедняк с Балхаша? Червь из рода Уйсин?
Вся вина его в том, что он дружит с домброй.
Так он пленником стал на виду у дружин.

В сеть, сплетенную ханом, попал он, как зверь,
И свобода его стала рабством теперь.
И в отау, чьи стены — лишь бархат и шелк,
Пред кюйши распахнули широкую дверь.

Он едва лишь успел прошептать «Алдияр!» —
Словно сходит со щек темно-медный загар:
Показалось ему, что вошел он в сарай,
Столь похожий на устланный шелком базар.

Белокожая ханша, белей, чем сазан,
Грозным ангелом смерти метнулась в глаза.
То — тигрица с серьгами из вьющихся змей,
То всех джинов незримых и власть, и гроза.

«Айдахар предо мной иль простой человек?
Или с жизнью пришлось мне расстаться навек?
Иль велением хана прикован я здесь,
Словно юноша в звуках живых «Ак-кобек»?»

Как мне верить глазам? Нет, с улыбкой такой
Разве может она быть коварной и злой?»
И услышал кюйши: «Это место — твое,
Сядь удобней, домбру поскорее настрой!»

Он исполнил веленье, почти что без сил
Перед гордою ханшей колени склонил
И, сверкая глазами, где слезы стоят,
Так ее о свободе напрасно молил:

«Алдияр, ханша!»
«Чего ты хочешь, мой кюйши?»
«Когда вернусь я домой?»
«А кто остался у тебя дома?»
«Мать».
«Сыграй мне на домбре,
А там видно будет».

И на этом окончился их разговор:
Карашаш непреклонна. Он раб с этих пор.
Здесь — сегодня, а завтра — неведомо где:
Хан, как птица, кочует средь степи и гор.

Что с ним будет? Грядущее — злей и темней...
 Он страдает, опять помышляет о ней...
 Понемногу кюйши огляделся вокруг,
 Стало всё ему как-то ясней и видней.

Золоченою нитью шатер весь обшит,
 Пыль, наверно, в него никогда не летит:
 Шелк, енот, серебро, белой шерсти кошма.
 Разве царь или хан так кого одарит?

А внутри драгоценностей редких гора:
 Сбруя, седла, посуда — всё блеск серебра.
 Саукеле на столбе, словно серьги, — его
 В Кокчетаве чеканили мастера.

И затянуты стены узорной кошмой —
 Всюду с перьями филина, птицы ночной.
 Одеяла, перины, подушки — в шелку,
 мех медведя и тигра под каждой стеной.

Всюду бобр и енот, лисьи шкуры лежат,
 Серебристый и золотом шитый манат.
 И средь роскоши этой девичья постель
 Белизной обжигает смутившийся взгляд.

Попугай иль павлин там с зеленым крылом?
 Райской птицы такой нет в просторе степном.
 И над ханшей горбатая сабля висит,
 Рассекавшая нара персидским клинком.

Так несчетным богатством отау полно.
 Сколько роскоши жадно собрало оно!
 И, стыдясь своей нищей одежды, кюйши
 Вдруг потупился. Сердце его смущено.

Ослеплен он сверкающим блеском таким.
 Шелк, парча, серебро — всё горит перед ним.
 Айдахар стала девушкой, полною чар;
 Взоры к ней устремив, он стоит недвижим.

О, как брови тонки! О, как шея нежна!
Словно горная серна, легка и стройна.
Высока и гибка, с черной длинной косой —
Совершенством ему показалась она.

То лисица Алтая, то стройный марал,
Белый нар, серый зайка — любой бы сказал.
Вся она, как кумыс на медовых дрожжах,
Кружит голову тем, кто ее увидал.

Лисью красную шубку спуская с плеча,
Тонкой бровью поводит — хитра, горяча,
Блещут ичиги золотом, гладким шитьем,
Шелк шуршит, и хрустит дорогая парча.

Уж не гурья ль то, как всех учит мулла?
Джин? Иль ангел? Иль пери на землю сошла?
Как по спинке алтайской лисицы, каймой
По щеке ее яркая краска легла.

Смех ее — точно горный веселый ручей,
Голос — бисера шорох иль ценных камней;
Неземной красотой сверкает она,
И нельзя отвести изумленных очей.

Словно яблоня выросла перед тобой,
Иль марал потянулся тугою спиной, —
Тело пьяным становится, как от вина,
И распорото сердце улыбкой одной.

Говорит — словно мягкий плывет ветерок,
Губы — ранней клубники густеющий сок;
Если б мимо кладбища пришлось ей идти,
Встали б мертвые раньше, чем пробил их срок.

Как на синий тюльпан, как на розовый сад,
На нее, позабыв всё на свете, глядят.
Жажду может насытить дыханье ее,
Словно влага священная абилхаят.

Поглядишь — и огонь в самом сердце возник,
Сладость меда уже ощущает язык.

Таает снег, сыт голодный, дряхлеющий — юн,
И смеется вернувший былое старик.

А когда она пьет исфаганский шербет —
В ее горле напиток заметен на свет.
Словно дикая птица иль беркут в горах,
Хищно смотрит она, — в сердце жалости нет.

Так, ища в Алатау добычу средь гор,
Молодая орлица летит на простор.
К ней поближе не смеет никто подойти,
Острый выдержать взгляд, наведенный в упор.

Держит строго она в подчиненье народ.
Даже хану Кене указанья дает.
Бай, батыр и в лохмотья одетый бедняк
Чтят величье ее, воздают ей почет.

То порою безумного гнева полна,
То лукавою речью кротка и нежна.
Хоть не ездила с пикой в руках на врага,
Всё же суд справедливый чинила она.

Гордый, вспылчивый нрав отличает ее,
Прихотливая речь вьет течение свое,
Добродушна и ласкова с детства душой,
Любит игры она и как птица поет.

Закружилась при виде ее голова,
Замер бедный кюйши, и душа чуть жива.
Всех на свете, должно быть, прекрасней она,
Только кто обратиться к ней посмеет слова?

Шапку с мехом бобра приподняв над челом,
Сдвинув брови и скрытым пылая огнем,
«О, играй, мой кюйши, — приказала она, —
Только жажду кумысом сначала уйдем».

В голове у кюйши стали мысли мутней.
В этот миг может думать он только о ней.
Все свои девяносто он кюев забыл,
И склонился, смутясь, над домброю своей.

Точно он околдован иль бредит во сне,
Тихо крутит колки, припадает к струне.
Что с упрямой домброю — не может понять.
А красавица зорко глядит в тишине.

Продолжает свой спор со струною струна.
Кюй забыт. . . В мыслях только она, всё она,
Как баксы, вдохновенья лишившийся, нем,
Смутен он, а душа только ею пьяна.

Как скакун охромевший теряет свой скак,
Зажурчала домбра, что ночной ручеек.
То, гнусава, котенком мяучит она,
То протяжно скулит, как курносый щенок.

Где же «Терис-какпай», где «Инген»? Ничего
Из запаса не помнит сейчас своего.
Позабыл он и то, что недавно играл, —
Все напевы теперь покидают его.

Пальцы, страха полны, замедляют полет,
Непокорны лады, и струна не поет,
Ханша молча сидит и начала игры,
Глаз с него не сводя, в нетерпении ждет.

Наконец он ударил по звонким струнам,
Встал напев, но какой — он не ведает сам.
Девяносто старинных забыты, — один
Вновь возникшею бурей летит по степям.

Снова прыгают пальцы, веселья полны,
И, покорные им, вновь поют две струны.
Разве могут, как только настанет пора,
Прямо с места разбега не взять скакуну?

Рокот струнный как будто взмывал в вышину,
Удалялся, взвивался и ширил волну,
Возвращался и плыл по каким-то кругам,
И, помедлив, неспешно спускался ко дну.

Бушевал он и полз по долинам, потом
Ураганом крутился и прыгал, как гром,

По ущельям глухим, разрывая туман,
Низвергался с утесов грозой и дождем.

То с разбегу скользил он в степной очерёт,
То бурлил, то вскипал бурным натиском вод,
Прыгал, словно борзая по следу лисы,
Камнем падал, как беркут, что суслика бьет.

Скрежетал, как порою верблюдов сумасброд,
Извивался, как змей, что по камню ползет,
Фыркал, землю копытами рыл, как тулпар,
И лихим иноходцем стремил свой полет.

А кюйши представляется, будто во сне,
Что он ждет на свиданье ее при луне,
Что с подругой ему был переслан ответ
И что тщетно он бродит в ночной тишине.

Что луна озаряет аул и овраг,
Дышит злобою лай неустанный собак,
Что до утренних звезд всё он милую ждет.
И мучительный кюй не окончит никак.

Будто ханша зажгла в нем великую страсть,
Будто чует над сердцем он страшную власть,
Будто, жарко его на постели обняв,
Хочет ханша к губам поцелуем припасть.

Словно лебедь, что плещет среди тихих озер,
Словно скол, готовый лететь на простор,
Голос струнный взмывает, срывается вниз.
Это ястреб, что суслика бьет возле нор.

Или вправду подкралась неожиданно чума?
Сердце рвется на части, в глазах полутьма,
Он, вздыхая, в бреду призывает любовь,
И любовь эта юношу сводит с ума.

Этот страстный напев и стонал, и рыдал,
А кюйши, ослепленный виденьем, стоял.
Он глядел на красавицу, вздох затая:
Это девушка? Лебедь? Иль стройный марал?

Скакуном тот напев пролетает лихим,
Кобылицей красавица скачет пред ним,
Он поймать ее хочет, копытом звеня,
Крики вслед им несутся по взгорьям ночным.

И на беркута злого похож он порой,
Что летит за алтайскою красной лисой.
И всё выше домбра поднимает свой звон,
Полный страсти и жажды, как клич боевой.

Заливается утренним он соловьем,
Вьется жаворонком и трепещет крылом,
Как колдун, в оперенье лебяжье одет,
К ханше близко подходит, склоняясь челом.

Воеет, стонет колдун — словно близко злой дух,
И терзает мучительной жалобой слух.
Взвыла буйная вьюга, летящая с гор,
И перекасти-поле летит, словно пух.

А напев всё трепещет — широк и высок,
Как мираж эта девушка, — он изнемог,
Пересохло спаленное небо кюйши —
А она перед ним, как в степи ручеек.

А домбру всё бросает то в пламя, то в лед.
Пальцы, быстрые пальцы теряют свой счет.
Он горит, холодеет, пылает в огне,
Лихорадка его, обезумевши, бьет.

Звуки страстно уходят в простор высоты —
В них мечта. Но возможно ль уйти от мечты?
Перед гордою девушкой гордый кюйши
Всё забыл, заглядевшись на эти черты.

«То лисица иль дева — не знаю я сам,
Что со мной? Иль к ее упаду я ногам?
Где я? Где я сейчас? Это сон или явь?
И могу ли я собственным верить глазам?»

Лебедь в образе девушки! Если бы мне,
Словно сокол, упасть на тебя в вышине, —

Ты б стонала и билась в объятьях моих,
И гвоздикой бы пламенной пахла во сне.

Нет, ты девушка. Как бы хотел я припасть
К шее нежной твоей. Всё вложить в эту страсть,
Птичьим пологом пери покрыть, чтоб никто
Из объятий тебя не посмел бы украсть.

В небо птицей взлетел бы средь горных высот,
Над хребтом Алатау я длил бы полет,
Я искал бы ту девушку взором своим,
Веря сердцу и зная, что сердце найдет.

Взмыв безумною вьюгой в просторе ночном,
Всё сметая с дороги, всё руша дождем,
Я бы камнем упал на нее с высоты,
Ставку хана Кене сбив в порыве своем.

К сердцу деву прижав и нежней и тесней,
Над простором степей полетел бы я с ней,
И в горах Семиречья местечко б нашел,
Где бы нас даже след не тревожил ничей.

Вся орда погналась бы по нашим следам.
Только где ей догнать? Мы укрылись бы там,
Хан, бессильный найти нас, не знал бы, как быть,
Доверяя теперь лишь гадапьям и снам.

Если б птицей летал я на легких крылах,
Я бы девушку эту настиг в один взмах.
Будь я сокол и белая лебедь — она,
На лету я ее удержал бы в когтях.

Почему же не создан я быстрой борзой?
Если б серной ей быть или красной лисой,
Я поймал бы ее на пушистом снегу.
(Зря ты бредишь, кюйши! Что с твоей головой?)

Почему я не ветер просторных степей?
Человеком нельзя мне приблизиться к ней.
Ветром я обнимал бы, лаская, ее
Алых щек бы касался как можно нежней.

Если б только я создан был горным ручьем,
Искупалась бы дева в потоке моем,
Я качал бы в объятиях тело ее,
Целовал ее щеки в ущелье глухом.

Будь в капкане лисой я, пушистой еще,
Шубку лисью надела б она на плечо
И стояла бы, в красный укутана мех,
И я обнял бы плечи ее горячо.

Почему я не солнце палящего дня,
Что сквозь тучи струится потоком огня?
Я б спускался за горы вечерней порой,
И она бы глядела тогда на меня.

Я не создан ни золотом, ни серебром,
Ни тяжелым запястьем, ни тонким кольцом,
Почему б мне не стать на ее голове
Золотистым и сизым павлиньим пером?

Для нее я звездой бы на небе повис,
Стал бы шапкой бобровой иль мехом из лис,
И меня, как наперсточек маленьким, ртом
Выпивала б она, словно сладкий кумыс.

Будь в степи я у юрт разведенный костер,
Я б к ней жаркие руки навстречу простер.
Освещая ее, согревая ее,
Обращал бы к ней свой полыхающий взор.

Будь я только отмечен судьбою такой,
Никогда бы не знался я с горем, с нуждой,
Будь я ветром, кумысом, бобром, ручейком,
Не могла бы она разлучиться со мной.

Только всё, что твержу я, — мечтанье и бред;
Не нашел я ее, хоть и ясен мне след;
То, что нужно душе, ей откуда узнать?
А сказать? — Мой язык не осмелится, нет!

Я лишь бедный кюйши, этих струн господин,
Молод я и свободен средь наших равнин,

И несчастье мое только в том, что рожден
Бедняком я из нищего рода Уйсин. . .»

Так мечтал за домброй он, глаза опустив,
Мысль ослабила бег, упираясь в обрыв,
И дорогу свою потеряла домбра,
Прерывая внезапно неверный мотив.

Карашаш подняла удивленный свой взор,
Услыхав, что последний затих перебор.
Но очнулся кюйши и опять заиграл,
И опять рокот струн полетел на простор.

Вновь дрожа, поскакал он дорогой своей:
То несется он рысью, то ветра нежней,
Словно птица, борзая иль всадник лихой,
Устремляя все помыслы к ней, только к ней.

Ударяя копытом в вечерней тиши,
Кюй — споткнувшийся конь — задыхаясь, спешит,
Но язык его ханша уже поняла
И с улыбкой сказала: «Довольно, кюйши!»

5

Много дней пролетело один за другим.
Сыгран кюй не один над простором степным,
Только все девяносто забыты давно,
А последний парит неустанно над ним.

И когда он порою другой заведет,
Разбегутся строптивые пальцы вразброд,
«Кюй о девушке» снова приходит на ум,
И других уже память к себе не зовет.

То единый напев о красе Карашаш.
Разве юное сердце ему не отдашь?
Он в душе у кюйши ураганом прошел
И потоком прорвался сквозь каменный кряж.

Пьян, безумен кюйши — так она хороша!
Словно яблока с яблони хочет душа,

Словно сам он, беглец на чужой стороне,
Всё забыл и о ней лишь играет спеша.

Если скажут: «Сыграй нам!» — домбру он возьмет,
И всё то же начало к концу приведет.
«Ой-баурым» он и «Кос-кеменшек» позабыл,
Как и всё, что когда-то наш создал народ.

Он уже не играет — бренчит по струнам.
Одержимый напевом, он зол и упрям,
Сердце пальцам мешает: лишь дева в мечтах,
И о чем он мечтает, не ведает сам.

Иноходцем в разбеге качается кюй.
О чудесный напев, всех ласкай и чаруй!
Этот жалобных струн переливчатый звон
Манит лебедя вниз, к воркованию струй.

Звон, остывшее чувство согревший огнем
И расплавивший сердце, покрытое льдом,
Как малыш верблюжонок, губами сосцы
Теребит он, чтоб мать истекла молоком.

Звон, заставивший черствое сердце рыдать
И умеющий слезы тоски ощущать,
Кюй, которому в песне слова не нужны,
Но стремящийся слово душе передать,

Он — лихой иноходец, что к скачке привык,
Он — огонь, устремляющий к небу язык,
Он — живая вода для седин старика,
Он — отрада пустыни, журчащий родник.

Страстный струн перебор, то нежнейший, как сон,
То от боли глухой испускающий стон,
День и почь говорит об одном, об одном,
Карашаш покоряет мелодией он.

Разве ветер не морщит озерную гладь?
Разве он не заставит себя понимать?
В уши девушки льющие песню свою,
Разве струны не смогут ей всё рассказать?

Карашаш понимает здесь каждый намек.
Этот звон — рассекающий скалы клинок.
Сердце девушки тихо он ядом кропит, —
И никто бы ему не поверить не мог.

Ханша ждет, чтоб звучал он опять и опять,
Словно струны умеют огонь высекать,
И без умолку звонко стрекочет домбра,
А у девушки начало сердце пылать.

Ханша хочет, чтоб струны в разбеге своем
Отнимали бы память, гремели как гром.
И уже лихорадит ее тот напев,
А с кюйши молодого пот льется ручьем.

Ханша слушает струны, уйдя от тоски.
Зажигаются в сердце у ней огоньки,
Заразил ее страстью своею кюйши,
И мечты ее стали отныне легки.

Разбегается рокот домбры, как ручей,
Льется пламенный кюй, полный жарких страстей,
Тихо девушке шепчет признанья свои,
А журчанье струн что ни час, то нежней.

Ханше смысл этой песни понятен сполна:
«Что прекраснее девы, забав и вина!»
Замирает, возносится сердце ее,
Вся охвачена чувством прекрасным она.

Так кюйши ее тешит своею игрой,
Начинает он утром, кончает с зарей,
То шербетом, то медом желанья поит,
Серебристой ее овекает волной.

Чувство к струнам звенящим двойное у ней.
Чуть домбра утомится игрою своей,
«Перестань!» — произносит в тоске Карашаш,
Потому что ей слушать трудней и трудней.

Звук то греет, то холодом веет опять,
Сердце девы с собою зовет кочевать,

И в безжалостной ханше былое дитя
Под суровую внешностью можно узнать.

«О, играй! Как напевы струны хороши!» —
Говорит и всем телом внимает кюйши.
Всё быстрее и сильнее он бьет по струнам,
Нежной ханши тоску выводя из души.

Словно бурное озеро, плещет любовь,
И бессвязною речью волнуется кровь.
То задумчивость ханшу порой посетит,
То боязнь подступает к душе ее вновь.

«О, как страстно домбра, как тревожно поет,
И напев прямо в сердце стремится свой полет.
Да, все радости жизни в груди у домбры,
Но куда же она мое сердце влечет?»

Эти струны так сладко звенят в тишине.
Скоро сумерки, тени легли в стороне,
Алатау сияет румянцем зари.
Это солнце поет или небо в огне?

Пальцы юноши мягко бегут по струнам,
И пленительный звон разливается там;
А домбра за собою далеко зовет;
Ей внимая, как будто летишь к облакам.

Струнный рокот похож на журчанье ручья!
С сердца всякое горе смывает струя.
Размягчилась ли я, как земля под водой,
Иль куда-то исчезла вся сила моя?

Это — кюй незапятнанных девственных льдин,
Это — кюй Алатау холодных вершин,
Это — девушки, ждущей в тоске жениха,
Грустный зов, что звучит среди вечерних равнин.

Пред таким молодцом сразу сердце замрет.
О, как пальцев его легок страстный полет!
Почему не родился ты ханом, кюйши?
Почему так ничтожен и беден твой род!

Голос струн твоих к сердцу летит ветерком,
Он расплавил меня, грудь наполнил огнем,
Хан-властитель, спасибо за радостный дар!
Этот нищий кюйши стал моим соловьем.

Он Дулат иль Уйсун — только в этом беда;
Иль кюйши мне оставить его навсегда?
Он из юношей наших рожден соловьем,
Выйду ль я, Карашаш, за него и когда?

Кто его научил так играть? Почему?
Или духи талант подарили ему?
Если только осмелюсь я выбрать его,
Хан навстречу желанью пойдет моему?

Нет, тому не бывать! Как в безумье таком
Ханский род заклеймить мне подобным пятном?
Он — безвестный кюйши, он мне отдан навек.
И родниться судьбой не могу я с рабом.

Что со мной? Я больна? Иль сошла я с ума?
Или сблизиться с ним я б хотела сама?
Если раб этот голову склонит ко мне,
Славу рода покроет позорная тьма.

Сердце бросив собаке, я встречу позор,
Поцелуй бы меня осквернил с этих пор.
Нет, пятнать благородную кровь не хочу,
Молча, если так надо, взойду на костер.

О несчастный, коль дать тебе слово сейчас,
Сам домбре ты доверил бы сердца рассказ.
Не сносить бы тебе, молодец, головы,
Жизни свет навсегда ускользнул бы из глаз.

Бей по струнам, хоть пот и струится с лица!
Бей! Сильнее! Еще! Кюй веди до конца!
Девяносто едва ли заменят один!
Бей! Нангрывавай кюй, веселящий сердца!

Бей же, бей, о кюйши! Жарче этой игрой
Жги мне сердце! Дотла! Я горю пред тобой!

Бей! Иль нет, замолчи. Слушать нет больше сил.
Не могу. Подожди. О кюйши мой, постой!»

Так в порыве металась она бредовом,
Сердце билось, как речка в ущелье глухом,
И когда зарывала в подушку лицо,
Слезы летним, чуть теплым катились дождем.

Разве выдержит сердце? Она смущена.
Иль то поступь врага за спиною слышна?
Против воли приходится струнам внимать,
Словно в жаркой степи заблудилась одна.

Что ни днь, то напев и живеи и страстней,
Он ли ханшу не тронет мольбою своею?
Без конца ударяет по струнам кюйши,
И угрозой рокочет домбра перед ней.

Тихо в ханском отау с расшитой кошмой.
Кто б осмелился ханши нарушить покой?
Вход туда строго-настрого всем запрещен,
Там теперь господином кюйши молодой.

6

Если снова враги замышляют набег,
Разве можно поставить аул на ночлег?
Здесь сегодня, а завтра далеко Кене:
Он отважный и хитрый во всем человек.

Наступает зима, всюду изморозь, лед,
Хан Кене к Алатау походом идет,
И осели казахи близ рода Дулат,
Где подножной травой питается скот.

Хана шумной толпою встречает Дулат,
Все навстречу гостям из кибиток спешат,
Закололи уже для гостей кобылиц.
В безопасности гости, и праздник богат.

Никогда не встречали владыку шумней.
Дарят, в честь его предков, прекрасных коней,

Всеми ханом торжественно признан Кене,
И ведут к сарбазам кобылиц табуны.

Аксакалы на пышный зовут ерулик,
Льют кумыс, варят мясо, бараний язык;
Каждый день вокруг Кене и веселье, и той,
Он доволен приемом, хоть к славе привык.

Средь дулатцев повсюду известен один:
То богатый датха, Алимкул-господин,
И аул Алимкула встречает гостей:
Улу-жуз всех радушней средь этих равнин.

Он кокандского хана всегдашний оплот,
И ему он покорно зекет повезет.
Он из рода Дулат, где так любят гостей,
И к нему хан Кене свой приводит народ.

Алимкул принимает как друга Кене.
Хан почетом и пиром доволен вполне.
Бай, батыр, аксакал, бий, датха, сарбазы
Дарят то, что смогли захватить на войне.

Скот, к убою готовый, приводят из стад,
Бедняки же дровами заняться спешат, —
Тот огонь разжигает, тот мясо варит,
И колени нагие от стужи дрожат.

Род Уйсуна-Дулата спокоен всегда:
Враг не смеет набегом ворваться сюда;
Хану служит надежной опорой Дулат,
Что на пастбищах тучных гоняет стада.

Это сын Алимкула, красавец Сапак, —
Соколиный охотник, ценитель собак,
Неуступчивый, дерзкий, упрямый мирза,
Чей скакун — светло-серый лихой аргмак.

Словно волк Алимкул — и отважный, и злой:
Сам себя оценил — и высокой ценой;
Он на девушек юных — добычу свою —
Нападал без пощады, как ястреб степной.

Из бахвальства, которым известен их род,
Отовсюду Дулатом был созван народ,
Алимкул начинает и пир и байгу,
Чтобы хану Кене был оказан почет.

Так сошелся на пир весь богатый Дулат.
Кругом знатные люди аула сидят.
Конь Сапака был первым, пришедшим с байги, —
Хану — слава, почет, хан спокоен и рад.

«Надоело нам слушать, как стонет акын,
Пусть уж в цель на шесте метят все, как один.
На лужайке пусть спорят друг с другом борцы, —
Мало ль здесь развлечений найдет господин?»

Хану по сердцу этот приветливый гул,
И доволен не меньше его Алимкул.
Карашаш с приближенными, с верным кюйши
После пира вернулась в родимый аул.

7

Солнце скрылось за горы, устало пылать,
Кони были отпущены травы щипать,
И как только в отау огни разожгли,
Карашаш приказала: «Играй мне опять!»

И опять очарована ханша игрой.
Вдохновенно играет кюйши молодой.
То вскипает, то стынет у девушки кровь,
Ханша слушает молча, вздыхая порой.

Разгорался напев, словно легкий костер,
И рыдал он и рвался мольбой на простор.
Долго слушала ханша, блуждая в мечтах,
Только ночью смежила пылающий взор.

Степь безмолвна, повсюду лежит белизна,
И спокойно глядит на отау луна.
Ханша сон потеряла, не спит и кюйши:
Песню струн вспоминают и он и она.

А луна словно юрта на небе ночном.
В эту ночь голова не пойдет ли кругом?
Оставаясь в отау вдвоем при луне,
Разве могут подумать они о другом?

Веселит им сердца струн прерывистый стон,
Где для сердца волнующий смысл затаен, —
Словно юноша с девой в мечтах о любви,
Полнит душу блаженством и гибелью он.

Он вздыхает, домбре лишь взгрустнется порой,
Он безбрежную хочет разлиться волной,
И напрасно и страстно к той цели стремясь,
Он в глазах Карашаш яркой блещет звездой.

Он огнем пробирается в девичью грудь,
Хитрой песней без слов пролагает свой путь;
К белой шапке стремясь поцелуем припасть,
Хочет страсть он красавице в сердце вдохнуть.

Сердце ханши нежданно попало в полон,
Длится радостных струн переливчатый звон,
Опаливший ей сердце высоким огнем,
Тем огнем, что лишь страстью одной вдохновен.

Жгущий всю ее душу напев роковой,
Обращенный к ней с жаркой, любовной мольбой,
День и ночь беспокойный, не знающий сна,
Говорит ей о счастье порою ночной.

Неотступно в ушах у ней стонущий звук,
Как сиянье луны, как сплетение рук;
Так и мечется в жаркой постели она, —
Жжет и душит ее этот сладкий недуг.

И не смеет вздохнуть сам несчастный кюйши,
Об одном лишь и может мечтать он в тиши,
Он, охваченный страстью, недвижно лежит,
Отдаваясь всё тем же порывам души.

Хочет он, безрассудные мысли тая,
«Я пришел, — прошептать ей, — о ханша моя!»

К ложу девушки тихо пробравшись, сказать,
Наклоняясь над милым лицом: «Это я».

«О любовь моя, ханша! Не там ли она?
Подойти к ней поближе? Душа смущена...
Не полна ль она чувством ответным ко мне?
С нею рядом не выпить ли счастье до дна?»

Уж не встать ли сейчас, не приблизиться ль к ней?
Расплатиться за всё головою своей?
Иль всю жизнь затаенное горе нести,
Вспоминая ее много дней и ночей?»

Заскрипела постель, и в ночной тишине
Карашаш шевельнулась, как будто во сне:
Тень какая-то встала бесшумно над ней;
«Ханша!» — шепчет ей кто-то при тихой луне.

Гнев взволнованной девушке сердце обжег,
И в руках у нее вспыхнул острый клинок,
Как узнать — кто погиб, кто остался в живых?
Только дверь распахнулась да скрипнул порог.

В небе всё закипело, и молний излом
Осветил всю долину, обрушился гром,
В урагане земля затряслась, а гора,
Вспыхнув вдруг, потонула во мраке ночном.

На отборных летят сарбазы скакунах,
Пушка где-то грохочет, как грозы в горах,
Закружилась совсем у кюйши голова,
И умолк он, внезапный почувствовав страх.

Словно с неба на землю упала луна —
Это пери встает, пробудившись от сна.
Облачение девушки в шелк и парчу —
Словно шелест змеи, что в камнях чуть слышна.

Карашаш, вся пылая от гнева, встает
И пронзительным криком сзывает народ.
Задрожавший кюйши и ни жив и ни мертв,
А с лица у него тихо катится пот.

«О аллах, это я или кто-то другой?
Сумасшедший ли я или призрак ночной?
Был я с ханшей в кибитке один на один,
И теперь я отвечу своей головой.

Я погиб. На меня опустилась беда;
Как посмел я — не знаю — проникнуть туда?
Как коварно домбра пошутила со мной,
Верить струнам нельзя никогда, никогда.

Как же мог я к красавице так подойти?
Будьте прокляты, ноги, на этом пути.
Я обрек себя пуле и злему огню.
Я попался в капкан. Где спасенье найти?

Как я мог одеяло ее распахнуть?
Сумасшествие в сердце? Иль пьяная муть?
Наяву это всё или только во сне?
Как безумие это проникло мне в грудь?

Да, сошел я с ума. Смерти близится срок.
В грудь вонзится мне белый и острый клинок,
Приведут, как преступника, к хану Кене
И казнят, чтобы видеть я солнце не мог».

Страх в тиски обреченное сердце берет,
Как у загнанной лошади, катится пот,
И затянут туманом весь мир для кюйши,
Он, рыдая, погибшую юность зовет.

В гневе ханша воскликнула: «Кто там, скорей!
Как вы смеете медлить пред волей моей?»
И аул, уж давно позабывшийся сном,
С громким шумом и гомоном бросился к ней.

Так сбежались все воины в мраке ночном,
Гневным сердце у ханши вскипает ключом:
«Сарбазы, поскорее схватите его,
Чтоб он встал для ответа в отау моем!

Мы живем или вовсе на свете нас нет?
Коль живем, то живое не призрак, не бред?

Где же хана Аблая священнейший дух?
Я ль, дитя его, жертвой явилась на свет?

Нет, стерпеть не могу я поступок такой!
Он посмел издеваться сейчас надо мной!
Он насилия жаждал над честью моей
И за дерзость кровавой заплатит ценой!

Разве хан, вождь народов, окончил свой век?
Разве ханский аул вдруг растаял, как снег?
Здесь потомков Аблая поругана честь,
Средь казахов найдется ль гнусней человек?

Он, собака, посмел запятнать мой порог,
Честь великого хана унижить он мог!
Или — думает — ханы боятся врагов?
Чернь дерзить начинает, ей нужен урок!

Кто слышал, чтоб ворона, осмелясь, могла
Налететь на парящего в небе орла?
Разве ханы уж так ослабели, что к ним
Свора псов обозленных, рыча, подползла?

Иль забыта честь предков? Иль месть не страшна?
Иль аул в Алатау разграблен средь сна?
Почему вы не рубите голову псу?
Почему за вину он не платит сполна?»

Так всю ночь продолжались и гомон и гул —
До рассвета был ужасом полон аул,
Сердце ханши от гнева не может остыть,
А толпу неожиданный страх захлестнул.

«О безумец! Не ты ли всему здесь виной?» —
На кюйши кто-то бросился с саблей кривой.
Но окликнула гневно его Карашаш:
«Как ты смел обнажить свою саблю! Он мой!

Приведите виновника мне наконец,
Это сын Алимкула — трусливый наглец:
Я сама ему голову саблей снесу, —
Пусть узнают расплату и сын и отец!

Пусть Сапака ко мне приведут поскорей, —
Я хочу быть защитницей чести моей.
Дух Аблая не смеет никто оскорблять,
Воля хана — закон для народов степей.

Из могилы я вырою кости его!
До зари мне доставьте врага моего!» —
Так воскликнула ханша. . . В былые века
Возражений не слушали ни от кого.

А кюйши уж готов был к тому, что умрет,
И со лба вытирал он струившийся пот,
Но лишь назван был сын Алимкула, Сапак,
«Вот, — подумал кюйши, — снова жизнь настает!»

8

В дни осенние ярко над степью восток,
Вся застыла земля; словно камень — песок;
Травы низко склонились своей головой,
И серебряный иней на них уже лег.

Чуть зарделась заря — весь аул на ногах,
Подняла его ханша, как стадо в степях,
И на холм пред аулом стекаются те,
Кто живет на равнине и в ближних горах.

И один только голос звенит в тишине,
Все внимают ему и молчат в стороне.
Қарашаш, как овец, собирает народ,
Красотою сияя на белом коне.

На лихих скакунах сарбазы перед ней, —
Всё готово для встречи незваных гостей:
Пиконосцы, джигиты со сталью клинков,
Что срезают скалу остротою своей.

Луки в кожаных сумках, с тугой тетивой,
Копья, сабли, кинжалы, готовые в бой.
Храбрецы, как Ержан, как лихой Науан —
Ястреба, чьи ресницы мохнаты зимой.

Стало в линию войско, внушавшее страх,
Гнев живет в помутневших от крови глазах,
Пушка черное дуло, свой глаз, навела
На аул Алимкула в соседних холмах.

На защиту свою встали все, как один,
Будто враг в этот миг наступает с равнин.
Словно дробь барабанная — цокот копыт,
Гул идет по земле, как от грохота льдин.

Эхом выстрела голос гудит вдалеке,
И клинок исфаганский сверкает в руке;
Нетерпенья и гнева полна Карашаш,
Словно волк, что отравлен и гибнет в тоске.

Кони землю взрывают ударом копыт,
И далеко их звонкое ржанье летит.
А к аулу дулатцев всё скачут послы:
«Где преступник, который здесь вами укрыт?»

И бегом к Алимкулу несется гонец,
Чтоб вражде положить до сраженья конец.
Пусть немедленно хану он даст свой ответ,
Пусть за дерзкого сына ответит отец!

9

«Эй, датха! За тобой хан мой вестника шлет,
Не сердись на меня за столь ранний приход.
Наш аул наготове, и все на конях.
Гневен хан, от обиды и мечет и рвет.

В гневе ханша на дерзостный ваш произвол.
Забодал ее стадо ваш дерзкий козел,
С вами в бой наше войско готово вступить,
Вы коварны, конец нашей дружбе пришел.

Лук натянут, и стрелы направлены в вас,
Сабли блеском своим нестерпимы для глаз.
Встань, датха, и, на холм свой взойдя, посмотри:
Эта пушка обрушит огонь свой сейчас.

Дух Аблая,
идущего с севера льва,
Душит наши сердца, к нам ступил на порог.

Всех зовите скорей!

Где Уйсун? Где Дулат?
Пусть все бии тотчас к нам в аул поспешат:
Над жильем Алимкула грохочет гроза,
Над Дулатом проносятся тучи и град».

Те, кто храбр и медлителен, слаб и силен,
К Алимкулу со всех собирались сторон.
Прилетели все птицы из рода Уйсун:
Қоршун, ястреб, орел, стаи сов и ворон.

10

Так старейшины рода Уйсун и Дулат
Собрались над холмом, там, где пики горят.
«Алдияр, Алдияр!
Коль трясется земля, ты к холму иди;
Коль волнуется род, ты к тюре иди» —
Поговоркой такой начинал
Речь свою перед войском один майталман.

Ханша вскрикнула гневно при этих речах.
Майталман отступил, он почувствовал страх.
«Иль ты хочешь, чтоб саблей язык отсекли?» —
И у бия смятенье и ужас в глазах.

«Что твои мне слова! В сердце злобы костер.
Не такой болтовнею смывают позор.
Я хочу, чтоб датха мою ханскую честь
Вновь вознес и меня почитал с этих пор.

Воры вы, чей язык наша сталь не щадит;
Вы — народ, потерявший и славу и стыд.
Пусть старейшины знают: я требую кун.
Преступленье свершивший — да будет убит!

По земле вы влачите своей бородой,
За датху своего вы стоите горой.

О, забывший кочевья, вонючий Дулат,
Стал сегодня ты просто курдючной овцой!

В мире жить мы не можем, вы мерзки для глаз,
Угостили отравленным блюдом вы нас.
Кто дух предков Аблая позором покрыл?
Иль отсох ваш язык, что молчите сейчас?

Вы не бии, в вас истинный разум уснул,
И преступников дерзких растит ваш аул.
Вы должны его выдать. Где правда? Где суд?
Иль дороже всего вам датха Алимкул?

Кто вы здесь предо мною — Уйсун иль Дулат?
Защитить Алимкула здесь бии хотят.
Вы преступника выдать мне тотчас должны,
Пусть датхи за злодеев горой не стоят!»

Свесив головы, словно бараньи стада,
Перед ханшей дулатцы стояли тогда.
«Алдияр, ничего мы не знаем о том.
Если хочешь, срази нас. То наша беда».

«Возвращайтесь обратно, — сказала она. —
Вы стоять за него не должны как стена;
Знайте, в дом мой прокрался собака Сапак,
Приведите его, он ответит сполна.

Если вы не хотите сейчас грабежей,
То виновника выдать должны поскорей,
Осквернителя женщин, врага, Албасты,
Наглеца, оскорбителя чести моей.

Вы собаку такую оденьте рабом;
Пусть он — в саже лицо, отягчен хомутом
И захлестнут петлей — трижды будет сейчас
Вкруг меня проведен в унижение своем!

Пусть под стражею он весь аул обойдет.
Если вы не враги нам, а мирный народ,
На аркане ведите Сапака ко мне —
Он под саблей моей без пощады падет..

Это черное дело вражду принесет.
В гневе хан, может быть, уничтожит их род.
Если чернь безнаказанно хана хулит,
Не привыкнет ли быть дерзновенным народ?

Бии, лучшие люди, сошлись на одном:
«Алимкул, ты не властен в сужденье своем.
Надо выдать виновника хану Кене,
Чтобы он не спалил наши юрты потом».

11

Солнце ввысь поднималось над горной грядой.
Полдень. Войско вступить приготовилось в бой.
Блещут пики. Заряжены пушки давно.
Карашаш охраняет могучий конвой.

Помня гневный приказ, весь Дулат поскорей
Сам хотел бы доставить виновного к ней.
Видя девушки гнев, полный страха кюйши
Тихо в угол забился — совсем воробей.

Холодеет душа, он бледнеет, узнав
Этой девушки властной безудержный нрав;
Сознавая вину, он отчаянья полн.
Сердце стынет, испытывать ужас устав.

Он не знает: смеяться иль плакать ему,
Иль вернуться скорее к жилью своему?
Предстает, словно гибель, лицо Карашаш,
И поступок ее недоступен уму.

«Нет, не девушка — злая волчица она.
Неужели мне гибель теперь суждена?
Сумасшедший ли я? Иль безумный храбрец?
Я пытался ее разбудить ото сна.

Нет, не девушка это, а иней и лед.
Не могу я понять, что к ней сердце влечет?
Ах, на это подбил меня, видно, шайтан,
Затемнил мне рассудок и к смерти ведет».

Очи девушки яростным гневом горят.
Сбились в кучу, трепещут Уйсун и Дулат.
Хан Кене обо всем, что случилось, узнал,
Из орды на виновного бросил он взгляд.

Хан разгневан, сверкает угрозою взор,
Этой черни деянье — великий позор.
Но в своем ожиданье спокоен Кене:
«Сам Уйсун приближает себе приговор».

12

Легким инеем блещет холмов караван.
Прояснилось. Рассеялся синий туман.
Опустился на степи жестокий мороз,
Словно девушка, гневным огнем обуян.

Как туман, что волочится редкой грядой,
Приближался Дулат боязливой толпой.
Войску хана Кене он виновника вез,
Словно зайца, который захлестнут петлей.

Все уйсунцы, дулатцы с понурым лицом
Приближаются к девушке в страхе большом,
Впереди обреченную жертву ведут,
Что немедля погибнет под острым мечом.

Знак позора — лицо его в саже, черно.
На груди — прокопченное дымом руно,
Он хромает, и гонит его верховой,
И ему обнаженным идти суждено.

Кто бы мог Алимкула перечить словам?
Но пред ханом жестоким бесилен он сам.
И в глубоком раздумье виновный идет,
Предаваясь своим безотрадным мечтам.

Как понуро бредет он, несчастный Сапак,
Виноват или нет он — рассудит лишь враг,
Что стянул ему шею арканом тугим;
Словно тень он идет, нерешителен шаг.

Голос ханши в то время услышать он мог:
«Приведите его, пусть падет он у ног!»
И склонил свою шею несчастный Сапак,
А в руках Карашаш гневно вспыхнул клинок.

Словно молнией яркой расколота мгла.
Кровь и небо и землю рекой залила.
Небо рухнуло — и раскололась земля.
И потупил свой взор Алимкул: «О алла!»

А кюйши, что дрожал перед ханшей вчера,
Лишь блеснула в глаза ему стали игра,
Вдруг прервал свой губительный гневный напев,
Словно треснув, окончила песню домбра.

И, как меч, взор кюйши всколыхнулся огнем,
Будто сам захлебнулся он крови ручьем,
Будто молнией было расколото вмиг
Это сердце и сам он упал под мечом.

Он увидел, как ринулась кровь в синеву,
Как пред ним голова покатила в траву,
И не ханша на пляшущем белом коне —
Азраил, ангел смерти, предстал наяву.

Был он, не был — тот взмах занесенной руки,
Меч, готовый, свистя разрубить позвонки,
Или ярость осажена резкой уздой
И прозревшим умом вдруг зажата в тиски?

«Как ты голову эту посмеешь отсечь?
Неужели опустится яростный меч?» —
Это ум говорит, и стихающий гнев
Уж готов перед ним обессиленно лечь.

Гнев, рыча, утихал, проходила гроза,
Боязливая милость раскрыла глаза.
«Что ты делаешь?» — милость шепнула душе,
Сквозь туман засияла небес бирюза.

Гнев веленье души одолеть уж не мог,
Он, слабя, туманом рассеянным лег,

Опустилась поднявшая саблю рука,
И упал на траву потускневший клинок.

Подставляющий шею, замедливший шаг,
Невредимым прошел мимо ханши Сапак.
«Аксарбас! — изумленно вскричал Алимкул. —
То — вернувшийся мир, то — спасения знак!»

И смирилась гроза, уходил ураган.
Затихала река, таял редкий туман.
«Несравненный! Да славится ханство твое!» —
Каркал хохотом льстивым в толпе майталман.

Ханша любит коня — слышен топот копыт.
Биям, бекам и всем, кто вокруг, говорит:
«Вами, дети, сейчас я довольна вполне.
Ни один виноватому не был как щит.

Алимкула приветствуйте, беки. Он смел,
Но вступить за этого пса не хотел.
Дух Аблая доволен поступком таким,
Сам отец выбрал сыну жестокий удел.

Наших предков почтив в запредельной стране,
В деле мести помог он аулу Кене.
Алимкул мне по нраву. Он гнев мой смирил.
Хан и чернь не столкнутся враждою в огне.

Вот вам жертва, Сапак ваш. Ведите назад!
В пса его превратил мой пылающий взгляд.
И клинка о него не хочу я марать,
Кровь собаки тебе я дарю, о Дулат!»

«Алдияр!» — с уваженьем кричали кругом,
Гнули спину пред ханом речным камышом,
Алимкул говорил: «Нами правь ты всегда».
И Уйсун и Дулат шли с веселым лицом.

Алимкул, похвалы расточая, охрип.
Девять рыжих верблюдов тащили аип,
Карашаш привели призового коня,
Что летал под Сапаком, свой хвост распутив.

Вновь ушли закаленные сабли в ножны.
Луки снова на стенах — они не нужны.
На аул Алимкула, как в прежние дни,
Мрачных пушек стволы не глядят с вышины.

Воротилась орлица в гнездо, а Сапак
Вновь на солнце взглянул, и рассеялся мрак.
«О Сапак, — все сказали, — ты дважды рожден:
Это милость судьбы, это благостный знак».

13

Тени вышли на холм, на колючий бурьян,
Как табун по горе, разостлался туман.
Белый конь у кибитки в закатных лучах,
Возле юрты костер и трескуч и багрян.

А на девушке легкая шуба — енот.
Мирно сабля висит. Тихо пламя поет.
Разгорелись дрова, полыхает костер,
И вечерний темнеет уже небосвод.

От подернутых пеплом янтарных углей
Стали щеки у девушки яблоч красней.
«Время в звонкие струны ударить, кюйши!
Пусть один за другим льются звуки быстрей».

И домбру вдохновенно схватила рука,
И мелодия к небу рванулась, легка.
Вновь рожденный на свет, начинает кюйши
Песнь, еще не известную людям пока.

Всё тогда зазвенело, запело кругом,
Заиграла рука, взор зажегся огнем,
Заплясало с напевом всё тело кюйши,
Звон увлек его душу в полете своем.

Словно пламя, напев этот ринулся вдаль,
Самаркандских мечетей расплавил эмаль,
Ураганом озера в горах расплескал
И разлил, словно раненый лебедь, печаль.

Он пронизывал степь, уходя на восток,
В сердце ханши пожаром раздул уголек,
Трогал в мыслях ее девяносто ладов,
Проливался дождем и струил ветерок.

На ручки расплетается говор тех струн:
Иноходец ли скачет, иль гонят табун?
Льется страстный напев в девяносто ручьев.
Где тоска его? Снова он весел и юн.

Снова легкие пальцы на струны легли,
По домбре все старинные песни прошли,
В небе низко спустились Весы и Уркер,
И полоской заря занималась вдали.

Торопливый табун проскакал стороной,
Пели жалобно женщины в шире степной,
И, горячие чувства свои не тая,
Стала девушка к песне тянуться душой.

То, что песнь говорит, ей понятно сейчас,
Звонких струн до конца ей известен рассказ,
Этой ночью раскрылась ей тайна кюйши,
Промелькнуло лукавство в сиянии глаз.

Что кюйши рассказал ей в томленьи своем,
В сердце девушка крепким связала узлом,
Но, не выдержав, смехом легко залилась,
Разгадав его тайну лукавым умом.

«О кюйши мой, довольно, оставь, не играй!
Джин и пери давно улетели в свой край,
А шайтанам и духам, кишашим вокруг,
Мы давно уже можем промолвить: „Прощай“».

Понемногу отау зарделось зарей,
Бледный лик Карашаш тронут краской дневной.
Глаз всю ночь не сомкнув, просидела она,
Убаюкана странной лукавой игрой.

Разгадавший девичьи мечтанья кюйши,
Коль не трус ты, во всем ей признаться спеши!
Видя, как он томится, сама Карашаш
Приговор затаила в глубинах души.

«Я довольна. Искусству хвала твоему.
Луч прокрался в отау сквозь сонную тьму.
Узел твой развязать я сумела, кюйши,
В этом утреннем солнце, в родимом дому.

Только первенством мысли твои заняты,
И среди прочих кюйши ты достиг высоты.
Я довольна тобою и буду щедра.
Всё проси у меня — не раскаешься ты».

Кровь по жилам быстрее начинает бежать.
Он глядит, на лице беспокойства печать,
Он не верит ей: правда иль только обман?
Он не знает: смеяться иль плакать опять?

«Алдияр! Я скажу, что мне нужно, — прости.
Нет шайтана в душе, чисто всё на пути.
Сто желаний моих воплотились в одном:
Дай свободу кюйши и домой отпусти.

Сколько дней и ночей плачет мать обо мне.
Дай мне снова пожить на родной стороне.
Я — воробушек, в сети попавший твой,
Я к свободе стремлюсь наяву и во сне».

Кто строптивее ханши? Умнее, хитрей?
Словно жгучее солнце, улыбка у ней,
Своенравия полная просьба кюйши
Удивила ее страстной силой своей.

Покраснев, ничего не сказала она
И не знает, как быть ей, уже смущена.
Наконец с тайной грустью сказала: «Иди!»,
Будто даже в желаньях своих не вольна.

Только молвила это, в кюйши молодом
Всё как будто живым озарилось огнем.

Исполнялась заветная сердца мечта,
Что упорно жила в нем и ночью и днем.

Словно конь, что летит закусив удила,
Бьется сердце кюйши, и не помнит он зла.
А печальную девушку жалость берет:
«Почему я свободу ему отдала?»

Он умолк. Карашаш начинает скучать.
Этих радостных струн ей не слышать опять.
«Девяносто историй утратила я», —
Не устанет с досадой она повторять.

15

Надо снова стать грозною ханшей степей.
Ум твердит: «Дай свободу ему поскорей!»
А печальное сердце стучит и стучит.
Нету слов, а рыданья сильней и сильней.

Не услышать ей больше, как струны гудят,
Отзвучавший напев не вернется опять.
«Пусть уходит кюйши», — ум советы дает.
Эти струны — медовая сладость и яд.

Ах, возможно ли с ними расстаться душой?
Если будет играть он зимой и весной,
Не спалит ли ей душу тот страстный напев?
Разве может лисица уйти от борзой?

Ей давно уже по сердцу эта игра.
Разве можно не пить, если сушит жара?
И не верит уж девушка в силу свою,
Может выдать себя. Пусть идет он! Пора.

Ханша выпила жаркую песню до дна,
От звучанья домбры она стала больна.
Жизнь ее молодая на нитке висит,
Но болезнь свою вылечить хочет она.

Ах, пускай лихорадка ей душу гнетет,
Ведь болезни ее не узнает народ.

Больно сердцу — и всё же союзом с кюйши
Ей нельзя запятнать знаменитый свой род.

Нет, конечно, нельзя им остаться вдвоем.
Разве лебедь роднится когда с вороньем?
Только. . . Если из памяти вырвать его,
Тосковать не придется ли ночью и днем?

Девяносто решений — палящий недуг —
Замыкают ее в свой мучительный круг.
Возле мысли одной так и бродит она,
Словно конь, что с арканом отпущен на луг.

Отменить невозможно свой ханский приказ,
И нельзя, чтобы юноша скрылся из глаз.
Если б только она отпустила его —
Для нее бы весь мир безвозвратно погас.

«Сердце радуй, кюйши, легким рокотом струн,
Никому не сравниться с тобою, Уйсун!
Пусть горит вся душа, рвется сердце в груди,
Пой, как прежде, напев свой, и жарок, и юн».

«Алдияр!»

— «Говори, мой кюйши».

— «Разрешите мне с зарею уехать домой».

— «О, зачем ты спешишь?»

Поиграй предо мной!

Обещанье исполню, кюйши, дорогой!

Эту зиму ты в юрте моей проведешь,

А домой возвратиться ты можешь весной».

И на этом окончился их разговор.

Растерялся кюйши, он потупил свой взор,

А домбра его, прежней лишаясь души,

Стала только гнусавить и ныть с этих пор.

И не мог уж играть он, тоскою томим;

Струны тоже томнились молчаньем таким.

И увидев, как грустен кюйши, Карашаш

Поняла его грусть, но таилась пред ним.

Протекло с той поры много дней и ночей,
 А кюйши оставался у ханши своей.
 До рассвета его заставляли играть,
 Над домброю страдал он сильнее и сильнее!

Ударял по домбре он чуть слышно, без сил,
 Но однажды он к девушке сердце склонил,
 И, как бурный, раздвинувший скалы ручей,
 Вновь напев под перстами его забурился...

Был с другими напевами он несравним,
 И казался восторженным, быстрым, живым:
 То касался земли этот страстный мотив,
 То взлетал в поднебесье орлом молодым.

Горько пела домбра, и смеялась потом,
 И, исполнена гнева, гремела, как гром...
 Но, как ветер, разбивший себя о скалу,
 Вновь кюйши остывает в порыве своем.

Нет уж яростной страсти, душившей его,
 Хоть не в силах он гнева сдержать своего.
 Самка, самка кабанья урчит перед ним!
 А лицо Карашаш непонятно мертво.

Этой страсти порыв душу в нем ослепил.
 Поскорей бы безумный развеялся пыл!
 Не отау пред ним — злого джинна жилью!
 И отсюда бежать он скорее решил.

Но безудержно встал новых звуков поток.
 В страхе бедный кюйши побледнел, изнемог.
 И впервые раскрылись глаза у него, —
 Только рокота струн удержать он не мог.

Но теперь уж душою не властвует страх,
 Тихий рокот легко прокатился в струнах.
 Алатау потрясший, свободный мотив
 Широко прозвенел в девяноста ладах.

Где же мрачный напев, полыхавший огнем?
В этот миг сам кюйши забывает о нем.
Вновь стрекочет домбра под веселой рукой,
Он не помнит совсем о недуге былом.

Джинн, измучивший сердце, покинул его,
И рассеялось пагубных чар колдовство,
И в дрожании жизнью наполненных струн
Не осталось от грусти былой ничего.

Вновь звенела домбра, словно плещет вода,
Звуки тучной отарой брели кто куда
И порою шарахались вскачь по холмам,
А орел с высоты охранял их стада.

Иль то волки напали — смятенье вокруг?
Разорвался овец тесно сомкнутый круг?
Иль то воду бадьей из колодца берут?
Иль дрожит в снежной буре озябший пастух?

Он бредет по равнине в тоске бредовой,
Тщетно знахаря ищет несчастный больной.
Глубоко под снегами жилье бедняка,
Джудт скосил всё живое, безжалостно злой.

Вдовы, сироты плачут: где пищу сыскать?
От богатых им нечего помощи ждать.
Все — сапожник, седельщик, батрак, сирота —
Без приюта должны в снежном поле блуждать.

Мать к кюйши простирает объятья свои,
Он же, будто плененный, стоит в забытыи,
В небе ищет ответа и гневом кипит,
Ощущая на шее всю тяжесть петли.

«Это ведьма — не девушка. Злобу тая,
Дышит хитростью голос. Нет, это — змея.
Если б меч, там висящий, в моих был руках,
Зарубить ее мог бы без жалости я.

Кровопийца — не ханша ты! Яростный змей!
Что-то есть обезьянье в повадке твоей.

О, играй мне, домбра, и свободу хвали,
Дай, аллах, мне свободу, свободу скорей!

О аллах, как уйти мне к родимой стране,
Как добраться скорее до родины мне?
Мать свою напоследок хоть раз увидеть,
Умереть, если нужно, в родной стороне.

Человеку свобода, как счастье, дана,
И всегда украшение мужчины она.
Я ж в капкане, поставленном ханом Кене,
И несчастье свое должен выпить до дна.

Но Аблая ли сын этот гибельный хан?
На беду из родимых я выбрался стран.
Пьет он кровь бедняков, разрывает сердца,
Он не хан, он щетинистый черный кабан.

Ищут ханы почета в народе своем,
Разве судят они справедливым судом?
Я лишь собственность хана, я словно овца,
Умереть суждено мне последним рабом.

Всем несчастье приносят они и беду,
Кровь у бедных сосут, у привыкших к труду.
Если стану, к ногам припадая, молить,
Я пощады у ханши себе не найду.

Если б грудь Карашаш я ударом прожес!
Если б в сердце вонзил я ей гневный клинок!
Если б мне позабыть униженья позор!
Если б кто мне бежать в Алатау помог!»

Он своею домброй говорил напрямик,
И понятен стал девушке мести язык.
Звук трепещущих струн, как шипенье змеи,
Ледяною струей в ее сердце проник.

Тот напев, что привык и ласкать и томить,
Начал мезтью и гневной тревогою жить.
Остывает у девушки тела пожар,
Обрывается тихо любовная нить.

Ей домбра по-былому похвал не поет,
Прежней девушки в ней уж никто не найдет.
Вместо нежной красавицы — грубый медведь,
Для которого струны — отравленный мед.

Ядом душу домбра наполняет, как враг.
И от мысли одной не уйти ей никак:
«Этот юноша тихий стал злобным, как змей,
Пальцы — медные когти. Он сам Жез-Тырнак.

И домбра уж теперь не поет, а шипит.
А у грифа змеиный и жалящий вид.
Рокот струн вызывает брезгливость во мне,
Он и сердце мое тошнотою мутит».

Ханша бровью презрительно вдруг повела —
Не смолкает домбра, справедлива и зла.
«Не стучи!» — Карашаш приказала кюйши,
И на лоб ей сердитая складка легла.

Так домбры и окончился стройный рассказ.
А кюйши утомленный поник и угас.
Ханша тоже молчит. На душе тяжело.
К ней в последний кюйши обращается раз.

«Алдияр!»
— «Что, кюйши?»
— «Ты исполнишь желанье мое?»
— «Пусть настанет заря. . .»

17

Вот и утро настало, и ожил аул.
Снег в пушистую шубу всю степь завернул.
Разгоревшийся ярким костром баялыш
К щечкам девушки нежным румянцем прильнул.

Конь Сапака стоит и грызет удила.
Карашаш, на кюйши поглядев, отошла,
Он домбру за широкий свой пояс заткнул,
И на родину лошадь его понесла.

А когда поглядел он с тоскою назад,
То и юрт не нашел прояснившийся взгляд.
Над душою рассеялся черный туман,
Мир раскрылся пред ним — и широк и богат.

Так ушел из аула кюйши молодой.
Девяносто напевов унес он домой,
Ускакал от богатого хана Уйсун,
Оставляя лишь топот копыт за собой.

Девяносто напевов родилось для струн.
Доскакал до родного аула Уйсун
И, родимую юрту увидев, запел
Кюй свободы, что вечно прекрасен и юн.

1934

34. КУЛАГЕР

ВСТУПЛЕНИЕ

Поэзия моей души, потоками бурли!
Взгорий и степей казахских жажду утоли!
Пусть реки степью распаленной мчатся, клокоча,
Не застанвайся там, где стада прошли!

Наше время для степей — праздничные дни!
Как игрENEвый скакун, по степям гони!
Обгоняя весь народ, мчись, опережай,
О сегодняшнем и прошлом в песне прозвени.

Воображенья птица, взмой к небу и лети,
Славе наших светлых дней сердце посвети.
Пусть теперь расправит крылья радостный народ,
Люди робкие плестись будут позади.

История, ты караван казахов кочевой,
Измученный набегами и наледью степной!
Теперь он встал и пастбища счастливого достиг,
Его сюда великий привел передовой.

Счастливого и гордого народа ты поэт,
Скакуна резвей тебя в нашем крае нет.
На состязанье выходи за счастье страны,
Ты — сила родины своей, ты ум ее и цвет.

Язык и смелость ты его, с ним сердцем — заодно,
Богатство мыслей, ярких чувств воспеть тебе дано.

Как ветер радости, несись, ускоряя бег,
В поэзии течения ты смешивай в одно!

Как народная домбра, поэзия звучна!
Пусть, как потоки Алатау, зажурчит она.
Построй ее из дорогих прекрасных слов-камней,
Созвучья слов моих пускай пленяют времена.

Знаток глубокой старины, пусть будет песнь нова!
Поэтому в стихи введи заветные слова.
Невиданный еще дворец воздвигну я из слов.
Мне всё равно, что скажут! Пусть! Поэзия права!

Забег далекий скакуну хорошему назначь,
Обгонит он и обойдет невыстоянных кляч.
Своей поэме долгой я всего себя отдал.
Захватывая высоко, лечу, как ветер, вскачь.

Пусть говорят: «Полюбим мы сего поэта глас»,
Пусть говорят: «Да, он иссяк, как видно, и погас».
Не обращай внимания — стихи бросай в народ.
Недаром сила у него, у большинства сейчас.

Казахи знамя счастья сжимают в пятерне,
Душа народа закипает в радостном огне.
Как вспомню я о прошлых днях земли своей родной —
Насмешки, оскорбления придут на память мне.

Немного говорить о них — обычай у меня,
К минувшему и гнев, и месть, и ненависть храня,
Поэтому печальны напевы старых дней:
Без слез народ мой ведь не мог тогда прожить и дня.

Я к словам народным издавна приник,
Я до дна стремился вычерпать родник,
Где спрятанные тайны и тайные слова.
Старые легенды слушать я привык.

Я на своем прилавке всё хочу иметь,
Выставлю бесценных слов золото и медь.
Я инженер, взгляделся я в глубь моей Арки,
Я прошу: прими, народ, то, что буду петь.

От критика, что солоней, чем все солончаки,
Бог упаси! Не может он не исказить строки.
В юродство впавший, не дает мне правду
говорить.

На прошлое народа он вешает замки.

Слова сливаю, как кумыс белый с желтизной,
И нарушаю тот закон, что дан нам стариной.
Я отделил всё ценное от фальши позолот,
Ведь наш народ и без того богат своей казной!

МЕСТО, ГДЕ ОН РОДИЛСЯ

Сам в горах родился я, вырос среди скал,
Там я бороздил снега и на льдинах спал,
Пас агнят в заоблачных высях Аршалы,
Рядом с небом вырос я, в облаках шагал.

У Жёнке на кручах, там, где трава, кусты,
Среди долин, грозящих обвалами, я рос,
Где белоплечие орлы слетают с высоты,
Средь литых жемчужных скал белой Актасты.

Я казах, и я влюблен в выси снежных гор,
К месту, что без скал и гор, — равнодушен взор.
К Алатау прислонилась грудь Алма-Аты,
А вокруг шумят ветра, песенный простор.

В молодости воспевал горы много раз —
Гималаи и Жёнке, и Алтай, Кавказ,
Вы, облачные выси моей хмельной души,
Можно ль сердцу моему не запеть о вас?

Как поток, летящий с гор, как кипящий снег,
Начинаются стихи, с гор берут разбег.
И могу ли не воспеть полукружья гор, —
Сказками окружены, спят из века в век.

Лес застыл в истоме, тих, тих зеленый бор.
Как глаза красавицы — синева озер.
Камешки округлые спят на берегах —
Жемчугов литых, кораллов, яхонтов набор.

К склонам сочная трава, поднимаясь, льнет,
Будто бы зеленый гарус кто-то долго вьет.
Бело-сахарный слетает на вершины дождь.
Между скалами струится родниковый мед.

Не найду таких я гор в сторонах других,
Снеговерхих гор, хребтов и холмов степных.
Говорю я о достойных славы и хвалы
Кокчетау горных склонах — говорю о них.

Пики гор взметнулись вверх. Первый — Окжетпес.
К облакам, расправив плечи, устремился весь.
Скалы, глыбы и пещеры, пересверк камней.
И озера налились, замерзали здесь.

Не Кавказ, что спорит с небом в яростном рывке,
Не свирепый Хан-Тенгри в снеговом венке,
И не так высок, пожалуй, как большой Алтай,
Нет такого бездорожья, как у нас в Жёнке, —

Кокчетау — это рай, сказочный, земной,
Девушка, что украшает этот край степной.
Склоны гор гостеприимны, кротки и щедры,
Боль души твоей излечат чистой новизной.

Кокчетау красотой разве с чем сравним?
Девственность его лесов, рек аквамарин,
Бархат гор и оторочка склонов — из бобра,
Холм любой цветами брызжет гордо, как павлин.

Соловьи — его певцы — доки по стихам.
Как Дуль-Дуль, летают кони. Там Аблаев стан,
День дороги до него. Говорят о нем:
«Хан такой был у казахов — проклят этот хан!»

Да, земля в Арке прекрасна, плодородье тут.
Прибалхашье и Арал в сравнение не идут.
Сырымбет и Айиртау, Зеренда, Иман
Выстроились тут в кольцо и чего-то ждут.

Даль степей необозримых плещется в Арке,
Даль степей ковыль качает в знойном ветерке.

Горы выбрали стоянки вечные, стоят,
Все в деревья завернулись в дальнем далеке.

Сладкие из-под земли рвутся родники,
Реки выплеснуты с гор, льются широки,
В камышах береговых птицы гнезда вьют,
Табуны, стада, аулы сходятся в Арке.

«Стоит у Сырымбет-горы аул — мне дорог он,
Я в соколиного птенца белого влюблен. . .»
Горы песню слушают, долго смотрят вниз
И над шумною землей держат небосклон.

В те дни жила одна душа, уйдя от бранных дел.
Старик, уйдя от суеты, там жил и песни пел.
К березе часто подходил, а на ее суку
Был конский череп укреплен, меж листьями белел.

Да кто он, мудрый иль глупец — старик, отшельник тот?
Он ходит, самому себе печально песнь поет.
Быть может, тайна в этом есть, что эту песнь его
Из века в век, из уст в уста передает народ?

Когда он песнь свою поет — он молод и горяч.
События минувших дней в ней пролетают вскачь,
Всё Семиречье и Арка, Иртыш поют за ним,
О Кулагере песнь его — и боль его, и плач.

Хоть старика и нет давно, в могиле он теперь,
Живут нетленные слова, они живут, поверь.
Хотя и гнали псы, визжа, его от теплых юрт,
Народ тащил его на тёрь, распахивая дверь.

Запоминает весь народ хорошие дела.
О Кулагере песнь себе история взяла.
Хозяин Кулагера он, Ахан, мудрец, поэт,
Чуть приукрасила его народная молва.

«О, Кулагер!» — поют везде и сказки говорят.
«Заветный друг Ахана он» — его боготворят.
«Хозяин знает нрав коня» — еще присловье есть,
Народ ведь зря не говорит, не хвалит всех подряд.

О, что за время! В тяжкий век Ахан прожил свое.
Герою смелому — капкан, богатому — житье.
Затылком зажирел толстяк на крови бедняков.
Окровянившись до ушей, взасос тянул ее.

Вон хан-кабан за уши взял и прикрутил людей,
А бий-тарантул суд чинил и был еще лютей.
Алмаз душевной чистоты забросили в костер.
В разлуке плакали сердца от лютых тех затей.

Вот голошенье, топот, крик, стенанья... Барымта!
В ауле каждом свой батыр не закрывает рта.
Зорит аулы тяжкий кун. Ковер иль нара дай —
И лишь тогда, забрав свое, отступит свора та.

Вражда кровавая ждала, месть за кустом толклась.
Никто гнелу не посмел ударить в этот час.
Мужчины, жепщины тогда страдали от нее,
Душили дьяволы людей, на них ожесточась.

Щетинясь пиками, дубьем, шли темные года.
Нечистый сброд заполонил большие города.
Мне нравится Ахан судьбой и жизнью всей своей,
Был дивом иль серэ Ахан, или певцом тогда.

Жить по-другому не могли казахи в те века.
Согнула стонущих рабов хозяйская рука.
Змеей свистящею вися, змеиною петлей,
То время голодом и тьмой сдавило бедняка.

Был лишним там Ахан, не мог ту злобу перенести.
И все-таки в родном певце загадка, тайна есть:
Так вольно жить и петь свое кто мог еще в те дни?
Ведь гордым был и презирал торгашество и лесть!

Подумаешь — не так уж прост был наш Ахан, пойми, —
Не просто было жить и петь в те сумрачные дни.
Тоскуя по заветному, ходил он по земле,
Отвержен был и одинок, и враждовал с людьми.

Жила любовь в его груди, в скитаниях согрев,
Боль пламенела, боль его — неизлечимый гнев.

Он был отринутым судьбой. Так самородок прочь
Откидывают от себя, его не разглядев.

Быть может, бай его сломил или батыр тогда?
Иль, может, бий не разглядел, что у него беда?
Иль соколица в трудный миг негодное яйцо,
Чтоб только ястреба отвлечь, метнула из гнезда?

Покоя на родной земле Ахан не смог найти.
И на чужбину не хотел пробить себе пути.
Герои наши — много их, принявших пулю в грудь,
Их одиночество и грусть душили взаперти.

Шли под дуэльные стволы, о, сколько их — ответь.
Хотели видеть зло в лицо, в глаза ему смотреть.
Наш Пушкин! Лермонтов! Орлы! Что нам сказать
о них?
Они страдацьям предпочли в бою открытом смерть.

Кто их таланты надорвал, кто жизни погубил,
Арестовал мечты и сны, лишил душевных сил?
Не клевеците на любовь. Эпохи тяжкий гнет
Им рано оборвал сердца и свел во тьму могил.

Тех зол, насильий века тьмы Ахан не избежал.
Жестокий, долгий, душный век его в объятьях сжал,
Пытал и приставлял к груди отточенный клинок.
Змеей свистела жизнь над ним, травила сотней жал.

Нет, он не Лермонтов — Ахан, но вечен тоже он.
И даром песен золотым он не был обделен.
Был одиноким, изгнан был, не признавал врагов,
И к сильным мира никогда не шел он на поклон.

Родился слишком рано он, а жизнь была одна.
Еще до цели не дошел — а сломана спина.
И Лермонтов, и Пушкин ввысь всходили в те года —
Над Кокчетау, может быть, их тень была видна.

Проживших в той печальной мгле нам надо отличать!
Напором грубой силы век толкал героев вспять.
Он душу пригибал к земле, надежды отбирал,
Наветы, предрассудки, ложь — эпохи той печать.

Действительно ли был Ахан смирен, и прост, и тих?
Народ недаром отличил его среди других!
Откуда будет брать народ героев для себя,
Когда не будет вспоминать он гениев своих?

В роду Аргын рожден Ахан, в прославленной Арке,
На землях кокчетавских гор, в траве, на ветерке.
Век «совратителем» назвал его за гордый нрав,
Прозвали «искусителем» за соль на языке.

Ахана слава над Аркой летит теперь без крыл.
То демоном, а то святым, по разным слухам, был.
В Кокше красавиц он любил, любил и песни пел,
Под ним летучий Кулагер копытом землю рыл.

Кокше весной сгоняет снег, в тепле изнемогла,
Кокше под шапкой снеговой была белым-бела.
Зимой, как девушка, Кокше одета в иней-мех,
Кошмою белой — небеса, озера — зеркала.

А лето! Голову кружит бездонный небосклон,
Раскатывает, как ковер, лугов большой рулон.
Поет и слушает народ о Кулагере песнь,
И об Ахане-мудреце так повествует он.

АХАН

Бурабай — такое место, где пери лишь одни
(Ни чертей, ни джиннов там) коротали дни.
Вот сюда Ахан свернет иногда с пути.
Тут коня привяжет он, отдохнет в тени.

А потом Ахан совсем не сходил с седла.
Вишни рвал и воду пил, что скала дала.
Как береза, телом бел, как гора, он чист,
Грязи, сплетен избегал, — тошнота брала.

К гордым кряжам Кокчетау с детства он привык.
К ним стремился, понимая их немой язык,
Да в озерах умывался и поил коня,
К этим зеркалам Арки издавна приник.

Здесь тальник такой, как пальцы девичьей руки.
Как невинные младенцы — кленов черенки.
Все озера Кокчетау — проглядишь до дна,
В шубах меховых — живые ясные зрачки.

Нет, Ахан не правит суд, не судья он, нет,
Не грабитель он, что в страхе держит целый свет,
Не мулла, что экскременты в пользу обратит
И мечети понастроит, соберет зекет.

Не из тех был, что пасли на джайляу скот.
Не батрак, что баю пламя в юрте разожжет.
Как собачье мясо — хуже — ненавидел он
Тех, кто судится и к бию с жалобой идет.

Ездил он с тюре в те дни, почитаем был.
И народу он всегда был при встречах мил.
Там, где резали барашка, веселил он всех.
Избалованный красавец, он коней любил.

Жил он вольно, широко: самый быстрый конь,
Соколиная охота, девушка — огонь.
Смехом, играми своими, песнями всегда
Оживлял он горечь жизни, пресноту и сонь.

Был из тысячи — отборным, сотни обогнал.
Девушки о нем вздыхали, он об этом знал.
Жил воздушно, словно лебедь, на большой волне,
Словно гусь, что выплывает на озерный вал.

Отвернулся от всего постепенно прочь.
Ясно понял, что бессилен жизни он помочь.
Душу чуткую и сердце охватила боль,
И в пустыне он один ходит день и ночь.

Никогда не собирал много жен певец,
Душ ничьих не обижал и ничьих сердец.
Он в руках своих держал птицу чистоты
И стремился полюбить красоты венец.

Опротивели ему — отвернулся он
От людей, от сборищ всех, суетных, как сон.

Отделился, как отшельник, и бродил вдали,
Где вставала гор гряда с четырех сторон.

Из земли росла, лилась с неба красота.
Здесь покой пришел, ушла сразу маета.
Тут в озерах плавал он, засыпал в лесу,
Охраняли его душу тихие места.

Среди сосен и берез спал в лесу густом,
Для загадочной души был и лес щитом.
Громко пел он песни там и кюи играл,
Птицы разные ему помогали в том.

Гладкий камень, словно слиток, виделся ему,
Листья — ложем в шалаше, нет уж — в терему!
Но терзала горечь сердце, если видел вдруг
Жизни всю ожесточенность, грязь ее и тьму.

Если б суфием Ахана называли мы,
Кокчетау стала б Меккой этой стороны,
Был и музыкой его и молитвой — кюй,
Книгою — цветы, что красят ближние холмы.

То немного, чему научил аул,
Цепкой мыслию певец сам перешагнул.
И тогда-то отошел сразу ото всех,
Кто свирепостью народ к гибели тянул.

Болтовне — хороший плов он предпочитал. . .
У слепцов-ученых он много ль прочитал?
Он всегда считал природу высшим божеством,
Сопку дальнюю мечетью древнею считал.

С места, где родился он и вначале жил,
Царь прогнал его и город новый заложил.
Был народ тогда как суслик, залитый водой.
Джут скосил его стада, смертью обложил.

Челобитные царю приносил народ. . .
Для того, чтоб взятку дать — он долги берет.
У Ахана за народ извелась душа.
В песнях у него печаль, песня сердце рвет.

А еще пленился он девушкой одной, —
Семьи в давних поколениях значились родней.
Полюбил он Акмарку силой страсти всей
И поэтому расстался с отчей стороной.

Очутился так в горах, тосковал теперь.
Он достаточно от биев, волостных терпел.
Но об этом пусть напишут вам мои друзья.
Дальше двинусь поскорей.

Я об этом пел.

Душу это жгло ему, мукою губя,
С большинством не мог сойтись, сердца не губя,
Песни он слагал и пел о степи родной...
Так сначала он казнил самого себя.

Не расспрашивай всего нынче ты о нем,
Будет время — расскажу, прошлое вернем.
А сегодня будем слушать только «Кулагер» —
Песнь печальную Ахана, слушать день за днем.

Про Ахана сказки ходят всюду — там и тут,
И святым его каким-то песнопевцы чтут.
Не святой он — одинокий, чуждый суете,
Пусть историки причину этого найдут.

Не видал Ахана я, не сидел с певцом.
Не был я и песен тех преданным ловцом,
Но воочию Ахана видевшие, те
Подтвердят, что я не вру ни одним словом.

Золотая Акмарка, что любил Ахан,
С горным озером сравнима — по его стихам.
Не она ли приучила петь, прогнав в леса,
Разрубая ежедневно сердце пополам.

Иль страданьем обернулась за любовь борьба?
Или горем обожгла девушки судьба?
Общество иль девушка истязали так,
Что веревка прочных уз лопнула, слаба?

Снарядил он Кулагера — верного коня
И пустился, одинокий, в путь коня гоня.

Душу чистую и сердце увозил с собой,
Их от клеветы и грязи бережно храня.

Песни пел — они за сердце так хватают нас.
«Акмарка, родная, слушай!» — повторял не раз,
Птицам он и скалам горным девушку хвалил.
«Я один пришел сюда, без любимых глаз».

Но в смятении мечты всё же не достиг.
Все просторы оглашал стон его и крик.
Как орел, в лису нацелясь, в камень угодил,
Так душа его в кровавый выбилась родник.

«Акмарка!» — он повторял грустною порой,
И на камне ей писал письма под горой.
Задумчивым другом был и любимым был
Конь единственный, что нес над землей сырой.

Говорят, у родников и у горных скал
Жить он стал. Вблизи озер место отыскал.
Так рассказывают люди — кто проверить мог?
Правда это или ложь — я гадать не стал.

Что Ахан не стоит сказок — не хотим сказать.
Старого и молодого мог за сердце взять.
Наш рассказ не об Ахане, Кулагер — герой.
Разговор о Кулагере надо завязать.

Если так — оставим сразу лишние слова.
Рассуждения излишни, просто — трын-трава.
Горным пастбищам отдавший сердце навсегда,
Пусть скитается певец, а за ним — молва.

Полюбил он Акмарку, но теперь уж пусть
Пламя страсти отгорит и утихнет грусть.
Песней пусть Ахан окликнет дальний Сырымбет,
Пусть ту песню повторяет небо наизусть.

Горлышками пусть трепещут нежно соловьи,
Ковыли пускай колышут перышки свои.
Ты травинками хрусти, Кулагер, в лугах,
Словно ниточки из шелка, их губой лови.

Пусть зимой в лесах дремучих прячутся они,
Пусть в жару их скроет роща в голубой тени.
Пусть дожди пережидают и в пещере спят.
Бурабай, ты их обоих в волны окуни.

Поклонись закату солнца, призрачной луне,
Пусть Ахан у Бурабая бродит на коне.
А всеильные людишки, что мешали жить,
Будут ли за ним следить в этой стороне?

Ас

Так событие пришло, грянуло в упор —
Семьдесят иль восемьдесят лет прошло с тех пор.
Ас — поминки — объявил знаменитый род,
Род керейцев, он хозяин Ерейменских гор.

Сагынай хворал давно, еле волочась:
Паралич его хватил в неурочный час.
Девяносто пять он прожил. Умер Сагынай,
В деревянную посуду тоненько мочась.

Сагыная я не знал, не был с ним знаком.
Кем он был, не знаю я, и когда рожден.
Ясно видно: Сагынай был из богачей.
Скот имел, немало слуг и немало жен.

Был он, думается мне, баем не простым.
Род его могучий слыл сильным и густым, —
Ас размашистый такой говорит о том.
Да, злодеем, видно, был, но исчез, как дым.

Люди знали прищур злых и гноистых глаз.
На торгах любых его был последним сказ.
Говорили все о нем: «Это голова!»
Для себя он не жалел и своих подчас.

Для керейцев он — скала, крепок и горласт.
Он достойный сын отца, лев, открывший пасть.
А по-нашему — старик темный и пустой,
Рослый пес, утроба, жмот, кости не отдаст!..

Снег сошел, зазеленели пастбища кругом.
Годы Сагыная сплыли — он пошел на слом.
В том году была в довольстве и в тепле Арка,
Мягкая зима, и март задышал теплом.

Юрты встали на лугу — линия пряма,
Будто в городе каком, юрты — как дома,
Многие дуаны были вызваны на ас.
Баи, бии, волостные, словом — власть сама!

Дальний, местный — верховые, просто на возах —
Прибывали с вожденьем, с жаждою в глазах,
Пиршество заклокотало, всех объединив.
Слышал славу Сагыная здесь любой казах.

Если у казаха юрта, если конь при ней,
Прискакать он может через много дней.
Не остался в городе ни один лихач.
Привели барышники кованых коней.

На поминки-ас керейца поскорей скачи,
В состязанье скакунов не жалей камчи.
Словно муравьи, казахи наводнили степь.
Не поминки это — слет жадной саранчи.

Из Караоткеля летят, из Каркаралы,
Из Баян, из Кереку, из Семей — орлы.
Семиречье, Каратау и Тургай — сюда!
Запыленные луга на Арке малы.

И ягнята, и бараны, блея на бегу,
Загородки всех загонов выгнули в дугу.
К Сагынаю на сорпу собрался народ,
Чтоб попить, коней запустить в байгу.

Всех мастей из разных мест толстые волю,
Кровь в глазах, на животах — накрывай столы.
Дней пятнадцать на коне был иной казах,
Чтоб сказали: вот и он! — для его хвалы.

Что они искали тут — совесть или честь?
Дьявол гнал их, чтобы мясо на поминках съесть.

И Арал заволновался, и Балхаш плеснул,
Про поминки услышали радостную весть.

Нагрузив себе сабу, рвут со всех сторон.
Вот подносы разгружают — слышен лязг и звон.
Украшеньями сверкают седла всех коней.
В юртах люди окружают пиршественный трон.

Тех овец, что зимовали, кинули под нож.
Хворых и хромых — туда же, сократив падёж.
Скот кололи, подносили мясо и сорпу, —
Даровые угощенцы, их бросало в дрожь.

А в Арке такое лето, шелк — ее земля.
Солнце, ветер пригибает волны ковыля.
Муравой, водой медовой, постелив ковры,
Встретила Арка казахов, пиром веселя.

Беспрерывно нагружали скатерти едой —
Вкусный жал, казы, картаплыли чередой,
Нету отдыха джигитам — блюда подносить,
На ногах едва держался самый молодой.

В юртах желтый и густой полился кумыс.
И отхаркивались смачно те, кто сед и лыс.
Как камыш под ветром, люд клонится стеной.
От людей черным-черно. Дружно собрались!

Аксакалы, мудрецы — не какой-то сброд.
Все известные батыры, кем прославлен род.
А народ кого не знает — богачом сочтет,
Поглядев на то, как тот нас положит в рот.

В юртах некоторых — блюдо с соусом возьми,
А в других — зубами шелкай, говори с людьми.
Там отшвыривают блюда: бедные куски!
Тут ругаются, о землю колотя плетью.

Слышен крик: «Шармана сын едет — сам Окас».
А манап Шабдан киргизский не откроет глаз.
Караоткельский уездный — Измаилов сам —
Рядом в юрте спит от водки, выпив про запас.

Аргамак, под ним скакавший всё скорей, скорей
Ржет, у коновязи пляшет, в гордости своей.
Этот, с лысинкой заметной, жеребец гнедой,
Он англо-арабских чистых племенных кровей.

Тут из разных мест резвятся ныне скакуны.
Спины гибкие, в копытах — вихри зажжены.
Ас — как озеро, а люди — словно стая птиц,
Так расселись все казахи, сыты и пьяны.

Байбише как баурсаки. Забирались в тень.
Мясо, сало рты жуют — и еще не лень,
Рукавами отирают пот после сорпы —
Необъятные желудки тешат целый день.

Словно луковки, невесты — травка-молодняк!
Повзрослей — сидят, как дыньки, — заглядится
С белым горлышком красотки, щеки же у них —
Словно розовое мыло торгашей-бродяг.

Вот из юрты стон кобыза раздается, звук
То торжественный, то грустный — заунывный вдруг,
То заплачут тихо струны псёнком на дворе,
То кобыз тоской залъется от щемящих мук.

В юрте рядом — вот домбра дрогнула струной,
То в степи, а то на небе бродит кюй степной.
А когда ударят струны, вспомнив «Косбасар», —
Кюй безумствует и может слечь скакун иной.

Бай проклятый недоволен бедняком, а тот
Варит мясо да ножи точит, режет скот.
Но табунщиков не видно на пиру пока.
Пастухи на мясо аса разевают рот.

Как удав в камнях Арки, толстый как баран, —
Вот мулла змеиным свистом мучает Коран.
Он при помощи Корана заглочет зараз
Лошадь иль верблюда, — он ловок на обман.

Беркута в соседней юрте хвалит враль седой,
Сочиняя, сколько лис затравил зимой.

Заговаривает зубы тканей продавец,
Вертихвостку молодую кличет за собой.

Рядом в юрте — восхвалитель, грамотен едва,
Он за золото бесстыдно продает слова.
В торбы запихав огрызки, кости и куски,
Бродит тут толпой огромной нищая братва.

Вот акын-старик напрягся — жалко кадыка,
Песней жалит его юный, словно гнус-мошка.
Там противники друг с другом ссорятся, орут,
Обзывают, проклинают, на словах пока...

Бэрник иль тымак держа на руках своих,
Будто узды всех коней в пятерне у них.
Крик глашатаи поднимают — уши затыкай,
Вести слушая, народ все-таки притих.

На рассвете пыль у юрт кружит колесом,
Закатилось солнце — юрты распирает сон.
Тесно спят казахи-гости, томно развалясь,
И одежды, и бородки пахнут кумысом...

Так великий пир поминок шумно начался,
Не расскажешь сотой доли, просто чудеса.
Не преувеличив, скажем — были на пиру
Мяса горы и озера, реки кумыса.

Развозили там джигиты блюда вперемёт.
Белой пеной на конях вис горячий пот.
Месячный запас тяжелый мяса съеден тут, —
Пожалеют ли для аса люди лучший скот!

Сагыная ас-поминки — прочим не чета.
Но откуда же берется множество скота?
Кто пригнал его? Керейцы привели с собой?
С каждой юрты по барану — чем не барымта?

По десятку, полтора всадник гнал любой,
Потрясая за седлом кожаной сумой.
Строго восседают бии, спросят с бедняков,
Если бай, проверив, крикнет: «Где ягненок мой?»

Рядом — старшина свирепый на квитки налег.
Говорит: «Давай-ка с дыма столько-то — налог»...
Поворачивают в степи пастухи коней,
А у юрт о вдовах спор вьется, как дымок.

Здесь стервятников немало, ястреб есть и сыч,
Воронов и кобчиков раздается клич.
Как верблюды, все объелись, фыркают, плюют,
Кумысом рыгает бий, красный, как кирпич.

С вздувшимися животами, лежа как скоты,
Мясо мясом мнут в желудке, бегают в кусты.
И, прохладу создавая, машут на себя,
Преют, крикают, визжат, чешут животы.

А суфи перебирают четки кое-как,
В каждой юрте — дервишей крик: «Алла и Хак».
А старуха Сагыная с миною брюзги
Гонит каждого домой: «Уходи, варнак!»

Вороны остервенились кровью ножевой,
От проглоченного сала зоб топыря свой.
Боязливо жмутся к юртам сироты и псы.
«Где б стащить себе кусочек?» — думает живоей.

Мурзы гордо разъезжают — в серебре седло.
Бедняки дрова таскают — спинам тяжело.
Вот такой огромный пир был тогда в Арке
У могилы Сагыная. Так до нас дошло.

КУЛАГЕР

И Ахан про славный ас слышал стороной.
Кулагера своего выстояв зимой,
Посадив с собой мальчишку, только для байги
Выехал Ахан к аулу, выбрав путь прямой.

Путь далекий Кулагер сразу отмахал,
Шесть ночевок по дороге — днем не отдыхал.
В дальний край о Кулагере слух дошел давно,
Каждый что-нибудь в Арке про него слышал.

Вестовой глядится в степь, зоркий, словно черт.
Подскакал к Ахан-серэ оказать почет.
Он «добро пожаловать» скажет вам, «салем»,
И с коня сойти поможет, в юрту увлечет.

Говорят — оратор в споре, а батыр — в бою,
А скакун на скачках аса явит прыть свою.
«Здесь Дуль-Дуль из Кокчетау! — люди говорят. —
Взял немало он призов, но в другом краю. . .»

Кулагера привязав, путник в юрте сел.
У коновязи чтоб никто подходить не смел —
Не спускает глаз Ахан с милого коня.
Войлок юрты на коня отвернуть велел.

Слух пошел: «Из Кокчетау прибыл конь Кула».
Жадный набежал народ, побросав дела.
Тут Ахан прочел молитву, плюнул на траву,
Чтоб коня его толпа сглазить не могла.

Кулагера знал давно понаслышке люд.
«Здесь он!» — уши наострив, к коновязи прут.
Все забросили поминки, сгрудились в одно,
На саврасого коня посмотреть идут.

А бесценный тот саврасый только задремал,
Тут керейцы и аргынцы рядом — стар и мал.
Тот, кто зорок, кто знаток, понимал в конях,
Лучшего коня узрев, глаз не отрывал.

Вольно Кулагер стоит. Всех собрала весть.
Слышен говор: — Это он Кулагер и есть? —
Ноги, голову его оглядев, галдят:
— Где же быстрый тот скакун? — я не вижу здесь.

— Кости сдвинуты, гляди, — и губа плоха.
— Как собачья глотка — шея. Голова суха.
— И суставы выпирают, и корява стать.
— Да, небрежно сотворен — лишь для пастуха.

— Не возьмет он приза, нет, знаем почему,
Мускулы остры, рельефны, — знаем, что к чему.

— В Кокчетау, видно, хвалят даже кляч хромых,
Псами будем, если приз отдадим ему.

— Я б на заячьей охоте на саврасом был.

— Я бродячим торгашам Кулагера б сбыл.

— Чем посмешищем стоять, проиграв байгу,
Я бы в юрте посидел, чтобы чай не стыл.

— Я бы пастуху отдал, чтоб овец пасти.

— Я б на мясо, откормив, обратил, прости.

— Я б какой-нибудь старухе взял его на ас
И, прирезав, мясо съел — душу отвести.

— Кости словно у коровы, все туда-сюда.

Зад свисает, грудь тоща, долговяз — беда!

Это разве Кулагер, это он и есть? .. —

И смеются над Аханом люди без стыда.

Тридцать-сорок знатоков спрятали глаза.

Куренбай промолвил вдруг: «Грозен, как гроза!

Никакой от Кулагера зверь не убежит,

Чует самый лучший конь — перегнуть нельзя...»

Удивился тем словам сразу весь народ.

Куренбая-знатока взяли в оборот.

Самый зоркий, знаменитый среди них казах —

Куренбай — отмалчивался, сжавши твердый рот.

Куренбай вонзил опять в Кулагера глаз

И со всех сторон его обошел не раз.

Чтоб услышать Куренбая, мнение его,

Ждет толпа притихшая молча чуть не час.

Куренбай еще коня обошел кругом.

«Благородный конь и резвый! — он изрек потом. —

Путь далек его! Вся сила — впереди коня.

Да, само телосложение говорит о том.

Тело отлито как будто, кованая грудь.

Привлекает всё вниманье — только зорким будь.

Бабки коротки, смотри, а копыта — сталь.

Словно камень Кокчетау — сроду не согнуть.

Голова суха, а уши, как камыш, торчат,
Шея гибкая, как глотки молодых зайчат,
Круп широк, спина прямая, мускулы туги,
Соколиное предплечье, ноги — как рычаг.

Жилисты они и прямые, в землю бьют — пора!
Грудь лисы, колена гончей, ноги — вес пера.
Голенн продолговаты, мускулы — кремень.
Репица хвоста чудесна — словно у бобра.

На кокандский шелк похож бесподобный хвост,
Он не густ, но и не жидок, он ни тощ, ни толст.
Воздуха полны подмышки, а лопатки — вкось.
Между ног пройдет кочевье даже в полный рост.

Луком выгнулся затылок, холка не мала,
И подтянуто бедро — будто у козла.
Ноздри, как мешки, поймают вольный ветер гор,
А гортань — под стать дыханью — ровно так легла!

Отпусти на лето — жиром он не обрастет,
Лишнего, для среза, мяса ворог не найдет.
Длинный круп, пещера — горло. В кресле скачешь ты!
Ветер — в беге, а привяжешь — станет и замрет.

Ни Восток ему, ни Запад не замешан в кровь.
Нет и примеси английских славных рысаков.
Этот конь — родной, казахский, знаменитый наш,
В нем арабской ни кровинки нету. Вот каков!

Не монгольский — животастый, с вислой головой,
Не шотландский и не шведский, быстрый и живой,
Благородное создание, он неутомим,
И в тяжелой самой скачке — он передовой.

Кровь и кость его не те, что у всех коней,
Хоть на вид и неэффектен, есть и повидней,
Не ахалтекинский он, не иомудский конь —
В скачке вырастают крылья, скачет много дней.

Юрту свалит, если дунет из ноздрей тугих,
Птица, зверь не догоняют — он догонит их.

Если кол — беда лихая — не распорет бок,
Будет он недосягаем для коней других.

Он — тулпар в расцвете сил, меньшее беру.
Неказист на вид, увидишь, и решишь, что вру?
Вижу я — сверкает лоб славой золотой,
Победителем счастливым будет на пиру.

Если на моем глазу нет сейчас бельма,
Если злой шайтан меня не лишил ума,
Если я знаток коней, то клянусь, что он
Приз возьмет, а все другие спляшут задарма».

— Вот так да! В конях он слеп! Это ли —
пример? —

Насмежаются над ним выше всяких мер.
— Разбираешься в конях, что за речь сказал!
«Не спешите, на кембе скажет Кулагер!

Кулагер в заветный день слово скажет сам.
Так зачем же ссориться и ругаться нам?
Кулагер казахский наш — лучший из коней.
Кто не видит — тот слепой, стыд ему и срам!»

Так отрезал напрямик мудрый Куренбай.
Но Ахана окружили, каждый — бий и бай.
— Где сородичи твои? Почему один? —
Спрашивают, отвечать только успевай.

— И с твоей родни саун брали мы всегда,
Нам не нравится — пустым прибыл ты, беда.
Ведь на поводу коня ты привел один.
Никого из Карауля не привел сюда. —

«В Кокчетау люд остался, а прислал коня
И меня — Ахан-серэ, так зовут меня.
Что еще вам? Кулагера в скачки я пушу —
Пусть глашатаи объявят, новостью маня».

Был глашатай приглашен — неказист собой,
Это был бедняк забитый с горькою судьбой.
Всю историю коня рассказал Ахан
И велел отбарабанить, чтобы знал любой.

Серый Ястреб покори́л этот край, народ,
Пятилетие подряд он призы берет.
Собираясь на байгу, говорили все:
«Приз вы Серому отдайте сразу, наперед».

Всех приехавших на ас криком разбудив,
Пел глашатай: «Кулагер будет впереди».
Ястреба хозяин важный, слушая про то,
Вдруг почувствовал, как сердце екнуло в груди.

Есть потомство Бекайдара — знает весь Алтай.
Шла от дедов до потомков заповедь — взлетай!
У старшого Бекайдара сын есть — Батыраш.
Груб и вспыльчив он. Попробуй силы испытай.

Говорил я — Серый Ястреб вам уже знаком.
Батыраш на ас явился с дорогим конем.
Выдающийся скакун впереди всегда.
Всех коней он разбросал, как чума, рывком.

Приза в гонке никогда он не уступал.
То верблюды, то сирота доставались в дар.
Разве он уступит приз в нынешней байге?
Всю Арку разъез, как щелочь. Вот какой тулпар!

Батыраш — его владелец — спесью наделен,
Поражения не стерпит, в похвалу влюблен.
Если скачку проиграет — не переживет,
«Смерть моя тогда наступит», — заявляет он.

Но дошел о Кулагере слух издалека.
Говорили все аргынцы, вся Сары-Арка.
Осторожно Батыраш подсылал людей,
Чтоб себе заполучить этого конька.

Посылал он Жексембая разговор вести,
Предлагал он вдов и скот, серебро в горсти.
Покровителем и сватом обещая стать,
Он стремился к Кулагеру отыскать пути.

Но Ахан к коню привязан всем, что в сердце есть.
И Ахана не дрельстили ни добро, ни лесь.

Ястреба пером украсив, молнией назвав,
Разозлился Батыраш, он задумал месть.

Все соперника хотели б увидеть в беде!
Скакунов таких в забегах не было нигде.
«Прибыл Кулагер» — услышав, Батыраш умолк,
Беспокойство он с трудом удержал в узде.

Сагынай своею смертью возбудил народ.
Серый Ястреб на приколе подтянул живот,
Зиму целую скакун на приколе был —
Ел овес, пил молоко, строгим был уход.

Завоевывал себе славу много раз,
Славу эту раздували с помощью прикрас.
Мысленно уже забрав новый приз себе,
В юрте думал Батыраш, не смыкая глаз.

«Серый Ястреб, цель твоя — мчаться впереди,
Но явился Кулагер — вот он, погляди!»
Батыраш давно точил на него клыки,
А теперь зажгло нутро, холодно в груди.

«Своего коня Ахан издали пригнал.
Дальний путник, одинок, да и родом мал», —
К Батырашу мысли шли разные сейчас,
Кулагеру гибели злобно он желал.

спор

В юртах тень. В сабе опять плеск кумыса... Лей!
Стали громче голоса выпивших людей.
И Ахан не пожалел песен дорогих —
Попросили спеть, так пой, баса не жалеи!

Юрту там, где ночевал, разорвут, смотри:
Жмут снаружи навалясь, давят изнутри.
О любимой он поет, страстью опьянен,
Вспомнил сокола полет в отблесках зари.

«Ой, любимая, родная, что приснилось мне?
О четырнадцатой полной думаю луне.

Не гляжу я на коняг в дальней стороне,
Лишь о чистокровном я думаю коне.

Чай душистый в серебре полонил мечты.
Взбадривает аромат тонкой духоты.
О ложбине, где не мял красоты никто,
О джайляу думаю, где стоят цветы».

«Акмарка» Ахан пропел, с думою о ней.
«Белых пальчиков» напев взволновал людей,
«Три павлина», «Сырымбет» спел еще Ахан,
В юрте белой у него сделалось тесней.

Пел он — так вот мчит скакун: и глаза грозят,
Вверх идет, берет подъем и глядит назад;
Так вот падают орлы камнем на лису,
Крылья выпрямив внизу, тихо тормозят.

«Ты лисичка золотая, — я б тебя украл.
Ты мелькнула, быстрая, как олень-марал,
Распростер я сразу крылья над рекой Урал,
Очарованный тобой, высоту набрал.

Изгибаясь тонким станом, как из камыша,
Как тальник, ты выходи к волнам Иртыша.
Я скажу тебе, что ты, как роза, хороша,
Соловей иранский я — в песне вся душа.

На утесе недоступном пусть бы ты росла —
Всё равно смогу достать хоть кончиком крыла!»

Громким голосом Биржан — гордый наш певец —
Перевалы оглашал из конца в конец.
Он не то что наш Ахан — голос был грубей,
Но пронзителен напев — покорял певец.

«Три павлина», «Эх, судьба», «Кокчетау мой»,
«Норовистый мой саврасый» — на мотив иной,
«Эй, шалунья», «Так и будет» — это спел Ахан,
Мастерство его встречали чуткой тишиной.

Не махал домброй Ахан, не кричал: «Пляши!»
Лебединый голос плыл и звенел в тиши.

И баюкали людей нежные слова.
И звенели радость, бодрость в глубине души.

С Кокчетау будто вниз лился мед рекой,
Будто бы весенний ветер неся над Аркой,
Люди досыта наелись, песни грели их,
И смягчались их сердца, приходил покой.

Вновь и вновь поет Ахан, чувства вороша,
Ас приник к его устам, замер не дыша.
И прибавили еще песням красоты
«Молодость» и «Акмарка», «Гордая душа».

Да, сладка уж очень песнь нижних тех родов —
Видишь мысли по резьбе подборевших ртов.
Песни все свои забыли местные певцы.
Мастерски поет Ахан, петь и петь готов.

«Хорошо коня украсил филина наряд,
Конь и всадник молодо над землей парят.
Хорошо скакать к аулу десять дней подряд,
Повстречать любимую, встретить милый взгляд.

Хорошо своей любимой передать привет.
И смеяться вежливо, слышать «да» и «нет».
Объясняться знаками, с помощью примет,
Выведать у тетушки девичий секрет.

Хорошо скакать гнедому и нести меня,
И в оврагах прятаться, ждать исхода дня,
Хорошо, в ложбине привязав коня,
Красться к белой юрте, травы сторона.

Вот у юрты встанешь, подавив испуг.
И когда почувствуешь жар любимых рук,
Засмеется пава тихо у плеча,
Кажется, что солнце засияло вдруг.

Лечь под одеяло — на двоих одно —
Рядом головами. Тихо и темно. . .
И раскрыть друг другу тайны сердца все
(Будто рылись в сундуке и открыли дно).

Хорошо перед рассветом от нее уйти
И коня стоялого, поискав, найти,
Милой повод в руки дать и сказать «прости»,
Табакеркой о седло постучать в пути.

Как подумаешь, да есть ли к счастью путь иной,
Чем скакать от милой на заре домой.
Возвращаться с песней в свой аул родной,
Будто приз взял на байге конь летучий твой. . . »

«Белой кистью» и «Лучом» усмирив свой пыл,
Он «Красавицы изящной» спеть не позабыл.
У Ахана в песнях всё: и огонь любви,
И любимый конь его, и сокол в небе плыл. . .

Так Ахан, разгорячась, спел им до конца,
Будто ветер Сырымбета овевал сердца.
Силе песни подивясь, захмелел народ,
Восхищенный слушал он дальнего певца.

Просто ради интереса пел он, не вини.
Было тесно, но сидели все без толкотни.
Кончил он — хвалили люди, а потом опять
Кулагера обсуждать начали они.

— Рады мы, что вы с собой взяли скакуна,
Слышала про Кулагера наша сторона. . .
— Вероятно, поражений Кулагер не знал,
Никакая Кулагеру скачка не страшна.

— Ястреб многих победил на своем веку,
Серого не обгоняют кони на скаку.
Требуя призы до скачек, Батыраш всегда
На вершине счастья жил, птицей на суку. . .

— Он удачен, наш скакун, неустанен, лих,
Батыраш прославил наших предков дорогих,
Пред собой не пропускал он чужих коней,
Он арканом вяжет счастье скакунов других. . .

— Серый наш недосыгаем для других коней,
Скачут здесь или вдали — он всегда видней.

Батырашу приз опять в руки попадет,
И предрешили мы байгу, не тужи о ней. . .

— Так безбожно все призы забирать он мог.
Счастье будете пытаться? Помогите вам бог!
Хоть и славен Кулагер, только бог один
Может сделать так, чтоб Серый победить не мог.

— Я про Серого слышал только похвалу:
На Алтае кони все у него в тылу.
Он хорошего хозяина не встречал пока,
Прикручу я на байге Серого к седлу! . . —

Батырашу некий льстец передал слова, —
Мол, Ахан хвалился там — тоже голова!
Кулагер, сказал, не даст обогнать себя,
И у Ястреба на приз отберет права. . .

Батыраш, услышав то, побледнел и смолк,
Злобой дьявольской вскипел постаревший волк,
В юрту белую влетел, пнув ногою дверь,
Даже не успел Ахан отодвинуть ног.

Но перед гиеной он всё ж не оробел,
Батыраш, играя плетью, пред Аханом сел.
Злобный голос зашипел, разрывая тишь,
И тогда Ахану он так сказать посмел:

«Прибыл ты из Карауля на священный ас,
Хвастался, что отвоюешь славу ты у нас?
Приз заранее уже присудил себе,
Заявив: «Пускай другие отдохнут сейчас».

Род твой слаб перед моим, разве род мой мал?
У меня ты приз в байге разве отнимал?
Иль сорпа у Сагыная превратилась в пар?
Говоришь: «Я обгоню!» . . . Лучше б убежал!

Я орел, перелетаю, не садясь, Алтай.
Воробей такой, как ты, — близко не летай!
Говоришь, привяжешь ты Серого к седлу?!
Коль не знаешь ничего — лучше не болтай.

Наглость в жилах у тебя, видно, разлита,
Настроение испорчу, — не раскроешь рта.
Род твой рос, седлал коней только для тюре,
Есть, бедняга, у тебя лошадь, да не та! . . .»

Сильно уязвил старик, яд — не молоко.
Растерялся он сперва, тоже — нелегко.
У Ахана норов крут, вспылчив и остер.
Ядовитые слова ранят глубоко.

«Ты невежа, погремушка, полная угроз,
А прорезаны глаза, как зады у коз.
Кто такой ты со своей бороденкой злой?
Черт Алтая ты, кастрат, разоряться брось.

Кулагер есть у Ахана, никакой другой,
Серого готов к земле он пригнуть ногой.
Разве будет он глядеть в бороду твою? —
В мыле, в пене Кулагер пролетит байгой.

Если бай ты, так и то не забьюсь в кусты,
Создан острый мой язык не для немоты.
Серого не прикручу к Кулагеру я —
Хоть скакал бы твой отец, а не то что ты».

Батыраш не мог в ответ вымолвить словца,
Как щипцы в огне, чернел и худел с лица.
Молчаливая толпа думала свое:
«Здорово певец Ахан высек «молодца»!»

У Ахана ведь душа тоже не робка,
Сердцем он не задрожал, увидав врага,
Не боясь, что одинок он в чужом роду,
Не печалился о том, как пройдет байга.

Люди прекратили спор, опустив глаза, —
Может ссора разгореться, к худшему скользя.
Пересуды прекратить все решили тут:
Победителя в байге угадать нельзя.

Батыраш синел во мгле, головой мотал,
Как затравленный кося, юрту покидал

И оглядывался всё. Вслед за ним народ
Юрту стал освобождать, сразу — стар и мал.

Песнями и скакуном вызван этот гул.
Как скакун, что впереди к финишу свернул,
Так Ахан доволен был, в тишине он пел:
«Там у Сырымбет-горы мой родной аул».

сонка

Гору мяса своротив, выпив весь запас,
В Ереймен-горах гудел небывалый ас.
До отвала всех гостей накормили тут,
Время скачек и призов подошло как раз.

Вот и жители Арки взяли повода.
Скрыла землю, небеса пыльная гряда.
Тут глашатаи явились, сообщая всем,
Что смотрители в пути, всем — скакать туда.

«Эй, народ почтенный,
Прибывший на ас,
Здесь не оставайтесь,
Слушайте вы нас.
Помните — здесь больше
Блюдоносцев нет.
Двинулись смотрители,
Все — за ними вслед!
Вы туда скачите все,
Спросите кембе —
Да глядите пристально
Под ноги себе:
Там холмы теснятся,
С гор летит вода,
Там щавель — как локоть,
Травка молода.
Ягоды — с ведерко
В Ереймен-горах,
Там и Жолман-горы
Нагоняют страх...
Жыланды вершина там,

Там овец следы,
Там для скачек ровное
Плато Каионды.
Есть у Косак-озера
Место для байги —
Там кембе. Смотрите:
На кембе строги.

Отбирают только тех, кто совсем ненлох,
Ох, и суматоха там и переполох!..»

Так глашатаи кричат — кто переорет,
Чтобы место для байги знал теперь народ.
Землю подминало всю скопище коней.
Всадники, как муравьи, прут — невпророт.

За отрядом шел отряд, как со всей земли,
Затопля всё вокруг, словно море, шли,
Небо и земля в дыму от литых копыт,
Ереймена склон совсем посерел в пыли.

По ложбинам гор текли, издали видны, —
Как раскинутые ветви дерева, темны.
Под копытами коней зайцы полегли,
И лисицы в руки шли от живой стены.

Глазом не объять народ — льется, как вода,
Кажется, казахи все собрались сюда.
Будто дождик из людей шел на Ереймен.
Озеро Косак блестит, как сама слюда.

Кони — мастью, люди — статью разнятся, скача,
Люди в цвет травы одеты. На руке — камча.
Здесь, у озера Косак, спешился народ,
Будто тучею большой села саранча.

Каждый — мир сосредоточил в скакуне одном,
Гладили коней, хвосты завязав узлом.
Близость чувствуют свою смежные рода,
«Приз возьмете вы!» — друг другу говорят тепло.

Пыль, туман, над Жыланды ходят облака,
В облаках гарцуют кони, поступь их легка.

С амулетами на шеях, с перьями на лбах.
Чей сильнее, чей резвее — не решить пока.

Выбраны из целых тысяч — ветру не успеть,
Целый год готовили — любо посмотреть.
Кони рысью проносились целые часы,
Каждый высох на диете, как из кожи плеть.

Рзут поводья и глядят на простор степной
Кони-пятилетки — зубы с желтизной.
Птицы пестрые степей, самородки гор,
Остановят сразу взор статью неземной.

Дальше — больше всё коней прибывает вновь,
Для восторга у людей не хватает слов.
Их записывают, метят и считают их,
Оказалось — тыща триста в записи голов.

Рассуждают люди так: «Бег хорош и статья.
Чем такому скакуну зря траву топтать,
Пусть обгонит тех и тех и возьмет призы, —
Надо ж на такой байге счастье испытать!»

Многим думалось вот так. Ждали много дней.
Кони здесь — резвей других, чище и видней.
Словно ласточки, толпу прорезая вдоль,
Шли глашатаи, хваля дорогих коней.

«Праздник начинается, радуйтесь судьбе,
Люди, что приехали поглядеть кембе.
Навострите уши, слушайте меня,
Я представлю вам сейчас каждого коня.
Про какого же коня первого начать?
Собрались — за каждого можно отвечать.
Все холмы, низины собрались на ас,
Степь сама казахская с места поднялась!
Дома кто остался ли? Нет, — отвечу сам.
Шли из мест, к которым не дойти ногам,
Из далеких далей на большой реке,
Все сюда приехали — проскакать в байге.
Вот буланный, вот сайгак,
Ляжки — погляди!

Тысячу оставит сзади, будет впереди.
Есть тут и буланая с бедрами козла.
Козыбаевский Дуль-Дуль — страсть его несла.
Есть и Серый Ястреб тут — вывел Батыраш,
Но какому же коню предпочтенье дашь?
Есть светло-игренивая.
Подчеркнуть хочу,
Что она прославлена
Берегами Чу.
В скачке словно ветер,
Вот он — Кызкара.
Сырдарья прославила, —
Подтвердить пора!
Выделить кого же мне? Лучших угадай!
Есть из Удутау призовой Кубай.
Есть из Каратау — норовист — Кумай,
Есть кипчакский Ак-бакай,
Киргиз Кёк-топай.
Вот из Акчетау — пламенный Анас,
Вот из Кокчетау — золотой Кулас!
Елик Кубакан — скакун — прибыл с Иртыша,
С Есиля — Каска-Куля.
Радуйся, душа!
Вот каких сюда коней ас теперь собрал!
Утку пеструю прислал на байгу Арал.
Жарылгапа конь игрень — приз ему отдашь.
Беззаботный Чалый здесь — шлет его Балхаш.
Из Семипалатинска — Мышастый Козел.
Ястреб рода Тобыкты —
Всех лисиц извел.
Вот гнедой, Жамыл по кличке,
Не скакун, а зверь!
Люди, ну кого еще
Назову теперь?
Белокрылого саврасого
Алатау шлет,
Белокрылого никто
Здесь не обойдет,
Он зубами быстрых птиц
Ловит прямо влёт.
Вот светло-чубарая —
Ноги не стоят,

Каждый волосок причесан,
Праздничен наряд.
А поскачет — будет буре снеговой сродни,
И ничто не остановит, кроме западни.
Так какого же коня нынче предпочесть?
Лучше лучшего, как в сказке,
Много разных есть!
Тридцать белых словно снег
Скакунов лихих,
Двадцать есть игрневых,
Сорок — вороных,
Двести здесь мухортовых —
Наших и гостей,
Гнедых девяносто.
Есть других мастей.
Семьдесят саврасых
Слава принесла.
Пегим и чубарым
Просто нет числа. . .»

Бьют отрадной вестью по ушам толпы.
Все глашатаи кричат, в ярости слепы.
И, затертые конями, люди слышат всё,
В конские бока уткнув взмокнувшие лбы.

Спрашивают, отвечают, громко говорят,
Сами твердыми руками скакунов теснят.
Спорят, требуют совета, страстью зажжены,
И похожи на смешных блеющих ягнят.

ОТГОН КОНЕЙ

Кулагера наш Ахан вывел за собой,
Конь с такой, как ручка чашки, нижнею губой
Шел, выбрасывая ноги, прорысил слегка.
Дальше отошел Ахан, чтоб не быть с толпой.

Ног не сдвинув, Кулагер бабки ставил врозь,
Чуть провисла грудь, но даль видел он насквозь. . .
Журенбай — знаток коней — подошел, сказал:
«Как дела? Ты победишь. Волноваться брось.

Да, Дуль-Дуль — твой Кулагер, благороден вид.
Благодарен я, тебе счастье предстоит.
Выпало тебе иметь лучшего коня.
Понимаешь ты в конях, вижу я, джигит. . .»

«Жеребенком Кулагера я кормил из рук.
Сколько лет уж для меня — он ближайший друг».
— «Если так, то первый приз завоюешь ты. . .»
— «Может быть, твои слова оправдаю вдруг».

Батыраш — знаток в конях, ворон по уму,
Смертью Серого казался Кулагер ему.
В ту же ночь, как увидал Кулагера он,
Заболел, не спал, глядел в призрачную тьму.

К Кулагеру на кембе он подъехал вновь,
Обошел вокруг него, поднимая бровь.
Только этого коня опасался он.
«Вот уж дьявол из Арки!» — бушевала кровь.

С детских лет он заболел страстью к скакунам.
Жаждет славы он, завистлив к славным именам.
И коварен, и жесток, неразборчив он,
Словно грязью задышался он по временам.

«Вот прославленный тулпар! — В сердце колкий

КОМ. —

Кости как разделены! Видно — чудо в том!
Азраил по виду он, душу вынет враз,
Не был конь такой еще Серому знаком.

А сложенье! Божья тварь на меня косит. . .
Вроде даже неказистый. . . Да, особый вид.
Не встречал коня такого, хоть видал коней.
Интересно, на байге он скачет иль рысит?

Это конь иль что еще? И на что похож?
Неужели будет первым? Пробирает дрожь.
Серому, что обгонял каждого коня,
Явная грозит беда, как убойный нож.

А повадка! Он к себе пустит детвору.
Щегольство иль нрав такой? Я не разберу.

Слышал я о нем давно, лучше б не видеть.
Как-никак его приход, видно, не к добру.

Оба глаза как огни, он не то что наш.
Может, дьявол ныне в нем раздувает раж? . . .» —
Прерывая с сожаленьем думы о коне,
Потемнев, стоял недвижно грозный Батыраш.

Так стоял он, не открыв им владевших дум,
Всё глядел на Кулагера, злобен и угрюм.
Кровь отхлынула с лица, серый он стоял,
Месть проклюнулась в мозгу сквозь тяжелый
шум. . .

Кружит скопище людское, скакунов тесня,
Крики, гомон, суматоха, ругань, толкотня. . .
И откуда знать Ахану, что лихая смерть
Смотрит жадными глазами на его коня?

Поглядит Ахан на это? В дальней стороне
Любит враг залезть в овраг, спрятаться на дне.
Амулет Ахан снимает с шеи скакуна
И ладонью гладит шею, водит по спине.

Он мальчишку опоясал красным кушаком,
Посадил на Кулагера и шепнул тайком:
«Пропусти вперед сначала скакунов двух-трех,
А с того вон места сразу выпускай рывком.

Будь до старта осторожен: путь коня не прост.
Легкой рысью мчи, пускай чуть трясется хвост.
Будет весь заезд опасен, ты коня не бей,
Стременами лишь тревожь, не вставая в рост.

А назад пойдешь, тогда придержи слегка,
Плеть — излишня. Понукай пятками в бока.
Будь вторым, не распаяйся. Это лишь одно
Твердо в памяти держи — скачка нелегка.

Вон — зеленая ложбина пролегла к горам,
Оскорби коня камчою, пролетая там.
И пусти его свободно, мальчик, вот и всё.
Там уж конь, что делать надо, понимает сам.

Ну, малыш, езжай и ты, скакуны ушли.
Не выскакивай на ветер, видишь — все в пыли.
Вот один я остаюсь, помоги, аллах,
Чтобы в целости назад прискакать могли».

Мальчики на скакунах! Прыгают сердца.
Тут Ахан поцеловал своего юнца.
Обнял шею Кулагера и шепнул в ноздрю:
«Буду ждать тебя и верю, — бейся до конца!»

Разномастны и сильны, предвещая спор,
Кони начали спускаться с Ерейменских гор,
Потекли в большую степь дружно скакуны,
Долго слышался копытный четкий перебор.

Двое взрослых на конях начали разгон,
Слышен топот, бег коней, сбруи перезвон.
Чтобы свалки избежать по пути с байги,
Караулы у тропы стали с двух сторон.

Скакуны, развеяв гривы, выступают в ряд,
Множеством копыт кипят — будто говорят.
Вот до озера дошли, здесь и будет спор.
Мальчики в цветных платках маками горят.

Люди прут за скакунами — жадные глаза,
Вестовые прискакали с криками, грозят:
«Возвращайтесь, возвращайтесь, игры будут там».
Всколыхнулось море лиц, потекло назад.

Шум, и гам, и толкотня, и слова мольбы,
Согнанные, словно овцы, опустили лбы,
Но пролаял вдруг уездный на гнедом Лыске:
«Пусть народ сойдет с коней, время для борьбы!»

ОТБОР ВОРЦОВ

Сойтись уездный приказал! Пронесся клич, и вот
Со всех сторон пошел, пошел, как муравьи, народ.
Тут не увидишь никогда ни женщин, ни детей.
Народ запуган. Кто, скажи, против властей пойдет?

И по-калмыцки привязав коней, пестра, шумна,
Казахских пеших молодцов нахлынула волна.
Глашатаи со всех сторон кричат до хрипоты.
Борцов, что в бой пойти должны, блистают имена.

Размером годен этот круг для скачки жеребят.
Остались кони позади, — на привязи храпят!
Иголку некуда воткнуть и яблоку упасть.
Уселся в тесный круг народ, сидит за рядом ряд.

Руководители уже уселись на места.
Они из богатеев все. И видно, неспроста
Начальник грозный на холме с подзорною трубой
Застыл, распаренный, в тени огромного зонта.

У озера Косак народ шумит на берегу,
Как будто на цветном ковре — на молодом лугу,
Сидит и ждет: богатыри сейчас пред ним должны
Могучей удалью своей помериться в кругу.

Вот Ереймена склон. На нем стоит последний ряд.
Халаты, будто бы цветы, расцветками горят.
Чей род сильнее? Кто победит? Аргын или Найман?
Казахи дружно гомонят — поспорить каждый рад!

Но оживилась вдруг одна из боевых сторон.
Ее борец, как столб могуч, для битвы оголен.
Раздался дерзкий крик: «Эй, вы, а где же ваш борец?»
Был вызывающ этот крик, и был насмешлив он.

Тот наглый окрик напугал воинственную рать,
Борцы задумались — кому охота умирать?
Притихли многие, глаза в смущеньи опустив,
И каждый пальцами ноги стал землю ковырять.

Смутился враг?! И сотни ртов завыли вдруг тогда:
«Когда ж появится борец, когда ж придет, когда?»
Нахмурясь, мощные борцы раздеться не спешат,
И пот соленый по вискам стекает от стыда.

А тот верзила черен был и, как атан, здоров,
Он раскорячившись стоял, свиреп и густобров.

И духов предков помянув, джигиты с двух сторон
Верзилу вывели на круг и сдернули покров.

Объятый ужасом, народ застыл: «Каков борец!
С таким попробуй-ка схватись — наступит вмиг конец!»
А он стоял, внушая страх, оскалив злобно пасть,
Как будто одинокий тигр в загоне для овец.

Стоял угрюмый великан, недвижим до поры,
Борьбу легко он превращал в подобие игры.
Он страх панический вселял в известных силачей, —
Их загонял, как кот мышей в отверстие норы.

Стоял он, ноги в волосах, звероподобный муж,
Он был свиреп, как дикий вепрь, и черен был к тому ж.
Лопатки черные свои народу показав,
Он грузно на колени встал, сутул и неуклюж.

Хоть кто тут выйди на борьбу, считай — уже пропал!
В гиганте этом черном был воинственный запал.
Он был в приемах искушен, в секреты посвящен
И знал все хитрости борьбы — он в цирках выступал!

Глашатай, выехав на круг на сером жеребце,
Привстал на звонких стремях в живом людском кольце
И стал пронзительно кричать, сняв лисий малахай,
Об этом черном силаче, о бешеном борце:

«Вот стоит на коленях пред вами герой,
Вздулись мышцы под кожей буграми, — герой!
Кости ног его крепче, чем кости слона,
На груди у него шрам на шраме, — герой!

Берега Иртыша в страх вогнал он, джигит,
Кто с ним выйдет сражаться, тот будет убит.
На бесчисленных ярмарках он знаменит,
Его помнят Макарьев, Алтайск и Ирбит.

Силача Алатау побил он, герой.
Силача Каратау свалил он, герой.
Когда был он мальчишкой шестнадцати лет,
То известен сноровкою был он, герой.

Помним ас Аюбая. Рывком от плеча
Одного великана он сбил сгоряча.
Поваливши, верзилу подмял под себя,
Он бы мог, как удав, проглотить силача!

Дар борцовский ему от рождения дан.
Вон, глядите, стоит, словно слон, великан!
Раз атан подвернулся под руку ему,
И ударом был сшиблен на землю атан.

Всем джигитам в округе он страху задал!
Он в победе жесток, он в сраженье удал.
Цирки он разорял, он пугал города.
Он, как шапки, озлившись, джигитов кидал!

Он дракон! Кто бы смог с ним сразиться посметь?
Он неистов, как смерч, он ужасен, как смерть.
Кисть руки у него как железный капкан,
Тверды грозные мышцы его, словно медь.

Волкодав средь щенят! Он жестокий батыр!
Он шелчком убивал обнаглевших задир.
Словно воду, из мышц он выдавливал кровь,
Словно это не мышцы джигита, а сыр.

Враг поверженный выл под могучей пятой.
Драл он кожу с врага, словно пленку, рукой.
Он боролся не хуже Хазрета-Али,
А ведь тот был, как всем вам известно, святой!»

И вот глашатая слова молвой подтверждены.
Все говорят: «Он знаменит во всех концах страны!»
Кому охота воевать с таким богатырем?
Борцы на корточках сидят, мрачны и смущены.

Глашатай знал, что говорил, — его слова не ложь!
И вправду, черный богатырь на дьявола похож.
Как сковороды пятерни, бугристая спина,
К нему попробуй подойди — погибнешь ни за грош!

Удел могучего борца ему с рожденья дан.
Он прибыл к нам издалека, тот черный великан.

Он в городах всех победил — теперь колеблет степь
Он — выдающийся боец, а родом он Найман.

В родне у Сагыная он прижился. И потряс
Собравшихся, когда гремел на шесть уездов ас.
Гостит два месяца уже он у керейцев тут.
Решил он силой поразить собравшихся сейчас.

Но где ж соперник? Великан угрюм и раздражен.
С испугом на него глядят борцы со всех сторон.
Ведь сам уездный, говорят, верзилу поддержал,
Ведь он объездил всю Сибирь, потряс все цирки он!

И Каратау силача такого не видал,
У Семиречья замер дух — неслыханный скандал!
Семей с Тургаем, притаясь, от ужаса дрожат,
Балхаш открыл с испугу рот, и рот открыл Арал.

Так кто же всё же выйдет в бой? Нельзя найти борца!
Стучат средь мертвой тишины дрожащие сердца.
Молчат бывалые борцы, раздеться не спешат,
Поднять не могут от земли в смущении лица.

И вдруг людская разошлась в две стороны стена.
Выходит человек, его вся в мускулах спина,
Он коренаст, и он совсем не великан на вид.
Его послала на борьбу Окаса сторона.

Кто он такой? Откуда он? Жакип его зовут!
Был из колодца как-то раз им вытасчен верблюд.
Увертлив он, он изучил все тонкости борьбы.
Знал силу страшную его степной казахский люд.

Коль нет Жакипа, ни один не состоится ас.
Бывал и у керейцев он, — приз получал не раз!
В Баян-Ауле все зовут его батыр Жакип.
Он кулаком глушил быков — ударом между глаз.

Он был когда-то батраком, потом отары пас,
А нынче залучил его в подручные Окас.
Он был храбрец, он был джигит, но, кем он там ни будь,
В руках хозяина бичом он делался подчас!

Он, гибкий, шел не торопясь, он мышцами играл,
Как ястреб легок был. В него верзила взор вперял.
Глашатай, обходя ряды, рассказывал о нем
И все достоинства его по статьям разбирал:

«Вот борец так борец — нет сильней этих рук!
Крепок он, как сухой саксауловый сук,
Великану не справиться с ним нипочем.
Нет, Жакипа — шалишь! — не возьмешь на испуг.

Он Аргын, он исполнен таинственных сил,
Он немало джигитов в борьбе победил.
Это дьявол среди силачей и борцов.
По ухваткам и ловкости он — Азраил.

Словно рыба, он скользок. В борьбе — молодец!
От удара его отлетает борец,
Как летит перепелка из-под куста,
Если в куст бросит шапку, играя, малец.

Он увертлив, как барс, гладок, словно карась,
Скользок — будто на коже особая мазь.
Если он нападает, то сами борцы
От движения резкого валятся в грязь.

А косые глаза его из-под бровей
И быстры и подвижны, как пара угрей.
Обнажает он зубы, рассвирепев, —
Самый злой он из наших богатырей.

Как орел, что терзает добычу свою,
Под себя он врага подминает в бою.
Прямо держится он, бьет без промаха он.
Нет батыра бесстрашнее в целом краю!

Не одна только сила батыру дана,
Он умеет использовать ловкость сполна;
Он как щука в глубинах зеркальных озер,
А подножки он ставит, как сам сатана.

Даже если споткнется — возмись удержаться,
Навались, постарайся коленом прижать, —

Он рывком незаметным вдруг раз — и уйдет,
Пораженья с усмешкой сумев избежать.

Седогривый, зубастый, напористый волк
Не сробеет, в борьбе понимающий толк.
От напора его даже вепрь убежит,
Увидав его, лев станет мягким, как шелк.

Он — огонь! Быть борцом его вечный удел.
На чужбине он многих борцов одолел.
При неистовых криках толпы он не раз
Выходил на арену, и грозен и смел.

Но и силы немало в нем, в ловком и злом.
Если надо — умеет ломить напролом.
В общем, он из борцов самый лучший борец,
И недаром его называют орлом!

Видно, он не боялся б и в пропасть упасть,
Есть в глазах его узких угрюмая власть, —
Ты идешь осторожно навстречу ему,
Словно прямо в капкана разверстую пасть.

Не один от удара его погибал,
Он в охапку детин стопудовых сгребал,
Тех, чьи руки, как медные ступы, толсты,
Локти вывернув им, их к земле пригibal.

Да и что говорить! Он сильнее всех нас.
Как тому, кто неистово жаждет, подчас
Попадается вдруг тот, кто жаждет сильней,
Так и он великану попался сейчас!»

БОРЬБА

Вдруг на Жакипа наступать стал черный великан,
Как будто бы в лесу на рысь накинулся кабан.
Жакипа хрупкого жалеть стал в ужасе народ.
А люди яростно свистят, грохочет барабан.

И начали они ходить — народ замолк кругом —
То вперевалку, не спеша, то шагом, то бегом.
Как два обезумевших льва, богатыри сошлись,
Сопя и тяжело дыша. Схватился враг с врагом.

К победе великан любил короткие пути, —
За шею он решил схватить, да и схватил почти,
Но прыгнул, будто мяч, Жакип, метнулся, будто рысь,
И замер, словно говоря: «Э, милый, не шути!»

Жакип и в этот раз свои уловки не забыл, —
Он опрокидывать врага подножками любил,
Но если падал сам Жакип, то долго не лежал,
А тотчас вскакивал, ведь он, как рыба, скользким был.

Но вот гигант рассвирепел, решил кончать игру,
Рванулся, как бы говоря: «Сомну, с земли сотру!»
Был на верблюдицу похож в дни течки, в январе,
Он завывал, а борода моталась на ветру.

Легла гиганту на плечо Жакипа голова.
Объятья тесные крепки. Их прочность такова,
Что их перерубить уже не смог бы и топор!
Сцепившись, начали кружить борцы, как жернова.

Сошлись в бою богатыри лицом к лицу, впритык,
Один — как небольшой бычок, другой — как грузный
бык.

Трясут друг друга, и сопят, и топчутся, хрипя,
Исходит из могучих ртов звероподобный рык.

Гигант, соперника схватив, попробовал рывок,
Подножку сделал, только тот дал в сторону скачок.
Да что там! Где ему упасть? Он прыгнул, как козел!
Пыль поднялась. Он на ногах, — плечо лишь вот рассек!

Разодран напрочь у борца сатиновый рукав.
Ключок материи висит, и грязен и кровав.
Жакип гиганта набок гнет, чтоб на спину взвалить,
И бросить, и торжествовать, на грудь коленом встав.

Жакип всё ходит и сопит, багровый от потуг,
Вот пригляделся не спеша, приладился и вдруг

Как крикнет: «Ап!» — и у него верзила на спине,
И только хрустнули в тиши в суставах кисти рук.

Притихли все. Ай да Жакип! Блистательный прием!
Жакип согнувшийся стоит, а черный бык на нем.
Жакип стал медленно кружить, и оземь великан
Из-под небесной вышины вдруг грянул, словно гром!

Раздались крики торжества с аргынской стороны.
Найманцы, присмирив, молчат, в печаль погружены.
Притихли трусы, онемев, как зайцы за кустом,
И кличи рода своего орали крикуны.

Упал верзила, и Жакип свалился вместе с ним,
Но, ловкий словно скользкий угорь, вскочил рывком
одним.

Верхом на великана сел, чтоб великан не встал.
Лежал верзила на земле, угрюм и недвижим.

Схватились, словно на лугу грызутся жеребцы,
Которых уж не растащить джигитам под уздцы.
За приз дерутся силачи, катаясь по земле,
Народ взволнованный глядит, как возятся борцы.

Жакип верзилу вверх лицом никак не повернет:
Трясет, швыряет, словно мяч, но не сдается тот.
Борцы взбешенные хрипят, сплелись в один клубок,
По лицам воспаленным их течет рекою пот.

Завыли силачи, войдя в воинственный азарт,
Зывают к богу, и вопят, и стонут, и грозят,
И камни из-под ног летят, и пыль столбом встает,
Луг, словно пахота, изрыт, но где же результат?

Друг к другу будто кто-то их веревкой привязал!
Жакипа великан ломал, изматывал, терзал.
Когда же оба силача изнемогли в борьбе,
Уездный развести борцов джигитам приказал.

«Он победил! — кричит Аргын. — Ведь он сидел на нем!»
— «Нет, он! — Найман кричит в ответ. — Мы были все
при том!»

Как тигр и барс, кружат борцы, сойдясь на жизнь
и смерть,
Свирепо выкатив глаза. Разняли их с трудом!

Баянцы грозною толпой к уездному идут:
«Приз отдавай! Он победил, и нет сомненья тут!»
Керейцы же кричат свое: «Никто не победил!»
«Победы не было!» — шумит степной казахский люд.

Окас плешивый приуныл, — он приза не достал!
«Ничья», — уездный присудил. И хоть никто не стал
С уездным спорить, возмущен решением был народ,
Был взбудоражен весь народ, сердился и роптал.

«Он победил, наш богатырь! Он вашему задал!» —
Одни кричали. Назревал неслыханный скандал!
Другие им до хрипоты кричали, озверев:
«Жакипу приз! Ваш слаб борец, а наш борец удал!»

Детину черного народ кричащий окружил.
Он был озлоблен и багров, надулись связки жил.
«Нет, спорный приз я не возьму, вновь буду
драться я!» —
Сказал верзила и конец раздору положил.

Кричат найманцы: «Эй, Жакип, прошедший бой
не в счет!»
Кричат аргынцы: «Не борись, и так тебе почет!
И то неплохо, если приз разделят пополам.
С верзилой снова не борись. Он не борец — он черт!»

К уездному тогда Окас с Шабданом подошли:
«Ты снова им, о господин, бороться повели!»
Сказал уездный: «Пусть они дерутся, коль хотят».
И вот противников опять лицом к лицу свели.

Стоят один перед другим два лагеря сейчас.
«Эй, выходи, — кричит гигант, — еще схлестнемся раз!»
«Не выходи! — друзья кричат. — Жакип, не выходи!
Тебя детина победит, ты опозоришь нас!»

От гнева у Жакипа кровь отхлынула с лица.
Разделся, крепкий, словно гвоздь. В нем ожил дух борца.

Решил он лучше в бой вступить, чем вечно трусом слыть.
Решил за дерзость наказать верзилу-наглеца.

«Ну что ж, рискну! — подумал он. — На битву выхожу!
Приз получу, коль силача на землю уложу.
А коль его не уложу, то так тому и быть.
Силач! Иду! Аргынец я — и это докажу!

Он человек, он, как и я, от женщины рожден,
Он будет этой вот рукой, клянусь я, побежден!
Да как же я смогу стерпеть, чтоб этот человек
Кричал мне нагло «выходи», чтобы смеялся он!

Народа душу я постиг, его я знаю нрав:
То он бывает справедлив, а то подчас неправ.
То радуешься за него, то злишься на него,
Но любишь сильно всё равно, ему себя отдав».

И вот рассасываться стал, стал затихать скандал,
Подобного степной народ ни разу не видал!
Сказал верзила: «Пусть Жакип придет, коль он
не трус!»

И это тотчас же народ Жакипу передал.

Сошлись: приземист был один, и был другой высок.
Вдруг жилистый Жакип врага подпощкою подсек.
Споткнулся враг, и кинут был он вмиг через плечо.
И был стремителен, и смел, и страшен был бросок!

И вот гигант лежит ничком. Восторженно орет
И предков славит имена аргынцев шумный род.
Тут, ногу черную схватив, Жакип рванул, и вот
Найманцев приняли дела печальный оборот.

Нога вдруг хрустнула. Завыл детина. Перелом.
Жакип на нем уже сидит, нахохлившись, орлом.
Толпа рванулась к силачу, ругая и крича,
Кто в страхе за его судьбу, а кто в восторге злом.

Борец прижал борца к земле — победу закрепил.
Народ совсем осатанел, откуда страсть и пыл!

Сцепились, словно петухи: ведь каждый из гостей
До битвы мяса много ел, кумыса много пил!

Окас доволен, — поддержал Жакип аргынцев честь!
Лежит поверженный гигант. Вокруг людей не счесть!
Раскинув руки широко, лежит, хрипя, гигант.
Подвернута его нога, ни встать теперь, ни сесть.

Уездный хмурится: ему не нравится исход.
Он папироску закурил. Вокруг шумит народ.
Вон те в восторге, что гигант аргынцем побежден, —
Смеются едко, а вон те грустят, наоборот.

Гигант поверженный лежит, не может встать с земли.
Кровинки нет в его лице, весь в глине и пыли.
Аргынцы ходят подбочась и радостно шумят.
Они толкуют меж собой: «Нам предки помогли!»

К уездному подходит вдруг сияющий Окас
И просит, чтобы дали приз, который тот припас.
И тут выводят скот на круг, и разного добра
Втащили несколько тюков. Всё расхватили враз!

Стоит невероятный шум. Вот два бородача
Подрались в кровь. Тому виной — полштуки кумача.
Кто жеребца повел, а кто барашка поволок.
Два аксакала рвут козу, ругаясь и рыча.

Гигант забыт. Он здесь чужой. Лежит, от злобы лют.
Как мясо на пиру, добро на части люди рвут!
За это плата — чья-то кость, подумаешь, дела!
Приз меж собою разделив, шумит довольный люд.

Такой трагический исход в обычае у нас:
Увечие, а то и смерть приносит каждый ас.
Ругайте, бейте — подтвердить я клятвенно готов:
Такие случаи видал я в жизни много раз.

Кость ловко вправил костоправ.

От жалоб и угроз

Охрип сраженный богатырь, повесил толстый нос.
Народ о грозном силаче забыл, а костоправ,
Взвалив беднягу на коня, в аул его увез.

ВОЗВРАЩЕНИЕ КОНЕЙ

Пленена моя душа с самых детских дней
Скакунами: я рожден средь степных коней!
Нес меня степями конь, гриву распустив,
Я держался за нее, я склонялся к ней.

Всё я знаю про коней. В них судьба моя!
О лихих конях стихи сочиняю я.
Издавна живет казах в солнечных степях,
Там, где небо наверху, а внизу земля.

И богатый и бедняк знали толк в коне.
Для казаха с давних пор были наравне
Конь и друг, ведь без коня — что за жизнь в степи?!
Оттого хороший конь был в большой цене.

С жеребятами в степи с детских дней я рос.
И хотя уже дожил до седых волос
И в автомобиле я езжу каждый день,
Стригунки и нынче мне дороги до слез,

Хоть машина у меня и известность есть...
Приз возьму, — мне только дай в самолет залезть!
Нынче асов больше нет, только в ноябре
Посмотри на шумный той, — скакунов не счесть!

Стал привольней жить народ нашей стороны.
Стали нынче у казахов лучше скакуны.
Очень много дорогих вывели пород, —
Кони крепки и быстры, ловки и стройны!

Интересней нет байги! Весело гремит
На джайляу шумный той: слышен гром копыт.
Мчались кони. Про меня говорили так:
«Из мальчишки будет прок, вырастет джигит!»

Слыша то, из кожи лез, хоть и был я мал.
Крепкозубых жеребцов на дыбы вздымал.
Часто я менял коней. По степям летел,
А ногами не коней — птиц степных сжимал!

...Нетерпением давно мальчишки горят!
Кони пылки и стройны, — словно на парад!

Чтоб удобней было всем с места взять разбег,
Пляшущие жеребцы выстроились в ряд.

Тыща триста скакунов — весь запружен склон.

Ржаньем яростных коней воздух сотрясен.

Ждут: распорядитель знак должен дать — «Пускай!»

Ждут: еще минута, и — руку вскинет он.

Ждут: сейчас раздастся крик: «Эй, вперед! Вперед!»

Я глядел не раз, застыв и разинув рот.

Интереснее байги нету ничего,

Ведь недаром так байгу любит наш народ.

Кони дружно мчат вперед, катят гром копыт.

Столько сразу мчит коней, что в глазах рябит!

Тыща триста скакунов! Пыль под небеса!

Ржет табун, храпит табун, в ярости трубит!

Мальчики кричат вдали, радостно кричат,

Обезумевших коней криком горячат.

Над травую скакуны стелются, столбом

Пыль горячая стоит. Дико кони мчат.

Кони мчат. Мальцы кричат. Скорость велика!

От копыт дрожит земля — вся гудит Арка.

Мчат мальцы, кричат, слышны предков имена.

Шум и хаос, дым и гам, пыль под облака!

Затряслась Сары-Арка. Мчатся скакуны, —

Над землей летят тела, шеи склонены.

Небеса смешав с землей, кони мчат и мчат.

Клубы пыли поднялись — дали не видны!

Поредела наконец серой пыли мгла,

Что как гуча над землей черная плывла.

Вот четыре скакуна вырвались вперед.

Мчит свирепый Кулагер — в пене удила!

Где-то скачет позади тысяча коней.

Мчит лавина и храпит, пар стоит над ней.

И чем дальше — степь быстрее под ноги летит,

И чем дальше — пареньки голосят сильней.

Солнце, не жалея сил, яростно печет.
Ветер пену рвет с коней, пот с людей течет!
Кони падают, хрипят. Но табун вперед
Всё летит, летит, летит! Выбывший — не в счет!

Как падучая звезда, страшная звезда,
Конь летит через простор, слыша повода.
Легче ветра кони есть. Кто сказал: «У нас
Нет хороших рысаков?» Это ерунда.

Четверо тулпаров мчат, обогнали всех.
Всадники горды собой, верят в свой успех.
Может ли казах, скажи, не торжествовать,
Если вырвался вперед? Это и не грех!

Четверо тулпаров мчат, — скачка с ветерком!
То растянутся в длину, то сожмутся в ком.
Не мешается их пыль с пылью остальных,
И лежат, припав к коням, мальчики ничком.

Сам я вырос на хребте злого скакуна,
Я про скачки и коней знаю всё сполна.
Только этой описать скачки не смогу:
Так была она лиха, так была страшна!

Кулагер летит. Малец на его спине.
Не мешает рассказать о мальчонке мне.
Слова не было у нас до сих пор о нем —
Мальчика Ахан привез на своем коне.

Был тот маленький джигит сиротой в роду.
Пожалел его Ахан, принял сироту.
Дорог он Ахану, как Кулагера глаз,
И Ахана полюбил он за доброту.

Были черствыми в те дни у людей сердца,
Но Ахан был добр, — ему заменил отца.
Он кормил его, поил, одевал, учил.
У родни своей Ахан поселил мальчика.

На байгу юнца Ахан нынче неспроста
Взял с собою, несмотря на его лета.

Кулагер с ним каждый раз в скачках приз берет.
Счастье, зная, с собой принес этот сирота.

Кулагера нрав постиг шустрый мальчуган.
Дар наездника мальцу был с рожденья дан.
Слушался Ахана он, ведь во всей степи
Никого он не имел ближе, чем Ахан.

Много на него Ахан сил употребил,
О сиротстве чтоб своим мальчик позабыл.
Милая, да Кулагер, да малыш — сынок! —
Только их троих Ахан на земле любил!

Мы отвлеклись, а между тем те четверо коней
Мчат к Ереймену по степи, пыль стелется над ней.
Смеются мальчики с седла над теми, кто отстал,
Кричат, лицом к луке припав, и хлещут всё сильней.

Летели мальчки вперед, сутулясь, как орлы,
Под гром копыт, под крик друзей, пыль — как завеса
мглы.

Остался далеко табун. Его уж не видать!
Отставшие, они молчат, насулены и злы.

Пускай летят тулпары, пусть копытами прядут,
Есть еще время — до того, как к финишу придут,
К тем обратимся, кто сейчас остался на кембе,
К тем, что летящих над землей коней горячих ждут.

Пусть крики слышатся и степь гудит по временам,
Пусть ободряюще народ кричит своим сынам,
Пусть, превратившие Арку в гудящую домбру,
Копыта четырех коней бьют в степь, как по струнам. . .

ПЫЛЬ ОТ СКАЧЕК

Словно зеркало, сверкает озеро Косак —
Это соль самой земли, — понимает всяк.
Здесь расстелена трава, райские места,
Веселится здесь народ, погулять мастак.

Скот пасется на холме. Плещется вода.
Озеро — как изумруд, горная звезда.

Вот уже игра борцов кончилась давно,
И народ взглянуть на скачки повалил сюда.

Далеко теперь коней к скачкам отвели.
Разве близок Қызкашкан? Не видать вдали —
Кони к озеру летят, вот спустились вниз.
Снова даль заволокло, горизонт в пыли.

Кто догонит ветер с гор, дунувший сильнее?
Как стремителен галоп четырех коней!
Будто бы за Ереймен кони те дрались,
И озывали гору, стукали по ней.

Взор казаха и душа — навсегда с конем,
А бесконный — тот пуглив даже ясным днем.
Пить и есть — кумыс, казы, а для скачки — конь,
Ведь издревле — где казах, там и конь при нем.

Наш народ ценил коня, а не ханский трон.
О, когда в степи байга наберет разгон!
Сердце радостно замрет и летит, когда
Пыль от скачек ветровых скроет небосклон.

У коней, что вот сейчас держат долгий путь,
Что смогли холмы, овраги вмиг перемахнуть, —
Если б не было у них крыльев, то тогда
Можно было б разве их к озеру вернуть?

В тучку пыльную вдали врезались глаза.
Разговоры улеглись, стихли голоса.
«Тех, кто сядет на коней, мы накажем всех», —
Объявил уездный вдруг, плеткою грозя.

Словно зеркало блестит озеро Қосак,
Ветер легкие березки гнет и так и сяк.
Из границ волнение вышло, вспыхнули глаза,
Только вымелькнул вдали вспененный рысак.

Но уездный усмирил, гаркнув: «Тише чтоб!»
Без веревки всех связал, как упрятал в гроб.
У дороги на Қосак из ложбины вдруг
Кони вырвались, кпя, и идут в галоп.

Вот и пыль перенеслась над ложбиной той,
И задвигались казахи массою тугой.
Отделясь, четыре точки скачут впереди —
«Светлый» — виден, и еще — «потемней» — другой.

Только б точку разглядеть! Взгляда нет верней.
Разве не определит издали коней?
Устоять Ахан не мог, побежал, узнав
Кулагера своего в том, что потемней.

Вот четверка обогнула берег-полукруг,
Два коня отдельно мчатся, трутся круп о круп.
И проскакивают рядом балку Жыланды,
Где безводье и кустарник колок и упруг.

Все беснуются, кричат, огоньки в глазах.
Разве может усидеть на байге казах?
Неизбежна свалка тут в случае таком,
Хоть кричат ему: «Постой!», «Не скачи!» — грозят.

Словно капельки росы, кони вниз стекли,
С глаз исчезли за чертой неба и земли.
Вылетели из лощины три коня пока. . .
Где четвертый? Впереди? Не видать в пыли.

У народа в этот миг, жалко, крыльев нет.
Что азартному казаху делать, дай ответ!
Неизвестно, что с Аханом, как и где Ахан?
Виден первый конь — не темный, вроде серый цвет.

Люди видят трех коней. Где четвертый? Ждут.
«Нету темного коня!» — нарастает гуд.
С ветром, рвущимся в копытах, мчатся три коня,
И пока народ шумел, кони — тут как тут.

Оказалось, Серый Ястреб, жаркий как огонь,
Будто крыльями махал, благородный конь,
Вышел первым. Наблюдатель подал верный знак —
Конь к надсмотру подошел, разрешает — тронь!

Серый предков не подвел, преподнес им дар,
Конь Алтая первым шел, излучая жар.

Мальчик, мчащийся на нем, еле пропищал
Родовой извечный клич — слово «Бекайдар!».

И под кличем «Толебай» конь Аитпака
Мчит. Чуть ноги не сплелись, ходуном — бока.
На ногах наросты — чалый шел под клич «Шорман»,
И народ кругом кричал, радость велика. . .

Сколько ждали долгогривых! Вот они и здесь.
Всем волнениям конец. Лопнул интерес.
Преступление теперь сдерживать людей,
Каждый к своему коню, сатанея, лез.

Что ж, из тысячи трехсот прискакали три.
Где другие? Не видать? Жди пока, замри.
Крик под небо, пыль опять землю обдала.
Друга друга не узнает, — лучше не смотри.

Тесно сдвинулись в живой, стонущий комок.
И уездный никого удержать не мог.
Каждый своего коня перенять бежал.
Кинулись к своим коням не жалея ног.

Кулагера лишь забыл, не заметил ас.
Приза Кулагер не взял, где же он сейчас?
И с Аханом мы расстались, где теперь Ахан?
Не заметил я, куда же он ушел от нас?

ОДИНОКИЙ КОЛ

К асу не вернемся мы, не придем сюда.
Люди встретили коней, взяв за поводя.
На уездного мы плюнем, бий Окас — к чертям,
Если нашего серэ нагнала беда.

К озеру Косак лавиной поскакал народ.
К той лощине, где исчез конь четвертый тот.
Что случилось с Кулагером? Мы расскажем вам,
Почему же Серый Ястреб вырвался вперед.

. . . Вот четверка обогнула берег-полукруг,
Вот уж еле завиднелись всплески ждущих рук.

Сдерживая Кулагера, не пустив в карьер,
Мальчик ждал, когда лошину одолеет друг.

Был коню известен мальчик: он всегда скакал.
Брал призы с ним Кулагер. И коня тот знал.
Вырос он, играя с гривой этого коня,
Дружба эта получила боевой закал.

Вот малец, глотая зной, жаждой возбужден,
Черный, с раскаленным небом, торопился он.
Обессилевший скакал он, голос потеряв,
Долгой тряской и жарой, жаждой побежден.

Но встряхнулся, увидав толпы вдалеке.
Отражался быстрый конь в чистом Косаке.
Над холмами пролетая птицею степной,
Словно булдурук, подъемы брал он налегке.

Кулагера не догнать, молнией — скак.
Мальчик зря его держал, удержать не мог.
Грудью Серого отбив, вниз, в лошину ту,
Устремился Кулагер, быстрый, как поток.

Тысячи отстали там, скрыты пыльной мглой,
Их не видно — оглянулся мальчик удалой.
Он хотел уж повода опустить совсем,
Тут и встретился с засадой он в лошине злой.

К озеру лошина шла, полная теней,
Тут и пролегает путь скачущих коней.
Кто-то спрятался и ждал, злобою горя,
Чтобы замысел свой подлый выполнить верней.

С жимолостной рукоятью айбалта пряма —
И дубинка, и ружье, и копьё она.
У аргынцев свирепеющих пониманья нет.
У алтайцев лютой злобы больше, чем ума.

На коне высоком, белом, быстром, как стрела,
Затаился враг в лошине, побелев от зла.
Вдоль дороги каменистой караганник рос,
В нем и затаилась смерть, на коне ждала.

Враг на белом скакуне, в черное одет.
Кулагер летел как ветер, пролагая след.
На коротких стременах мальчик с ним летел,
Так вот птицы налетают сразу на дуплет.

Вот лошина. «До нее силы береги, —
Говорил Ахан. — Проедешь, плеткой обожги».
Вот примета. Ну, пора отпустить всю —
Кличем понукать коня до конца байги.

Слышно — гикает малец, Серого седок.
Он испуганно лупцует плетью серый бок.
Время Ястреба обставить и рвануться так,
Чтобы приз никто другой заслужить не мог.

Серый мчится что есть сил, борется за приз,
Яростный малец на нем, вереща, повис,
Хлещет плетью по бокам и по голове —
Серый, вскидывая ноги, покатился вниз.

Видно, Серый проиграл этот трудный спор.
Разве может, притаясь, удержаться вор?!
Кулагеру виден путь прямо до кембе,
Вырвется сейчас вперед. Недругам позор!

Серый — в мыле. Кулагер мчится за хвостом.
Ближе, рядом — отражаясь в глазе золотом.
Не вспотела даже челка, дышит — не слышать.
Мальчику легко, свободно на коне литом.

Кулагер подходит грудью. Серый — у плеча.
Через край пошла, вскипела злоба палача.
Кровью налились глаза — он уже ослеп,
И похолодел, и сжался, глухо рокоча.

Батырашем послан был, и поплелся гад.
Своеволен Батыраш: он могуч, богат.
Молнией сверкнула злоба в сердце палача,
Мечь ударилась в виски, как осенний град.

В душу дунул грозный вал ливня-ревуна.
Вихрь ревуший озеро всколыхнул до дна.

Заприметило марала черное ружье,
Лань бегущая открылась, хищнику видна.

Вот уже завыл буран с Ерейменских гор.
Черной тучей налетел ястребиный жор.
Снег кровавый, кровь сама капает с бровей,
Вспыхнул, пламенем горя, ненавистный взор.

Честный мальчик не видал, где таится волк.
Разве подлость и обман заподозрить мог?
Не почувствовал юнец зверя на пути,
Мчится прямо на врага, свитого в прыжок.

Камня и стрелы быстрее страшная рука.
И острее из Исфагани синего клинка.
Там завистник затаен черный и пустой,
Он медлителен, коварен, смотрит свысока.

В караганнике густом слышен перестук,
В нетерпенье белый конь просится из рук.
Вот рванулся из кустов разъяренный враг.
Мальчик ахнул, оробел, растерялся вдруг.

«Духи предков, помогите!» — закричал наймит,
Скачет мальчику навстречу, — зной в ушах звенит.
Путь в овраге Жыланды тесен — в два коня.
Кони врезались друг в друга, как гранит в гранит.

Неожиданно столкнул он коня с конем.
«Ну-ка, повод дай сюда! Вот и отдохнем! . . .»
И, притиснув Кулагера, оттолкнул в кусты,
Размахнулся и ударил голубым клинком.

Из виска рванулась кровь, белизна у скул,
Закрутился Кулагер, ноги подогнул.
Он не понял ничего, а хотел скакать. . .
Мальчик бился на земле, ощущая гул.

Извергая в небо кровь, Кулагер поник,
В горле мальчика застыл изумленный крик. . .
Черный ворон, белый конь таяли вдали.
Серый Ястреб проскакал в жуткий этот миг.

СПИ, МОЙ КУЛАГЕР

Распластался на земле, а в глазах — тоска.
И, пузырясь, кровь толчками льется из виска.
Ноги в жилах напряглись, ноздри дуют в пыль,
Умирает Кулагер, смерть недалеко.

Мальчик простирает руки, прерывает плач
И о помощи взывает к пролетавшим вскачь.
Вот уж проскакала мимо тысяча коней,
Но никто не заглянул в колкий карагач.

Спрóсите, а где же сокол, наш Ахан, сейчас?
Помните, покинул он злополучный ас,
Сердцем чувствуя беду, он ушел, когда
Мимо, с Серым впереди, тройка пронеслась.

Сразу бросился к лощине, не разжавши губ, —
Как подкошенный упал он на конский труп.
Что случилось — он не знал. Мысль помрачена,
И растерянно он руку положил на круп.

Умолял его и звал — был ведь как огонь!
Верил, первым прибежит и ноздрю — в ладонь.
Вот теперь один остался. Кулагер лежит. . .
Можем мы понять Ахана. . .

Умирает конь.

Кулагер лежит недвижно, сомкнуты глаза.
Боль кричит в душе Ахана на все голоса.
Он себя не понимает и клянет судьбу,
Плачет он о Кулагере, катится слеза.

«Что случилось, бай-бай, не пойму никак,
Был ты родником моим, а теперь иссяк.
Был опорой моей — стал теперь бедой.
Как же ты упал сюда, конь мой дорогой? . .

Ведь тебе не хочется умирать —
Вставай.
Бай-бай-ай,
Бай-бай-ай

Поднимайся, милый,
Полетим домой.
Бай-бай-ай,
Бай-бай-ай,

Кулагер мой. . .

Неужели не услышишь? Я б согрел рукой,
Прислонился бы к тебе я своей щекой.
Не отдал бы я тебя за любовь-красу.
Как мне жить, как смерть твою я перенесу? . .

Кулагер мой несравненный, жить мне помоги,
Как бы ты скакал теперь впереди байги!
Тут, в лощине роковой, всё припомнил вновь,
Замешал свою слезу и твою я кровь.

Кулагер, теперь тебя не найду нигде.
Мне проводником на Страшном будь суде.
Освещал мне душу ты, словно солнце дня.
Нет мне счастья, лучше б ты подождал меня. . .

Я тебя выхаживал много-много дней,
Я тебя привязывал, к милой шел своей.
Конь мой, говорю тебе, говорю: привстань.
Что рука ласкала — погубила сталь.

Жеребенком, сосунком тебя я привечал,
По четыре раза вставал я по ночам.
Что за воров черныи бил тебя в висок,
Чтоб тебя я никогда оседлать не мог. . .

На руках растил тебя, на ночь укрывал,
Мозгом позвоночника своего назвал.
Оборотень страшный бил тебя в висок,
О кровавый воров, падали кусок!

В жеребенке видел — ты моя судьба,
Когда я у родича выпросил тебя.
Только с Ереймена вышли, в этот час
Тебя заметил ядовитый глаз. . .»

Так лежал Ахан, рыдая, безутешен он.
Как тут слезы удержать, как тут стиснуть стон.

Он застыл над Кулагером и прикрыл глаза.
Думал над своей судьбой — с другом разлучен.

Солнце с горя распалилось в ненасытный зной,
Плачет и земля, и ветер застонал степной.
На груди у Ереймена плачут родники,
Плачет озеро, вздыхая тяжкою волной.

Если сына потеряют — душу оземь бьют.
Так Ахан в тиши рыдает, горы слезы льют,
Потому ручьи рыдают, озеро в слезах,
Потому-то ветер мчится с гор, от горя лют.

Почему так распустились цепи темных рощ?
Почему поникли птицы, звери — будто в дождь?
Кулагер погиб бесценный, и Ахан в беде.
Небо и земля гадают, чем ему помочь.

Листья тихо колыхая, замер строй берез.
Видя гнусное злодейство, камень в землю врос,
Валуны вдруг раскололись, и обломки их
В озеро снесли ручьи, пенные от слез.

Одинокому пришельцу словом помоги.
Что ему теперь призы яростной байги?
Видя, как Ахан рыдает, Кулагер лежит,
Даже камни размягчились. Но молчат враги.

Зяц в норке притаился, от печали сед,
Грустно бабочки летели на кровавый след.
Радовались только волки, лисы, корсаки,
Ведь коня, что их топтал, больше просто нет.

Бедного коня увидев и его, певца,
Души вынесли бы горе? Не рвало б сердца?
И земля и небо стонут над такой судьбой.
Сколько на земле злосчастий, горю нет конца!

Что слова? Слова словами — души сожжены.
Если жалко, почему же гибнут без вины?
Есть такие, что и рады, как награды ждут —
Гибели, добычи легкой, ссоры и войны.

Вороны всех известили карканьем давно.
Коршун кружится над кровью, как веретено.
Ястреб по небу гоняет медленных сорок
С криком: «Подлые, вам горе, радость — всё равно!»

В час, когда из скакуна кровь уже лилась,
То казалось, что природа горем обожглась,
Мухи черные слетелись, радуясь, гудя,
Так гудели, как гудел Сагынаев ас.

Плачет бедный наш Ахан, от горючих слез
В душный ком на свете всё для него слилось.
Плачет он, и небо тучей черной замело,
Плачет он, и слезы льются на озерный плес.

Плачет он, над ним летит ветерок степной,
Ереймен-гора стоит черною стеной.
Плачет он. Пускай он скажет все свои слова. . .
О другом теперь расскажем мы в главе иной.

ЧЕРНАЯ СИЛА

Кони все уже вернулись, выдохнули хрип.
Праздник стих на Ереймене, тает пыльный гриб.
Толпы потекли в лощину Жыланды теперь,
Воскликая: «У Ахана Кулагер погиб!»

Темной тучею спустились в Жыланды-овраг,
Кулагера обступили — не пройти никак.
Голос бедного Ахана разрывал сердца,
Сердцем каменел один затаенный враг.

Не сказал никто Ахану: «Перестань-ка, брат», —
Люди скорби не нарушат, молча постоят,
Близко даже не решились подойти к нему,
Будто в этом горе каждый чем-то виноват.

Тут и враг в толпе скрывался, взглядом егозя.
А друзья склонились низко, плакали друзья.
Шире растеклась толпа по лощине вдаль,
Люди знали, что Ахана прерывать нельзя.

«Кулагер любимый, в горе твой Ахан.
Дальше будет тяжелей. Если б ты слышал!
Скакунов немало знает милый край,
Но такого нету. Кулагер, вставай!

Бай-ай-ай.

Твой отец тулпаром был и орлицей — мать,
Смог архаров восемь штук я с тобой догнать.
Ты дороже жизни был, мой любимый друг.
Как смогу теперь развеять горя черный круг!

У тебя орлица мать и отец тулпар,
Помнишь день — от нас восьмой не ушел архар.
Ты моей душою был, мой крылатый конь.
Не найду такого, догорел огонь. . .

Жеребенком малым был, плакал на заре,
Был березкой стройной, росшей на горе.
В скачках я тебя пускал — шел всегда вперед.
И от приза твоего богател наш род.

Да, в тебе, двухлетка-конь, всё уже сбылось,
Были мускулы крепки, о высокий лось!
О тебе во сне я думал, ночи торопя.
Я совсем завяну, потеряв тебя.

Словно камень, я ослеп, мир не узнаю.
Плачу по тебе, держа голову твою.
А мулла как ворон в обществе сорок,
Он благословил Кораном твой последний срок.

Ты зрачок мой, Кулагер, ты моя судьба.
Словно ручка чашки — нижняя губа.
Приз для караульцев, атыгайцев брал,
Что с тобой случилось, славный мой марал?

Был с тобою на байге мальчик — худ и мал.
Одеяло под себя малый подстилал.
Не забуду, как скакал в Акылбая ас, —
Там верблюдицей-инген наградили нас.

Как мехи, дышала грудь на кругах байги.
Ты копытами в земле выбил очаги.

Стал я одиноким, не прощусь никак. . .
Погубил надежду злобный враг!

Отпускал тебя сегодня радостно в байгу
И стоял с надеждою в дружеском кругу.
На аргынцев всё же я глядел не раз:
На тебя не пал бы их зловердный сглаз!

Я тебя скакать отправил с легкою душой,
Всё же что-то чудилось, глаз пугал чужой.
Кулагер, всем сердцем я с тобою был. . .
Из засады тайной гад тебя убил!

Кулагер, мой милый друг, ты моя душа.
Был моим пристанищем — лучше шалаша.
Дьявол выгнал в Ереймен байгу посмотреть.
Тут и караулила злая смерть!

А меня зимовка ждет — там, где Сырымбет.
Шлю тебе, убийца, тысячу бед!
Говорили мне: «Не ездь далеко, поверь».
Как в глаза родные посмотрю теперь?!»

Люди начали, жалея, утешать певца,
Но Ахан не поднимает слезного лица.
Окружившие Ахана плачут вместе с ним,
И дрожащие он слышит рядом голоса.

Душу бедного Ахана душит знойный пыл.
Есть ли дело до того — кто и как убил!
Конь погиб, какая польза в имени врага,
О враге сейчас подумать не хватает сил.

Кто уговорить способен: «Ну, Ахан, не плачь».
У мальчика глаза распухли.
Всё же — кто палач?
Ярость в людях закипает, мальчика трясут.
«Видел всадника в долине, он пронесся вскачь!»

Люди тесно окружили юных ездоков.
Что-то смутно вспоминают. Помогите им бог.
А в толпе сорвался голос — кто-то прошипел:
«А чего пытаться ребят? Сам упал и сдох!»

Кто сказал? Взлетела ярость — ходит перетолк.
Дьявол бил по Кулагеру, а теперь он смолк,
Прячется с рукой кровавой за чужой спиной
Резавший овцу матерый, черногубый волк.

Слеп Ахан от причитаний, от горячих слез.
Но под натиском расспросов, ласки и угроз
Описали всем ребята белого коня —
Белый конь и черный всадник! ..
Так и началось.

— Белый конь?

— Как будто снег!

— Черный всадник?

— Да!

— А потом?

— Рванулся Ястреб, обогнал тогда... —

Обступили все мальчишку. . .

Зрело у людей

Подозренья — от кого хлынула беда.

Люди сразу догадались: это Батыраш!
Закричали: «Не получит приза Ястреб ваш.
Батыраш, кого послал — выдай нам теперь!
Что сторонники твои подняли ералаш?»

Сивую свою бородку Батыраш дерет.
На керейцев напирает, разевает рот:
«Конь какой-то — проклят будь! — на дороге сдох.
За воров нас принимают! Что тут за народ! ..»

Люди грозно проклинают. Смяли тишину.

Все идут на Батыраша и грозят ему.

— Кун героя пусть заплатит за того коня.

— Пусть заплатит, как за девять, за одну вину! .. —

Так его язвили люди, звали подлецом.

С хрустом кулаки сжимали пред его лицом.

Плотно сдвинулись казахи, яростью горя.

Тучи грозные нависли, сжав его кольцом.

Бня здесь никто не слушал, не страшил и бек.

Будто море всколыхнулось и взяло разбег.

Крики гневные летели из лощины в степь.
Ощущал и гнев и боль каждый человек.

Даже кто не знал Ахана, так и те, крича,
Проклинали преступленье, подлость палача.
И отплевывались молча старики, презрев,
Мог ли кто-нибудь такое сделать сгоряча!

Мечь джигитов накалила прямо добела,
Женщины запричитали, степь накрыла мгла.
Чистая душа народа, в ярости дрожа,
Не могла простить убийцам черные дела.

И никто не заступился, не закрыл щитом,
Хоть и был он из аргынцев каждому знаком.
Окружили Батыраша, требует народ:
«Ты не слал убийц? Клянись на Коране в том!»

Пыль у озера Косак замела луга.
И облизывали волны в жажде берега.
«Кости предков опозорил! — говорят вокруг. —
Ты поминки нам испортил — подослал врага!»

Оскорбленные керейцы наступали зло,
Пламя гнева за собой бедняков вело.
Словно с привязи сорвались люди, гнев душил,
Им сердца страдание подточить могло.

«Хоть Ахана мы не знаем, но ведь мы — народ!
Батырашцев взять должны мы крепко в оборот.
Смыть с себя вину должны мы. . . Как нам поступить,
Если нападет на нас караульский род?»

Мы — казахи и не стерпим тягостных обид.
Плачет одинокий гость! Кулагер убит!
Окровавим мы убийцу, дайте нам его!»
Вызывают Батыраша: «Где он, твой наймит? . . .»

Батыраш не отвечал на людской допрос,
Руки в рукава засунул, будто сильно мерз.
Шум великий нарастал, и гудела степь,
Да и вечер примиренья тоже не принес.

Вот аргынец на керейца яростно напал,
Кажется, вот-вот и вспыхнет битва — ас пропал.
Отпираются алтайцы, не берут вины.
Не доказано злодейство, ослабел запал!

Батыраш не уступает, зол его оскал.
Тяжестью своих джигитов землю прогибал.
С норовом его порода, он упрям, гордец,
Есть еще такие тигры средь высоких скал.

И когда Ахан оглох от беды такой,
И когда притих народ, наступил покой, —
Пред уездным и Окасом, встав к толпе лицом,
Зло ударил Батыраш по земле ногой.

«Эй, роды Керей, Уак и Найман! Сейчас
Что за пар такой особый распирает вас?
Быродки аргынцы, знайте — конь уже подох!
Вы кого винить посмели? Или нету глаз?

Вы держитесь от Алтая лучше в стороне,
Всякие керейцы там — по колено мне!
Ну-ка, только попытайтесь не отдать мне приз,
Осквернить благословенье, веря болтовне! . .

Раскричались, Батыраша в гибели вина.
Что ж, считайте — я прирезал, отобрав, коня!
Хватит сил — отрежьте ухо. Справитесь со мной?
А не можете, зачем же шум и толкотня? . .

Посмотрю, как не дадите приз мне за байгу.
Я на асах на других отплатить могу.
Насидитесь на зимовках на своих молчком.
Приз возьму, хотя б пришлось разгромить Арку! . .»

И затрясся, кончив ругань, бешеный старик.
Приутихли все керейцы, подавили крик.
Слыша вопли Батыраша, полные угроз,
Начал отступать народ, разошелся, сник.

Успоконлось, притихло озеро Косак.
Толпы раскололись сразу, робость в голосах.

Но Ахан над Кулагером одиноко стыл,
Припадая к темной ране, где прошел тесак.

Серый Ястреб шел гарцуя, шел на поводу,
Увели его алтайцы, злились на ходу.
«Дьявол с вами, с вашим призом!» —
крикнул Батыраш.
И увел своих джигитов, отведя беду.

Вот Окас пошел за ними — так оно верней,
И Шаблан из Алатау.
Сделалось темней.
И никто уже не видит мертвого коня. . .
Для уездного начальства запрягли коней.

Кто уехал — не вернется, лучше не зови.
Разъезжались, степь чернили, словно муравьи.
Говоря о Кулагере — мертвом скакуне,
Так разъехались в края разные свои.

Горсточка людей осталась, тихая от мук.
Исчезал в степи копытный дальний перестук.
Вот Ахан от слез очнулся. . . .
Степи пронизал
Резкий, как у жеребенка, душу рвущий звук.

Эх, скакун, — почет героя и богатство ты,
Эх, скакун, — героя крылья, мужество, мечты.
Если гибнет конь бедняцкий — гибнет и бедняк.
Он уже наполовину в мире немоты.

ПЕСНЯ-ПЛАЧ О НЕСЧАСТНОМ КОНЕ

Солнце село. Пали тени на траву Арки.
Волны озера, как горе, были глубоки.
Расставаясь с Кулагером, скорбно пел Ахан,
Люди плакали от горя, души сжав в тиски.

«Кулагер мой, ты лежишь. Я просил — вставай!
Не встаешь, хотя рыдает весь родимый край.
Сколько в мире я терпел при тебе обид!
Сколько без тебя теперь горя предстоит! . .

Бай-бай-бай-ай,
Бай-бай-бай-ай. . .

Кулагер, ты бегал — вот твои следы.
Навсегда останешься в яме Жыланды.
Разлучен хозяин твой с другом навсегда,
Да была ль на свете большая беда? . .

Кулагер, скакун чудесный, милый мой Пыраг,
Не скажу я больше: «Успокойся, ляг».
Ты ничей отныне, всеми позабыт.
Ворон из Корана над тобой бубнит.

Глаз твоих больших, как плоски, не увижу я.
Как могу уехать в дальние края?
Псам не дам обнюхивать голову твою,
Сам ее от всех людей тихо утаю.

Кулагер, прощай мой конь! Кулагер, прощай!
Не встаешь, хоть плачу я и зову — «вставай»,
Я подвешу высоко белый череп твой,
Чтоб его не заносило пылью вихревой. . .»

Горевал Ахан, колени скорбно преклоня,
Бережно с земли поднял он голову коня.
Все друзья одно сказали: «В горе человек».
«Ну и приз!» — враги смеялись, вновь его черня.

И уехал в ночь Ахан. . .
Сумрачен был путь.
Если мог бы хоть на миг он глаза сомкнуть!
Мальчик маленький сидел позади него.
Ехал, головой коня прикрывая грудь.

Не спеша он ехал вдаль с тихим сиротой.
Всё окутано вокруг летней темнотой.
И тогда запел Ахан песню «Кулагер»,
Ночь, дорогу оглашая грустной песней той.

Чтоб излить свою тоску, и печаль, и гнев,
Высоко поднял Ахан горестный напев.
Всё же песня — капля влаги, что летит в костер:
Чуть притухнет он, но вспыхнет, вновь запыленев.

Горькая печаль, тоска заставляют петь.
Больше сердце о коне начало болеть.
«Кулагер!» — кричала песня. Отзывалась ночь.
«Кулагер!» — вздыхая громко, повторяла степь.

Пел он, песнею будил горы и леса,
Заяц уши наострил, вздрогнула овца.
Лес и горы, степь и люди слушали его,
Кони головы подняли, стыли небеса. . .

Спал ребенок в колыбели, пробудился он.
К уху подносил старик, слушая, ладонь.
Девушки и парни смолкли у стенных кошар.
Слушали аулы ночью тот напевный стон.

Пел Ахан, пел Ахан, тишину гоня,
Песня к небу утекала, как струя огня.
И над всею степью был слышен этот плач.
Вместе с ним оплакивал весь народ коня.

Много он родов проехал, только ни в какой
Не направил он коня твердою рукой.
Прямо ехал, пел и пел песню «Кулагер»,
Степь рыдала и звенела болью и тоской.

Как увидел Кокчетау — всё оборвалось.
Знал родимые места Кулагер насквозь.
Землю, где последний раз Кулагер стоял,
Обнимал Ахан, оглохший от тяжелых слез.

Горы, скалы потемнели, скорбь его деля,
Капля каждая в ключах горькою была.
Разделив с Аханом горе, встретили его
Летний день, невинный ветер, чистая земля.

Вот высокую березу отыскал Ахан.
Здесь недавно Кулагер тихо отдыхал.
Высоко Ахан повесил голову коня.
Днем и ночью стон его тут не утихал.

Степи, горы Кокчетау он печалью жег.
На овраги и лощины мрак туманный лег.

Кулагера звал Ахан, одиноко пел,
Утешения найти и во сне не мог.

То, как дождик, плач его горы орошал,
То под небо поднимался, как суровый шквал,
То озера волновал темной глухотой.
То ходил Ахан без сна, то, как тень, лежал.

То безмолвствовал недвижно, горем потрясен,
То опять взлетала песня — человеческий стон.
Под березою ночуя или на камнях,
Словно череп на березе, высыхал и он.

Вот и лето отошло, осень шла в леса,
И последними дождями брызжут небеса.
Кокчетау надевает шапку до бровей,
И мышкует на джайляу юркая лиса.

В тихом озере покрылась тонким льдом вода,
И козлята подросли, стали — хоть куда!
И намордники телячьи сложены в углу,
И в порывах ветра людям чудится беда.

И грозят уже метели, воздух сыр и сер.
И пронизывал Ахана ветер — Кулагер.
Высоту его души обступил туман,
Радость давнюю подрезал горя острый серп.

Как курай, согнулся он, не глядит вперед.
Говорят теперь недаром: «Стал Ахан не тот».
Он стоит как дерево, то, что отжило,
Чуть качнет летящий ветер — тотчас упадет.

Жизнь проходит, красотой, счастием дразня.
Но молчит он, никого в этом не виня.
И бессильно опустились крылья у души,
И не знает он, что делать в мире без коня.

Нет любимого коня и любимой нет,
Нет и цели, и мечты потерялся след.
День и ночь о Кулагере пел и пел Ахан,
И не видется ни с кем дал себе обет.

Стыло разочарованье, жизни не искал.
Будто бы переродился, нелюдым стал.
Как в пустыне жил он, пищу на костре варил,
Одежонку в Бурабае чистом полоскал.

Если с выси Окжетпеса вниз помотришь вдруг —
Там береза, а на шей темный виден сук,
На суку белеет череп, длинный, как рука,
И поет в глазницах ветер, как кобыза звук.

Там Ахан печальный бродит...
Начиная сказ,
Мы, описывая череп, перешли на ас.
Это череп Кулагера — вещего коня.
А старик — бродяга этот — наш Ахан как раз.

Часто бродит наш Ахан у березы той,
Он к березе Кулагера ставил на постой.
И идут воспоминанья разные к нему.
Здесь стоит Ахан подолгу на траве густой.

Стало горе Кокчетау песней на века.
Стало вечною легендой горе старика.
По аулам ходят слухи: одержим Ахан,
Дьявол или дух нечистый — в нем наверняка.

Дни прошли, засохли листья, замерла вода,
Постарел уже Ахан, голова седа.
Он без рода, без друзей, без скота — один,
Жизнь свою он вспоминал, приходя сюда.

Он среди камней скитался в полуночный час.
Пыл далекой юной страсти в нем давно погас.
Лишь одно любил он место — это Бурабай.
Никуда не уходил он, белый череп пас.

Стал тщедушным он; как яма, провалился рот,
Он ослаб и плохо видит — дня не разберет.
Сильным, как верблюд, когда-то был певец Ахан,
А теперь — старик корявый, далеко не тот.

Ведь красавицы вздыхали по нему в Арке!
Голова его поникла — с солью на виске.

Будто бы прошло кочевье — сеть морщин на лбу,
Глаз слезится, как колодец, что в солончаке.

Был он словно Кокчетау — среди всех прямой.
И красавицы вздыхали — ах, красавец мой!
Славился в степи, в народе наш певец Ахан
Песней, что летела в небо, песней громовой.

А когда-то веселился, всяк джигитом звал,
Песни, смех его веселый смысл тяжелый вал.
Словно осень Кокчетау, он понур и пуст.
На джайляу темной грусти он откочевал.

Вспомнит он о Кулагере — душу рвет бедой,
Съежившись, сидит на камне, словно козодой.
Не нашел покоя в людях, отыскал в горах,
Гордым он душой остался, будто молодой.

Голос гордого Ахана слышен нам из тьмы —
Скалы заставлял звенеть, волновал умы.
Кулагера смерть лихая болью в нас жива,
Ведь его мечтой казахов называли мы.

«Кулагер!» — кричал рыдая, «Кулагер!» — он пол,
Песен тех мотив высокий к душам прикипел.
Был серэ иль одержим был тогда Ахан —
Имени его народ смыть не захотел.

В час, когда вернулся он с мертвой головой,
С голоса его запел весь народ родной
Песню-плач о Кулагере, о степном коне —
Дети, женщины, табунщик ночью ветровой.

И в Арке в честь предков скачки были в те года.
Для котлов свой скот народ отдавал тогда.
Там, на асе Сагыная потеряв коня,
Наш Ахан оделся в траур, в траур навсегда.

Полилась о Кулагере песня над грядой,
О сраженном в Ереймене тяжкою бедой.
Разлетелась песнь повсюду — по степной Арке,
В Алатау, в Семиречье, за Балхаш седой.

Потеряв коня, устало шел в аул Ахан,
Подарил он свою песню горным пастухам,
А народ, что был на асе, далеко понес
Песню ту о Кулагере, мокрую от слез.

И оплакивал народ мой всюду скакуна.
Пели соловьи народа, пела вся страна.
«Кулагер» — певцы напев возносили ввысь.
«Кулагер» — домбра рыдала — каждая струна.

Говорили про коня: «Это — цвет коней!»,
А про песню: «Пусть поплачет», плача вместе с ней.
Про убийцу говорили: «Проклят Батыраш!»,
И корит его народ много-много дней.

Наш Ахан батыром грозным не был, это да,
«Кулагера другом» — назван был он в те года.
Песня прошлому грозила, чтоб в грядущих днях
Не было в степи злодейства больше никогда.

1936

САБЕН СЕЙФУЛЛИН

ПОЭЗИЯ САКЕНА СЕЙФУЛЛИНА

1

Имя выдающегося поэта-революционера, крупного общественного деятеля Сакена Сейфуллина (1894—1938) принадлежит к числу наиболее популярных в казахском народе. Произведения его пользуются известностью и любовью широкого читателя.

Творческий путь С. Сейфуллина неразрывно связан с зарождением и становлением новой казахской литературы в целом, особенно в первое послеоктябрьское двадцатилетие. В национальном искусстве слова Сакен первый воспел социалистическую революцию и вызванный ею к жизни мир новых, социалистических отношений, этических норм, идей и чаяний. За идеалы коммунизма он боролся винтовкой и пером. Пламенные, полные революционной страсти стихи поэта вдохновляли первое поколение советских людей на подвиги и на труд.

Находясь в рядах Коммунистической партии с пламенных лет Октября (с февраля 1918 года) до последнего дня своей жизни, С. Сейфуллин горячо пропагандировал великие идеи ленинизма, боролся за утверждение социалистических преобразований в Казахстане. За 25 лет творческой деятельности им созданы сотни стихотворений, более десяти поэм, романы и несколько повестей, многочисленные рассказы, пьесы, очерки, статьи, научные исследования. Темы и идеи для своего богатого и разнообразного творчества писатель черпал в борьбе и труде родного народа, строящего новую, светлую жизнь. Его произведения пронизаны правдой Великой Октябрьской революции, одухотворены достижениями социалистического строительства.

Характер творческих поисков Сакена Сейфуллина во многом определяется его биографией. Поэт родился в 1894 году в кочевом казахском ауле Нильдинской волости Акмолинского уезда (ныне

Жана-Аркинский район Карагандинской области). В возрасте 11 лет он был отправлен в Нильдинский рудник для обучения русской грамоте. В 1908—1913 годах Сакен учился в Акмолинске (ныне Целиноград) сначала в приходской школе, затем в двухклассном училище.

Находясь в рабочей среде и постоянно общаясь с трудовыми людьми, молодой Сакен еще в бытность свою на Нильдинском руднике проникся ненавистью к социальной несправедливости и неравенству. Впоследствии поэт писал: «В Нильды я провел три года. Уроки я получал, с одной стороны, в школе, с другой стороны — черпал знания из жизни: видел, как работают в кузне, как трудятся люди в шахтах под землей, как тяжело приходится им и наверху, где они воздвигают горы из каменного угля и руды; бывал в общежитиях, в домах рабочих, знал их быт. Много слышал от них. Все это оставило во мне неизгладимые впечатления».¹

В 1905 году Сейфуллин впервые оказался свидетелем редкого события в казахской жизни тех лет — забастовки рабочих. Это было революционное выступление рабочих Нильдинского завода — одного из отрядов малочисленного тогда пролетариата Казахстана.²

В 1913—1916 годах Сакен учится в Омске в учительской семинарии. Этот период имел чрезвычайно важное значение для всей его жизни и творчества. Как известно, Омск в то время был административным и культурным центром Западной Сибири и одним из центров революционной борьбы против самодержавия. Еще во второй половине XIX века сюда ссылали людей, недовольных царским режимом. Но и находясь в ссылке, они способствовали распространению передовых идей. Здесь учился и воспитывался первый казахский ученый, демократ-материалист Чокан Чингисович Валиханов, на формирование мировоззрения которого решающее влияние оказали ссыльные революционеры, русские ученые и писатели. В начале XX века в Омске, где вырос значительный отряд рабочего класса, утверждаются и развиваются революционные традиции. Молодежь города также приобщалась к политической борьбе. Ученившийся тогда в кадетском корпусе В. В. Куйбышев руководил политическими выступлениями учащихся в годы первой русской революции. Идеи борьбы с царизмом широко распространились и среди студентов учительской семинарии. В годы подъема революционного движения они принимали участие в массовых забастовках и демонстрациях. Сейфуллин, прибывший в Омск в это время, не остался

¹ «Советские писатели. Автобиографии», т. 2, М., 1959, стр. 313.

² См. об этом: «История Казахской ССР», т. 1, Алма-Ата, 1957, с. 502.

в стороне от бурных политических событий. Факты говорят о том, что здесь он был связан с революционно настроенными людьми, в том числе с писателем-большевиком Феохтистом Березовским. Сакен был одним из активных членов студенческой организации казахской молодежи «Единство» и часто выступал на ее тайных сходках. На одном из собраний он заявил, что в случае революционного переворота члены группы «Единство» выступят с оружием в руках на стороне русского пролетариата. Политическая активность поэта была замечена царской жандармерией. Он оказался под наблюдением охраны. Интересен тот факт, что 27 октября 1914 года педагогический совет учительской семинарии принимает решение, запрещающее «отлучаться Сейфуллину из интерната после шести часов вечера в течение второй четверти».¹

Первоначальные поэтические опыты молодого Сакена относятся именно к этому времени. В 1914 году он издает в Казани первый сборник стихотворений «Минувшие дни».

Дореволюционная поэзия Сейфуллина входила в общее русло прогрессивной демократической литературы. Он откликнулся почти на все актуальные вопросы, которые поднимала передовая литература того времени. Молодой Сакен горячо поддержал демократическое просветительское направление в литературе, представленное именами выдающихся казахских писателей и поэтов дооктябрьского периода — Султанмахмутом Торайгыровым, Мухамеджаном Сералиным, Сабитом Донентаевым, Испандияром Кубеевым. Традиции передовой реалистической литературы, основанной Ибраем Алтынсаринным и Абаем Кунанбаевым, таким образом, стали близкими и дорогими для поэта.

В сборнике «Минувшие дни» затронуты различные стороны казахской жизни. Молодого автора уже тогда волновали социальные проблемы. Он задумывается над судьбой родного народа, горько стонет на тяжелую жизнь казахской бедноты, изнывающей под гнетом феодально-патриархальных отношений в условиях беспробудной тьмы, невежества и одряхлевших обычаев. В стихотворении «Сон» заброшенный сад символизирует все старое, отжившее. С надеждой обращает Сакен свои взоры на молодое поколение, которое может повести народ к светлому будущему:

А нужно, чтобы лозы в нем росли,
День ото дня цвели бы без тоски.
Аллах, дай молодости в счастье жить!
Молюсь за неокрепшие ростки.

¹ Омский областной архив, фонд 115, ед. хр. 101, св. 6, с. 98.

В начале XX века некоторые поэты-демократы отсталость и нищету народа объясняли отсутствием вождя, способного возглавить народ. Они бичевали казахских правителей, глухих к народному гору. В стихотворении «Кто поведет мой народ?» С. Сейфуллин также затронул эту волнующую многих тему. По мнению поэта, во главе народа должны стать герои, готовые ради него жертвовать своей жизнью, вести трудовые массы вперед, к знаниям, к культуре.

Общественную жизнь молодой поэт оценивает с просветительских позиций. Бичуя невежество, Сакен призывает народ учиться, прибегать к достижениям науки и культуры. Противопоставляя феодальной косности искусство и науку, он подчеркивает силу и преобразующую роль знаний. Именно такие мысли пронизывают его стихотворения «Исповедь казаха», «Брату», «О невежественных баях» и др.

Агитационный характер этих стихотворений свидетельствует о том, что они написаны в традициях демократической литературы. Призыв молодежи к овладению знаниями, ожидание от нее полезных дел для будущего народа и другие передовые идеи, присущие стихам Сейфуллина, были главными и в произведениях Ибрая Алтынсарина, Абая Кунанбаева, Султанмахмута Торайгырова, Сабита Донентаева и других поэтов-просветителей. И. Алтынсарин страстно призывал родной народ равняться на культурные, передовые народы, которые строят «каменные дома», «мигом получают вести из далеких стран», «как рыба плавают в морях, как птицы летают в небесах». С. Донентаев в стихотворении «Земля», повествуя о Земле, на которой «живет свыше полутора миллиардов людей», говорящих на тысяче языков, с горечью отмечал, что среди них самый отсталый народ — казахи. Задевая честь народа, поэт хотел разбудить в нем стремление к культуре, к знаниям, прогрессу.

Просветительские стихи С. Сейфуллина дополняют этот мотив дооктябрьской демократической культуры. Многие из них построены как монолог поэта, обращающегося к молодому джигиту-казаху, в других поэт бичует невежественного бая, степного богача. И в тех и в других произведениях Сейфуллин настойчиво разъясняет значение образования, культуры.

«Минувшие дни» покорили читателей жизнелюбием автора, его любовью к родной природе. В стихотворениях «Родной край», «Нура», «Перекочек на джайляу», «Пьют кумыс на джайляу» поэт создает красочные картины природы. Однако в ранних стихах этого цикла чувствуется незрелость и ограниченность мировоззрения

автора. Юноша-поэт только любит кочевую жизнь казахского аула, поле его зрения еще узко. Он описывает лишь то, что лежит на поверхности явлений, не замечает некоторых темных сторон кочевого быта казахов.

Следуя заветам просветительской демократической литературы, молодой Сакен считал тогда своим учителем великого Абая. В искусстве стихосложения он многому научился именно у него. Особенно часто подражал молодой поэт своему учителю в любовной, интимной лирике. «Незабвенная», «Любимой» и ряд других стихов написаны под влиянием любовной лирики Абая.

Связь Сейфуллина с журналом «Айкап» — еще одно важное свидетельство близости молодого поэта демократическому направлению казахской литературы начала XX века. «Айкап» был наиболее последовательным изданием в дореволюционном Казахстане. Демократически настроенные писатели объединились вокруг этого прогрессивного издания. Редактором и издателем журнала был известный журналист, поэт М. Сералин. Работали и печатались в «Айкапе» передовые поэты С. Торайгыров и А. Галимов. Часто публиковались на его страницах и стихотворения С. Донентаева. Молодой Сакен также стал одним из активных авторов «Айкапа». В журнале печатались его заметки, информации, стихи, критические статьи. Статья Сейфуллина «О драме „Манап“», посвященная драме И. Лихачова, напечатанной на страницах «Айкапа», была одной из первых работ, свидетельствовавших о зарождении казахской литературной критики.

В предреволюционные годы С. Сейфуллин сформировался как поэт-лирик. Творчество его становилось все более самобытным, своеобразным. Поэт как бы наметил две тропинки в своей лирике. Первая идет от фольклора и поэзии Абая, а другая — от классиков мировой поэзии. В 1915—1916 годах молодой поэт переводит ряд лирических произведений Саади, Адама Мицкевича и др.

После выступления казахского народа против царского угнетения в 1916 году Сейфуллин окончательно встал на путь защиты народных интересов. С этого времени поэт непосредственно участвует в революционном движении. Февральскую революцию 1917 года он встретил в ауле Слети-Бугули вблизи Акмолинска, где учительствовал в казахско-русской школе. После свержения царя он полностью поддержал большевиков и выступил против сторонников Временного правительства. Общественно-политическая и творческая деятельность С. Сейфуллина продолжается в Акмолинске. Из-под пера молодого поэта рождаются пламенные строки революционных песен.

«Революция — праздник угнетенных и эксплуатируемых», — говорил В. И. Ленин.¹ С. Сейфуллин был глашатаем этого праздника, певцом униженных и оскорбленных. Находясь в гуще революционной борьбы народа, он разделил и радость и горе родного ему трудового класса. Его революционные стихи родились в огне борьбы за свободу. В 1917—1918 годах он принимает активное участие в создании Совета рабочих и крестьянских депутатов в Акмолинске. Сакет был избран членом его президиума и комиссаром просвещения Акмолинского уезда. Он руководил молодежной организацией «Молодой казах», поддерживавшей революцию, и основал большевистскую газету «Жизнь».

Стихи С. Сейфуллина, написанные в годы революции, вошли в сборник «Неукротимый тулпар», изданный в 1922 году в Оренбурге. Это была первая книга поэта, вышедшая при Советской власти. Содержание книги всецело посвящено борьбе за новое общество. Рождение и становление политической, гражданской лирики в казахской советской поэзии было связано с поэтическим творчеством С. Сейфуллина, и первые ее успехи в этой области определяются высоким идейно-художественным уровнем стихов сборника «Неукротимый тулпар».

В самом образе неукротимого тулпара, давшем название сборнику стихотворений Сейфуллина, воплощаются творческие силы масс, разбуженные революционной эпохой. Лирический герой — борец, певец новой жизни. Оседлав неукротимого коня, он несет в казахскую степь отзвуки нового. Этот голос будит угнетенную, сонную степь от векового сна. Он зовет молодых к борьбе.

В посвящении читателям сборника поэт писал: «Тому, кто не рожден для расчетливости и корыстолюбия, кто не мечтает стать мироедом, кто, распрямив свои крылья, парит над Вселенной, взором орлиным взирая на мир; тому, кто огромною степью несется, как необузданный, дикий, крылатый скакун, ищущий счастья, — тебе, молодежь, посвящаю я эту песню!.. Запевайте дружнее! Пусть весь мир содрогнется от огненной песни, что так слаженно, сильно звучит!»

Поэт использовал древний традиционный образ казахской народной поэзии — образ неукротимого тулпара-скакуна и наделил его коренной чертой новой эпохи — горячим, дерзким характером. На этом скакуне поэт несет в аулы голос революции. Лирический герой,

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 11, с. 93.

пробуждающий на необузданном скакуне степь, находится в центре революционной поэзии С. Сейфуллина тех лет.

Революционный романтический пафос стихотворений, вошедших в сборник, их образная система свидетельствуют о несомненном влиянии на творчество казахского поэта великого буревестника революции М. Горького. Неукротимый тулпар, так же как и буревестник, — образ рожденный революцией. Позднее Сейфуллин писал: «Еще до революции мы, казахская молодежь, учились жить у великих русских писателей. Любимейшим из них был Горький. В 1916 году, учась в учительской семинарии, я восхищался и зачитывался произведениями Горького. Среди нас, семинаристов, любимейшими были «Песнь о Буревестнике», «Песнь о Соколе» и другие его стихотворения. Путь Горького уже тогда был идеалом для всех нас».¹

Впервые тему революции Сакен затронул в стихотворении «Мы спешно собрались в поход», написанном в марте 1917 года. Поэт приветствует свержение царя. Революцию он встречает словами:

Мы верили — придет расплата,
Мы солнцу ласковое встретим.

В стихотворении «А ну-ка, джигиты!» он призывает строить «новый мир, новую жизнь»:

С пылом юным
Бей по струнам!
С красноструною домброй,
Пробуждая
Степь до края,
Обойдем простор родной.

Многие стихи С. Сейфуллина автобиографичны. Если цитируемые выше вдохновенные строки написаны в дни борьбы за Октябрьскую революцию, то «Заблудившимся», «В заточении», «Мой крылатый скакун», «Если допытываешься — скажу...» и другие отразили настроение поэта, попавшего в руки врагов революции. Стихотворения «Побег из тюрьмы», «Подавленное настроение», «Предкам» написаны сразу же после побега Сейфуллина из организованного Колчаком омского концлагеря. А такие стихотворения, как «Марсельеза казахской молодежи», «В голодной степи», «Аул беглеца», «Товарищи», говорят о том, что поэт-воин снова вернулся на передний

¹ «Казахские писатели о М. Горьком». — «Литературный Казахстан», 1936, № 3, с. 84.

край революционной борьбы. Такова внутренняя связь между этими стихотворениями, составляющими единое целое.

Определяя широту восприятия поэта-лирика, А. С. Пушкин писал: «Нам приятно видеть поэта во всех состояниях, изменениях его живой и творческий дух: и в печали, и в радости, и в пареннях восторга, и в отдохновении чувств — и в Ювенальном негодовании, и в маленькой досаде на скучного соседа. . .»¹

Именно такое богатство и разнообразие чувств и раздумий воплощенных в живые образы, принес в казахскую поэзию Сакеи Сейфуллины.

В мае 1918 года иностранными интервенциями и белогвардейцами был организован контрреволюционный мятеж. Советская власть в Акмолинске была свергнута, руководители Совета захвачены в плен и переданы в руки Колчака. Пленные вынесли тяжелейшие лишения и муки в тюрьмах Акмолинска, Петропавловска, Омска. Атаман Анненков месяцами держал их в «вагоне смерти», многие, не выдержав выток, погибли. В марте 1919 года Сейфуллину удалось бежать из концлагеря.

Из поэтических произведений Сакеи этого времени видно, что ни плен, ни издевательства, ни угроза смерти не сломили свободолюбивый дух поэта. Он мечтает о том дне, когда снова, оседлав коня, ринется на врага, и заявляет, что никакие невзгоды не собьют его с избранного пути. Вот как звучат строки одного из его «темных» стихотворений:

Я пел бы радостные песни,
Да жизнь мне петь их не дает.
Но от земли до поднебесья
Передо мной весь мир встает —
Несправедливость, и обиды,
И торжествующее зло,
И люди, добрые лишь с виду, —
О, как на сердце тяжело!
И, видя неимущих слезы,
Слезами плачет грудь моя,
В очах моих сверкают грозы,
И песнь борьбы слагаю я.

(«Если допытываешься — скажу. . .»)

Стихотворения, написанные поэтом в тюрьме, близки патристической лирике Некрасова и Кольцова, а герой-пленник напоминает больнолюбивых героев поэзии Пушкина и Лермонтова.

¹ А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. 7, М.—Л., 1949, с. 435.

В стихотворениях С. Сейфуллина, вновь вернувшегося к революционной борьбе, сильнее прежнего стали звучать мотивы, близкие русской и мировой боевой революционной поэзии.

Вступай в ряды свободных граждан,
Пойдем дружнее на врага,
На бой мы выйдем вместе с каждым,
Кому свобода дорога.
Отмстим злодеям-мироедам
За годы тьмы, за годы зла,
Отныне нам пора пришла
Идти к решительным победам, —

писал поэт в «Марсельезе казахской молодежи» (перевод П. Карпа).

«Марсельеза казахской молодежи» и «Товарищи» созданы под непосредственным влиянием «Марсельезы» и «Интернационала»; пламенный призыв к борьбе, умение воссоздать дух времени, пробудить священное чувство ненависти к угнетателям, вдохновить на бой, четкий, энергичный ритм стиха — все это сближает стихотворения с революционной поэзией русского и западно-европейского пролетариата. Многие песни поэта в казахских аулах воспринимались тогда и пелись как гимны новой жизни.

Сборник «Неукротимый тулпар» — творческое кредо поэта, своеобразный поэтический манифест, ясно демонстрирующий твердую позицию Сакена. Смысл художественного творчества поэт видит в служении революции. Он становится пламенным трибуном, певцом новой жизни. Его страстная боевая поэзия помогает партии в трудном и важном деле — в воспитании человека.

Революционная героика наполнила поэзию Сакена качественно новым содержанием. Беспощадное обличение старого, пламенный призыв к строительству новой жизни, поиск новых художественных форм — вот отличительные черты лучших стихотворений С. Сейфуллина тех лет.

3

В 1920 году С. Сейфуллин принимает активное участие в работе оргкомитета по образованию Казахской Автономной Советской Социалистической Республики и на первом съезде избирается членом президиума КазЦИКа. Работал он заместителем наркома просвещения, редактором газеты «Енбекши казах» (ныне «Социалистик Казахстан» — орган ЦК КП Казахстана), а на III съезде Советов, в 1922 году, был назначен Председателем Совета Народных Комисса-

ров КазАССР. С. Сейфуллин дважды избирался членом ВЦИКа и был делегатом многих партийных съездов.

В течение ряда лет находясь на высоких правительственных постах, Сейфуллин никогда не забывал о своей миссии поэта. В советское время он стал признанным певцом социалистической новь. Первые успехи нашей страны на пути к социализму окрыляли поэта, воодушевляли его на создание новых произведений. В двадцатые годы Сакен издал ряд сборников стихов и поэм: «Домбра» (1924), «Экспресс» (1926), «Организация и трудовой договор — защита бедняка» (1926), «На волнах жизни» (1928), «Кокчетау» (1929) и др.

Развитие казахской литературы в 20-х годах происходило в сложнейших условиях. Нелегко давались революционные преобразования народу, сильно отставшему в политическом, экономическом и культурном отношении. Коммунистическая партия проводила в стране мероприятия по строительству социализма, учитывая местные условия и особенности, привлекая казахских крестьян на сторону Советской власти постепенным, терпеливым разъяснением своей политики. Нельзя сбрасывать со счета и то обстоятельство, что в течение десятка лет (вплоть до 1928 года) имущество казахских баев не было конфисковано и они удерживали в своих руках значительную часть национального богатства; они оказывали также и некоторое идеологическое влияние в области литературы и искусства.

Поэты-националисты яростно ненавидели простой люд, потоками грязи обливали Октябрьскую революцию, большевиков, злобно сопротивлялись приходу в казахскую степь новой жизни. Они искали темы для своих произведений в далекой старине, идеализировали жизнь ханов и баев. Восторженно, умиленно вспоминали «всеселье» прошлых дней и оплакивали дорогое для них, но уже безвозвратно ушедшее время, тосковали о «дорогом, старом мире» феодальных порядков.

Наряду с этим писатели-националисты и сочувствующая им часть старой интеллигенции объявили открытый бой на литературном фронте, стараясь препятствовать росту молодых кадров казахской советской литературы, уничтожить ее молодую поросль. В этой борьбе они не брезговали ничем, жестоко травили молодых литераторов, преданных Советской власти, издевались над ними. Основной мишенью классовых врагов был Сакен. Пытаясь заглушить голос революционного поэта, буржуазные литераторы чернили его произведения, писали о нем разгромные статьи и рецензии. В творчестве С. Сейфуллина 20-х годов выделяются идеи борьбы с национализмом и вековой отсталостью. Он боролся со всем старым, отживающим, воспевал новое, революционное. Любую тему поэт раскрывал с боль-

шевистских партийных позиций, остро и тенденциозно. В своих пламенных статьях отстаивал принципы партийности и народности.

Нетрудно заметить в произведениях Сакена той поры внутреннюю полемику автора с идеализацией старины, непримиримое его отношение ко всему антинародному, многие его стихотворения написаны как ответ и опровержение националистам.

Сакен выступил против тех, кто боялся индустриализации, паровоза и автомобиля, вошедших в трудовой быт народа. Если поэт-националист М. Жумабаев представлял паровоз как необузданную железную стихию, которая уничтожает все на пути и несет смерть кочевникам-казахам, Сакен показывает советскую технику как нечто принципиально новое, демонстрирующее силу, мощь новых общественных отношений. В стихотворениях «В полете», «Самурык» слышится гордый клич молодого большевика, взлетевшего в бурное небо. Там, с вышины, он ко всему миру обращается с лозунгами мужества и труда. А внизу, на земле, «клопами лезли в щели господы всех рангов, званий и пород». В стихотворениях «Автомобиль», «Вороной скакун» звучит голос нового, врывающегося в аулы, где еще сильно прошлое.

Стихи С. Сейфуллина о природе были поэтическим ответом на произведения того же М. Жумабаева. Разочарованный в жизни, погруженный в тоску, Магжан Жумабаев изображал свою родную степь то в виде трупа, то в траурном одеянии. В противовес Магжану, Сакен рисует яркий степной пейзаж, полный шумов новой жизни, радости обновления. В известной поэме «Кокчетау» Сейфуллин также выступил против М. Жумабаева, который в поэме «Батыр Баян» связывал красоту Кокчетау, его природу с феодальным укладом, идеализировал кочевую жизнь, «батырские традиции» ханской эпохи. Сакен воспел живописную природу Кокчетау, связав ее с историей трудового народа, с его борьбой за лучшее будущее.

В лирических стихотворениях этого периода С. Сейфуллин выступает как поэт-новатор, отразивший в своем творчестве героический дух эпохи. Он не только изобразил изменения в общественной жизни, но и определил основные принципы искусства нового времени. В таких стихотворениях, как «Борец за наше дело», «Юному казаку», «Наша Сауле», «Девушка из совпартшколы» и других, поэт воспекает новых людей, воспитанных Советской властью, выросших в условиях равноправия и свободы. Он беззаветно верит в силу народа, вступившего в новую общественную жизнь, в прозорливость коммунистической партии.

В стихотворении «В ком энергия бьется» поэт подчеркивает силу возрожденного Октябрем народа, силу, способную обновить

весь мир. Он пишет, что только тот может выполнить эту трудную задачу,

В ком энергия бьется, как горный поток,
В ком отвага сверкает, как молний клинок,
В чьей груди столько сил, сколько сил у тулпара,
Чей полет, как у сокола в небе, высок.

В казахской поэзии С. Сейфуллин первым воспел В. И. Ленина. Он был единственным казахским поэтом, который еще при жизни великого вождя, в 1923 году, посвятил ему стихотворение. В январе 1924 года в связи со смертью В. И. Ленина Сейфуллин был в Москве в составе делегации Казахстана (как председатель Совнаркома КазАССР). В эти трудные для родины дни Сакен написал взволнованные стихотворения «Траурный день», «Скорбная весть». Глубокая скорбь, невосполнимая утрата сжала, как тисками, грудь поэта, но он находит в себе силы сказать:

Отметим горечь этих дней,
Сплотив ряды еще тесней
Вокруг знамен непобедимых
Великой партии своей.

(«Траурный день»)

Посвятив свой поэтический талант делу революции, разработке гражданской темы, Сейфуллин стал выдающимся казахским поэтом-лириком.

Его лирика в тематическом и жанровом отношении богата и разнообразна. Проникновенно воспел он красоту природы родного края, тонко выразил в своих стихах неистребимую любовь к родине и неугасимое чувство сыновней благодарности. При этом он всегда стремился показать богатство души советского человека, пробуждение в нем нового сознания, формирование новых общественных идеалов. В большинстве случаев чувства лирического героя раскрываются и определяются его общественной позицией.

Рисую картины родной природы, Сейфуллин всегда связывает их с чувствами и настроениями человека-борца, преобразующего жизнь.

Поэт обновляет традиционный образ степного ветра, который разносит новости, — делает его вестником свободы и счастья («В степи», «На холме», «Пороша»). Ветер становится символом чистоты и девственной красоты родной природы. Во многих стихах сборника «Экспресс» поэт рисует природу как источник богатства родного на-

рода. Пейзажная лирика С. Сейфуллина утвердила в казахской литературе новый принцип подхода к воспеванию и изображению природы.

О неразрывности, единстве красоты и любви говорят поэмы «Разлученные лебеди», «Раненая сайга», «Песня о лашине». Первое из этих произведений можно назвать легендой о романтической любви, исполненной высокой гуманистической идеей. С отвращением и нескрываемым презрением рисует автор охотника-браконьера, который своим коварным выстрелом разрушил любовь и оборвал жизнь лебедей. Выстрелить в красавца лебедя или быстрого сайгака — это значит стрелять в красоту. Эти произведения, призывающие любить и ценить красоту, воспевающие идеи гуманизма, в какой-то мере характеризуют и самого поэта, тонкой души человека, самоотверженно любящего жизнь гражданина и вдохновенного певца.

Таким образом, уже в 20-е годы С. Сейфуллин намного расширил границы казахской лирики, внес в нее яркое поэтическое и гражданское чувство, богатое общественное содержание.

Из эпических произведений Сакена Сейфуллина двадцатых годов следует выделить поэмы «Советстан» и «Кокчетау».

«Советстан» (1925) является образцом публицистической поэзии, созданным под несомненным влиянием Маяковского. Подобного произведения в ту пору в казахской литературе еще не было. Поэт воспел советскую действительность, мчавшуюся вперед подобно скорому поезду-экспрессу. С гордостью отметил он достижения советского строя за восемь лет. Поэма пронизана радостью счастливого советского человека — творца и соиздателя этих успехов.

Союз наш — экспресс, он летит по мостам,
По свежим лугам, по широким полям.
Страны нашей лучшей
Народы могучи,
Свободны, как тучи, —
И это отлично известно врагам.

Поэтика С. Сейфуллина, сформировавшаяся под влиянием новаторской поэзии Маяковского, оказалась естественной и на казахской национальной почве. Достижения Сейфуллина-поэта явились грандиозным событием в казахской литературе. В соответствии с характером эпохи Сакен создает новый образ — образ экспресса, заменивший в его поэзии традиционного тулпара. Ритм движения несущегося поезда передает напряженный ритм строительства новой жизни.

В поэме «Кокчетау» Сакен воссоздает действительность далекой эпохи, раскрывает классовые противоречия патриархально-феодалного общества и осуждает разбойничьи набеги хана Аблая на мирные аулы соседних народов.

Главная героиня поэмы — пленная девушка-калмычка, попавшая в руки ханских воинов во время набега. Когда хан Аблай приступает к дележу доставшейся войску добычи, между его сарбазов вспыхивают распри из-за девушки-пленницы: каждый из сарбазов хочет владеть ею. В спор вмешивается сам Аблай и предоставляет право выбора жениха самой пленнице. А пленница просит прикрепить из вершины высокой скалы свой белый платок и обещает выйти за того, кто собьет его стрелой. Никто из сарбазов хана не может выдержать такое испытание. Скала остается недосягаемой для стрелы («окжет-пес»).

Пленницу заставляют поставить новые условия. Но и эти условия оказываются невыполнимыми.

Поэт не только сочувствует горькой участи девушки, но и создает образ человека из народа, вырвавшего ее из ханской неволи. Лишь батыру Адаку удастся выполнить условия девушки. Красавице, доставшейся ему, он разрешает вернуться на родину. Автор, таким образом, воспекает торжество справедливости над произволом и грубой силой.

В поэме мастерски нарисованы картины дивной природы Кокчетау, его гор, озер и лесов. И вместе с этим поэт воспекает социалистическую новь края, бывшего когда-то ставкой ханов, свидетелем тирании и произвола.

Философски осмысливая историю родного края, поэт доказывает, что происходящие социалистические преобразования являются закономерным результатом общественных сдвигов. Поэма проникнута патриотической гордостью, любовью к родному народу.

4

В тридцатые годы казахская поэзия вдохновенно воспевала успехи строительства социализма в нашей стране. Активно участвуя в общественной жизни, литература стала большой силой, возросло ее воспитательное и преобразующее людские души значение. Принимая активное участие в борьбе за социализм, художники слова все глубже изучали жизнь, что способствовало их творческому росту. Если в литературе двадцатых годов отразилась борьба трудящегося народа за новую жизнь, пробуждение личности, то литература три-

дцатых годов создавала образ нового человека, славил его героические дела, показывала великую преобразующую силу советского строя.

Особое внимание она уделяла раскрытию роли народа — создателя всех материальных ценностей, прокладывающего новый путь в истории человечества.

Особенности лирики С. Сейфуллина тридцатых годов тесно связаны со своеобразием литературы и жизни тех лет. Он с гордостью писал о принятии Советской Конституции («Золотая осень»), о дружбе народов в эпоху социализма («В горах Киргизского Алатау»), о новых душевных качествах советских людей («Человек»). Поэт поднимал голос протеста против поджигателей новой мировой войны («Представителям польского рабочего класса», «Гитлеру», «В Маньчжурин минами...» и др.), призывал к бдительности («Маузер»).

Социалистическому строительству Сакен посвятил две поэмы — «Альбатрос» и «Социалистан».

Радостные перемены в жизни страны вдохновляли поэтов Казахстана на создание новых произведений, славящих родину. В 30-е годы наравне с лирическими стихами были написаны эпические поэмы, в которых делалась попытка создать символический образ обновленной степи. Новая жизнь, быстрый темп общественного строительства передавались новыми образами, новыми поэтическими средствами.

Наиболее значительными произведениями казахской советской поэзии этих лет были «Степь» И. Джансугурова и «Альбатрос» С. Сейфуллина. Стиль и приемы раскрытия темы невиданных перемен в жизни казахов у этих двух поэтов, однако, совершенно различны. Если И. Джансугуров создает поэму, посвященную истории казахского народа («Степь»), то С. Сейфуллина интересуют закономерности рождения и развития социалистического общества. Автор поэмы «Альбатрос» (1933), приветствуя досрочное выполнение первого пятилетнего плана, славит успехи народа, строящего социализм. Символом эпохи становится в его произведениях экспресс, мчащийся с небывалой скоростью.

«Альбатрос» — поэма о Великой Октябрьской революции, вожде революции Ленине, о героических делах советского народа, строящего социализм. Безграничная любовь к Советской родине определяет идейно-художественную ткань поэмы. Показывая, как молодое советское государство под знаменем Ленина, мужая и закаляясь в борьбе с контрреволюционерами и интервентами, идет вперед, Сейфуллин создает исторически верную картину великой битвы за

укрепление завоеванной социалистической революции. В понимании поэта главная сила нового социалистического общества — это сплоченный под знаменем Ленина рабочий класс. Его идейное оружие — ленинизм. Победа Великой Октябрьской социалистической революции — свидетельство всепобеждающей силы идей Маркса и Ленина.

По теме и ее художественному решению «Альбатрос» Сейфуллина заметно перекликается с поэмой Маяковского «Хорошо!», а главы о Ленине — с поэмой «Владимир Ильич Ленин». Изложение событий в исторической последовательности, страстный гимн мужественному и напряженному труду советского народа — строителя социализма, жгучая ненависть к врагам, гордость за социалистическое отечество — все это сближает художественный метод Сейфуллина и Маяковского. Как и в поэме «Хорошо!», в «Альбатросе» основные этапы борьбы за построение социалистического государства раскрываются в эпическом плане. Вместе с тем вся поэма глубоко лирична, в ней нашли отражение чувства поэта, принимавшего личное участие в событиях тех пламенных лет.

Образ Ленина в поэме раскрыт в неразрывной связи с успехами социалистического строительства. В полном соответствии с исторической правдой Сейфуллин подчеркивает единство пролетариата и его вождя, и это придает поэме широкую эпичность, углубляет ее идейное содержание.

В органическом единстве лирики и эпоса, в слиянии индивидуальности героя с образом народа — важнейшее художественное своеобразие поэмы. Взволнованный голос автора, горячего патриота своей Родины, донес до нас беспокойный дух романтического времени, полного созидания и ожидания прекрасного.

Успех поэмы объясняется тем, что Сакен Сейфуллин правильно понял историческое значение коренных изменений в общественной жизни и сумел их отразить в художественном произведении. Не оставаясь в плену традиций старой казахской поэзии, автор нашел для новой темы новую поэтическую форму. Историко-философское содержание поэмы «Альбатрос», повествующей о путях и задачах общественного развития, было новаторским в казахской советской поэзии.

Большую популярность в народе имела поэма «Кзыл-ат» («Красный конь», 1934) С. Сейфуллина. Выступление с этой поэмой было актом гражданского мужества автора. Смысл этого произведения нельзя понять без знакомства с историей его создания.

В начале тридцатых годов, в борьбе за перестройку казахского аула на социалистический лад, в некоторых животноводческих рай-

онах республики наблюдались перегибы и искажения при проведении в жизнь партийных установок в колхозном строительстве. Это выразилось в основном в сокращении сроков коллективизации в районах республики, в форсировании, убыстрении темпов. Товарищества по совместной обработке земель в Казахстане были превращены в сельскохозяйственные артели, кое-где даже в коммуны.

Казахские крестьяне, всю жизнь связанные с единоличным скотоводством, еще не успевшие полностью осознать политику коллективизации, не могли понять необходимость срочных мер по организации колхозов. Поэтому они под всякими предлогами уклонялись, противились объединению личного скота. Перегибы и искажения политики партии по вопросу о коллективизации, встречавшиеся в животноводческих районах республики, в свое время пытались использовать классовые враги. Ими был спровоцирован массовый убой и угон скота. В результате поголовье скота в республике резко сократилось. Это привело к ухудшению материального положения казахского аула.

В сентябре 1932 года Центральный Комитет ВКП(б) принял постановление о сельском хозяйстве Казахстана. В нем Центральный Комитет сурово осудил тех, кто при проведении коллективизации в животноводческих районах Казахстана допускал серьезные извращения и перегибы партийной линии. Центральный Комитет ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров СССР дали краевому комитету коммунистической партии Казахстана и Совету Народных Комиссаров Казахской АССР указание перевести насильно организованные в кочевых и полукочевых аулах артели в ТОЗы (товарищества по объединенному использованию земли) и вернуть принудительно обобществленный скот в лично пользование членов ТОЗов, помочь обедневшим хозяйствам обзавестись скотом.

Поэма С. Сейфуллина «Кзыл-ат» — художественное отражение сложных процессов, происходивших в сельском хозяйстве тех лет. Мужественный поэт поднял свой голос против ошибок, допущенных при осуществлении коллективизации в Казахстане. Не случайно резко критическое отношение Сейфуллина к извращениям политики партии в области сельского хозяйства, которые имели место в начале 30-х годов в Казахстане, было еще в те годы отнесено к числу несомненных заслуг поэта-коммуниста.¹

Историческое значение поэмы «Кзыл-ат» заключается в смелом изображении испытаний, которые пережил казахский народ на пути

¹ См.: И. Кабулов, Вместо предисловия. — С. Сейфуллин, Кзыл-ат, Алма-Ата, 1934, с. 5 (на казахском языке).

социалистического строительства. С большевистской прямотой и непримиримостью С. Сейфуллин рассказывает, как в результате извращения ленинской политики в Казахстане был нанесен животноводству тяжелый урон, что привело к значительному снижению материального уровня жизни казахских аулов. Критические выступления поэта были обращены не против общественного строя, а против тех явлений, которые были чужды духу социализма. Трудовой казахский народ, изображенный в поэме, разоблачая перегибщиков в организации коллективного хозяйства в аулах, делится сомнениями и своим горем с родной Коммунистической партией. Поэт верит, что ошибки будут преодолены, верит в будущее колхозного строительства.

Идеал поэта — Октябрь. Лирический герой — участник сражений за Октябрь. Он — глашатай правды революционных идей. Герой поэмы противопоставлен перегибщикам и очковтирателям.

Поэма построена в форме диалога — взаимной исповеди красного коня и лирического героя. Это оказалось очень удачным приемом для изображения событий казахского аула как бы «изнутри». Перед глазами читателя постепенно раскрываются внутренние причины трагических событий. Критикуя стиль работы старого руководства, поэт противопоставляет ему стиль руководства нового райкома. Поэт подчеркивает, таким образом, что указания партии по развитию социалистического сельского хозяйства дошли до казахских аулов. Участие коня в весеннем севе и его победа в соревновании становятся в этом произведении Сейфуллина, написанном с глубоким знанием и тонким ощущением национальных поэтических традиций, символом торжества социалистического колхозного строя.

В поэме смело разоблачаются происки врагов коллективизации. Гнев поэта направлен против людей, тормозящих развитие социалистического общественного строя. Поднимая большой принципиальный вопрос, автор решает его с партийных позиций.

5

Новаторские черты в творчестве С. Сейфуллина, как и всей советской литературы, определились новым содержанием, необходимостью правдиво отразить революционные преобразования в стране. Богатство идейного содержания новой литературы, расширение круга литературно-художественных образов требовали от советских поэтов совершенно новых художественных средств. Это ставило перед литературой 20-х — 30-х годов новые задачи.

Своими творческими поисками в области поэзии Сакен Сейфуллин отвечал на эти требования. Революционная тенденциозность творчества поэта, рожденная потребностью эпохи, необходимостью революционно-реалистического изображения действительности, сыграла исключительную роль в создании новой поэтики. Здесь хочется еще раз повторить, что творчество поэта было глубоко сознательным, исключительно целеустремленным — всю жизнь его вдохновляла высокая и благородная цель. Мечта и цель поэта находились в полной гармонии с надеждами и стремлениями родного народа.

В казахской советской литературе проблема поэтического новаторства так остро стояла также и потому, что опыт национальной литературы в этой области был еще незначителен. Дореволюционная казахская поэзия только что вышла за пределы устного творчества. Поиски Абая в области поэтики, опирающиеся на лучшие образцы русской поэзии, дали возможность ввести новаторские черты в национальную поэзию, но они проходили, однако, в рамках просветительской идеологии. Поэтому честь открытия новых поэтических средств, отвечающих требованиям революционной эпохи, выпала на долю Сакена Сейфуллина и его соратников — Ильяса Джансугурова, Беймбета Майлина и др. Так рождалась в эпоху революционных преобразований новая революционная поэзия.

Приоритет создания образа положительного героя, человека труда в казахской советской поэзии также принадлежит С. Сейфуллину. Он опозитивировал трудовую деятельность рабочего класса, прославил достижения науки и техники, видя в них новую силу, которая врывалась в казахские аулы и способствовала их преобразованию. В те годы, когда в молодой советской поэзии слабо изображалась тема труда, развитие производственной темы в лирике С. Сейфуллина было ярким проявлением новаторства поэта.

Творчеству С. Сейфуллина, поэта эпохи борьбы, присуще активно-действенное отношение к событиям. Это качество сознательно утверждалось им в противовес пассивной созерцательности той части дореволюционных казахских писателей, творчество которых страдало инерцией национальной ограниченности.

В стихах Сакена часто используются биографические факты («Мой крылатый скакун», «Соскучился я», «В заточении», «Предкам», «Письмо матери», «Ответ матери», «Таинственный ларец» и многие другие). В свое время это давало повод недругам поэта обвинять его в том, что он преувеличивает значение своей личности, тогда как в поэзии Сейфуллина эти детали использовались как средство индивидуализации образа. Характерной чертой лирического героя поэзии Сакена Сейфуллина является чувство ответственности

перед народом за свой труд и свое социальное поведение. Ему свойственна также и высокая патетика, и политическая страстность. Слово «поэт-революционер» — наиболее точное определение образа лирического героя в творчестве Сейфуллина.

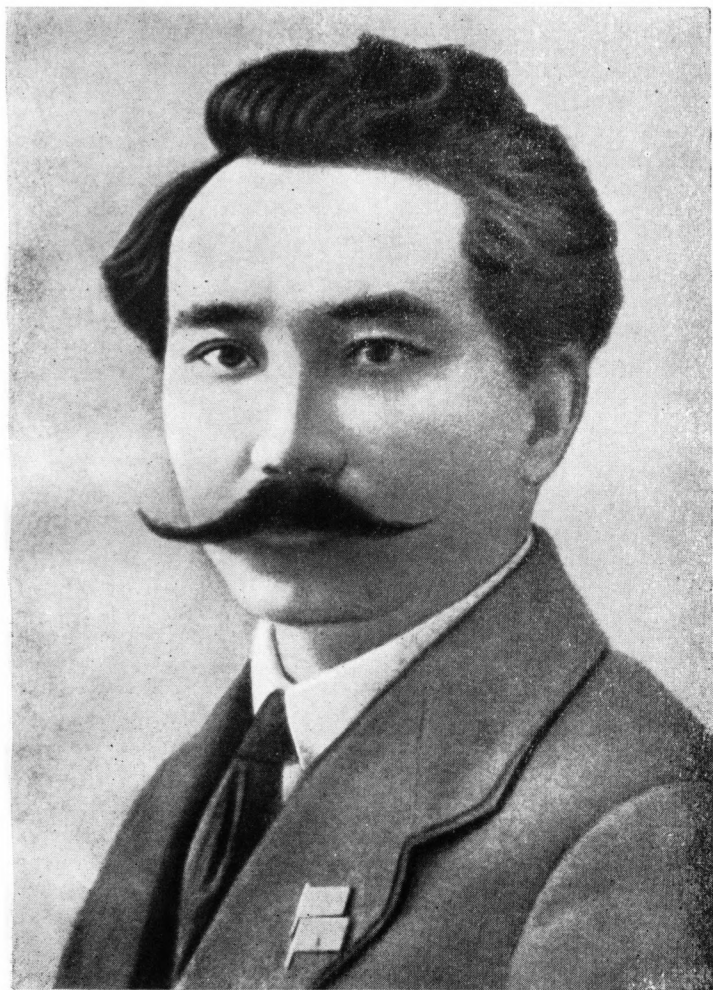
С. Сейфуллин внес много нового в строй казахского стихосложения. Критически используя все то, что было создано его предшественниками, он создал ряд стихотворений и поэм, которые не только по своим идейно-художественным качествам, но и по форме стихосложения были новым явлением в казахской поэзии. Еще в годы революции поэт искал такую стихотворную форму, которая способствовала бы раскрытию огневого характера лирического героя — негибаемого борца, прошедшего через тюрьмы и тяжелые испытания. Лирический герой через все преграды скачет подобно «дикому тулпару», «вздымается в небо, как сокол».

Из душного застенка
Вырвался на свободу,
Не сдержали путы,
Словно тулпар ускакал.
Уф!
Ввысь, выше!
Подобно соколу полечу!
Полечу!
Ох!
Землю, небо крепко,
Крепко обниму!
Вместе сожму!

(Подстрочный перевод)

Для казахской поэзии, создаваемой прежде только для пения с домброй, декламационный стих с особым интонационным строем был совершенно новым явлением. Разработанная Сейфуллиным поэзия для казахской литературы система стихосложения позволила поэту с большой художественной силой передать радость борьбы, нарисовать образ нового героя.

Изобразительные средства поэтики С. Сейфуллина богаты и разнообразны. Подчеркивая значение каждого слова, Сейфуллин сделал упор на энергичный ритм, закрепляемый сильной рифмой. Поэт смело обогащал словарь и образы, богато использовал метафоры и сравнения. Использовал он также синтаксические и звуковые повторы, усиливающие впечатление от сказанного. Особое внимание поэт уделял музыкальности стиха. Иногда он использовал игру слов,

Сакен Сейфуллин

почти одинаково звучащих, но имеющих разное значение («Таинственный ларец»).

Как разнообразны изобразительные средства в поэзии С. Сейфуллина, так же разнообразны и жанры его поэтических произведений. Наряду с поэтической миниатюрой мы встречаем песни, марши, баллады, — и все они созданы в своеобразном стиле, соответствующем их теме и художественной задаче. Поэт нередко пользуется народными сказаниями, перерабатывая их по-своему.

В стихотворении «Аул беглеца», соблюдая традиционную форму казахского стиха, Сакен ввел диалог. В «Марсельезе казахской молодежи», «Товарищах» поэт сочетает декламационный, интонационный ритм с мелодикой казахской песни. Оба стихотворения близки к ритму марша. В призыве «Вперед! Час настал. Сбросить тех, кто народ угнетал» (перевод М. Львова) дана прекрасная образная формула не созерцательной и объективистской, а страстной и действительной поэзии революционного класса.

Стихотворный строй поэмы «Советстан» явился результатом нового осмысления традиций национальной поэзии. Здесь поэт перестраивает одиннадцатисложный размер казахского стиха, приспособляя его к звучанию живой, эмоционально насыщенной речи. Такая форма обусловлена публицистическим пафосом поэмы. В еще более измененном, обновленном виде эта форма встречается потом в поэме «Альбатрос». Стремление облечь в соответствующую форму содержание каждого стихотворения заметно в таких произведениях, как «На ткацкой фабрике», «Ленин», «Борец за наше дело», «Думы советского мальчика» и др.

Борьба за обогащение казахского литературного языка явилась неотъемлемой частью новаторской деятельности С. Сейфуллина-поэта. Он впервые ввел в обиход казахского литературного языка слова «советстан», «социалистан» и др. Смело введены им в казахский стих интернациональные слова, порожденные новой эпохой.

Поиски С. Сейфуллина в области стихосложения в свое время вызвали много нареканий у людей, не сумевших правильно оценить все значение его новаторской поэтической манеры. Но поэт продолжал искать и творить.

Указывая на возможность подобных недоразумений при поисках новой формы, вызванной новым содержанием, В. Брюсов писал: «Меньше всего должно тревожить, что формы современной поэзии, ее язык, ее стиль, ее образность, ее стих кажутся странными, часто поражают, иногда отталкивают неподготовленного читателя. Это — явление, обычное в истории... К тому времени, когда новое течение

войдет в свои берега, читатели освоятся с своеобразием его форм и они, как то бывало всегда, станут казаться им естественными и необходимыми».¹

Подлинное новаторство неотделимо от народности. Поэтому новаторская поэзия Сакена стала популярной среди народа. В произведениях поэта находим диалектическое единство формы и содержания, и о чем бы ни писал он, везде есть единство тенденций — выражение органической связи всей совокупности общественной жизни эпохи с личной судьбой поэта.

Конечно, путь творческих исканий С. Сейфуллина не был лишен ошибок и заблуждений. Некоторым стихам раннего периода были присущи серьезные идейно-художественные просчеты («Европе», «В дни анта», «В мягком вагоне»). Поэт не сразу понял значение поэта. Лишь любовь к Ленину и вера в его дело заставили поэта поверить в необходимость новой экономической политики и оценить ее смысл.

Были у Сейфуллина и формалистические ошибки. Постоянные поиски в области формы иногда приводили его к созданию таких стихов и поэм, где поэт не смог подняться на большие высоты обобщения и оказался в плену формалистических заблуждений. Так случилось и с поэмой «Социалистан». Здесь в показе жизненных явлений поэт не смог отделаться от описательности.

Подобные формалистические погрешности были в тридцатых годах не только у Сейфуллина. Немало казахских поэтов, стремившихся отразить бурные темпы социалистического строительства, прошли через подобные заблуждения и ошибки. При описании производства они иногда ударялись в многословную трескотню, а иногда, стараясь передать грохот машин и шум трактора, увлекались бесплодным словотворчеством. Это было следствием неправильного понимания той истины, что для передачи нового содержания нужны не внешние эффекты, а подлинное новаторство. Недостаточно глубокое понимание социального смысла происходящих преобразований приводило к легковесности. Формалистические увлечения имели место и в стихотворениях и поэмах Сабита Муканова, Аскара Токмагамбетова, Танра Жарокова, Абдильды Тажибаева, Мажита Даулетбаева и других поэтов.

Но все это было болезнью роста молодой советской литературы, страстно искавшей необходимые формы для отражения новых идей. Преодолевая трудности, казахская советская поэзия поднялась на

¹ В. Брюсов, Избранные сочинения в двух томах, т. 2, М., 1955, с. 337.

повые высоты, о чем свидетельствует ее современное состояние. С. Сейфуллин шел первым, увлекая за собой других поэтов. В своих исканиях он достиг значительных успехов, нашел новые стихотворные размеры, обогатил родную литературу новой ритмикой, свежими красками. А путь пионера тернист, отсюда и его отдельные неудачи.

С. Сейфуллин был современником и последователем В. В. Маяковского. Связь творческой деятельности с задачами революции, интересами народа, с его борьбой породнила двух виднейших поэтов революции и в творческом отношении. Не только в воспевании великих преобразований эпохи, но и в исканиях в области стиха, в расширении возможностей казахского стихосложения, в принципах словосочетания С. Сейфуллин усвоил поэтический опыт Маяковского. Всем своим публицистическим пафосом, риторико-интонационным строем поэзия Сейфуллина близка творчеству выдающегося поэта-трибуна.

Некоторые современники, не понимая исканий поэта, стали обвинять Сейфуллина в увлечении футуризмом. Но эти обвинения не испугали поэта. Новаторская деятельность Сейфуллина стала крупной победой не только его одного, но и всей казахской советской поэзии. Эта поэтическая победа как бы символизировала неодолимость социалистического пути развития культуры казахского народа.

6

Литературное наследие С. Сейфуллина велико. Он автор многих драматических и прозаических произведений.

В дореволюционной казахской литературе, собственно, не было драматургии. Первые казахские драмы были созданы в годы революции. Написанные в 1917 году пьесы С. Сейфуллина «На пути к счастью» и М. Ауэзова «Енлик-Кебек» — первые опыты драматического жанра в казахской литературе. Поэтому С. Сейфуллин справедливо считается одним из зачинателей казахской драматургии.

Будучи первой драмой в казахской литературе, пьеса «На пути к счастью» ценна и новизной темы. В ней писатель правдиво показал жизнь казахского аула после царского указа о мобилизации казахов на тыловые работы в июне 1916 года и в период Февральской революции 1917 года.

В пьесе показаны жизнь и быт старого казахского аула. Некий Терликбай, человек среднего состояния, с целью освободить своего

сына Тельжана от мобилизации отдаст дочь Муслиму в младшие жены волостному Нукербаю. Старший сын Терликбая, аульный учитель Ермек, выступает против отца и волостных. Он помогает Муслиме убежать с любимым джигитом. Из города доходит весть о свержении царя.

«Вот видите, ваш путь совпал с зарей свободы! Идите, перед вами, светясь, раскрылась любовь, открылся путь счастья! Перед вами встала заря свободы! Будьте вожаками младшего поколения, слезы которого не высохли на глазах! Герои, созданные для борьбы против всякого зла, — это вы сами! Идемте, провожу вас в путь — путь любви и счастья!»¹ — так говорит Ермек, провожая в путь двух влюбленных — друга и сестру. В его словах выражена основная идея пьесы. Сельский учитель Ермек тоже отправляется в город и вступает на путь борьбы.

Пьеса Сейфуллина, написанная в разгар революционной борьбы, сыграла заметную роль в привлечении трудящихся казахов на сторону Советской власти. В праздник 1 мая 1918 года молодежная самодеятельность Акмолинска поставила эту пьесу. В мемуарном романе «Тернистый путь» писатель вспоминал, что спектакль шел несколько дней и все время пользовался большим успехом. Впоследствии в колчаковской тюрьме враги напомнили Сейфуллину об этой остро-политической пьесе, утверждавшей основы нового общества.

Второе драматическое произведение С. Сейфуллина — «Красные соколы» (1920). Это пьеса о героях, сражающихся под руководством Коммунистической партии за Советскую власть в Казахстане. В ней автор одним из первых в казахской литературе создал образы революционеров — Еркенбулана, Жагпара, Байдильды, Нестерова, Лозового.

Пьесы Сейфуллина сыграли громадную роль в становлении жанра драмы в казахской литературе. Особо следует подчеркнуть идейную остроту и историческую роль пьес С. Сейфуллина в революционной пропаганде среди казахских трудящихся.

По сути дела, Сакен-поэт, Сакен-драматург и Сакен-прозаик были неотделимы. Здесь и там он выступал как новатор, как борец за торжество светлых идеалов коммунизма. Здесь и там он страстно пропагандировал одну идею — ленинизм. Здесь и там Сейфуллин изобразил путь казахского народа в революции, в социальной борь-

¹ С. Сейфуллин, На пути к счастью, Оренбург, 1922, с. 35 (на казахском языке).

бе, создал образы народных героев, закаленных в классовых боях. Здесь и там содержание и тему его произведений определяли успехи Советской власти, перемены в жизни Советского Казахстана.

Первым его прозаическим опытом является «Утешение» — стихотворение в прозе, написанное в 1917 году. Оно отличается высоким художественным совершенством. Поэтично, с какой-то тихой грустью автор рисует степной майский пейзаж. Бесконечно волнует читателя дыхание веками дремлющей в тиши казахской степи. Поэт прислушивается к нежному печальному звуку, нарушившему степную тишину. В этом звуке ему слышится горький, скорбный, разрывающий сердце плач. Это стон казахской обездоленной девушки. Услышав в безбрежной степи повесть о трагической участи степной красавицы, поэт утешает ее. Он сочувствует ей и мечтает о свободе для своих сестер — казахских девушек, томящихся в рабстве и темноте, продаваемых, как скот. Писатель-революционер говорит ей о близости счастливого времени, сообщает, что настанет день, когда над всем миром засияет солнце.

«Сестренка, бедная моя сестренка! Не плачь, утри свои слезы! Сгинет скорбная черная ночь! Вот он, бледный луч зари! Да будет тебе счастье! Рассеется жестокая черная ночь, засверкает заря! Встанет перед тобой солнце, брызнув на весь мир золотыми лучами, украшая землю и небо. Вот он, легкий, ласкающий щеки ветерок. Он — вестник зари. Он — вестник счастья. Вот она, занимается заря свободы! Вот она — заря счастья, смотри перед собой, приветствуй свое счастье!»¹

Романтическая настроенность рассказа явно перекликается с первыми революционными стихами поэта, в которых он страстно мечтал о свободе, о счастье для народа.

В 1922 году Сакен Сейфуллин написал повесть «Айша». Тема ее — борьба казахской женщины за свою личную свободу. Героиня Сейфуллина отличается стойкостью характера и решительностью; упорно идет она навстречу новой жизни и находит защиту и поддержку на заводе, среди рабочих. Заводской гудок звучит для нее музыкой освобождения.

Принципиально важное значение приобрела повесть Сейфуллина «Землекопы», в которой впервые в казахской прозе поднята тема рабочего класса. В ней автор рассказывает о жизни рабочих на строительстве железной дороги, о складывающихся среди них новых отношениях, рожденных новым обществом. Тяжелый труд землеко-

¹ С. Сейфуллин. Собр. соч. в шести томах, т. 4, Алма-Ата, 1962, с. 166 (на казахском языке).

пов автор изображает радостным, ибо это свободный труд освобожденного народа.

Вершина прозы Сакена Сейфуллина — мемуарный роман «Тернистый путь». В нём автор всесторонне изображает революционную борьбу в Казахстане. Книга особенно ценна тем, что она создана на основе действительных исторических событий и фактов.

«Тернистый путь» написан в годы ожесточенной классовой борьбы в Казахстане. В 1922—1925 годах он в отрывках публиковался в периодической печати, а в 1926 году вышел отдельной книгой. Книга содействовала пробуждению сознания казахских крестьян, сплачивала их в борьбе против баев.

Рассказывая о событиях, участником которых был он сам, Сейфуллин создает широкую картину революционной борьбы в Казахстане, рисует образы борцов — участников революции. Мастерски показано в ней, что несли народу враги революции — Колчак и его бандиты, националисты алаш-ордынцы.

«Тернистый путь» был значительным достижением молодой казахской советской литературы. Одно из первых в Казахстане крупных прозаических произведений, написанное методом социалистического реализма, оно ярко свидетельствовало о возможностях нового творческого метода. В книге Сейфуллина изображено не только прошлое, мысли автора были устремлены вперед, в будущее.

Прозанческое наследие С. Сейфуллина составляют также повести «Хамит встречает бандита», «Плоды», незаконченные романы «В те годы», «Наша жизнь», многочисленные рассказы и очерки.

Поэзия, проза и драматургия Сейфуллина — единое целое. Личное лирическое восприятие общественно-политической жизни страны отразилось в произведениях писателя, рисующих мир, наполненный борьбой за новую жизнь.

Сакен Сейфуллин был первым литератором Советского Казахстана, внесшим солидный вклад в литературную критику и в изучение литературных памятников. Выше отмечалось, что Сейфуллин еще до революции занимался литературно-критической деятельностью. Первая его статья, посвященная драме «Манап», — свидетельство зарождения литературной критики в Казахстане.

С первых лет Советской власти борьбу за новую литературу Сейфуллин совмещал с общественной, революционной деятельностью. Он считал литературу действенным средством привлечения трудящихся на сторону Советской власти. Он руководил литературным кружком при клубе молодежи, организованным в Оренбурге в начале двадцатых годов, где читал лекции по истории казахской литературы.

Статьи Сейфуллина охватывают широкий круг проблем. В них затрагиваются важные вопросы нашей литературы, немалое значение придается литературным связям русского и казахского народов. В ряде статей автор выразил свое отношение к спорам вокруг его произведений. Широко известны его статьи, посвященные коренным вопросам литературы: «Литература и ее направление» (1922), «О художественных произведениях писателей трудового класса» (1926), «На фронте литературы» (1928), «Как я стал писать» (1931), «Социалистический реализм — главное направление нашей литературы» (1934) и речи на Первом съезде писателей СССР, на IX съезде Советов Казахстана, на II и IV Пленумах Союза писателей СССР.

Критические статьи Сейфуллина раскрывают идейную направленность молодой советской литературы. Опираясь на политику партии, писатель непримиримо боролся против врагов неокрепшей тогда литературы социалистического реализма.

Огромными были заслуги Сейфуллина также в сохранении и издании литературных памятников прошлого.

Жизнь поэта оборвалась в расцвете его творческих сил: Сейфуллин трагически погиб в 1938 году.

Пламенный патриот-борец и удивительно многогранная личность (поэт, прозаик, драматург, критик, литературовед, композитор, педагог и общественный деятель), Сакен Сейфуллин в памяти народа остался национальным героем. Имя Сакена Сейфуллина, поэта и гражданина, принадлежит не только истории литературы, но и всей истории казахского народа.

Значение творчества Сакена Сейфуллина выходит далеко за пределы казахской литературы. Его влияние на литературу братских народов — тема, требующая специального исследования. Выдающийся советский киргизский поэт А. Токомбаев, по его призванию, учился у Сейфуллина. Каракалпакский писатель М. Амирзаев также считает себя его учеником. Сакен Сейфуллин был личным другом и единомышленником узбекского писателя-революционера Хамзы Хаким-заде Ниязи и классика татарской литературы Галимжана Ибрагимова.

Высокую оценку писательскому и гражданскому пути С. Сейфуллина дали Г. Серебрякова, Л. Соболев и другие русские писатели.

Творчество С. Сейфуллина оставило неизгладимый след в истории родной литературы. Оно оказывает заметное влияние и на современное литературное движение. Его преданность идеям пролетарской революции, новаторство, рожденное великой целью, являются высо-

ким образцом для современных писателей. Особенно сейчас, когда партия и правительство так остро ставят задачу усиления роли литературы в строительстве коммунизма, учиться мужеству, целенаправленности у Сакена Сейфуллина — долг каждого литератора.

Пламенный большевик, борец за Октябрь, с оружием в руках защищавший завоевания революции, Сакен Сейфуллин и в жизни был настоящим гражданином, борцом, а в литературе — поэтом-трибуном. Все его творчество утверждает великие идеалы революционной борьбы; оно проникнуто гуманизмом, посвящено прославлению социалистического отечества, его вождя Ленина, ленинской партии. Сейфуллин по праву считается одним из основоположников казахской советской литературы.

С. Кирабасов

СТИХОТВОРЕНИЯ

1. НУРА

Нура, вот я, хозяин прежний твой,
Пришел, томясь разлукою с тобой.
Но почему не слышишь ты теперь
Народный стон, проникнутый тоской?

Ты родиной была нам в дни невзгод,
Здесь кочевал казахский мой народ.
Теперь он стал посмешищем судьбы
И, потеряв тебя, в тоске живет.

Каких фазанов летнею порой
Встречали здесь мы в заросли густой,
Какой был шум людской и топот стад,
Как юрты ветер колыхал степной!

Средь райских здесь гуляли мы цветов,
А на ветвях твоих густых кустов,
Бывало, разливался птичий хор,
Звеня с утра на тысячу ладов.

Долины эти радовали взгляд,
Паслись кобылы возле жеребят,
Шли богачи сюда и бедняки,
Вдыхая трав весенних аромат.

В твоей воде, средь струек ледяных,
Купались девушки, а мы на них
Глядели, притаясь среди листвы,
Любуясь ими в блеске брызг живых.

И как звенел чудесно птичий хор!
Как дружно порывался на простор!
А мы, подростки, тут же на лугу,
Кто всех сильнее, борьбой решали спор.

Джайляу предков! Весело к тебе
Мы добирались по крутой тропе,
Ведя с собой кобыл и жеребят.
Скажи теперь мне правду о себе.

Сам знаю то, о чем, струей звеня,
Не хочешь ты оповестить меня.
Свое ты горе не желаешь мне
Доверить, про себя его храня.

Прощай, Нура! Увидимся ль, как знать?
Дай бог тебе дни счастья испытать.
Тебя любивший станет слезы лить,
Пока с тобой не встретится опять.

Здесь птицы плачут, не поют о том,
Что радость приносило им в былом.
Так чем же я могу тебе помочь?
Отчаянье бурлит во мне огнем.

Между 1910 и 1913

2. ПЕРЕКОЧЕВКА НА ДЖАЙЛЯУ

Когда аулы спешат откочевать на джайляу,
В ранний рассветный час, когда небосклон поблек,
Всё засуетится, работа пойдет на славу,
И вот уже понемногу розовеет восток.

Согнанные табуны злобно храпят и топочут.
Ловить коней с уздечками ринулся стар и мал.
Кто-то вскочит в седло, а кто-то бурдюк приторочит,
А кто-то уже и скачет, миновав перевал.

Кобылица необъезженная и молодая
Встает на дыбы. У наездника много забот.
И девушек верховых молниеносная стая
Съехала и разлетелась, резко рванулась вперед.

Иные джигиты испытывают иноходцев,
Стремительных юношей радостно мчится отряд.
За возгласом — возглас, просторов ликующий
ОТЗЫВ...

И перья тюрбанов, и шарфы по ветру летят.

Аксакалы в пути. На лошадях годовалых
Подростки гонят стада к месту привала и сна.
В зеленых просторах, в закатах малиново-алых
Сольются небесная синь и шатров белизна.

Черными тучами с табунным рокочущим гулом
Задвигутся к водопою полчища тучных стад.
Желтые самовары растоплены саксаулом,
Напряжены арканы, стерегущие жеребят.

Только назавтра съезжаются аулы к аулам,
Празднуют лето, раздолье, пиршествуют, гостят.

Между 1910 и 1913

8. ПЬЮТ КУМЫС НА ДЖАЙЛЯУ

И вот настал тот день, когда кумыс взыграл,
Когда столпились в байской юрте стар и мал,
С веселым звоном в бурдюках бурлит напиток,
Всех батраков сегодня бай к себе позвал.
Хозяйкой щедрой байбише не зря слывет,
Она в большие пиалы кумыс нальет,
И аромат степей вокруг распространится,
Но медлит байбише: спешить ей не расчет.
О бог! На пиалах такой узор цветной,
Что бедняку коснуться боязно рукой!
А байбише добра: знай угощает вволю,
И никому идти не хочется домой.
Все обувь скинули и, радости полны,
Сидят, как будто отдыхать приглашены.
Но бай о деле начинает разговоры —
Мол, выводить пора на выпас табуны.
Забудьте, бедняки, об этом сытном дне,
За всё с вас завтра спросится вдвойне.

Между 1910 и 1913

4. НЕЗАБВЕННАЯ

Любовь моя, не будь сурова.
Тебе хочу сказать я слово.
Оно никак мне не дается,
Хоть снова пробую и снова.

Тебе открыться я робею,
Сраженный красотой твоею.
Хоть сердце пламенем объято,
Я слова вымолвить не смею.

И вот рискнул прервать молчанье
И принести мое признание.
Мой стих, поверь, не плод досуга, —
В нем вдохновенье и страданье.

Молюсь, терзаюсь и сгораю.
Спаси меня! Тоске нет краю.

1913 (?)

5. ТАМ, ГДЕ ПРОСТИЛИСЬ МЫ

Мой нежный друг, забуду ли разлуку,
Которой я обрек тебя на муку,
Забуду ли, как ты была бледна,
Когда, прощаясь, протянул я руку?

Душа моя сгорала от страданья,
Когда я услышал твои рыданья,
Сам чуть не плакал, руку взяв твою,
Преодолеть не в силах мук прощанья.

Я говорил: «Прощай, о друг мой нежный!»
Ты отвечала: «Час вернется прежний!»
Всё спуталось, я разум потерял,
«Прощай, прощай!» — твердил я безнадежно.

Я говорил: «Не позабудь, что было». —
Ты, сдвинув брови, взор в меня вперила,
И вдруг, едва коснулись губы губ,
Твоя слеза мне сердце опалила.

Не знаю, как мне устоять случилось,
Но сердце бешено заколотилось,
А ты сквозь слезы говорила мне:
«Да будет век с тобой господня милость!»

Забуду ль взгляд я влажный и печальный,
Когда тебя я обнял в час прощальный,
Забуду ли, как, утерев глаза,
Глядела скорбно ты на путь мой дальний?

1913 (?)

6. ТОСКА

Я измучен тоской, изнурен, обессилен тоской,
О тебе, о тебе сны и мысли мои, и мечты.
И придавлен тоской, я бреду в толчее городской,
Неужели меня в этот миг не припомнила ты?

Может быть, ты в печали и так же грустишь обо мне,
Иль, быть может, печаль незнакома тебе и чужда?
С кем-нибудь ты играешь, а я погибаю в огне,
Веселишься, шалишь и не вспомнишь меня никогда.

Ты вдали от меня, но усталому сердцу близка,
Ты вдали от меня — ближе нет никого на земле!
Вот я вижу тебя, и в груди шевельнулась тоска,
И костер запылал, пробудился в притихшей золе.

Пусть неведом конец, уготованный нашей судьбой,
Разлучившей нас в юности, снящейся и золотой,
Даль окутана тьмой, я вдали, я в разлуке с тобой,
Но до смертного часа ты будешь моею мечтой.

1913 (?)

7. СОН

Мне снилось, что в пустыне я брожу,
В чужой заброшенный вхожу я сад
И жаль мне, что деревья в том саду
Жестоким зноем скручены стоят.

Они засохли, свежесть потеряв.
Нет зелени, листочки все желты.
От жажды ли весь этот сад поблек
Иль божий гнев он принял с высоты?

Уж нет в нем буйного цветенья трав,
Их иссушил бесславно жгучий зной.
Где голубые, алые цветы,
Что некогда гордились красотой?

Везде деревьев слезы видел я.
Но что случилось, я хотел понять.
Согнулись лозы, словно и они
Всю тяжесть горя не могли поднять.

И я тогда спросил одну из лоз,
Но, бедная, к земле прильнув, она
Лишь шепотом могла мне отвечать,
Росою горьких слез отягчена.

И вот какой услышал я рассказ:
«Мы были садом, полным красоты,
Здесь всё цвело, и люди, приходя,
От изумленья раскрывали рты.

Хозяева забросили свой сад,
Великий начался меж них разлад.
Мы черные тогда узнали дни,
От нас и небо отвратило взгляд».

Проснулся я, былые вспомнил дни.
Иль только снилось мне, что сад цветет?
Неужто он на гибель обречен
И навсегда бурьяном зарастет?

А нужно, чтобы лозы в нем росли,
День ото дня цвели бы без тоски.
Аллах, дай молодости в счастье жить!
Молюсь за неокрепшие ростки.

1913 (?)

8. КТО ПОВЕДЕТ МОЙ НАРОД?

Народный вожак, ты подобен скале:
Укроешь от ветра, не бросишь во мгле.
Наш бедный народ — как заблудший ребенок,
И ты укажи ему путь на земле.

Будь мудр, бескорыстен не ради красоты —
Народу отдай свои дни и часы.
Ведь те, что себя возомнили вожжами,
Не зная единства, грызутся, как псы.

Никак они общий язык не найдут.
Какой же дорогой людей поведут?
Как выберут путь непутевым казахам,
Коль сами друг друга кусают, клянут?

Но что же случится с народом тогда,
Кто сможет помочь, если грянет беда?
И кто же поймет, как мы жадно стремимся
Из мрака кромешного к свету всегда?

Мы старших своих называем «ага» —
Им наша единая цель дорога.
Доверимся ль тем, кто нас всех ненавидит
И в каждом свирепого видит врага?

Нет, с теми ступай, кто в сиянье идей
Восстал против мрака — за счастье людей,
Кто сердцем и делом своим оправдает
Работу отцов и судьбу матерей.

Пусть наших «ага» окружает почет.
Их правда и мудрость нас к солнцу ведет.
Пусть словом высоким помянут потомки
Того, кто душою радел за народ.

1913 (?)

9. ИСПОВЕДЬ КАЗАХА

Хотя бы имел ты и трон золотой,
Но, смертный, ты воле подвластен святой.
Великий творец! Я, судьбе покоряюсь,
На горькой чужбине слыву сиротой.

В краю нашем сверстники в круг собрались,
Конину едят, наливают кумыс.
А я в нищете свою молодость трачу,
И губы от жажды корой запеклись.

В моих золотых и привольных степях
Пронесутся юноши на скакунах.
А я здесь скитаюсь по улицам пыльным
На собственных, на бесталанных ногах.

Под кровом родительским жизнь хороша.
Живи, их заботой и лаской дыша.
А я богословье зубрю бесконечно,
Хотя по веселью изныла душа.

Но долю такую, дорогу тревог
Я сам выбирал — кто заставить бы мог?
Не хуже других, как наследник пророка,
Я тоже сумел бы плевать в потолок.

Но сладость науки — нет слаще плода! —
Дороже богатства и славы всегда,
Аллах, дай мечте моей осуществиться:
Ничто на земле человек без труда! •

1913 или 1914

10. О НЕВЕЖЕСТВЕННЫХ БАЯХ

Как невежественны баи! Побирушки лучше их.
Кони их, дичая, бродят среди вихрей ледяных.
Ни убежищ, ни укрытий. Налетят два-три бурана,
И гниет в лощине падаль — им не жаль богатств своих.

Ничего они не знают — ни наук, ни ремесла.
Слово скажешь в назиданье, ждешь: не лопнут ли
со зла?

Что за мудрость им известна? До того пустоголовы,
Что не могут даже толком сделать все свои дела.

Каждый труженик мне дорог, пусть живет он в простоте.
А невежда бай пузатый дни проводит в пустоте.
Он сидит кичась, и жиром у него глаза заплыли.
Он умрет, а не поможет бедняку и сироте.

Он богач, но ни монетки не отдаст он никому.
Он сидит, бездельник праздный, — жизнь такая ни к чему.
Ведь ремесленник последний лучше бая-паразита,
Не богат он, нет, но лучше — по душе и по уму.

Он поет — не унывает, пусть судьба и нелегка,
У него в руках работа, не страшна ему пурга.
Он сгибать не будет спину перед баем тупоумным,
Если только бог здоровьем не обидит бедняка.

Толстосумы! Эти мысли вам усвоить нелегко.
О добре и зле твержу я — всё от слуха далеко.
Вам не стать людьми вовеки. Я клянусь, что вы глупее
Сосунка, что, ткнувшись носом, пьет парное молоко.

1913 или 1914

11. БРАТУ

Не довольно ль без дела валандаться, брат?
Пусть ученье и знание твой дух озарят,
Не давай обмануть себя детским забавам,
Приобщайся к наукам: в них — истинный клад.

Лишь тому, кто учен, открывается свет.
Не гадали об этом твой прадед и дед.
Лишь аллаху молились они да хвалились,
Что гостям подавали богатый обед.

Беззаботность и вялость их ввергли во тьму,
И просвета давно не видать никому.

Никому их не жаль, их никто не утешит.
Что за доля досталась отцу твоему!

Мы сидим в темноте, нам не видно ни зги.
А при свете живут и друзья и враги.
Вот и нам бы при свете пожить, как другие.
Свет мой, брат мой, свой факел поярче зажги!

1913 или 1914

12. СИРОТА

С малых лет один остался.
Сиротой так горько стать!
Ты слезами обливался,
Потеряв отца и мать.

На кого же опереться,
Кроме господ-творца?
Мать жива лишь в детском сердце,
Ты остался без отца.

Кто поможет, обласкает,
Если доля недобра?
Ах, как весело играет,
Как смеется детвора!

Ты один в большой обиде,
Боль и слезы не унять.
Ты без слез не можешь видеть,
Как сыночка гладит мать.

«И меня бы так жалели!»
Бедный мой! Одни мечты!
И на миг сдержавшись еле,
Снова всхлипываешь ты.

Пробегают дети в школу.
До того ль тебе сейчас!
Ты глядишь с тоской тяжелой,
Слезы падают из глаз.

1913 или 1914

13. ПОЭТ

Поэт, собеседник мой, друг и собрат,
С народом ты делишься всем, чем богат,
Ты делишься мудростью, опытом зрелым,
Труды твои наших детей одарят.

Ведь в слово прозренья твое внесено,
Заблудших из мрака выводит оно,
Оно, твое слово, всеильно, всевластно,
Живешь ты сегодня — иль умер давно.

Пускай ты скончался столетья назад,
Словам твоим гленье и ржа не грозят,
Могучи они: выпрямляют горбатых
И даже упрямого уговорят.

Для тех, кто умен, твое слово оплот,
Невежда зато его в толк не берет,
Глупца не исправишь, как ветку кривую,
Лишь пятится рак — но ни шагу вперед.

Слова твои всё драгоценнее, друг,
Не зря молодежь повторяет их вслух,
Я тех разумею, в ком пламень дерзанья,
А вовсе не тех, кто от лени опух.

Слова твои — злато для тех, кто умен,
А кто не гадал о судьбе испокон —
И слушать не слушает слов твоих дивных,
О счастье казахов не думает он.

1913 или 1914

14. ВДАЛИ ОТ РОДИНЫ

Край казахский, родной! Мне тебя позабыть не дано,
И разлука с тобой, словно камень на сердце, тяжка.
Я вздохну о тебе — вот и сердце мое сожжено,
Тело сохнет в жару, а в душе поселилась тоска!

Край казахский, родной, снова слышу я шум камышей
Над озерной волной. В них приют отдыхающих птиц.

О мечта, ты паришь в небесах,
Только время теряя впустую.

Устремляясь в бескрайнюю даль,
Распахнувши могучие крылья,
Там добычу найдешь ты едва ль, —
Тщетны все твои будут усилья.
Вот бы сбыться желаньям твоим:
Пусть обнимутся люди, как братья!
Нестерпимую жаждой томим,
Бег мечты не могу удержать я.
Как у лошади плавная рысь
Вдруг сменяется топотом дробным, —
Уплывает мечта моя ввысь,
Облакам белопенным подобна.
А заветная цель не видна.
Да ее не найдешь ты, наверно!
О мечта, возбужденья полна,
Вдаль бежишь, словно дикая серна.

То, как призрачный, легкий мираж,
Ты безмолвным виденьем мелькаешь,
То, впадая в неистовый раж,
Вспять речные потоки бросаешь.
Половодьем весенним звеня,
Неустанно колотишься в берег.
О мечта, ты послушай меня —
Не пора ль тебе ярость умерить?

Но, волнуясь, вольна и крепка,
Будто плещет волна на просторе, —
Ты, как море само, широка
И бездонна, безмерна, как море.
Нет конца и предела тебе.
Всеобъемлюща, вечна, тревожна,
О мечта, в настоящей борьбе
Ищешь то, что найти невозможно.
Вихрь, поток, иноходец, стрела,
Птица, ветер и даже комета —
С чем сравниться б, мечта, ты могла!
В мире более быстрого — нету!

6 июня 1915

16. ЛЮБИМОЙ

В реку страсти я волью
Речи звонкую струю,
Ведь обязанность святая —
Славить милую свою.

Шея белая и грудь,
Хоть на миг бы к ним прильнуть,
Губы раз поцеловать бы,
А потом навек заснуть!

В красоте слились твоей
Чернобархатность бровей
С белым жемчугом улыбки,
С ясной звездностью очей.

Весь горю я, как в огне,
Весь живу я как во сне, —
Если веришь этой правде,
Подари хоть слово мне.

Обойди весь белый свет —
В целом мире краше нет,
Лучше нет тебя, родная,
Светишь ты, как самоцвет.

Ты слилась красой земной
С неземною красотой,
Даже гурии из рая —
Где сравниться им с тобой?

Лучезарный взгляд и вид
Пусть меня развеселит,
А певец тебя тотчас же
Песней отблагодарит.

Сердца сладостную дрожь
Все услышат... Ну и что ж,
Про любовь мою большую
Пусть узнает молодежь.

Как светла твоя краса,
Как ясны твои глаза,
Щеки яблокам подобны,
Стан — как гибкая лоза.

Среди розовых ветвей
Я твой вечный соловей, —
Хоть пять тысяч лет минует,
Нет конца любви моей.

В реку страсти я волью
Речи звонкую струю;
Соловей, влюбляясь в розу,
Славит милую свою.

Июнь 1915
Наш аул «Есен»

17. В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ

Потемнела овражная падь,
И свежающей почве под стать
Холодеющие небеса,
И горит на вечерней заре
Жемчугами в литом серебре
Осветившая травы роса.
Весь аул собирается спать.

И поблескивает изумруд
Самоцветных мерцающих груд
Звезд, усеявших темную синь,
Обежавших степей ширину,
Окруживших большую луну.
Беззаботные звезды пустынь
Невесомое золото льют.

Цвета воронова ли крыла
Тень ветвей по воде проплыла?
Пряди кос распустил, разметал
И пустил по ленивой волне
Куст, застывший в речной быстрине,

И глядит в глубину краснотал,
Что красавица в зеркала.

Вся в огне середина реки.
Тихоструйные воды тяжки.
Протянулся по зеркалу вод
Свет астральный летящей стрелой.
Продвигаются мерно вперед
Угловатые волны гурьбой,
Золотые бегут огоньки.

Эта полночь, как полдень, светла.
Всю подлунную степь обмела
Голубая роса серебром,
Белым светом, атласом луны,
Белым шелком сплошной пелены.
Всё сияет и блещет кругом,
И простор просветлен добела.

Плеск воды отошел в тишину,
Опустился к туманному дну,
Воздух нежен, а влага свежа,
И, немного блаженства полна,
Поплыла над землей тишина,
Над заснувшим аулом кружа.
И вселенную клонит ко сну.

Добрый, храбрый казахский народ
Здесь в степях прибалхашских живет.
Подарила природа ему
Воды чистые, травы в цвету.
Оцени же ее доброту!
Степь тиха. Ходит ночь по холму
И привольный покой стережет.

Одинокая поступь легка.
Укрываясь в тени ивняка,
На свиданье влюбленный идет.
Различая стихающий гул,
Узнает он знакомый аул.
Там белеет далекий намет,
Перед ним пламенеет река.

Он прилег. Но терпения нет.
Встал. Вгляделся в дробящийся свет.
Очи зорко впери́л в черноту —
Никого. Ни души, ни огня...
«Может быть, позабыла меня
Иль решила, что я не приду?»
И тревожно шумит бересклет.

Может быть, не проснулась досель,
Столь тепла и воздушна постель?
Упоительно-сладок, горяч
Сон в такую прекрасную ночь...
Но с ресниц удаляется прочь,
Убегает, уносится вскачь
Сновиденья рассеянный хмель.

Эта полночь, как полдень, светла,
Но тоска тебе сердце свела.
Ждешь ты целую вечность, потом
Замечаешь: прошло полчаса.
А пока ты клянешь небеса,
Дорогая покинула дом,
Оглянулась, навстречу пошла.

Ты не медля выходишь вперед,
Словно ястреб, прервавший полет,
Если селезня видит вдали.
Подаешь ей условленный знак.
Ну а сердце волнуется так,
Словно волны к нему подошли.
Кровь бушует и звонко поет.

И тебе ожиданья не жаль.
Раскаленная светлая сталь
Обожжет докрасна, дотемна,
И в крови ослепляющий взор
Разведет и потушит костер...
Быстрым шагом подходит она.
Мягко падает жаркая шаль.

Лишь воскликнешь: «Как поздно, опять!
Ты могла бы по-прежнему спать.

Ухожу! Натерпелся обид. . .»
А она, ни жива ни мертва,
Второпях растеряла слова.
Только черную шаль теребит
И, не в силах себя оправдать,

Шепчет, робко касаясь плеча:
«Не могла отыскать я ключа. . .»
Но лучи опечаленных глаз
Лучше тысяч незначащих слов.
Ты поверить всегда ей готов,
Так бесхитростен этот рассказ.
Опьяненная кровь горяча.

Поцелуй ядовито-медвян,
Обжигает дыханья туман.
И рассудок, и совесть, и честь
Не смирят своевольную плоть,
И ее не дано побороть,
И трепещущих рук не развесть,
Обнимая изогнутый стан.

Сердце трепетом жизни полно.
Никому на земле не дано
Эту страсть одолеть, превозмочь.
Ты почти не живешь в этот миг
И вершины желаний достиг.
В казахстанскую летнюю ночь
Всё на свете тебе всё равно.

В небе — радостный заговор звезд,
Их задумчивый лепет непрост,
И, моргая, не сходят с постов
Их огни, позабывшие стыд.
И сочувственный шум шелестит —
Разговор низкорослых кустов.
А деревья стоят в полный рост.

Но меж ними доносчиков нет. . .
Хлынет яростный утренний свет,
Но в беспамятной смене ночей

Эта долгая ночь лишь звено,
И свиданье опять суждено.
Неотрывает печальных очей
Соколиный прощальный привет.

Меркнет гурий пленительный круг,
В окружении райских подруг
Так блаженствовать ты бы не смог.
Ведь сейчас ты пожертвовать рад
Для любимой и жизнью стократ.
И полет твоих мыслей высок.
Светел день, зелен утренний луг.

Словно сокол, что взял на лету
Лебедь белую и высоту
Одолол горделивым крылом,
Счастлив ты, и блаженствуешь ты,
И душа на пороге мечты
Запевает. . . Летишь напролом
Сквозь кусты, топчешь травы в цвету.

Жадной жажды водой не залить,
Поцелуями не утолить
И разлукой вовек не унять.
Я тебя окликаю, шутя,
Ты лепечешь, смеясь как дитя. . .
Обнимаю опять и опять,
Чтоб с дыханьем дыхание слить.

Стал восток всё сильнее розоветь.
Постепенно, как светлая медь,
Блещет небо над высью холма.
Солнце в гору идет. О, не раз,
Молодые казахи, в тот час
Мы в свои возвращались дома! . .
Пусть же всё повторится и впредь.

Ноябрь 1915

18. ПЕЧАЛЬ

*Моему другу
Нигмету Нурмакову
посвящаю*

Когда меня смерть поразит немотой
И буду лежать под могильной плитой,
Лишь стих мой останется после меня —
Былого огня уголек золотой!

Прервутся мои торопливые дни
Кончиной — попробуй ее обмани.
И будут стихи мои жить без меня,
Но кто объяснит, как рождались они?

А каждый сквозь сердце и душу пророс,
Вобрав в себя столько улыбок и слез!
Меж всеми стихи выделяли меня.
Я их, точно странник, по свету пронес.

Кому-то богатства дались без труда,
Но я не смотрю на чужие стада.
Я только о друге прошу для себя,
Чтоб горем я мог поделиться всегда.

Когда надо мною забота кружит,
Душа-мотылек в паутине дрожит
И силы уже покидают меня,
Лишь ты мне поможешь, мой верный джигит.

О, как одиноко и страшно в пути
Тому, кто не смог себе друга найти!
В слезах захлебнись, изойди от тоски —
Никто не протянет надежной руки.

Нет дела другим до несчастий моих,
Тебе лишь доверюсь, мой горестный стих.
Я гибну — огонь иссушает меня,
И тонет душа моя в волнах морских.

1915
Омск

19. НЕКОЕМУ...

И казахам, и татарам
Мне сиять бы солнцем ярим...
В лагерь избранных судьбою
Пробираюсь я недаром:

Я подладился к Жакану,
Оду стряпаю Акану,
А слова для этой оды
У Жусупа брать я стану.

Взял я фразу у Абая,
Стибрил строчку у Тукая,
Изречения их присвоил,
Лестью кражу прикрывая.

Слов чужих стада недаром
Я сгонял к своим отарам, —
Обворованным в уплату
Я хвалил их всюду с жаром.

Нет, не зря я лез из кожи:
Я издал книжонку тоже,
Подарил родне, знакомым, —
Ведь автограф мой там всё же!

Так вот к славе раз за разом
Рвусь я, не моргнув и глазом, —
Тот, кому дарю поддержку,
Поддержать меня обязан.

*Январь 1916
Омск*

20. ОТ КОМПРОМЕТИРУЕМОГО

Чтоб ответить сплетням праздным,
Не бросал своих я дел.
И в белье копать грязном
Я привычки не имел.

Но тебя, «пиита века»,
Я вниманием почту.
Мнишь себя сверхчеловеком,
Покорившим высоту.

Но грешки-то, как заплаты,
На виду у всех людей,
Потому что сам себя ты
Губишь наглостью своей.

Ясно вижу, как в исподнем
Ловишь призрачный успех. . .
Не хотел тебе сегодня
Отвечать, но — душит смех!

Январь 1916
Омск

21—23. МАЙСКИЕ ДНИ

1

Всё небо майское ломилось
От туч грохочущих, седых.
Внезапно хлынул бурный ливень,
И так же он неожиданно стих.
А солнце землю обласкало,
Природа пышно расцвела,
Ребята, выбежав из дома,
Бегут впр прыжку вдоль села.
Как дышится легко, какую
Мир чистой свежестью омыт!
И раздаётся птичье пенье,
И сердце радостно стучит.

2

Прекрасен май! В лесах, в предгорьях
Весенних шумов кутерьма.
Мир пробудился. Отступила
Лихая мачеха-зима.
Луга украсились цветами,

Вокруг деревья расцвели,
А лес звенит оркестром птичьим
В честь оживающей земли.
На ветках и цветы, и почки,
Сверкая, пьют весенний сок,
Повсюду радостные пчелы
С цветка летают на цветок.

3

Чудесен май! Весь мир зеленый
Блестит в росе, как райский сад,
Струятся жаворонка трели,
Луга разносят аромат.
А сердце, первую любовью
Пылая, рвется на простор.
На предстоящее свиданье
Уже подписан договор.

Май 1916

24

Сердце музыкой обвито,
Сердце впало в забытье,
Слаще райского напитка
Слово каждое мое.

Если сердце хочет счастья,
Ты ему не прекословь.
Упади в мои объятия,
Подарю тебе любовь.

Обними меня покрепче,
Я к губам твоим прижмусь
И возьму тебя за плечи,
И от счастья задохнусь.

Дочь степей, на зорьке ранней
На меня, душа, взгляни.
Слей с моим свое дыханье
И щекой к щеке прильни.

Май 1916

25. ВОЛНЫ

Лодку озеро вздымает —
Есть надежда на спасенье...
Гул вулкана утихает
И толчки землетрясения.

И волна народной бури
Не бушует бесконечно.
Пусть изгнанник брови хмурит,
Но печаль его не вечна.

Лишь в груди моей смятенье
Больно жжет, не затухает.
Лишь любви моей волнение
Никогда не затихает.

Июль 1916
Ереймен

26. СТРАСТЬ

Когда бы я владел крылатым скакуном,
Я б оседлал его серебряным седлом
И с девушкой вдвоем на этом скакуне
Я степью бы летел, куда угодно мне.
Скакал бы мой тулпар, копытами звеня,
И крепко обняла б красавица меня,
В объятьях бы се я, как дитя, держал,
И громкой песнею я степь бы оглашал,
И был бы так могуч мой голос молодой,
Что весь подлунный мир наполнил бы собой.
«Любимый!» — мне тогда сказала бы она,
Прильнула бы ко мне, покорна и нежна.
И день и ночь я с ней летел бы напролет —
Ведь правда, мой тулпар вовек не устает,
Но о своей мечте не тщетно ль я пою,
Целуя милую красавицу мою?

Июль 1916
Аул

27. СВЕТ МОЙ

За селом, подальше от огня,
Я сидел, печальный вид храня.
Милая, любимая явилась,
Стала утешать она меня.

Дружбе доверять я перестал,
Но чиста, как солнечный кристалл,
Вновь моя красавица явилась —
Я опять таким, как прежде, стал.

Нежная! Как мед она сладка,
Речи — дуновенье ветерка,
А глаза сияют словно звезды,
Вижу я их свет издалика.

Брови изогнулись, словно лук,
Платье ярко, словно летний луг.
Щеки — как налившися вишни,
Поцелуешь — грусть растает вдруг.

Губы как раскрытые цветы,
Волосы, блестя от черноты,
Легкой тучей падают на плечи!
Дорогая! Свет мой! Это ты!

Грудь как пена волн — пышна, бела,
Плечи — как у лебедя крыла!
О сарыаркинская богиня!
Я хочу, чтоб ты опять пришла.

*17 декабря 1916
Аул С. А.*

28. МЫ СПЕШНО СОБРАЛИСЬ В ПОХОД

Встречая свободу

В степях царила ночь гнетущая,
Ночь неизвестности и страхов,
О, эта ночь, крыла простирая
Над мирным племенем казахов!

О, это чувство ожидания,
О, предвкушение рассвета,
Несущего освобождение
От самовластья ночи этой.

Мы верили — придет расплата,
Мы солнце ласковое встретим,
Красавцев скакунов крылатых
Растили мы к минутам этим.

Мы знали — им придется первыми
С зарею встретиться багряной,
Мы ярко-огненные перья
Вплели им в гривы, как султаны.

Красавцы пламенели гривами,
Доспехи празднично бряцали
И любовалась степь игривыми,
Гарцующими жеребцами.

Есть на востоке неприступная
Гора, крутая и отвесная.
Но что героям тропы трудные?
Их окрыляет неизвестное!

И мы коней крылатых вздыбили
По этим поднебесным тропкам.
Нам крутизна грозила гибелью,
Но что она сердцам неробким?

Туманы плавали косматые,
Крутились пропасти в провале,
Хвала вам, скакуны крылатые,
Что выси неба штурмовали!

И вот мы дали озираем,
Поправ вершину покоренную.
Она над непробудным краем
Встает сияющей короною.

Ее, вершину высочайшую,
Окрасили: лучи рассвета.

Она сверкающею чашею
К горящим небесам воздета.

Какое счастье нас наполнило
И восхищенье обуяло,
Когда бушующее поल्या
Полнеба яростно объяло!

Тогда мы глянули с вершины
На нашу родину любимую —
Увидели ее долины,
Лежащие в тумане дымном. . .

Но кони не стоят на месте —
Рвут удила от возбуждения.
Они несут домой известие
О солнечном освобождении.

Они летят крылатой стаею,
Посланцы света и свободы.
И слезы радости блистают
В глазах казахского народа.

9 марта 1917

29. НОВЫЙ ГОД

«Весна! Весна!» — встречает нас
Ребячий гомон дружный.
То долгожданный пробил час:
Повеял ветер южный.

Весь мир готов нежнее стать
От жарких дуновений,
И до зари тебя ласкать
Рад ветерок весенний.

Звенят потоки вешних вод,
Снег тает под ногами,
И птица весело поет
Пригожими деньками.

И всё проворней ручейки
Журчат на всю округу,
И бог весть что, озорники,
Спешат шепнуть друг другу.

Нам в новый год дано сполна
Раздольем наслаждаться,
Затем и радостна весна
Для малыша, для старца.

Моя весна, моя любовь,
Души моей награда,
Ну вот и ты явилась вновь!
О, как же сердце радо!

Март 1917
Аул С. А.

30. В СТЕПИ

В стороне степной, с рожденья мне родной,
Ожидал я ветра раннюю весной,
И поднялся теплый ветер-непоседа,
И оделась мигом степь в наряд цветной.

Плыли ветры из-за гор в сиянье дня,
Над ковыльными просторами звеня,
И дарили мне неслыханные вести,
Обнимая с братской радостью меня.

«Те, кто к равенству стремился с давних пор,
Кто к свободе устремился с давних пор,
Против злобных угнетателей восстали,
Ниспровергнув рабства тяжкого позор».

И от счастья грудь расширилась моя,
Встрепенулся, словно смелый сокол, я.
Звонким криком ширь степную оглашая,
Я приветствовал родимые края.

Мне в ответ склонились чашечки цветов,
И свершеньем самых лучших в жизни снов,
Бурной радостью мне сердце охватило
Дуновение стремительных ветров!

*Весна 1917
Акмолинск*

31. ПОРОША

Наземь, кружась, опускается снег,
Ради земли он решился навек —
Вечный младенец и ангел беспечный —
Нынче покинуть небесный ковчег.

Бросил он небо, где, радуя взгляд,
Солнце с луною над миром горят.
Небо он бросил, чтоб землю нагуо
К сроку одеть в драгоценный наряд.

Ввысь уношусь я на крыльях мечты.
Снег! В облаках путешествовал ты,
И над тобой танцевали созвездья,
Лился напев неземной чистоты.

Голые ветви с опавшей листвою
Ты серебристой покрыл бахромой,
Множеством на небе взятых оттенков
Вмиг изукрасил простор ледяной.

Выбелив грязь на земле трудовой,
Чистой и легкой ты лег пеленой,
Нет беззаботней тебя во вселенной,
Радостней нет ничего над землей!

*18 октября 1917
Акмолинск*

32. А НУ-КА, ДЖИГИТЫ!

Ветром быстрым,
Сердца искры
Рассыпая там и тут,
Незаметно,
Огнецветно
Годы юности пройдут.

Вам, джигиты,
Жизнь открыта,
Вдаль стремите скакунов,
Не робейте,
Смело рейте
Выше туч и облаков.

С пылом юным
Бей по струнам!
С краснострунною домброй,
Пробуждая
Степь до края,
Обойдем простор родной.

Мы расскажем
В пенье нашем,
Как боролась беднота.
Пойте вместе,
Чтобы с песней
Сыпать искры изо рта.

Песня-пламя,
Вскинь крылами,
Чтобы пламенем твоим
Люд наш бедный
Был согрет бы,
А богач обжегся им.

Клич мы бросим
(В сердце носим):
«Беднота, объединись!»
Смело, дружно
Строить нужно
Новый мир, иную жизнь!

Прекрасны были алые цветы,
Как губы спелые снохи-красотки,
Зовущие к любви, — теперь они
Увяли, свой окончив путь короткий.

И соловьи уж не поют зарю,
Они, поднявшись к небу, улетели.
В пустынных рощах больше поутру
Не услышать заливчатой их трели.

О том, что дни цветения прошли
И что пора настала увяданья,
Нам ныне возвещают журавли,
Курлыкая в отлете — на прощанье.

Лишились блеска небо и земля,
А старикам всё тяжелей живется,
Прошло их лето — юные года, —
И, жди не жди, оно уж не вернется.

1917
Акмолинск

35. ЕСЛИ ДОПЫТЫВАЕШЬСЯ — СКАЖУ...

Скажу, коль хочешь, откровенно:
Грудь, как хорошая домбра,
Полна напевов сокровенных,
Мелодий счастья и добра.
Лишь опустить на струны руки —
Из сердца, словно из домбры,
Польются радостные звуки,
Как драгоценные дары...

Я пел бы радостные песни,
Да жизнь мне петь их не дает.
Но от земли до поднебесья
Передо мной весь мир встает —

Несправедливость, и обиды,
И торжествующее зло,

И люди, добрые лишь с виду, —
О, как на сердце тяжело!
И, видя неимущих слезы,
Слезами плачет грудь моя,
В очах моих сверкают грозы,
И песнь борьбы слагаю я.

1917

Акмолинск

36. В ЗАТОЧЕНИИ

Люди накрепко забыли
Заклученного в тюрьме.
Что с того! Сама природа
Не забыла обо мне!

Вижу я, как, дружным роем
Улетая в вышину,
С песней жаворонки вьются,
Славя раннюю весну.

Со степных просторов ветер
Веет запахом цветов
И приносит из аула
Дым знакомых очагов,
Брызжут солнечные блики
Между звеньями оков.

Посетив меня украдкой
И мою ослабив цепь,
Показала мне Свобода
Ширь твою, родная степь.

Понял я, что равен долей
Узник с богом и царем,
Целый мир со всей природой
Я вместил в себе самом.

Сквозь решетку долетает
Дуновение ветров...

Я сижу в тюрьме под стражей,
Плоть моя в плену врагов, —
Дух же мой вольнолюбивый
Недоступен для оков!

*Июнь 1918
Акмолинская тюрьма*

37. МОЙ КРЫЛАТЫЙ СКАКУН

Мольба узника

Я изнываю от жестоких мук
В глухом мешке с решеткой на окне.
О мой крылатый конь, мой верный друг,
Примчись, сорвавшись с привязи, ко мне!

Мой талисман хранил тебя от бед,
Оглаживал я шерсть твоих боков.
Так выноси меня на белый свет,
Освободи от тяжести оков.

Умчи меня на волю, вороной,
Поскачем, споря с ветром, в дальний путь.
Пусть пена серебристою волной
В пути не раз твою омоет грудь.

Пусть прогрехочет степью гром копыт
И отзовется эхом среди гор,
Пусть по долинам топот прозвучит
И над водой моих родных озер.

Помчусь к реке, синеющей вдали,
В леса, в предгорья, на простор степей
И поклонюсь поклоном до земли
Многострадальной родине моей.

*Июль 1918
Акмолинская тюрьма*

38. ЗАБЛУДИВШИМСЯ

Слова заключенного

В того, кто с бедными делился
И против сильных выступал,
В того, кто из когтей насилья
Забитый люд освобождал,
В того, кто вас любил по-братски
И шел за правдой по следам, —
В того кидали вы камнями,
Чтоб подлизаться к господам.
Всех вас — и молодых и старых —
Клянусь в ответчики привести
На суд народный и небесный,
Коль те суды на свете есть!

Июль 1918

Акмолинская тюрьма

39. СОСКУЧИЛСЯ Я

Я не знал застенков сроду,
А теперь мою свободу,
Кандалы надев мне с ходу,
На семь заперли ключей.

Сторожат меня напрасно,
Ведь соскучился я страстно.
Из тюрьмы я ежечасно
Уношусь в мечте своей.

Все в тюрьме вокруг заснули,
Что с того? В тиши и в гуле
Я мечтой всегда в ауле
Светлом, радостном, родном.

Степь зеленая, густая,
Без конца она и края,
Вместе с ней семья родная
Ждет меня в кругу своем.

Я грущу о милой юрте,
О родном своем приюте,
По коням, по горной крути,
По прозрачности озер.

Тяжек этот плен постылый,
Я соскучился по милой,
Пусть мечта с могучей силой
Мчит меня в степной простор.

Не узнают злые судьи,
Но зато узнают люди,
Что меня питали грудью
Только родина и мать.

Мать меня всегда ласкала,
И с улыбкой привечала
Юных дней моих начало,
И умела всё прощать.

Я в своей тоске и горе
О степном грущу просторе,
О степном, зеленом море. . .
Я грущу по скакунам.

Этим часом полуночным
Я грущу по травам сочным,
По горам бело-молочным,
По лесам и по степям.

1918
Акмолинская тюрьма

40. ПОВЕГ ИЗ ТЮРЬМЫ

Я не выдержал неволи,
Клетку темную разбил,
Словно конь в широком поле,
Вновь на землю я ступил.

Уф! Как я взмахну крылами,
Словно сокол, полечу,
Землю вместе с небесами
Я в объятия заключу.

Не по мне темницы мерка —
Мне тюрьма сжимала грудь.
Как в неволе вольный беркут,
Я не мог крылом взмахнуть.

Без предела и без края,
С табунами и с людьми
Степь, свободная, родная,
Ты к груди меня прижми.

Разве можно мириться с невольничьей долей,
Не желать наступления лучших времен?
Разве может джигит примириться с неволей,
Если отроду мужества он не лишен?

Снова — вот они — небо, леса и просторы.
Вот — свободная степь. Вот — степной
мой народ.

Снова — вот они — реки, озера и горы.
И летят степняки, мчатся кони вперед.

Уф! Помчусь я, уф, начну я
Степь копытами толочь,
Степь дневную и ночную,
Буду мчаться день и ночь!

Ты — свободен! Ты — джигит!
Жизнь тебе принадлежит.

Воздух воли! До отказа
Надышусь им поутру.
Уф! Глубоким вздохом сразу
Воздух весь в себя вберу.

Март 1919
Вокзал Омско-Кулундинской ж. д.

41. В НАШЕМ КРАЕ

Стихи, написанные в изгнании

В нашем крае вам не счесть больших озер,
В нашем крае вам не счесть лесистых гор,
В нашем крае счета нет отважным людям,
Населявшим с давних пор степной простор.

Воды родины моей,
Широта моих степей —
С вереницами кочевий
И цепочками гусей!

Мне, Сары-Арка, втройне
Тяжко в дальней стороне,
О твоих родных просторах
Не с кем слова молвить мне!

В нашем крае все джигиты-удальцы,
Все охотники, батыры и певцы,
Об их доблести и щедрости безмерной
По степям летит молва во все концы.

Как тулпары, мы сильны,
Словно соколы, вольны,
Укрощать коней строптивых
Все мы сызмальства должны!

Эх, Сары-Арка! Втройне
Тяжко в дальней стороне,
О твоих родных просторах
Не с кем слова молвить мне!

В нашем крае что ни девушка — краса,
Зубы — жемчуг, блещут звездами глаза,
Грудь пуховая, раскидистые косы,
Тонкий стан ее как гибкая лоза.

Эх, аул свободный мой,
Взгляд любимой и родной,
Я скучаю по невесте,
По красавице степной!

Баловница ты моя,
Как в тебя влюбился я,

Мне твое любимое слово
Слаще пенья соловья!

В нашем крае что ни девушка, то клад,
Голоса, как родники, у них звенят,
Губы с розовыми схожи лепестками,
Нраву мягкому их каждый будет рад.

Эх, аул свободный мой,
Взгляд любимой и родной,
Я скучаю по невесте,
По красавице степной.

Баловница ты моя,
В облик твой влюбился я,
Мне твое любимое слово
Слаще пенья соловья!

*Апрель 1919
Баян-Аул*

42. ПРЕДКАМ

В черный век меня постигла тьма невзгод,
Уповаю на творца я в тяжкий год,
Нашим пращуром был Тока вдохновенный,
От него и начался наш славный род.

Деды — Ескене, Байбек и Жанибек. . .
Пращур мой, благослови меня навек,
Испытал я много трудностей и бедствий,
Но провел я жизнь как честный человек.

Ор, Оба, Есен, Нура — мой края,
Куандыка-Каратока старый род — родня моя,
На защиту предков, отпрыск их строптивый,
В час тяжелый возлагал надежды я.

Вся вина моя написана на лбу:
Против сильных мира начал я борьбу,

Равноправья я для бедных добивался,
Добывал народу лучшую судьбу.

Весь мой грех — я получил на время власть,
Посбивал с господ кичливых спесь я всласть,
Бедноту оберегал от произвола,
Не давал богатым баям вволю красть.

Защищал от грабежа и от вреда,
Был всем сердцем с бедняками я всегда
И на подкупы и взятки не польстился,
Правый путь не покидая никогда.

Век жестокий разлучил меня с конем,
По чужбине указал брести пешком,
Поднял он на высоту меня однажды —
А затем меня низверг одним броском.

Из всего большого рода только мне
Довелось пускаться в путь не на коне,
И покрылись мои ноги волдырями
На дорогах в чужедальней стороне.

В тех селеньях, где пешком я проходил,
До конца я чашу горечи испил,
Выдавал себя за путника простого,
А о прошлом тайну в сердце сохранил.

С малолетства я избрал особый путь,
И, намеренно ветрам подставив грудь,
Поднял знамя угнетенного народа,
И сумел его над степью развернуть.

Был мой путь тернист и труден до конца,
Уповал я на единого творца.
Предки наши! Спорит с миром ваш потомок,
Поддержите в буре смелого пловца!

*Май 1919
Баян-Аул*

43. МАРСЕЛЬЕЗА КАЗАХСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Вступай в ряды свободных граждан,
Пойдем дружнее на врага,
На бой мы выйдем вместе с каждым,
Кому свобода дорога.
Отмстим злодеям-мироодам
За годы тьмы, за годы зла,
Отныне нам пора пришла
Идти к решительным победам.

Идемте, граждане,
Своим путем!
Наш красный флаг — вот наш вожатый!
Тесней ряды сомкнем!

Нам царь в несчастье не подмога,
Защита взяточнику он.
Простой народ живет убого,
Забит, унижен, оскорблен.
Мы — как бездомные собаки,
Нас ненавидят всё сильнее,
Нас не считают за людей,
Нарочно держат нас во мраке.

Идемте, граждане,
Своим путем!
Наш красный флаг — вот наш вожатый!
Тесней ряды сомкнем!

Народ, правами обделенный,
Мерзавцы грабят без стыда,
Страданья терпит угнетенный
И от властей и от суда.
Они выказывают норов,
И кровь чиновники сосут,
Зато всегда и власть и суд
Стоят на страже живодеров.

Идемте, граждане,
Своим путем!
Наш красный флаг — вот наш вожатый!
Тесней ряды сомкнем!

Хоть кровожадных мироедов
Еще у нас хоть отбавляй,
Но, тиранию их изведев,
Мы от нее очистим край.
А проходимцев мы проучим,
Чтоб неповадно было им,
И всех, кто борется, сплотим
Под нашим знаменем могучим!

Идемте, граждане,
Своим путем!
Наш красный флаг — вот наш вожатый!
Тесней ряды сомкнем!

Пускай бы дольше тьма не длилась,
Воспрянул духом бедный люд!
Отныне свет и справедливость
Дорогу к радости пробьют.
Введем свои установленья
И учредим порядок свой!
Вовек да будет проклят строй
Самодержавного правленья!

Идемте, граждане,
Своим путем!
Наш красный флаг — вот наш вожатый!
Тесней ряды сомкнем!

Да обретут права народы,
От века ведавшие гнет!
Во имя братства и свободы
Пускай насилие падет!
Страной мы сами править будем,
Верша свой каждодневный труд.
Знамена красные несут
Свободу всем на свете людям!

Идемте, граждане,
Своим путем!
Наш красный флаг — вот наш вожатый!
Тесней ряды сомкнем!

*Август 1919
Арка*

44—46. В ГОЛОДНОЙ СТЕПИ

1

К ДОМБРЕ

Бывает ли душа спокойна, если нас
Она к отмщению зовет в тревожный час?
Возьму-ка я домбру и вместе с ней спою,
Чтоб говором струны прогнать тоску свою!

Из можжевельника подставка под струной,
Домбра в моих руках беседует со мной.
А ну, домбра, греми, чтоб песнь, уйдя в полет,
Могла поведать всем, как мой народ живет.

Тебе бы петь, домбра, теперь на новый лад, —
Ведь струны боль и гнев скорее заглушат.
Ты видишь — человек отчаяньем убит,
И мир его душе ничто не возвратит.

Мелодию свою излить, домбра, спеши,
Ты — пламя из груди, ты — исповедь души,
Бросая тело в жар, смятение и дрожь,
Ты миру про народ мой горестно поешь.

2

К ЛЕБЕДИ

Печали стон доносится ко мне...
Иль это женщина там слезы льет,
Иль кто другой томится от тоски
И всё себе покоя не найдет?

О нет, то лебедь горестно кричит.
Весть о себе я с ней послать готов.
Эй, лебедь, отнесешь ли мой привет
Сары-Арке, земле моих отцов?

Есть там одна мне близкая душа,
Она рыдает, горя не тая,
И день и ночь, со мной разлучена.
То не любовница, то мать моя.

Мечтаю я: когда бы крылья мне,
Я к ней бы полетел ее обнять.
Чтоб раненое сердце исцелить,
Нуждается в сыновней ласке мать!

3

МОЕМУ ТЕМНО-РЫЖЕМУ КОНЮ

Что ты храпишь, мой темно-рыжий конь?
Иль хочешь снова ты в Сары-Арку?
Иль надоело на чужбине быть
И разделять изгнанника тоску?

Томишься ты, со степью разлучен,
Где вольным был и радостным твой бег?
Устал судьбу с изгнанником делить,
Кому достался беспокойный век?

Верь, мы еще вернемся в край родной,
Где люди дружной встретят нас семьей!

*Октябрь 1919
Голодная степь*

47. АУЛ БЕГЛЕЦА

Ночь холодная темна,
Ветер, ветер — без конца,
Туч зловещих пелена
Над аулом беглеца.

Только три в ауле том
Юрты прячутся меж гор, —
На пути стоят крутом
Всем врагам наперекор.

Лишь в одной горит огонь,
Чуть мерцающий в ночи,
Возле каждой юрты — конь,
Тронь поводья — и скачи.

За белдеу — сталь копья,
В юрте — меткий карабин.
Я — беглец, однако я
В этой юрте не один.

Непроглядна темнота,
Ветер бесится со зла,
А внизу — глуха, пуста —
Степь-пустыня залегла.

Из мужчин никто пока
Из похода не пришел.
Да, судьба их нелегка,
Путь опасен и тяжел.

Бьют джигиты беляков, —
Ускользнул я от врагов;
Сколько дней я и ночей
По степям летал — ничей!

Здесь теперь, хоть ночь темна,
Я у доброго огня, —
Я да женщина одна,
Что сидит вблизи меня,

Что, откинув полог прочь,
Вдруг из юрты в ночь идет,
Чутко вслушиваясь в ночь,
Долго ходит взад-вперед.

А воротится — в очаг
Накидает баялыш,
Говорит мне: «Ну и мрак!
Зря, голубчик, ты не спишь».

«Женгетай, поверь, в моем
Положенье не до сна:
Ночь темна, враги кругом,
Как ты справишься одна?

Ты и мне возможность дай
Вслушаться в ущелий гул.

Будем вместе, женгетай,
От врагов беречь аул.

Конь сюда примчал меня,
Слышишь стук его копыт?
Он, не кормленный два дня,
Под седлом еще стоит.

Знал, что мчимся мы домой,
Дума лишь о нем сейчас, —
Дорогой товарищ мой,
Жизнь и честь мою он спас».

«Да, голубчик, всё пройдет,
Горе мимо пролетит,
Многое переживет
Храбрый юноша-джигит.

Конь и через удила,
Если нужно, воду пьет,
А джигит — пускай скала
Встретится — тропу пробьет.

Знай, всему приходит срок,
Справедлив народа суд,
И тебя всегда, сынок,
Люди честные поймут.

Если конь твой просо ест —
Для него народ не скуп.
Для тебя здесь тоже есть
Суп-коже, хороший суп».

«Верно говоришь, женгей,
Что приходит срок всему. . .
С кормом, будь добра, скорей
Выйди к другу моему.

Сам-то я не буду есть,
До еды охоты нет.

Жду одну я нынче весть,
Принесет ее рассвет.

Жду я цокота подков,
Мне глядеть не время сны. . .»
— «Вести от большевиков?
С нашей, значит, стороны?»

Ну, так жди. Придет пора —
Тронешься по той тропе,
Что за юртою. С утра
Укажу сама тебе.

Отдохни, поспи, сынок,
Ведь еще далек рассвет;
Хочешь, для тебя, сынок,
Постелю я текемет?»

«Женгетай, благодарю,
Не стели мне, спать не срок,
Должен встретить я зарю
Сам — глазами на восток». . .

Ночь холодная темна,
Ветер, ветер — без конца,
Туч зловещих пелена
Над аулом беглеца.

Только три в ауле том
Юрты прячутся меж гор, —
На пути стоят крутом
Всем врагам наперекор.

Лишь в одной горит огонь,
Чуть мерцающий в ночи,
Возле каждой юрты — конь,
Тронь поводья — и скачи.

За белдеу — сталь копыа,
В юрте — меткий карабин.

Я — беглец, однако я
В этой юрте не один.

Из мужчин никто пока
Из похода не пришел.
Да, судьба их нелегка,
Путь опасен и тяжел.

*Ноябрь 1919
Голодная степь*

48. ПОДАВЛЕННОЕ НАСТРОЕНИЕ

Настроенье мое, ты горело костром,
Против зла поднималось ты в гнев святом,
Словно беркут, не раз в вышине ты парило,
Словно мед, ты в любви растворялось потом.

Настроенье мое, ты с тоскою борись,
Вновь крылом размахнись, ввысь, как прежде,
Ты не будь удрученным таким, угнетенным,
Светом битвы опять изнутри загорись.

Мы с тобою знавали получше года,
Сколько наших врагов дали тягу тогда,
А сегодня великое красное солнце,
Словно черная туча, затмила беда.

Ночь упала на землю. Куда ни шагнуть —
Всюду свора врагов преграждает нам путь,
Недобитые змеи в нас жала вонзают,
Словно пуля, печаль поразила мне грудь.

Настроенье мое, не сдавайся ты зря,
Распрями свои крылья, по небу паря,
Хоть гнетет еще темная ночь нас сегодня,
Но займется, займется вновь наша заря!

1919

49. В ГОРАХ

Еду темной ночью среди гор,
Оглашая песнею простор.
Конь мой чуткий чуть прядет ушами,
Захожу — помчит во весь опор.

Мой тулпар, мой сокол — белый конь —
Не боится никаких погонь.
Полной грудью я весну вдыхаю.
В небо конь взовьется — только тронь.

О пышноволосая,
О сладкоголосая,
Черноокая моя!
На тулпаре
На свиданье еду я!

Песню о любимой я пою,
Разгоняя и смиряя прыть свою.
Дорогая, очи не смыкая,
Слушай песню звонкую мою.

Лунным светом конь мой освещен,
Грациозно выступает он.
Таает в сладком воздухе мой голос,
Уносясь за дальний горный склон.

О пышноволосая,
О сладкоголосая,
Черноокая моя!
На тулпаре
На свиданье еду я!

Слушай песню, милая, не спи,
Сонные ресницы разлепи,
Выберись украдкой из юрты —
Будет ждать любимый твой в степи.

Ты меня увидишь на коне,
Подбежишь ты радостно ко мне —

Затрепещет белая накидка,
Затрепещет сердце в тишине. . .

О пышноволосая,
О сладкоголосая,
Черноокая моя!
На тулпаре
На свиданье прибыл я.

Ночь — как занавес — у самого лица,
Ты укрой влюбленные сердца.
Сколько б мы с тобой ни целовались —
Длится наше счастье без конца.

О пышноволосая,
О сладкоголосая,
Черноокая моя!
На тулпаре
На свиданье еду я!

1919

50. ВЕСНОЮ

Сумерки. Вечер. Горы весною.
Скалы умылись свежей росой.
В лунном струящемся платье природа —
Словно красавица под фатою.

Горы вокруг серебром орошая,
Звездами светлыми даль украшая,
Месяц плывет. Лишь утесы надменно —
Грудь против груди! — стоят, угрожая. . .

Эхо всё вдаль свои катит рулады.
Чудо! То шепчутся горы-громады.
А под скалой притаился кустарник,
Будто папахи недоброй засады.

Шорохи листьев необычайны —
Ветер поведал им новые тайны.

В грудь твою вдруг соловьиная песня
Входит, услышанная случайно.

Горы мои! Осенили вас новью
Фея Весна с доброй феей — Любовью.

1919

51. В ПУРГУ

Поднялась в пустыне грозная пурга —
Не увидишь ничего за два шага,
Но в большой надежной юрте богачи
Благодушно разлеглись у очага.

Веселы они, поспав, попив, поев,
Да и скот у них давненько загнан в хлев.
Дела нет им до бедняги старика,
Что бредет сейчас в степи, окоченев.

Замерзает заблудившийся старик,
Закричал бы, только кто услышит крик?
Снег свистит и бьет наотмашь по лицу,
Снег за ворот и за пазуху проник.

За плечами — отощавшая сума,
Небогатая, как жизнь его сама,
Нет ни дома у бедняги, ни родных,
Для таких, как он, безжалостна зима.

Вот совсем уже он выбился из сил,
Встал на месте он и смерти запросил.
Летом — жажда, а зимою — злой мороз,
Если беден, то и белый свет немил.

Всё свирепее летит колючий снег. . .
«О аллах! — воскликнул старый человек. —
Умираю!» — И лицом упал в сугроб,
И не смог уже поднять застывших век.

«Уу. . . гу-гу. . .» — летит, свистит над ним буран
И гремит, как Ледовитый океан,

Замечает человека с головой,
Жаждой черного злодейства обуян.

Так беснуйся же, неистовствуй, пурга!
Богачи сейчас сидят у очага,
Только с бедными ты можешь совладать,
Только к бедным ты безжалостно строга.

1919

52. В ЛАДЬЕ

Когда ты в море выведешь ладью
И морю вверишь ты судьбу свою,
Плыви вперед и с курса не сбивайся.
Пусть шторм грозит у бездны на краю

Залить твой челн. Пусть бесится вода,
Пусть угрожает гибелью беда —
Плыви вперед и с курса не сбивайся,
Греби сильней, будь крепче, чем всегда.

Спокойно пой, когда морская гладь
Чиста, спокойна — хоть рукою гладь,
Но пой сильнее, мужественней, громче,
Когда начнет кипеть морская гладь.

И горе знай, и радости любви,
Плыви и ветер парусом лови,
И в царство справедливости и счастья
Ты приплывешь! Раз ты в пути — плыви!

*Октябрь 1920
Оренбург*

53. БАЛОВЕНЬ МОЙ

(Своему настроению)

Наподобие тулпара,
Одичалого притом,
Ты вперед стремишься яро,
Утомляешься потом,

Ты под солнцем расцветаешь,
Озаряя светом ум,
Ты под солнцем отдыхаешь,
Замираешь ты от дум. . .
Ты, сшивая землю с небом,
Мчишь, как сокол, в небосвод,
Ввысь, туда, где раньше не был. . .
Ищешь меда. . . Где он, мед?
Иль на мед проходит мода?
Не жалея лучших сил,
Ты летал и вместо меда
Лишь отраву находил.

28 января 1921
Оренбург

54. ВОРОНОЙ СКАКУН

(Паровоз)

Вот он тронулся с места, скакун-паровоз,
Вот чудовищно, грозно, протяжно заржал
И с достоинством, ровно вагоны понес,
А потом уже скорость и силу набрал.
Он пошел всё скорей, всё скорей и скорей,
Грохоча, рокоча, вырываясь вперед,
Ослепляя глазами своих фонарей,
Он свирепо пытит и натужно ревет.
Загудела под ним, задрожала земля,
Он уж мчится — стремителен, неудержим.
Черный дым, клочья пара и пыль от угля —
Всё летит ураганом, клубится за ним.
Он несется, он мчится, он пулей летит,
Под ногами его прогибается сталь,
Брызжут искры, порывисто ветер свистит,
Тучи гари и пламя уносятся вдаль.
Он летит через горы, леса и поля,
Всё и вся, расступаясь, дают ему путь,
Лишь иные, ногами едва шевеля,
В страхе даже не могут с дороги свернуть.
Он безудержно рвется вперед и вперед,
Он пронзает пространство легко, как стрела,
Он одну за другою преграды берет,

Он несется быстрее степного орла
И пыхтит от натуги: «Бум-бум! Я лечу!»
И уже, как комета, летит над страной.
Мы кричим от восторга: «Лети! Чу-чу-чу!»
Мы гордимся тобою, скакун вороной!»
Этот сказочный конь, это чудо земли
Было создано вправду для богатырей,
Для того, чтоб они без помехи могли
Белый свет облететь от морей до морей.
Этот гордый скакун, паровоз-великан
Создан теми ж ручищами богатырей,
Что открыли дорогу народам всех стран,
Свергнув страшную власть богачей и царей.
Занимается дух от свершений твоих,
Созидатель великого чуда, народ.
Твой ликующий клич пробудил и других,
Значит, к братству и общей свободе — вперед!

*Январь 1921
Оренбург*

55. МЫ

*Абдулла Асылбекович,
тебе посвящая,
мой верный товарищ*

Мы — непокоренные дети степей,
Никем еще не были взнузданы мы.
Мы выросли в смелой семье бунтарей,
Боролись мы с властью насилья и тьмы.

Простор и Свобода — наш гордый удел,
Могли ль мы принять прозябанье во мгле?
Врага же, что нас заарканить хотел, —
Мы сами умели тащить по земле!

Мы выросли турами Сары-Арки,
Джигиты, чья сила и дух — высоки!

В борьбе с деспотизмом, готовы к боям,
За равенство шли мы в поход — и не раз
Мы падали в темень предательских ям,
Которые недруги рыли для нас.

Бросали безжалостно наши тела
На каменный пол крепостного мешка,
И вся наша жизнь молодая была
На мушке винтовки, на грани штыка. . .

Под злобной пятою царя-палача
Почти потеряли мы облик людской. . .
Метались, как раненый лев, — горяча,
В крови нашей ярость сменялась тоской.

Засохшая корка, воды котелок —
Лишь этим в застенке ты жизнь сохранил. . .
На голом полу мы лежали, дружок,
Нам бутовый камень подушкой служил.

И угольной пылью, ее чернотой,
Мы были покрыты, лишенные сил,
И угольный дым, беспросветный, густой,
В тюрьме наши легкие злобно коптил.

Следы кандалов не сошли с наших рук,
Дорога была и трудна, и долга. . .
Каких только, друг, испытаний и мук
Терпеть не пришлось нам в застенках врага!

Мы ждали, мы знали, что зори взойдут, —
И вот мы под солнышком красным живем!
И мы прославляем свой радостный труд,
Владыкою мира его мы зовем.

Буржуя и пана прогнали мы прочь —
Для них уже праздности кончились дни:
Терпеть их безделье нам больше невмочь,
Пусть в нашей упряжке походят они!

Пускай испытают на шкурах своих,
Как доля народа была нелегка —
Страданье и горе людей трудовых,
Которых они истязали века.

*27 февраля 1921
Оренбург*

56. КРАСНЫЕ БОГАТЫРИ

Кто был тем, кого веками
Бай, мурза и царь душили,
Били, как собак, ногами,
Сами ж — в белой юрте жили?
Кто в безмолвье черной ночи
В закопченной юрте плакал
И, когда уж цету мочи,
Наземь падал?
Это мы!

Кто сгибал пред баем спину,
Признавал его за бога,
Чуть надежду не отринул,
Распростертый у порога?
Это мы!

Кто в душе утратил твердость,
Босяком себя считая,
Думая, что нам и гордость
Не положена святая?
Это мы!

Но ведь и богатырями
Быть нам некогда случалось.
Нас, взлелеянных степями,
Слово «раб» кидало в ярость.
И когда-то клятву дали
Не страшиться пуль — не мы ли?
Смерть не мы ль предпочитали
Поклоненью вражьей силе?
Кто рукой могучей ловко
Укрощал коней от века?
Кто прославлен джигитовкой,
Кто летит быстрее ветра?
Это мы!

Кто в боях на вражьих цепях
Напролом кидался смело,
Кто от них очистил степи,
Рушил крепости умело?
Это мы!

Кто, свой стан обороняя,
Погибал, но не сдавался?
Честь и славу не роняя,
В битву кто с копьем кидался?
Это мы!

Пробил час большой тревоги,
Гордый дух наш возродился.
В сердце, как медведь в берлоге,
Гнев от спячки пробудился.
Мы республику Советов
На весь мир провозгласили,
Расцветать отчизне света,
Подниматься нашей силе.
Революция — наш голос,
Красный стяг высоко поднят,
На бесправие и голод
Наступаем мы сегодня.
Пулеметы наготове,
И на взводе все наганы.
Алчущие нашей крови,
Знайте, не страшны нам раны.
Мы несем свободу людям,
Кровь за счастье проливаем,
Мы служить уже не будем
Ни мурзам, ни жадным баям.
Разделять нас не позволим
Мы по нациям и верам,
Мы — народ с единой волей,
Мы — народ с единым телом.
Мы — трудящихся солдаты,
Наш мандат — наган и знамя,
Наш противник — мир богатых,
Мир труда стоит за нами.
Он — семья родная наша,
Наша нация и вера!
Мы его права докажем
Точной речью револьвера.
Закалилась наша сила,
Как булат в огне, — в работе.
Нас не зря судьба вспоила
Грудью женщины рабочей,

Той грудастой, той икрастой,
Что страшит царей на тронах,
Молодой, в косынке красной,
Матери всех угнетенных.
Нас трубач зовет в дорогу,
Для борьбы пора настала.
Всадим пулю мы, не дрогнув,
Прямо в сердце капитала!

*26 марта 1921
Омск*

57. МАРЖАН

Маржан, какой ты милой стала!
Тебе улыбка так пристала.
Ты вверх штанины закатала,
И ноги стройные красю
Затмили солнце предо мною.

Маржан, в твоих руках лопата
Звенит с рассвета до заката,
Плечо открытое покато,
Своими легкими руками
В моей душе зажгла ты пламя.

Маржан, Маржан, ты смотришь смело,
Берешься за любое дело,
Прекрасна ты душой и телом.
Под кофточкой простой твоею
Два спелых яблока белеют.

Маржан, Маржан, ты — крепче стали,
Жирилки лишней нету в стане,
Ты манишь алыми устами,
А глаз твой — жаркий уголечек. . .
Прекрасней ты всех байских дочек!

*10 мая 1921
Омск-Петропавловская
железная дорога, вагон*

58. В ПОЛЕТЕ

(На аэроплане)

Посвящаю
Абдулле Асылбекову

Стоял невиданный содом,
Земля ходила ходуном,
И ураган ярился,
И волны дыбились кругом.

И во дворцы врывался страх,
И скипетры в иных руках,
Как хвост овцы, дрожали,
И троны рассыпались в прах.

И тьма сиятельных господ
Всех рангов, званий и пород
Клопами лезла в щели,
Спасая жирный свой живот.

Но наша смелая рука
Легла на руль, верна, крепка,
И, споря с ветром, бурей,
Рванулись мы за облака.

Нас не удержит ураган.
Бесстрашен наш аэроплан,
Он, к солнцу пробиваясь,
Летит отважно сквозь туман.

Мелькнула Алатау твердь,
Что не смогли преодолеть
Войска Аблая даже. . .
Нам — сверху на нее смотреть!

Вот Гималаи и Монблан,
Эльбрус — кавказский атаман,
Нахмуренные Альпы,
Тянь-Шань, закутанный в туман.

Все крыши мира и столпы,
Где нету робкому тропы,
Осмеянные нами,
Внизу, как белые гробы.

Он прочен, наш аэроплан,
Гудит, рокочет. . . Как таран,
Он пробивает тучи,
Воздушный режет океан.

Ведь даже горные орлы
В такую бурю от скалы
Боятся оторваться, —
А уж они ли не смелы?

Ревет гроза, ревет мотор,
Чеканит молния узор
Причудливый на небе,
Гром катится, касаясь гор.

Мы кувыркались в вышине,
В рассветномплыли мы огне,
Мы реяли над миром,
Парили с солнцем наравне.

И гимн
Могучий самолет
Отваге, мужеству поет. . .
Танцует вместе с нами
Огромный звездный небосвод.

Мы клич исторгли боевой,
Дух страстью полнится живой. . .
Земли и звезд далеких
Своей касаемся рукой.

И обняли, как брата брат,
Мы космос, где миры парят.
И звезды поклониться
К Земле из вечности летят.

Мы в облаках берем разбег,
О, стрелы молний, горный снег. . .
Мы, запевалы бури,
Провозглашаем новый век!

*14 мая 1921
Омск, вокзал*

59. РАБОЧИМ

*Посвящаю рабочим
Нильдинского, Спасского
и Карагандинского рудников*

Привык ты и к железу и к огню.
Вода и хлеб — вот всё твое «меню»,
Ты день и ночь в работе под землю,
Где ночь и днем, где нету места дню.

Нет на тебе лица, ты исхудал.
Ты с юных лет в руке зажал металл,
Ты хлеб с большим мученьем добываешь,
И никогда достатка ты не знал.

Лопата, тяжкий молот и кирка —
Привыкла к ним рабочая рука.
В грязи по грудь ведущие работу,
Заря труда свободного близка!

Родные братья! Недалек тот час,
Когда могучий наш рабочий класс
Иную жизнь построит на планете,
И солнце засияет и для вас!

*25 июля 1921
Караганда*

60. ТОВАРИЩИ

А. Досову, М. Саматову

Горды и сильны мы, сыны бедняков,
Мы в рабстве страдали так много веков,
Товарищи!

К нам братья зывают из горя, из тьмы —
Спасти их, помочь им обязаны мы,
Товарищи!

Отважно в бой вступай, бедняк,
Встань по тревоге в строй могучий!
Пушкой пылает красный стяг,
Вперед, к свободе, к жизни лучшей!

Пора наступила отважными быть,
Своими руками оковы разбить,
Товарищи!
Был баем народ угнетаем, царем, —
Разрушим же троны, в песок их сотрем,
Товарищи!

Отважно в бой вступай, бедняк,
Встань по тревоге в строй могучий!
Пускай пылает красный стяг,
Вперед, к свободе, к жизни лучшей!

О равенстве мог ли мечтать ты, бедняк?
Для бая народные слезы — пустяк,
Товарищи!
Да разве когда-нибудь царь или бог
К народному стону прислушаться мог,
Товарищи?

Отважно в бой вступай, бедняк,
Встань по тревоге в строй могучий!
Пускай пылает красный стяг,
Вперед, к свободе, к жизни лучшей!

Рабами богатых мы были вчера,
Подыдем же знамя, настала пора,
Товарищи!
Мир старый, жестокий несем, победим,
Счастливую, новую жизнь создадим,
Товарищи!

Отважно в бой вступай, бедняк,
Встань по тревоге в строй могучий!
Пускай пылает красный стяг,
Вперед, к свободе, к жизни лучшей!

Мы видели горе, мы знали беду —
Слез пролили море мы в этом аду,
Товарищи!
Возьмет мускулистая наша рука
Всё то, что у бога просили века,
Товарищи!

Отважно в бой вступай, бедняк,
Встань по тревоге в строй могучий!
Пускай пылает красный стяг,
Вперед, к свободе, к жизни лучшей!

Подыдем же знамя, пусть дрогнут враги!
Да будут железными наши шаги,
Товарищи!
Дни Равенства, Братства и Счастья придут,
И крепости вражьи пред нами падут,
Товарищи!

Отважно в бой вступай, бедняк,
Встань по тревоге в строй могучий!
Пускай пылает красный стяг,
Вперед, к свободе, к жизни лучшей!

Пора испытаний великих грядет —
Сыны неимущих, смелее вперед,
Товарищи!
Владычество баев и ханов разрушь —
Прошло уже время испуганных душ,
Товарищи!

Отважно в бой вступай, бедняк,
Встань по тревоге в строй могучий!
Пускай пылает красный стяг,
Вперед, к свободе, к жизни лучшей!

1921

61. БРЕД НАЦИОНАЛИСТА

Болен националист, —
Как осенний желтый лист,
Он трясется, чуть живой,
На перине пуховой.
«Брат мой! Сват мой! Вы! О вы!
Мой аул! Увы! Увы!
О страна! Народ родной!
Слышишь ли ты голос мой?»

Слышит националиста
Лишь один — хитрец мулла,
Но в душе его не чисто,
Еле шепчет он «алла». . .
И чалмой своей качая,
Хочет «другу» смерти он —
Заработает на чай он. . .
Будет толк хоть с похорон.

1921

62. БРЕДНИ ОДНОГО ПОЭТА

Больной поэт,
Лихорадкой томим,
Стонет и смотрит хмуро,
И наклоняется
Доктор над ним,
Мерит температуру.
Видно,
И вправду поэт занемог,
Бред его слышится странный. . .
А под подушкой
Бальмонт и Блок —
Это поэта кораны.

Он еще крепок,
Этот больной,
Лоб его
Белой стянут чалмой;
Он говорит, он брызжет слюной:

«Я огонь, я гореть люблю!
Я — звезда!
Я — Солнце!
Я — дом!
Я — огонь!
Я — молния, гром,
Я любого испепелю!
Я — ничто!
Я — бог!
Я — Луна!

Я — бегун, нет быстрее бегуна!
Я — май!
Я — бай,
Я — гнев,
Я — пещерный лев!
Я — борюсь!
Я — дерусь весь свой век!
Я, я, я... Я — душа-человек!»

Под подушкой — Бальмонт и Блок.
Стала грязной уже чалма...
Доктор ставит компресс, изнемог,
Вроде тоже сходит с ума.

1921

63. КРАСАВЕЦ ТОПОЛЬ

О строгий красавец, ты горд и богат,
Надел драгоценный зеленый наряд,
Качаешься мерно. И высокомерно,
И медленно пышные ветви шумят.

Природа тебе совершенство дала,
Ты царственно строен, ты прям, как стрела,
Лишь к небу стремишься, молчишь горделиво,
Касается тучи вершины игла.

Приходят и скромники, и хвастуны,
Но ты перед ними не горбишь спины,
Богатым и бедным не молвишь ни слова,
Мечтаешь дойти, дорости до луны!

Ты горд, но печальную тайну хранишь,
В душе затаилась усталая тишь...
Ведь как ни старайся добраться до неба,
А кормит земля, от нее не сбежишь.

Заносчивый тополь, будь скромнен с людьми,
Зеленой листвою меня обними,
Пусть ветви твои обовьют мои плечи,
Пусть хлынет прохлада в ладони мои.

Ты вырос в степях возле Сары-Арки,
Нежны, шелковисты и клейки листки,
Но если земле не воздашь ты сторицей —
Мне петь о пустой красоте не с руки.

16 апреля 1922
Ташкент

64. В КОМ ЭНЕРГИЯ БЬЕТСЯ

В ком энергия бьется, как горный поток,
В ком отвага сверкает, как молний клинок,
В чьей груди столько сил, сколько сил у тулпара,
Чей полет, как у сокола в небе, высок, —

Братья, силы сплотим и в единых рядах
Выйдем в путь, старый мир отметая как прах!
Не для нас мерки старые, старые рамки —
По плечу нам свободный и смелый размах!

Доберемся до края небес и земли,
В океанскую ширь поведем корабли,
Снимем с неба далекие алые звезды,
Чтобы сделать навек украшеньем земли.

Все загадки веков разгадаем, пойдем,
Землю с небом по всем измерениям пройдем,
Все преграды, которые встретим в дороге,
Разгромим, разобьем, рассечем, как мечом.

От земли оторвемся и в небо взлетим,
Землю с небом обнимем охватом одним,
Мы планету, как куклу, в руках покачаем,
Полюбуемся, будто ребенком родным.

Все вершины возьмем, все глубины, всю ширь,
Все ворота откроем, как смелый батыр.
Создадим то, чего еще не было в мире, —
Мы построим свободный, невиданный мир!

В ком энергия бьется, как горный поток,
В ком отвага сверкает, как молний клинок,

В чьей груди столько сил, сколько сил у тулпара,
Чей полет, как у сокола в небе, высок, —

Тот поймет мой призыв, тот пойдет до конца,
Примет сердцем восторженно слово певца!
Старый мир оглушая несслышанным громом,
Собирайтесь в поход, огневые сердца!

*10 июля 1922
Орскбург*

65. НАША ЖИЗНЬ — ЭКСПРЕСС

Сотрясая путь стальной,
Мир качая остальной
Бурей скорости шальной,
Наш экспресс летит вперед.

Разлучит ли близких двух,
Иль забудет друга друг,
Или кто-то вскрикнет вдруг —
Не замедлится полет.

Слезы милой — позади
И мольба: «Не уходи!» —
Я прижал ее к груди,
Сел отважно на «стрелу».

Без оглядки мчит экспресс,
Скорость давит, словно пресс,
Тех, кто к нам случайно влез,
В наш экспресс, и сел в углу.

...То он скачет, словно конь,
То он вьется, как дракон, —
За вагоном мчит вагон
Через степи, через лес.

Не погаснет жар в груди!
Цель большая впереди!
Хоть молитесь: «Подожди!» —
Будет мчать вперед экспресс.

Мчись, экспресс! Лети, свети!
Вихрь во мгле крути в пути!
Как звезда в ночи, лети
Бурям всем наперерез!

Пусть от страха плачет трус,
Но храбрец не дует в ус!
Крепнет сила братских уз!
Мчись вперед! Лети, экспресс!

23 августа 1922

66. НАША САУЛЕ

Наша Сауле отважна,
Весела, вольнолюбива,
Неподкупна, непродажна,
Не кокетка. . . А красива.

И в словах своих тверда
Наша Сауле, нелжива,
Не обманет никогда,
Не скользнет змеею лъстивой.

Не из ветреных девчонок
И гордячек сумасбродниц,
Не из кукол расфранченных,
Не из сплетниц, не из модниц.

Наша Сауле статна.
Не богачка, чтоб от лени
Ей грозила толщина
Или сердца ожиренье.

Нрав у Сауле мужской.
Шапку набекрень наденет. . .
Но приятно ей самой,
Что круглы ее колени.

Из людей предпочитает
Смелых, честных вольнодумов.
На посулы толстосумов
Не польстится, не чета им.

И вовеки не продается
За калым, как дочки баев.
Это ей наказ мой братский.
Пусть его не забывает.

Молвь людская славу множит,
Рассуждает так народ:
Сауле в беде поможет,
В трудный час не подведет

И без всякой похвальбы
Расторопно и умело
С делом справится любым,
Даже с самым трудным делом.

На работе не зевает
Сауле — горит огнем,
Как игрушками играет
И киркой, и кетменем.

*Октябрь 1922
Оренбург*

67. В СТЕНИ

(Посвящение)

Я поймал в степи
Шестилетнего
Необузданного
Скакуна.
Я вскочил на него, а дикий скакун
Закричал, оглашая степь.
Он метался, дикий, вставал на дыбы,
Мчался бешено дикий —
От стука копыт
Затряслась бесконечная степь...
Дикий рвался и фыркал,
Глазами косил,
Ветер в гриве его свистел...
Дикий мчался стрелой,

Распластавшись, летел,
И земля кружилась под ним.

Как без донышка ведра —
Ноздри его,
Он дышал, как кузнечный мех,
И пылали глаза, словно два костра,
Когда в гору меня он нес. . .
Разве может такого пугать высота?
Вот — навстречу ветру — мой конь,
В этой бешеной скачке
Не может с пути
Никакой его сбить ураган!
Мчусь я —
Счастье мне грудь распирает, пою,
Потрясая бескрайний простор,
И стократное эхо на крыльях несет
Эту вольную песню мою. . .
Голос — грому подобен,
И вторят ему
Бесконечные дали степей,
Гуси-лебеди тронутых ветром озер,
Изумруды речных тростников, —
Льется песня, подхвачена тысячей уст,
В них восторг единенья звучит:

Вам, сестры мои,
Вам, братья мои,
Посвящаю я эту песнь —
Тем, в чьем сердце не гаснет
Жажда борьбы
За свободу, равенство, честь. . .
Эта песня разрушит застенки судьбы,
Нашим душам раскроет простор. . .
Молодежь! Ты за счастье сражаться идешь,
И огонь негасимый пылает в груди, —
Эту песнь посвящаю тебе!

Тому, кто не рожден для расчетливости и корыстолюбия, кто не мечтает стать мироедом, кто, распрямив свои крылья, парит над Вселенной, взором орлиным взирая на мир; тому, кто огромною степью несется, как не-

обузанный, дикий, крылатый скакун, ищущий счастья, — тебе, молодежь, посвящаю я эту песнь!

Выходите же в степь, на дорогу, вперед, —
Помня славы отцовской дорогу!

К счастью, вперед! Ведь до счастья, до радости общей свободы — рукою подать!

Путь ваш идет сквозь голодные степи, через пустыни безводные, мимо утесов отвесных и скал неприступных... Вам иногда он покажется неодолимым: сколько героев погибло на этой дороге, сколько замучено было! Какие страдания богатыри испытали, как много их пало — буйных голов... Ради счастья они не жалели жизни своей... Дети их рождены для борьбы, для труда, что свободен и радостен!

Так трубите, зовите вперед всех забитых, сонливых и робких братьев своих — тех, что к счастью не видят дороги.

Так трубите, зовите вперед своих братьев отставших и сестер, еще в рабстве сгибающих спины!

Вы, отважные сестры и стойкие братья, идущие впереди всех, поднявшихся в бой за свободу, — вам я песню свою посвящаю!

Запевайте дружней!

Пусть весь мир содрогнется от огненной песни — что так слаженно, сильно звучит!

Так вперед, непреклонная смелая юность! Шлю привет обновителям старого мира!

Посвящаю тебе эту песню, — на гриве тулпара, летящего вихрем, она рождена!

Сакен

1922

68. ДОМБРА

Люди в тесный кружок
В юрте сошлись большой,
В беседах речь повели
О жизни своей былой.

А я брэнчал на домбре,
Проходя по ее ладам,
И песню одну за другой
Играл пришедшим гостям.

То радовалась домбра,
То выпускала стон,
То был с рыданием схож
Струн ее громких звон.

То было весело ей
И звонко смеялась она,
То гневалась, то опять
Печалью была полна.

То в ней бушевала страсть,
То никла она от мук,
То вспыхивала, а то,
Томясь, обрывала звук.

А вместе с этой домброй
Рыдала душа моя,
Терзала мне сердце грусть,
И горестно плакал я.

А танец кружился в ней
Всё тише, пока не смолк,
И таял он, словно мед,
И нежным он был, как шелк.

А слушатели мои
То радовались со мной,
То становились грустны,
Следя за моей игрой.

Домбра моя! Крик души!
Ты — лучшее, чем я жил,
Ты — грусть, ты — радость моя,
Источник надежд и сил.

В тебе вся моя душа,
Порыв молодых страстей,
Ты — исповедь нежных чувств,
Ты — буря в груди моей!

1922
Ташкент

69. АЛТАЙ

Алтай, великан из толпы облаков,
Зимою и летом в одежде снегов
Стоишь ты на страже безбрежных просторов,
Струишь белоснежную пену валов.

На сильных плечах, величавый Алтай,
Ты держишь небесный светящийся край,
Тебя окружают, целуют, ласкают
Немногие тучи из облачных стай.

Упал, поскользнулся и сделал прыжок
Певучий, прозрачный, прохладный поток,
Серебряным голосом горы тревожит,
И отклик в степях бесконечно далек.

Отвесные стены теснящихся гор,
Орлы белокрылые, синий простор,
Овраги в цветах, и на склонах зеленых
Цветными шелками расшитый ковер.

Как марево зноя мелькает сайга,
Стада антилоп наполняют луга.
Хочу я взойти на утесы Алтая
И знаменем алым овеять снега.

Я вижу весь мир в розоватом огне,
Лишь беркут парящий — со мной наравне.
Зову я на бой угнетенных жестоко:
«Герои Востока, идите ко мне!»

О, если бы встал угнетенный народ
На битву с кровавой Европой господ! ..
Мы встанем стеной, словно выси Алтая,
И двинем утесы и скалы вперед.

Всю Азию мы поведем за собой,
Бурлящие реки вольются в прибой,
И с яростным кличем, волна за волною,
Пойдем на последний, решительный бой.

Поток наводнения, велик и могуч,
Нахлынет с алтайских пылающих круч,
Растопчет разбойничьи норы барсучьи,
Сметая угрюмые полчища туч.

В пыли придорожной раздавим врагов,
Прославим свободу во веки веков,
Наш клич прозвучит на просторах планеты:
«Разбейте железо цепей и оков!»

... Алтай белоглавый, по зову судьбы
Ты стал бы истоком великой борьбы.
И песнь молодая потоков Алтая
Звучит в моем сердце призывом трубы.

Январь 1923

70. НЕМЕЦКИМ РАБОЧИМ

В Европе правит, кто богат,
И снова нищий виноват,
Как все, что столько лет боролись
И быть рабами не хотят!

За то, чтоб каждый счастлив был,
Вы отдавали сердца пыл.
За это сапогом на горло
Враг беспощадный наступил.

Пьяны буржуи без вина,
И сам Пуанкаре-война

Мир оплетает паутиной,
Народа участь решена.

Так насосавшийся паук
Над жертвой замирает вдруг,
Чтоб безнаказанно и подло
Бессильный наблюдать испуг.

А вот и Қорынбай-злодей,
Противник трудовых людей,
Зловещей черною кошмою
Набросил тьму на ясность дней.

Проклятый выродок, циклоп,
Ведет предательский подкоп,
Гиен натравливает стаю
И загоняет нищих в гроб.

Буржуи, чей лоснится жир,
Собрали гадов и проныр,
На деньги совесть променяли
И вот гнетут рабочий мир.

Повелевает капитал,
Себе он жертву отыскал,
Запрятав под полой халата
Холодный, бешеный кинжал.

Буржуй на борова похож.
Он отбирает каждый грош
У обездоленных и нищих,
Его оружие — гнет и ложь.

Вперед, товарищи, друзья!
Удар злодеям нанеся,
Вставайте, собирайте силы,
Вам произвол терпеть нельзя.

Нам вашу робость не понять.
Пускай встает отважных рать!
Вы в руки топоры берите,
Позорно слабость проявлять.

Глядит издалека ваш брат,
Надеждой и тоской объят,
Стыдится он за вас и хочет,
Чтоб не свернули вы назад!

8 февраля 1923

71. ДУМЫ СОВЕТСКОГО МАЛЬЧИКА

«Ах, этот нэп,
Забыть его мне б,
Вернулся бы лучше Совдеп!» —
Мечтает бедняк. . .
Он думает так:
«Сожрут меня
Бай и кулак. . .»

Бай в нардоме,
Бай в исполкоме —
Ужель он снова окреп?
Ликуют лжецы,
Дельцы-подлецы:
Вот, выручит
Жирных нэп. . .
Они, хоть сами и не толсты,
Лелеют эти мечты.

Бай скалит зубы,
Бай ржет,
Хохочет,
Толстяк хитроумный,
Рокочет, гогочет;
Когда он смеется —
От жира трясется,
Не выглядит бай усталым:
Покажет он норов,
Откормленный боров,
Кишка, набитая салом.

Мне б власть хоть на час —
Издай бы указ
И в нем предписал бы я:

Всех баев, как стадо,
Согнать кнутом,
Заставить
Своим кормиться трудом —
Чтоб пот с них лил
В три ручья. . .

Мне стать бы солдатом,
Ходить бы с мандатом
Да выловить
Жирного бая:
К работе приставить,
Трудиться заставить,
Пинком,
Как овцу, подгоня. . .

Наркомом мне стать бы,
Всегда помогать бы
Голодному люду. . .
Я двери нардома
Приказом наркома
Закрыл бы для баев повсюду.

«Вы — бай? Уходите отсюда, пардон!
Ведь это. . . это — только нардом,
А нужен вам арестантский дом!
Таких мы видели барсуков —
В них лютая пышет злоба. . .
А скольких слопала бедняков
Пахучая их утроба!

И вы сюда же, мадам? Пардон!
Вы с баем походочкой схожи. . .
Нет, это вовсе не барский дом,
С буржуями тут — построже. . .
Нардом-то — наш,
И с вами вдвоем
Не уместиться нам всё же. . .

Буржуй-толстопуз —
Излишний лишь груз

Для нашей эпохи он...
И вы, господа,
Не суйтесь сюда,
Пардон, господа, пардон!»

Февраль 1923

72. ЮНОМУ КАЗАХУ

О, ты — богатырь, настоящий казах,
Ты — сын трудового народа
И всем богатеям поэтому враг,
Твой лозунг: «Народам — свобода!»

Ты — будущность наша, так крепче держись,
Сумей закалить свои чувства,
По Марксу и Ленину строй свою жизнь,
Оружием сделай искусство.

Февраль 1923

73. МУСКУЛЫ

Не тот красив, кто статен и хорош,
Кто внешним лоском поражает вдруг.
Нет ничего красивей на земле
Рабочих — сильных, узловатых рук.

Сплетенье мышц, сплетенье добрых сил, —
Те руки править миром рождены.
Какие ожидают их дела,
Какие чудеса сотворены!

Вот набухают мускулы руки —
Они чугунным тешатся ядром:
Вот распрямились, как стальной клинок,
И под рубашкой ходят ходуном.

Грудные мышцы, мышцы рук и ног
Пружинами в тебе напряжены
И не уступят вправду никому,
Когда работой разгорячены.

Они в боях превозмогали сталь,
Одолевали горные хребты,
Туннели пробивали в толще гор,
В глубины прорубались сквозь пласты.

Они открыли под землей руду,
Ту, из которой выкован булат,
Добыли нефть, железо, серебро —
Всё то, чем горд народ и чем богат.

Нас мускулы вздымают в небеса,
Для дальних странствий строят корабли,
Через пески ведут железный путь
И тянут плуг просторами земли.

Могуча мускулистая рука —
Свалить медведя может пятерня
И скакуна лихого обуздать,
К земле прижавши голову коня.

Упруги, как щетина жеребца,
Вы, мускулы, надежны и крепки,
Ведь вы прочнее, чем дубовый сук,
Подвижней щуки в глубине реки.

Живая сила скрученных пружин
Извечна, как извечен белый свет.
О, мускулы рабочих, крепких рук, —
Сильнее силы не было и нет!

8 апреля 1923

74. САРСЕН

Штаны засучив до колен,
За плугом идет Сарсен.
Подтянутая ремнем,
Ветха одежда на нем.

А силы хоть отбавляй.
Послушна ему земля.

Мышцы из бронзы литой
Сияют смуглотой.

Двое сытых гнедых
Плуг волокут стальной,
Тут в черноту борозды
Доброе ляжет зерно.

Весенний и озорной,
Ветер поет степной,
Пахаря веселит
Запахами земли.

Силу удесятерит
Первая, нежная новь. . .
Запах земли опьянит —
Разгорячит он кровь.

И, принимая зерно,
Пашня по капле пьет
Горьковатый, хмельной
Доброго молодца пот.

26 апреля 1923

75. БОРЕЦ ЗА НАШЕ ДЕЛО

*Истинному бойцу
за дело трудового народа —
Абулхаиру Досову посвящаю*

На верблюжонке, в язвах и коросте,
Мальчишка смуглый, маленького роста,
Он гнал телят.
Был прозван «отвратительным чертенком»,
И рваный на плечах ребячьих, тонких
Пестрел халат.

До черноты от солнца загорелый.
От холода и грязи ныло тело,
Босой бедняк,
Взяв палку, чтоб не дать себя в обиду,

В родном ауле непотребным видом
Пугал собак.

Бродяга, непоседа полуголый,
По кручам шлялся, по степям и долам,
Где только мог.
Бай звал его «проклятым отщепенцем»,
А он свои выкидывал коленца
В пыли дорог.

Отец платил трудом за корку хлеба,
Пас байские стада под хмурым небом,
Тужила мать. . .
Чтобы чужой очаг был жарко-алым,
Кизяк для байской юрты собирала,
Носила кладь.

Спал мальчик на земле у байской юрты. . .
Подобно псу был загнан и понур ты,
И зол, как пес.
Издевку и удары байской плетки —
Всё вынес на своем веку коротком,
Всё перенес.

Был в детстве ты унижен до предела.
Мечтая о добре, окаменела
Твоя душа.
Сжималось сердце ненавистью снова,
Ты думал о возмездии суровом,
Едва дыша.

Однажды мальчуган увидел город.
Он шел пешком уверенно и скоро, —
«Мсть! Только — мсть!»
Читал он книги днями и ночами,
И знаний, что его хранила память,
Не перечеть.

Он вырос, возмужал за эти годы.
И вот настал желанный день свободы,
Зажглась заря.
Тогда народ обрел могучий голос,

За равноправье беднота боролась
В дни Октября.

И мальчик, высоко поднявший знамя,
Рожденье крыл орлиных за плечами
Вдруг ощутил. . .
С подростками, что на него похожи,
Чумазами, оборванными тоже,
Он в бой спешил.

Перепоясан лентой пулеметной,
Сжимающий наган в ладони потной,
Он рвался в бой.
Прицеливаясь точно, бил он бая —
Так стали страсть и ненависть святая
Его судьбой.

И сокрушая националистов,
Шагал он в наступление, неистов,
Круша врагов.
Гнал тех, кто спекулировал карьерой. . .
Он никогда не принимал на веру
Фальшивых слов.

Так банда провокаторов хотела
Вонзить в него отравленные стрелы
И оболгать.
Но в пику всех мастей оппортунистам
Не отдавал своей земли лучистой
Хотя бы пядь.

Опасен был иудам-изуверам.
Для молодых — бесстрашия примером
Всегда он был.
И день и ночь грозил он своре барской,
В фуфайке черной, в куртке комиссарской,
Исполнен сил.

Людей он покорял своею речью,
Земли хозяин, новых дней предтеча
И полубог.

В нем закалялась сила огневая,
И отдавал для дорогого края
Он всё, что мог.

Он — партии боец, всегда он с нами.
Пусть копошатся змеи под ногами
И копят яд —
Он смел, он для врага недосыгаем.
Зовет к победам, впереди шагая,
Наш друг и брат!

*1 мая 1923
Оренбург*

76. ЛЕТОМ В СТЕПИ

Разливается юный простор
Пряным запахом яростных трав,
Летней степи зеленый ковер
В переливах цветов разостлав.

Необъятна ее ширина,
Мне открывшаяся опять.
И простерла объятья она,
Как ребенку родимая мать.

Словно вышиты шелком шелка
Дорогих травяных одеял.
Я, вернувшийся издалека,
К материнскому лону припал.

Прядью шелковой пышных волос
Я поигрываю, как дитя.
Станы гибких, изогнутых лоз
Выпрямляю, ломаю шутя.

Норовит оцарапать осот,
Прицепился росток травяной.
Распахнувшийся ворот мне рвет
Свежий ветер, кумысный настой.

А сквозняк, невесом, шелковист,
Шелестит, мягко дышит в траве,
Теребит заблудившийся лист,
Гладит ласково по голове.

Расстелился цветущий бурьян
Перекатом бушующих волн.
Я ликующим запахом пьян,
Всеохватною силою полн.

Дребезжащая, словно кобыз,
Песня пчел зажужжала слегка.
Стая бабочек вверх или вниз
Покатилась, вспорхнула с цветка.

Как в легенде Меджнун и Лейла,
Влюблены мотылек и цветок.
Разноцветным узором крыла
Драгоценный укрыт лепесток.

И тюльпаны румяной толпой,
Как ревнивые жены, сошлись,
Пошептались между собой
И потупили взоры, сплелись.

И разносится радостный смех:
Мотылек, позабывший мечту,
Словно мальчик, влюбленный во всех,
Дарит всем поцелуй на лету.

Под шатровой сплошной синевой
Я лежу на кошке луговой.
В городах я томился тоской
По земле первозданной, степной.

В русле памяти вновь — ледоход,
Словно льдины друг друга теснят. . .
Вот я вижу — на пастбище скот,
Вот привал отдыхающих стад.

Тихо, тихо над гладью степной.
Солнце встало в зените над ней.

И ничто не тревожит покой
Отдыхающих в полдень степей.

Одиноко над степью плывет
Солнца жаркого пышущий зной.
И пастух одиноко бредет,
Молча доит овцу за овцой.

Тесно сдвинуты, сбиты гурты,
Жарко дышит, сбивается с ног
Шевелящийся край темноты,
Где пастуший горит огонек.

Жить подпаску в степи нелегко.
И пока огонек не погас,
Варит мальчик себе молоко
По обряду степей — корыктас.

Еле тлеет костер перед ним,
И кизячные кучи трещат,
Чуть струится медлительный дым,
Цепенеет удушливый чад.

Губы мальчика ветер обмел,
По степям он кочует давно,
Он на солнце стоит, полуголом,
Загорелое тело черно.

Шапки нет у него; крупный пот
Утирая со лба кулаком,
В конской коже он степью идет
По кипящей жаре босиком.

В городах, где мы праздно живем, —
Электрический свет до утра. . .
В одиночестве жалком своем
Этот мальчик не ведал добра.

Вижу — пламя чуть светит вдали,
Вижу бедный обряд корыктас.
Я вскочил, я сорвался с земли,
Разом брызнули слезы из глаз.

«Брат мой бедный, дитя темноты,
Ты в забытой рожден стороне.
Я мечтаю о том, чтобы ты
Встал с ровесниками наравне».

«Не уйдешь! Возвратишься назад!
Подожди!» — мне шепнула трава.
А цветы на дороге стоят
И лепечут пустые слова.

Должен я в этот край нищеты
Просвещения свет принести. . .
Дорогие степные цветы,
Не держите меня на пути!

*Июнь 1923
Оренбург*

77. НЕ ЖАЛЕЙ СИЛ

Брат мой, узнаю твои черты,
Тень от жажды на горячих скулах,
Жаждущих добра, таких, как ты,
В городах я видел и в аулах.

Времена, окутанные тьмой,
Канули в былое, отступили.
По дороге светлой и прямой
Двигайся и не жалея усилий!

О делах кровавой старины,
На ветру поживаясь зябко,
Говорит история страны,
Вещая и мудрая прабабка.

Поведи же, брат мой, за собой
К солнцу братства, равенства, свободы
По дороге светлой и прямой
Сыновей свободного народа.

Ибо участь ваша — ни на пядь
Не сойти с великой магистрали,

Побеждать в борьбе и помогать
Тем, кто оступились и устали.

И межа отчетливо ясна
Между всем отжившим и грядущим.
Будет вам покорна крутизна
Счастья, сужденного идущим.

Ваш удел — по всей земле нести
Равенство, и братство, и свободу,
Зло одолевая на пути,
Взнуздывать и покорять природу.

Лег непроходимый перевал
На пути у многих великанов,
Но тебя их жребий миновал,
В прошлое необратимо канув.

Ты идешь вперед, а позади —
Жажда, мгла, столетья, поколенья,
Родники, забытые пути,
Пыль пустынь, дорожные камни.

Из веков младенчества земли
Протянулись в новый день дороги.
Наши предки плакали и шли,
Спотыкались, в кровь сбивали ноги.

Миновали темные года,
Дни, века, вместившие так много.
Почва под твоей ногой тверда,
И ведет в грядущее дорога.

Крыльям из металла не страшны
И покорны горные вершины.
Беркуты владений лишены,
Заменили лошадей машины.

Степи и воздушные поля
Включены в единую державу,
С бою взяты небо и земля
И потомству отданы по праву.

Времена, окутанные тьмой,
Канули в былое, отступили.
По дороге светлой и прямой
Двигайся и не жалея усилий!

*Август 1923
Оренбург*

78. САМУРЫК

*Руководителю Комитета казахских
женщин, первой организовавшей по-
мощь казахскому воздушному флоту,
Назипе Кулжановой посвящается*

Мечтать о небе человек привык,
Хасену снился нежной перн лик.
Семь огненных полей, семь океанов
Перелетел Хасена самурык.

А тот, кто самурыка оседлал,
В свой час достиг всего, чего желал,
Умчался он на крыльях самурыка
С красавицею Бадигул-Жамал.

Но самурык на деле не таков:
Гудит мотор в потоке облаков,
Умело управляют самолетом
Герои из страны большевиков.

Не для забав нам нужен самолет,
Но с помощью таких машин дойдет,
На крыльях самурыка доберется
К вершинам счастья трудовой народ.

Пусть самолет свершает в небе круг:
Созданье, торжество рабочих рук,
Вы из металла, крылья человечьи,
Семи морей вам слишком тесен круг.

И выше, чем заветный самурык,
Летит корабль, прекрасен и велик.

Упруги крылья, мощный корпус прочен,
Летит, как буря. . . В небе замер крик.

Наш самурык — громада корабля,
Как на ладони под крылом земля.
И каждый может облететь отныне
Моря и горы, степи и поля.

4 октября 1923

79. АВТОМОБИЛЬ

*Сыновьям бедноты
и революции посвящаю*

Я стихом не забавляю.
Тут не к месту шутки, нет!
Я в поэзию вплетаю
Боль и радость, мрак и свет.

1

О народ многострадальный!
Край родной, Сары-Арка!
В путь к прогрессу триумфальный
Вас зовет моя строка.

Ты красуйся перед всеми,
Ты взметаи степную пыль,
Удивляй младое племя,
Друг людей — автомобиль.

Пусть придет к нам город! Хватит
Нам скитаться, как стадам.
Пусть за руль кочевник сядет,
«Пробуй!» — скажет сыновьям.

Спорь с невежества позором,
О мотор, гуди, гуди.
Наши сонные просторы,
Нашу гордость пробуди.

Он из города большого
Утром выехал чуть свет —
Символ счастья трудового,
Символ будущих побед.

Он сначала ехал тихо.
Эй, шофер, поторопи!
Газанул, рванулся лихо
И помчался по степи.

По распахнутой планете —
Эй, шофер, прибавим ход! —
Разрывая грудью ветер,
Всё быстрее — вперед, вперед.

По дороге, в бездорожье,
От зари до темноты.
Мы уже колес не можем
Различить от быстроты.

Он летит — фырчит и воет.
Не зевай, шофер, сигналы!
Он нацеленной стрелой
Рвется мужественно вдаль.

Он гудит, трещит, грохочет,
Он качает и трясет,
Переспорить бурю хочет —
Нас в грядущее несет.

Ветер яростный и грозный
Бьет машину по лицу.
Злые силы! Слишком поздно:
Ваша власть пришла к концу.

Как ни злитесь, ни беситесь,
Но не выдумка, а быль —
Этой битвою насытятся,
Пулей мчит автомобиль.

Он летит к багряной дали.
И душа полным-полна,

Словно вдруг мы увидали
Призового скакуна.

Впереди чернела туча,
Дождь дымился проливной,
Но оставил он, могучий,
Непогоду за спиной.

По сто верст за час глотая,
Он несется в гости к нам —
Только кустики мелькают
У него по сторонам.

Подает гудками голос
И, людской заслышав гул,
Он, слегка убавив скорость,
Заезжает в наш аул.

Он въезжает ровным ходом,
И с него не сводят глаз, —
Он хотел прийти к народу
И пришел к нему сейчас.

А навстречу по дороге
Воз ползет — хрустя, шурша.
Два вола с рассвета ноги
Еле тянут не спеша.

Воз тягучий, путник сонный,
И волы едва не спят,
А колеса стоном стонут —
Скособочились, скрипят.

Скоро ль, заспанный бедняга,
Перестанешь ты дремать?
Скоро ль, скоро ль, колымага,
Перестанешь ты рыдать?

И гудок автомобиля
Резко вырвался из мглы,
И быстрее затрусил
Вдруг ожившие волы.

Вот я вижу, у дороги
 Без числа пасется скот.
 Неужели снова многих
 Гололедица убьет?

Сквозь аулов гущу едем,
 А отары велики.
 Налетает сбоку ветер —
 И опять вперегонки.

Но сбавляем ход, сбавляем —
 Не до скорости сейчас.
 Мы и так стада пугаем, —
 Врассыпную все от нас.

Эй, шофер, сигналь-ка снова!
 Снова стадо в двух шагах.
 Тяжело бегут коровы,
 Их невольный гонит страх.

Овцы жирными задами
 Так смешно трясут, взгляни.
 И с дороги перед нами
 Дробью сыплются они.

По аулам, по аулам,
 Тормозя и снова мча,
 Оглашая воздух гулом,
 Шлейф из пыли волоча,

Едем мы, и, вздрогнув разом,
 Услышав мотора шум,
 Покосившись жарким глазом,
 Кони скачут наобум.

Жеребенка-сосуночка
 Страх уносит с табуном.
 Мать в тревоге за сыночка,
 Мчится в мареве степном.

Что ж ты носишься без смысла,
 Под собой не чуя ног,

Ах ты, пьяный от кумыса,
Жеребенок-стригунок?

Что ты мечешься, детеныш?
Что ты ножками стучишь?
Ты машину не обгонишь,
Так зачем от нас летишь?

Я ж взрастил тебя, мой милый,
Гладил челку и бочок.
Что же ты автомобиля
Испугался, дурачок?

4

Вновь он мчится ровным ходом,
И с него не сводят глаз, —
Он хотел прийти к народу
И пришел к нему сейчас.

Чей-то конь, храпя пугливо,
Сделал в сторону прыжок,
Но его хозяин живо
Ухватил за поводок.

Вот мы встали. Всё прекрасно.
Что же ты, хозяин, хмур?
Не сердись на нас напрасно,
Успокой коня: «Хур-хур!»

«Аптамай!» — гурьбой сбежались
Те, кто видел в первый раз.
Гомонили, удивлялись:
«Что за чудище у нас!»

Загорелые, босые,
Ходят около, галдят.
Рты раскрыв, стоят другие
И почтительно глядят.

Ребятишки расшалились,
Норовят швырнуть песком.

А собаки как взбесились —
Заливаются кругом.

Молодухи и девчата
Сбились в кучу в стороне,
Ветер треплет им халаты...
«Подойдите же ко мне!»

Но они в ответ бормочут:
«Ой, шайтан-арба! Ой-ой!»
Конь опять сорваться хочет.
«Что ты, милый, что с тобой?»

Все в тревоге, все в смятенье,
И у всех душа дрожит.
Кто толчется в отдаленье,
Кто стремглав от нас бежит.

Даже те, кто помоложе,
В двадцати шагах стоят,
А толстяк багроворожий
Им шипит: «Назад! Назад!»

Мальчуган, что неустанно
Собирает кизяк в мешок,
Услышав гудок «шайтана»,
Подскочил — и наутек.

Уронил мешок тяжелый,
Растянулся сам, чужак,
Из рубашки, из подола
Порассыпал весь кизяк.

На тебя, браток, надежда.
Я хочу, чтоб ты привык.
Ты пока еще невежда,
Своенравен ты и дик.

Аптамай тебе покажем:
Для твоих он создан рук.
Тот же конь, телега та же.
Подойди, не бойся, друг.

О народ многострадальный!
Край родной, Сары-Арка!
В новый путь — победный, дальний —
Вас зовет моя строка.

Ты красуйся перед всеми,
Ты взметай степную пыль,
Удивляй младое племя,
Друг людей — автомобиль.

Пусть придет к нам город! Хватит
Нам влачиться, как стадам.
Пусть за руль кочевник сядет,
«Пробуй!» — скажет сыновьям.

Спорь с невежества позором,
О мотор, гуди, гуди.
Наши сонные просторы,
Нашу гордость пробуди!

*14 октября 1923
Уральск*

80. ЛЕНИН

Символ счастья на планете
Отчей,
Высшей радости на свете
Зодчий,
Зодчий пламенного мира,
Ленин,
Клич замученных и сирых,
Ленин!

Смысл науки, воплощенье
Цели,
В ком надежды и решенья
Зрели,
Предводитель неимущих,
Ленин,
Провозвестник дней грядущих,
Ленин!

Сбросим баев, станет краше
Доля.
Смерть иль равенство — вот наша
Воля.
Ты трубач зари крылатой,
Ленин,
Нашей воли ты глашатай,
Ленин.

Справедливая дорога
К людям,
Твой завет хранить мы строго
Будем,
Клич великого сраженья,
Ленин!
Ты — Коран преображенья,
Ленин.

Ты — поднявший угнетенных
Братство
С тиранией пресыщенных
Драться,
Ты как свет от золотого
Солнца,
Что на смену мраку снова
Льется.

Ты бесстрашен. Нет острее
Стали,
Чтоб буржуи поскорее
Пали.
Твой пример для молодежи
Ценен.
Для нее всего дороже
Ленин.

*30 ноября 1923
Тске*

81. СКОРБНАЯ ВЕСТЬ

Потрясающую весть в седой мороз
Телеграф о смерти Ленина принес,
Весь рабочий класс, утратой потрясенный,
Горе выплакал в безмерном море слез.

Вестью той был мир, как громом, поражен,
Как копьем, той вестью каждый был пронзен,
Но еще тесней ряды свои сомкнули
Мы в те дни у славных ленинских знамен.

Мы пойдем по жизни ленинским путем
К светлой цели, что указана вождем,
И высоко мы поднимем наше знамя,
Распростертое над миром Ильичем.

*22 января 1924
Москва*

82. ТРАУРНЫЙ ДЕНЬ

Сегодня скорби пробил час,
Сегодня скорбь пронзила нас,
Сегодня алые знамена
Склонил, скорбя, рабочий класс.

Сегодня, хмурым зимним днем,
По Ильичу мы слезы льем,
Его заветы вспоминая,
Народ прощается с вождем.

В рабочем классе скорбь и стон,
Но, до зубов вооружен,
Шагает с траурной повязкой
Он впереди людских колонн.

В своей печали он суров
И до конца разбить готов,

Борясь за дело ленинизма,
Любые происки врагов.

Ильич к борьбе призвал народ,
На сто веков глядел вперед,
И путь, который указал он,
К счастливой жизни нас ведет.

Отметим горечь этих дней,
Сплотив ряды еще тесней
Вокруг знамен непобедимых
Великой партии своей!

*23 января 1924
Москва*

88. КРАСНАЯ ЗВЕЗДА

*Вступившим в 1923 году
в ряды партии большевиков
Таутану Арыстанбекову
и Абилу Нурсеитову посвящаю*

На фуражке героя алеет звезда —
Символ власти, что создали мы навсегда.
Лишь под этой немеркнущей красной звездой
Обрели мы свободу и радость труда.

Носят красные звездочки на рукавах
Наши люди, в себе победившие страх.
Наши звезды — как наше стремленье вперед,
Как огонь, полыхающий в наших сердцах.

Высоко в поднебесье стояла звезда,
Только нам не достать ее было тогда.
А теперь на ладони мы держим звезду, —
Не могли мы об этом мечтать никогда.

Эта наша звезда — как зеница, как свет,
Озаривший дорогу идущему вслед;
Если ж держишь пылающий факел в руке,
То и ночь не страшна, и усталости нет.

Наши красные звезды горят впереди,
И такие же красные звезды — в груди.
Путь, указанный Марксом и Лениным, крут,
Но звезда приведет тебя к цели — иди!

*15 февраля 1924
Оренбург*

84. РАНЕНАЯ САЙГА

В Арке есть угрюмая местность — Бетпак.
В холмистой пустыне, в безводных степях
От века никто никогда не селился,
Сайга лишь встречается в этих краях.

Безводная степь без озер и без рек,
Недаром ее невзлюбил человек. . .
Растет баялыш рядом с черной полынью,
Других же растений не сыщешь вовек.

Не раз нам случалось Бетпаком идти,
Широк — восьмидневному равен пути.
Развьючив верблюдов, мы в юрте походной
О нем разговор принимались вести.

Кулан и сайга здесь водились всегда,
Привольно жилось им в былые года,
Числом не сравнились бы с их табунами
Казахские наши большие стада.

Меняя кочевья в весенних степях,
Аулы раз в год проходили Бетпак,
И, пользуясь случаем, каждый охотник
Испытывал меткость на мирных сайгах.

Вот кровь по аулам рекою течет,
И тушам забитым теряется счет,
Но кто возмутился, что злая забава
Несчастных животных со свету сживет?

Кокпек и полынь — и жестки, и сухи —
Единственный корм белобедрой сайги,
И жалости нет у людей к антилопе, —
Ведь люди от века на жалость туги. . .

Сайгу антилопой зовут иногда,
Она никому не приносит вреда,
За что же охотник безвинных красавиц
Бессмысленно губит везде и всегда?

Люблю, черноглазая наша сайга,
Я поступь твою и прямые рога,
Не меньше людей я тебя привечаю,
Всегда ты была для меня дорога!

Животных других не сравню я с сайгой,
Пуглива она, как ребенок грудной,
И тонкими чутко поводит ноздрями
При шелесте легком полыни степной.

Всё меньше сайгачных становится стад,
Быть может, их скоро совсем истребят,
Сайгу, кочевавшую прежде стадами,
Встречает лишь изредка пристальный взгляд.

И тут не пропустит ее зверобой:
Рога антилопы — товар дорогой. . .
Однажды, безлюдной тропой проезжая,
С израненной я повстречался сайгой.

Подбита безжалостной пулей врага,
Понуру свои опустивши рога,
К убежищу робко пытаюсь обратиться,
Шатаюсь, брела по пустыне сайга.

Смертельно устала, смертельно грустна,
Вся грудь от сочащейся крови красна,
Бредет задыхаясь, от боли измучась,
Вот-вот упадет, обессилив, она.

Безмолвен Бетпак. . . Бесконечность степей. . .
Сжигает дыханьем своим суховой. . .

И нет ни души... Далеко до селений,
Где жизнь говорлива, как быстрый ручей.

Шатаясь, сайга по пустыне бредет.
Порой остановится, тяжело вздохнет...
И вновь, собирая последние силы,
Бесцельно по этим просторам идет.

Плетется сайга через знойный Бетпак,
Приносит страдание каждый ей шаг,
В прекрасных глазах нестерпимая мука,
Тоска безысходная в этих глазах.

Уже невозможно ей боль превозмочь,
Под солнцем палящим идти ей невмочь,
И нет ей пристанища в голой пустыне,
И нет никого, кто бы смог ей помочь.

Так кто же в пустыне следил за тобой,
Когда за сухой ты нагнулась травой?
Холодный убийца, бездушный охотник
Всадил в тебя пулю жестокой рукой.

1924

85. ОСЕНЬЮ В СТЕПИ

Почему печален я сегодня,
Почему такой угрюмый вид,
Почему струна домбры свободной
Так протяжно-горестно звучит?

Ах, звени, домбра моя, живее,
Прогони с лица печали тень, —
Пусть танцуют пальцы веселее
В этот желтый, несуразный день.

Весь простор осенним ветром выжжен.
Где в степи былая красага?
Многоцветья красок я не вижу,
Словно малярия, степь желта.

Скользкий ветер разгулялся вволю,
Зашуршал среди цветов и трав,
Скачет, скачет перекасти-поле,
От своей бездомности устав.

Степь казахская тоски не прячет,
Вся она — горька и широка. . .
Песнь поет, и в этой песне плачет
Наш пастух, в словах ее тоска.

Не согреться чабану в лохмотьях,
Его кляче тоже нелегко,
Только стаду байскому здесь вроде
И сейчас печали никакой. . .

Вот твой хлеб, пастух. . . Ведь жить-то надо,
Надо жить, хотя бы и в нужде,
И пастух устало гонит стадо
И плетется у него в хвосте.

Непокорна исповедь пастушья,
И пастушья жалоба горда, —
Перед степью выплачет он душу,
Перед толстым баем — никогда.

Степь свое безмолвье протянула
По овечьим медленным следам. . .
Погляди на улочки аула —
Кто там мерзнет, кто рыдает там?

Пастуха жена там мерзнет, плачет:
Как от ветра защититься ей,
Чем печурку растопить батрачке,
Чем согреть и накормить детей?

По оврагам шарит она скорбно —
Обогреться хоть бы кизяком,
Но верблюдицею одnogорбой
Тащится с поклажей в байский дом.

Как тепло и сытно в юрте бая —
В ней огонь спасительный горит,

И, кониною благоухая,
В ней казан начищенный кипит.

Жиром байская лоснится морда,
Ну а сам он — важен и суров,
Его стадо — не его забота,
Мало ли в ауле бедняков?!

Почему бы не нажиться баю?
В мягких утопает он коврах,
И жена при бае молодая,
С влажною улыбкой на устах.

Ну а старшей — лень и шевельнуться,
Чинно смотрит старшая жена,
Надо всем бабами аула
Безраздельно властвует она.

О, я знаю, даже звонким летом
Бедняку не легче будет жить.
Равенства еще в ауле нету,
Хоть давно пора его добыть.

Почему, бедняк, не ищешь права,
Слепо покоряешься судьбе,
Почему судьбой своей не правишь,
Долго ли страдать еще тебе?

Жирным носом бай пускай не крутит,
Скот его пусть не пасет другой,
Пусть огонь, горящий в байской юрте,
Обернется байскою бедой.

Что же, бай, сиди с женою милой!
Только участь изменить нельзя, —
Вон она, гляди: твоя могила,
Вырытая восемь лет назад!

Октябрь 1925

86. МАТЬ-ЗЕМЛЯ

Когда бы мир весь с нами
Под красное встал знамя
И власть Советскую признал своей,

Когда бы все народы
Под знаменем свободы
Трудились бы для счастья людей —

То не было бы ныне
Всех баев и в помине,
Мы пастбища могли бы поделить.

«Отечества богатство,
И равенство, и братство» —
Под этим мы девизом стали б жить.

Цвела бы степь родная
От края и до края,
Везде бродили б тучные стада.

Тогда б не чашей с пылью,
А чашей изобилья
Ты стала, степь родная, навсегда.

Стучат, стучат колеса,
Мелькают дыма косы, —
Курьеский поезд вдаль уносит нас.

Летим без промедленья
И к месту назначенья
Прибудем мы в указанный нам час.

Прошли страданий годы,
Рассеялись невзгоды,
Нет ни рабов отныне, ни господ.

С мечтой о коммунизме
К счастливой новой жизни
Стремится пробудившийся народ.

В густом дыму по пояс
Несет нас века поезд,
Летит безостановочно вперед.

В нем сжатый пар клокочет,
Он мчится дни и ночи,
У станций замедля только ход.

Хорошая дорожка!
Задумчиво в окошко
Смотрю на подступающую даль.

Передо мною прямо —
Отчизны панорама,
В ней пропустить травинку даже жаль.

Весенняя погода —
Проснулась вся природа,
Повеял с юга теплый ветерок.

Уже настало время,
Чтоб бросить в землю семя:
Флажок зеленый выбросил листок.

Я вновь гляжу в оконце:
Земля дымит под солнцем,
Разбуженная ласками весны.

Холмы густой травой
Укрыты с головою,
И дали по-весеннему ясны.

Ветра поют призывней,
Уже от спячки зимней
Пора земле-красавице вставать.

Земля так смотрит нежно
На пух полей безбрежных,
Как на ребенка в люльке смотрит мать.

Степь широка, как море,
Она, в цветном уборе,
Ковром ложится под ноги людей.

Так будь же плодородной,
Будь радостью народной, —
Тебя зовем мы матерью своей.

И человек, и птица,
И даже зверь стремится,
Как к матери единственной, к тебе.

Ты всех вокруг питаешь,
И всех ты опекаешь, —
И я твоей завидую судьбе.

Пробившись из-под спуда,
Трава встает повсюду, —
К лицу тебе, красавица, она!

Земля весной прекрасна,
И всем на свете ясно,
Что в ней одной лишь жизнь заключена.

Незримыми руками,
Нежнейшими шелками
С большим искусством вышиты луга.

Я землю обнимаю,
Теперь я понимаю —
Как мне она, родная, дорога!

Земля — моя отрада,
Мне ничего не надо, —
Была б она цветущею всегда.

К ней прижимаясь, милой,
Я набираюсь силы
Для нового горенья и труда.

Здесь тысячи букетов —
Тот желт, тот фиолетов, —
Кругом ликуют яркие цветы.

О добрая природа,
Для нашего народа
Цветов и красок не жалеешь ты!

Цветы оттенков разных —
То голубых, то красных —
Нас сводят ароматами с ума.

Сквозь ночь пьянящий запах
Идет на мягких лапах,
Врывается в закрытые дома.

О, как цветы мне любя!
Я б целовал их в губы,
За чистоту душевную любя.

Мне б ими надышаться,
С их запахом смешаться,
Вдыхать, вдыхать, вдыхать его в себя!

О вы, цветы и травы,
В одном всегда вы правы —
Что надо вас лелеять и любить.

Средь вас любое сердце
Сумеет загореться
И песню вдохновенную сложить.

В тайге — как мачты — кедры,
В Земле — бездонны недра,
Неисчислимы воды наших рек.

И горы с ледниками,
И небо, что над нами, —
Всё покорил советский человек!

1925

87. ЛЕБЕДЬ

Мой лебедь милый
И белокрылый,
Пой песни, житель синих озер.

Плащ вымой нежный
И белоснежный,
Что ярче снега высоких гор.

1925

88. ТАЙГА

Вот она, тайга!
Словно в берега,
Бьются волны шума.

Ветерка прибой
То звенит трубой,
То гудит угрюмо.

В глушь твою, тайга,
Не пройдет нога —
Тут стволы не редки.

Их разнять нельзя, —
И стоят друзья,
Стиснув руки-ветки.

Ходят поутру
Волны на ветру —
Волны крон зеленых.

Словно море, ты
Плещешь с высоты
И сквозишь на склонах.

Лишь орлам видна
Часть лесного дна
И цветов полоска.

Укрывают мель
То сосна, то ель,
Тополь да березка.

Нынче тополь чист —
Вымыт каждый лист
Из небесной фляжки.

И стоит он, тих,
Словно бы жених
В чистенькой рубашке.

Хоть в березку он
С той поры влюблен,
Как живет на свете, —

Но ее, увы,
С ног до головы
Обнимает ветер.

А она горда
Тем, что молода,
Что стройна на диво.

Хоть скромна на вид,
Всех вокруг пьянит —
До того красива.

Тонкая нога,
Грудь ее туга
Под рубашкой белой.

Ветер пробежит —
Страстно задрожит
Худенькое тело.

И сосна сосне
Шепчет в полусне,
Что любовь, мол, горе.

Тихо со ствола
Капает смола,
Воздух пахнет морем.

О тайга, тайга,
Как ты дорога
Тем, что лечишь душу!

Вечен твой покой...
Кто тебя такой
Выплеснул на сушу?..

1925

89. ОЗЕРО

То стальной волной
Блещешь под луной,
То сверкаешь солнцем.

Этих вод стекло
До того светло —
Даже видно донце.

Влага синих вод,
Словно жидкий лед,
Освежает лица.

Иногда ты спишь,
Иногда шумишь,
Начиная злиться.

Сотни птиц сюда
Привлекла вода,
Отдых чин по чину.

Можно перья мыть,
И крылами бить,
И нырять в пучину.

Пляж во всей красе —
Криком, пеньем все
Наполняют воздух.

Птицы тут поют,
Что у них уют
Создан в новых гнездах.

Тут на все лады
Славят вкус воды,
Славят солнце в небе.

Среди синих вод
Облачком плывет
Белоснежный лебедь.

Я твою красу
В сердце унесу,
Озеро, послушай, —

Твоих вод бальзам
Исцеляет нам
И тела и души.

1925

90—91. ДВА ПИСЬМА

1

ПИСЬМО МАТЕРИ

Сын, когда ж тебя я увижу?
Покажись хоть единый раз.
Сын любимый, на что обижен —
Почему ты не кажешь глаз?

Ведь с тех пор, как уехал в город,
Ты как будто бы утонул,
И, наверно, еще не скоро
Вновь увидит тебя аул.

Провожая тебя далёко,
Я мечтала лет через пять,
Сын мой милый, мой сын черноокий,
В нашей юрте тебя обнять.

Дни летят. Я от горя старею,
Сеть морщин на лицо легла,
Всё грущу, но надежду лелею
Увидать моего орла.

Вспомни, милый, что мать осталась
В старой юрте совсем одна,
Я тогда еще крепкой казалась,
А теперь я стара и больна. . .

День и ночь по тебе скучая,
Я смотрю в туманную степь,
На сухие кусты молочая,
На холмов невысоких цепь.

Где-то всадник вдали маячит...
О, как остро сердце болит,
Когда мимо юрты проскачет
На тебя похожий джигит!..

Сын, поймешь ли мою заботу,
Чувство горькое вечных мук?
Тяжело мне стало работать,
Не хватает твоих мне рук.

Неужели, покинув степи,
Разлюбил ты старуху мать?
Знать, крепки городские цепи,
Что не в силах ты их порвать!

Засыпал ты на чьих коленях,
Вспомни, грудью ты вскормлен чьей?
Сколько вынесла я лишений,
Дней тяжелых, бессонных ночей!

Сколько слез пролила над зыбкой
Я у тлеющего огня,
Но всегда ободрял улыбкой
Ты измученную меня.

Рядом рано не стало мужа,
Он ушел от нас, и тогда
Жизнь аркан затянула туже,
И свинца тяжелей нужда

Мне легла на слабую спину...
Но решила я про себя:
Лишь бы вырастить крошку сына,
Лишь бы вырастить, сокол, тебя.

Баловства и капризов не зная,
Был ты малым доволен всегда.

Помню: в теплые сумерки мая
Ты задумывался иногда.

Как твои горячие глазки,
Звезды вспыхивали сквозь мглу,
Я тебе говорила сказки
Про Корпеша и Баян-Слу.

О верблюде, о чудном звере,
Обладающем речью людской...
Ты тогда этим сказкам верил,
Жеребеночек резвый мой!

Вспоминаю твои забавы:
Разделившись по лагерям,
Вы тягались «за честь и славу»,
Хворостинкой грозя врагам.

Помню, как ты бывал доволен,
«Неприятеля» победив,
Засыпал, наигравшись вволю,
На земле кошму расстелив.

А когда сам бывал побитым,
Не бежал ты домой в слезах,
И бродил целый день сердитым,
Никому ничего не сказав.

Вот теперь в дальнем городе где-то
Ты начальником, говорят...
От людей разузнав об этом,
Все родные твои шумят.

Им приятно, что сын мой милый
Так далеко теперь шагнул.
Сколько раз я тебя просила,
Чтобы ты приехал в аул!

Стал бы здесь ты судьей народным,
Оценил бы тебя Совет,
Ты имел бы всё что угодно,
Наш возглавил бы комитет.

И почетом, поверь, не меньшим
Окружил бы аул тебя.
Ты б невесту из наших женщин
Выбрал добрую для себя...

Укрепил бы хозяйство... И скука
Перестала б мне быть сестрой, —
Я с любовью бы нянчила внука,
Так, как нянчилась раньше с тобой.

Сын, подумай: ведь жизнь проходит,
Я стара и здоровьем слаба...
Смерть близка уж, за юртою бродит,
Суждено ли увидеть тебя?

Чем тебе полюбился город,
Что забыл ты старую мать?
Не сердись на мои укоры,
Приезжай! Буду ждать.

25 декабря 1925

2

ПИСЬМО СЫНА

Здравствуй, старая мама, усталая!
Как здоровье твое, апеке?
Посседела, наверно, и стала
Вроде бабушки Тапекен!

Пишешь ты, что прошли все сроки,
А меня-то всё нет и нет,
Что забыл я тебя, жестокий,
И торопишь: ускорь ответ.

Мать, утешься! Долго ли будешь
Ты меня упрекать, любя!
Где бы я ни скитался, всюду
Помню я и люблю тебя.

Не забыть мне, как обнимала
Ты меня в тяжелой тоске,

Сколько слез протекло по впалым
По щекам твоим, апеке.

Как, задумавшись, ты сидела
Темным вечером у огня,
Сколько песен печальных пела,
Убаюкивая меня.

Пела ты, как страдали казахи,
Как была твоя жизнь тяжела.
Этих песен горькая накипь
Мне на сердце печалью легла.

Много правды в тех песнях открыла
Мне о жизни родных степей.
Этих песен гневная сила
Вечно в памяти сердца моей.

Опаленные гневом тех песен,
Годы юности шли без утех.
Мир степной показался мне тесен,
Жить как все — я почел бы за грех.

Горечь слов твоих помню, родная,
Всё, что пела ты, не забыл.
Помнишь, песням твоим внимая,
Как я тих и задумчив был?

Помню ласку твою, заботы
Обо мне, о моей судьбе.
Как кормила, придя с работы,
Ты меня, забыв о себе. . .

Были дни: даже пшенной каши
Не осталось совсем у нас,
И в задымленной юрте нашей
Вдруг очаг замирал и гас.

Видел я, как, нуждой убита,
Заливалась слезами ты.
Правду жизни я понял скрытую,
Правду горя и нищеты.

Понял я, что борьба неизбежна,
Что достался мне горький удел.
С самой юности, робкой и нежной,
Я мятежною силой горел.

Ты у неба просила хлеба,
Но, слепая в своей мольбе,
Ты не знала еще, что небо,
Как земля, безучастно к тебе.

И, в отчаянье руки ломая,
Ты рыдала, ко мне припав...
Я поклялся тогда, родная,
Умереть иль добиться прав.

Эта клятва меня в мужчину
Превратила, развеяв туман,
Проложила на лбу морщины,
И ушел я в рабочий стан.

Малахай мой сносился в скитаньях,
И потерял армяк на локтях,
Но дождался я: в громах восстанья
Мне ответил Великий Октябрь.

Мне ответила Власть Советов
(Мать, поймешь ли мои слова?).
Мы дождались теперь ответа,
Получили свои права.

Тосковать обо мне не надо:
Перешел я великий брод,
И меня посетила радость
Новой жизни, больших забот.

Я увидел, что путь рабочих —
Настоящий и верный путь.
И теперь уж ни днем, ни ночью
Мне с того пути не свернуть.

Я работаю не уставая
В этом вихре горячих дней.

Не зови меня в степь, родная, —
В нашем городе я нужней.

Мать, и ты ведь живешь не худо
(Вспомни жуть былой нищеты!):
Для кочевок имеешь верблюда,
И корову имеешь ты.

Но утешься! Продлить беседу
В нашей юрте, за огоньком,
Я весною в аул приеду,
Если отпуск мне даст партком.

6 января 1926

92. ТАИНСТВЕННЫЙ ЛАРЕЦ

(Из письма к другу)

Ах эти попрошайки курицы!
Пристанут — нет от них отбоя,
Едва вы выйдете на улицу,
Крупы и проса взяв с собою.

Так и «друзья». Они — как курицы.
Снуют, пока вы не в опале.
Но стоит небесам нахмуриться —
Ищи-свищи! «Друзья» пропали.

Их дружба — сушая безделица.
Друг проверяется на деле.
Друг с вами тайнами поделится
И ваши горести разделит.

Душа людская — клад бесценный.
Она — хранилище сокровищ,
Таинственных и сокровенных.
Ее лишь другу ты откроешь.

Душа от глаз людских хоронится,
Как будто пленница в темнице.
Она тоскует, как затворница,
И ищет друга, чтоб излиться,

Тебе, мой друг безвестный,
Все помыслы души
Я раскрываю в песне, —
Ты ж слушай, не дыши.
О, что душа без песни
И песня без души?!

Пойдем туда, мой друг бесценный,
Где спят утесы-великаны,
Как будто пологи над сценою,
Над ними плавают туманы.
Средь этих дебрей нелюдимых
Живут застенчивые тайны.
О, как найти их, невидимок?
Как различить их звон хрустальный?
Звенят ключи, цветут плющи, —
Попробуй тайну разыщи!

А на границе этих скал
Стоит утес-гранит.
Его вершина высока,
Его ласкают облака,
Он тайну тайн хранит.

Утес, как дьявол однорогий,
Встает над хмурою равниной,
К нему заказаны дороги.
Растут леса. Встают отроги,
И рек беснуются стремнины.
Вглядись, мой спутник, напряженно
В его безмолвную прохладу,
О, этот край замороженный!
О, это логовище кладов!
Ты видишь, над седой вершиною
Маячат мрачные ворота,
Над ними буквы трехаршинные
Горят угрюмой позолотой.
В дворце — сокровища несметные,
Но краше всех других диковин —
Ларец, для глаза незаметный,
Обычно бронзою окован.
Покрытый пестрою тряпницей,

Он прочих сундуков не ярче,
Но в нем другой ларец хранится —
Горящий перламутром ларчик.

Тот краса ларец
Бирюзой покрыт,
Тот ларец-малец
Тайну тайн хранит.
Он хранит ключи
Ото всех сердец.

Что за звон звучит?
Что сокрыл ларец?
То ли арф лады?
То ли лиры звук?
Видишь струн ряды,
Мой бесценный друг?

Подойди и тронь
Эту лиру лир,
И со всех сторон
Отзовется мир.
Все сердца звенят
Этой песне в лад,
Лад былин-баллад —
Слов волшебный лад! ..
Этот чудо-клад
Кручи гор храняг.

И я там был, и был не раз,
Взбирался в тот дворец
И трогал струны в ранний час
На утренней заре,
Вставал иных миров мираж, —
И из конца в конец
Вся жизнь, как утренний пейзаж,
Лежала в серебре.

О сердце, ты — сокровищ страж,
Таинственный ларец!

26 февраля 1926

93. МОЙ БЕДНЫЙ АУЛ

Да, уже немало дней
Я под кровлей городской,
И на родине своей
Раз в два года я гощу.

Вот он, бедный и родной,
С детства памятный аул!
Только стал совсем иной
За немногие года.

Стариков с течением лет
Заменяла молодежь...
Так прими же мой привет,
Сизо-войлочный аул!

Облик жизни изменен,
Лица юношей свежи,
А вчерашние юнцы —
Пышноусые мужи.

Полог юрты обветшал,
Пусть же станет золотым.
В колыбели я лежал,
Тишиной его храним...

Вот где правил бай Тапал,
Где озера Кос Шалкар.
Где же кони, чей табун
Берега озер топтал?

Опустел аул Хаджи,
Обеднел аул Мурзы.
Где их скот? Как ни кружи,
Малой доли не найдешь.

Но Карип и Абжекен
Не усмотрят всех овец,
Не сосчитаны никем
Их отары и стада.

Вот он, мой родной аул!
Я, оглядывая даль,
Добрим словом помянул,
Сосчитал односельчан.

Сын муллы — он секретарь,
А муллы в помине нет.
Одноглазым стал Сатай,
Стал еще старей Али.

Да, возглавил сельсовет
Сын муллы, последний сын,
И в ауле нет муллы,
И мулле почета нет.

У Данкена — хворь и плешь,
Зубы выпали его,
И волос лишен Ареш,
Лишь полноса у него.

Изымханова жена
Лихорадкою больна,
А сапожник — сед и хром,
Наделен большим горбом.

Булекан и Биязы —
С глухотой и слепотой.
Не стряхнуть с очей слезы
Одряхлевшею рукой.

Сгорбившись, чтоб не упасть,
Две старухи побрели. . .
Захватили в доме власть
Молодухи сыновей.

Вырос сын у Биязы
И подался в города.
Он со мной вошел в аул,
Мать ученого горда.

Вот и плачет Бияза,
Плачет сын ее Жамал,

Стал он крепок и силен,
Был когда-то слаб и мал.

Люди поняли сейчас
Пользу знаний и наук,
И у многих из сельчан
Учатся и сын, и внук.

Все в труде... И Алиман
Чинит старое седло.
Рубит заново Сатан
Ось распавшейся арбы.

А Кадиш издалека
Воротился в свой аул.
У двухлетнего конька
Поступь твердая легка.

А на берегу реки —
Отдых медленных коров,
А на склонах — косяки
Огнедышащих коней.

Некогда пасли табун
На джайляу Кара-ой...
Слился с бархатом полей
Бархат неба голубой.

Раздается рев быка,
Отдается вдалеке,
Едет сборщик кизяка
На несмазанной арбе.

Черно-бурый бык могуч,
Силой запряжен в арбу.
Выцветший шекпен колюч,
Тело голое темно.

На одежде бедняков
Много всё еще заплат.
Ты когда покинешь их,
Старый, порванный халат?

Но мальчишеских ватаг,
Общей занятых игрой,
Собирающих кизяк,
Песни звонкие слышны.

Песни новые у них,
Новый день и новый век,
Песни новые звенят,
Огласив Кара-узек.

Лишь вчера Коран они
Распевали наизусть.
Новые настали дни,
Новый слышится напев.

У Сатая-бедняка
В доме вдоволь молока.
Нурекенова Айша
Стала дивно хороша.

Весь в заплатках Атекен,
Вечно он бродил один,
Рван шатер его, кеген
Весь длиной в один аршин.

Рядом с юртой, у заплат,
Топчется убогий скот.
Десять коз и пять козлят.
Неудачен был приплод.

Я из города привез
Сепаратор в дар ему. . .
Все бегут его смотреть —
Не пробиться никому.

Масло Атекен скопил,
Продав в кооператив
И, шапан себе купив,
Задал всем соседям пир.

Сепаратор зашумел,
Сказочен, молочно-бел.

Масла жирные комки
В каждом доме велики.

Возле юрты женский смех.
Многолюдно день и ночь.
Сепаратор зашумел.
Все хотят ему помочь.

В центре круга он стоит,
В центре круга — шум и стон.
Жадно слушает народ
Песню будущих времен.

Ручку крепко ухватив,
Крутят до потери сил.
Аппарат заголосил. . .
Нескончаемый мотив!

Чутко вслушиваюсь я
В этот вдохновенный гул,
И оглядываю я
Мой сегодняшний аул.

Нескончаемый мотив —
Сепаратора напев!
Эту песню подхватив,
Песню я свою сложу.

Вот он, бедный и родной,
С детства памятный аул!
Только стал совсем иной
За немногие года. . .

Август 1926

94. ДУМЫ МОЛОДУХИ

Ах, трескучий мороз!
Зимний яростный ветер,
Как разбойник, свистит,
Всё занес он на свете.

Землю всю завалил
Снег, как море, глубокий,
И лютует мороз
На просторах жестокий.

Он проворен, свиреп —
Щеки выбелит быстро;
Сыплет солнце из туч
Разноцветные искры.

Над сугробами пыль —
Рыщет по полю вьюга,
И нигде ни души,
Вся безлюдна округа...

В стужу дом бедняка —
Как могильные своды.
Все невзгоды в сто раз
Горше от непогоды.

Дымовая труба
Стонет, воет натужно,
Словно дом сам кричит
О печали, о нуждах.

Зимний ветер в снегах
Крутит петли искусно;
В доме юная мать
Думу думает грустно.

Иней стены покрыл,
Знаки бедности пряча,
Сын в кроватке затих,
Изнемогший от плача.

«...Стала другу женой,
Он мне верным в любви был.
Не жалею, мой сын, —
Это правильный выбор.

Было раньше: жена
Век рабынею ходит...

Что нам бедность была?
Мы пеклись о свободе!

Но прогнали царя,
Дружным зажили станом.
Есть свобода. Теперь
Бедность стала тяжка нам.

Как болела у нас
Грудь тогда от печали!
Стать женой по любви
Сестры счастьем считали.

Меня выбрал Жумат
Из девичьего круга.
Я любила его,
Стала верной подругой.

Есть доверье, любовь —
Да, семья неплохая,
Но еще тяжела
Наша бедность большая».

...Над печною трубой
Вьюга, вьюга колдует...
Укачав малыша,
Молодуха горюет.

Ах, трескучий мороз!
Зимний яростный ветер,
Как разбойник, свистит,
Всё занес он на свете.

Землю всю завалил
Снег, как море, глубокий,
И люет мороз
На просторах жестокий... .

17 декабря 1926

**95. БЕДНЯЦКИЙ АУЛ
ПРИ ТРЕСКУЧЕМ МОРОЗЕ**

На просторах степей
Вьются косы метели.
Снег засыпал весь свет,
Залепил даже щели.

Спит бедняцкий аул,
Той пургой осажденный.
Спит, как воин без сил,
Как солдат побежденный.

У степных бедняков
Труд все вымотал жилы, —
Юрты в дырах всегда,
И похлебка без жира.

Окна еле видны,
И безмолвные трубы
Над снегами торчат,
Будто редкие зубы.

Дым клубится из труб
Низко-низко. И тает:
Это стужа к земле
Даже дым пригибает.

Низко стелется дым,
В лог уносится мрачный.
Знать дает о жилье
Только запах кизячный.

Сжавшись, стадо скота
Вьюги слушает стоны:
Спин не греют худых
Из лохмотьев попоны.

Хлопотливый старик,
Мальчик, трое джигитов
Строят вал изо льда,
Чтобы скот был укрытым.

Взмокли спины людей,
Снег летящий дымится, —
Хоть бы сена клочок,
Чтоб не пали кормильцы!

Корм ища для скота,
Снег взрывает лопата.
Старый рваный тулуп —
Вся одежда Жумата.

Опоясавши грудь
Сыромятным арканом,
Будет он допоздна
Состязаться с бураном.

Молодуха его
Сына в юрте качает.
Для своих трех коров
Корм Жумат добывает.

Добывает траву —
Рвет рукой онемелой. . .
Ходит в поле Жумат,
Весь завьюженный, белый. . .

1926

96. В ЛАЧУГЕ ЖУМАТА В ТРЕСКУЧИЙ МОРОЗ

Вот лачуга стоит
На пути из аула —
От бесчинства ветров
Грустно спину согнула.

Из самана ее
Сбили чьи-то ладони.
Когдаходишь в нее,
Гнешься, словно в поклоне.

Узок пол земляной,
Тряпок скопище затхлых.

Постоянно стоит
Сыромятины запах.

Тусклый бычий пузырь
В дырах-окнах печальных,
Старой шапкой накрыт
Остывающий чайник.

Через окна и дверь
Слышен посвист метели;
Белым инеем все
Запорошены щели.

Воет-плачет труба
Дряхлой печки-временки;
Пес голодный скулит
Там, за дверью землянки.

Голос ветра в трубе —
Как призывы на помощь...
Но к призывам глуха
Злая зимняя полночь.

В общем, что говорить
Нам о бедности боле:
В доме нужного нет
И десятой-то доли.

Нет уюта, тепла
У Жумата в лачуге,
Наполняют ее
Завывания вьюги.

Жить здесь — сила нужна
И присутствие духа...
В черной, дымной норе
Лишь одна молодуха.

Перед ней колыбель, —
Мать сынишку качает
И на лобик ему
Слезы молча роняет.

Плачет, плачет малыш...
Что с ребенком такое?
Он с рожденья — в слезах,
Словно просит покоя.

Песню грустную мать
Над сынишкой заводит.
Черный ветер ночной
Вторит ей в дымоходе...

1926

97. КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Костным жиром напою,
Тихо песенку спою,
Крепко спи, мой ненаглядный,
Баю, баюшки-баю.

Своему богатырю
Я подарок присмотрю,
Мягкий хвост собачки пестрой
Вместо плети подарю.

С ним в седло садись со мной,
Рядом с матерью родной,
Твоего отца разыщем
Мы в метели ледяной.

Он слывет в краю степном
Самым лучшим пастухом.
И сейчас он, в зимний вечер,
Зорко смотрит за скотом.

Ты, мой маленький джигит,
Чем ты будешь знаменит?
Правда ль, что твоя отвага
Нашу старость сохранит?

Может быть, далеким днем
Смелым станешь ты вождем
Обойденных мирным счастьем
Бедняков, как мы с отцом?

Или станешь мудрецом
Ты с крутым — в семь пядей — лбом,
Достославным речетворцем
С метким, острым языком?

А быть может, мой сынок,
Будешь славен, как пророк,
Чистой истины глашатай,
Обличающий порок?

Или ты в расцвете лет
Удивишь весь белый свет,
Станешь доблестным батыром,
Не живущим без побед?

Или, славя отчий дом,
Подружишься с кетменем
И примером трудолюбья
Станешь ты в краю родном?

С кузнецами, может быть,
Будешь людям ты служить
И железо, словно тесто,
Тяжким молотом месить?

Или ты на целый мир
Прогремишь как ювелир,
Огранивающий искусно
Изумруд, рубин, сапфир?

Или, как Камбар, с конем,
С буйным, быстрым скакуном,
Станешь храбрым зверобоем,
Метким опытным стрелком?

Ты, когда войдешь в года,
Благонравным будь всегда,
На седьмом, птенец мой, небе
Мать окажется тогда.

Если ж вдруг молва пройдет,
Что любимый сын растет

Своевольным и злонаправленным,
Мать слезами изойдет.

Баю-баю, светик мой,
Жеребеночек родной,
Оправдай мои надежды,
Мой сыночек дорогой!

1926

98. БЕЛЫЙ ПЕС И ПАРОВОЗ

Будучи этим летом в командировке, я написал в газету «Енбекши казах» заметку о недостатках на железной дороге Кзылжар — Кокчетав. Некий отщепенец Мустафа Шокаев, ссылаясь на эту заметку, излил в белоэмигрантской газете «Дни» немало желчи, пытаясь опорочить политику Советского правительства. Хотя это стихотворение было написано задолго до клеветнических измышлений господина Шокаева, именно это стихотворение я ему преподношу.

Кто этот путь бескрайний протянул?
То тут, то там нам представал аул.
Над горизонтом солнышко вставало,
И нам в лицо холодный ветер дул.

Чугунный поезд движется вперед,
То торопясь, то убавляя ход,
Быстрее ветра черный конь несется,
Он полон сил, не ведает забот.

Он вышел в путь, который крут и прям.
Стучат колеса по стальным путям.
Из-под стальных колес несутся искры,
И скачет конь, и грозен и упрям.

Бьют клубы пара из его ноздрей,
А он бежит всё дальше, всё быстрее.
За пышной гривой дымный шлейф струится,
Оставив позади простор степей.

Могучий дух несет его вперед,
Пар из ноздрей неукротимо бьет.
Конь вороной летит по звонким рельсам,
И сто телег он за собой влечет.

Он по дороге тянется змеей,
Свои телеги тянет за собой,
И неуклонно крутятся колеса,
И вся земля дрожит под ним порой.

Хоть всё еще дорога далека,
Несется конь под уханье гудка,
Он вдаль несется, как стрела из лука,
Как будто силы хватит на века.

Сколь многое осталось позади!
Но всё вперед идти ему, идти!
Он осторожно сдерживает скорость,
Но прежний жар горит в его груди.

Кругом аулы старые видны,
Кругом коней пасутся табуны,
Вдруг белый пес на паровоз залаял,
Узрев, как мы вперед устремлены.

Пес тощ и худ, и шерсть висит на нем,
Неладно у него с едой, с жильем,
Облезлый пес бежит за паровозом —
Чего он ждет? Мечтает он о чем?

Ужели уповаet белый пес,
Что он обгонит мощный паровоз?
Он, может, просто милостыни просит
И лишь затем и вьется у колес?

А белый пес не хочет отставать
И всё глядит на паровоз опять,
И всё свои облизывает губы,
Не уставая взором умолять.

Голодный пес затравлен, зол и дик,
Просить он подаяние привык,

Он, изогнувшись, не отстать стремится,
Из пасти длинный высунув язык.

Пес разъярен, в глазах его тоска —
Никто ему не бросит ни куска,
И подала ему лишь машиниста
От сажи почерневшая рука.

А машинист, что весь в мазуте был,
Мозоли на ладонях натрудил,
Он молча кинул псу краюху хлеба,
И тотчас белый пес ее схватил.

Еще недавно был он сыт и горд,
И охранял покой своих господ,
А ныне отощал от голодухи,
И дыбом шерсть облезлая встает.

Ты, белый пес, был выхолен и чист
И к господам спешил на первый свист.
Зубами рвать не раз тебе случалось
Замасленных, как этот машинист. . .

Что ж, белый пес, что взял — назад отдай,
Жирел на дармовщине — голодай,
Виляй хвостом перед врагом вчерашним,
Которого встречал твой злобный лай.

Ты тряс, бывало, гордой головой,
Бывало, хвост закручивал трубой, —
Теперь стоишь и просишь подаянье.
Куда ж девался вкус отменный твой?

Конь вороной торопится вперед,
А белый пес никак не отстает,
И, норовя схватить мясца кусочек,
Он, задыхаясь, разевает рот.

Голодный пес кусок мясца схватил
И мчится дальше из последних сил,
Он на лету глотает подаянье
И мчится вслед за тем, кто накормил.

Спокойно едет мощный паровоз,
Стремится не отстать голодный пес,
И долгое сие соревнованье
Велит мне призадуматься всерьез.

О, может быть, рассказ мой нехорош,
Но в нем, как в басне, ты мораль найдешь:
Адой белый пес — осколок прежней жизни,
Он на былых правителей похож.

Мой паровоз — глашатай новых дней.
Пес ошалев от его огней,
Но верить глупый пес не перестанет,
Что прежний путь надежней и верней.

1926

99. ДЕВУШКЕ ИЗ СОВНАРТШКОЛЫ

Ты в город ушла на учебу,
Но там, вдалеке от степей,
Смотри, не забудь об ауле,
О родине милой своей.

Невежество в нем угнездилось,
Все мысли живые губя. . .
Здесь ждут твоего возвращенья
И помощи ждут от тебя.

Штурмуй же твердыню науки,
Основы основ изучай,
Не вздумай томиться бездельем,
Лентяйкой не стань невзначай.

Для девушек в дальних аулах
Должна ты примером служить
И светочем ясного знания
Извечную мглу осветить.

В нужде, в темноте, в глухомани
Пока что живет твой народ. . .
Пусть город тебя не приманит
Соблазном фальшивых красот.

Пускай городские девицы
И в пух разодеты и в прах,
Дешевой блестя мишурою,
Дымят папироской в зубах.

Ни в чем не бери с них примера,
Не то попадешься впросак —
Ни знаний, ни сил, ни здоровья
Тебе не прибавит табак.

Любители внешнего лоска
Наводят лишь тень на плетень. . .
'А много ли нужно искусства —
Прически менять каждый день?

Немало у нас шалопаев,
Которым учеба чужда.
Страшись, им во всем подражая,
Невеждой прослыть навсегда.

Ведь если ты, кончив учебу,
Лишь внешность изменишь свою,
Мишенью для едких насмешек
Ты станешь в родимом краю.

Не будут ли одноаульцы
В глаза тебя зло укорять:
Чему же, мол, ты научилась, —
Одни только платья менять?!

Подруги, друзья и родные
Смеяться начнут над тобой
И будут тебя по аулам
Бездушною звать и пустой.

Я вовсе не против обновок,
Но жаль, если б ты из-за мод
В развитие своем отставала,
Не двигалась дальше вперед.

Всё делай как знаешь. . . Но люди
Пускай про тебя говорят,

Что внутренний мир твой богаче,
Чем самый богатый наряд!

Нет проку в пустом человеке,
Ведь в блеске своем показном
Он схож пестротой наружной
С красивым, но горьким плодом.

Все эти тревожные мысли
В свою заключаю я речь,
Желая от грубых ошибок
По-братски тебя уберечь.

Ведь всё же ты мне не чужая,
И лишних не трачу я слов...
Должна оправдать ты надежды
Далеких своих земляков.

Да вот что! Не трогай ты косы,
Ведь, право, их жаль остригать,
А длинные косы тебе,
Ей-богу, не будут мешать!

Природа красавице цапле
Дала белоснежный наряд,
Фазану — цветистые перья,
Которые радуют взгляд.

Тебя же всегда украшает
Краса шелковистых волос,
И люди любятя блеском
Тугих, замечательных кос.

Ты выслушай, не обижаясь,
Мою откровенную речь,
Обязанность старшего брата —
Сестру от ошибок беречь.

Старайся же из совпартшколы
Вернуться с большим багажом,
Чтоб светоч ученья и знаний
В ауле зажегся твоим.

Ведь раз ты в познаниях сумела
Седых стариков превзойти,
Твой долг перед родиной нашей —
В народ эти знания нести.

Стремись же все тайны науки
В упорной учебе познать,
Чтоб после в практической жизни
На благо людей применять.

Теорию с практикой смело
В работе своей сочитай,
И сможешь плодами ученья
Родной ты порадовать край.

Советом тебе из аула
Помочь не сумеет родня.
И мне помогать тебе трудно —
Ведь ты далеко от меня.

Поэтому в письмах советы
Любимице шлю я своей
В тот город огромный, который
Лежит вдалеке от степей!

1926

100. ИЗ ОКНА ВАГОНА ¹

Саре Есовой

Курьерский стремительный поезд
Без усталости мчится вперед,
Из окон глядят пассажиры
На мир неоглядных широт.

Я тоже гляжу с упоением
На бледную степь из окна.
Окутана снегом глубоким,
Как море, безбрежна она.

¹ Написано в вагоне к Новому, 1927 году.

Насупился редкий кустарник,
Застыл, коченея, ковыль.
Покрыла сухие верхушки
Морозная жгучая пыль.

Со снегом соседствует иней,
Суровый, безрадостный вид...
Зима, как седая старуха,
Угрюмо на землю глядит.

Лицо ее заиндевело...
И глядя на старческий лик,
Припомнил я прошлое лето,
Исчезнувший солнечный блик.

Покойником в саване белом
Простерт охладелый простор,
Косулей, бродящей в пустыне,
Блуждает мой мысленный взор.

Я скорбную вспомнил беседу,
Припомнил я горечь речей;
Ты с болью тогда говорила
О вечной печали своей.

Ты с грустью меня уверяла —
И верила в это сама, —
Что юность промчится, как лето,
И старость придет, как зима.

«К нам смерть подойдет постепенно,
Считаться не станет с тобой... —
Вздыхнув, ты глаза опустила,
Охвачена острой тоской, —

Могилу свою обнимая,
Навечно мы в землю войдем...
Так сколько ж нам жить остается,
Тужить перед смертным концом?»

Я эти печальные речи
Запомнил тогда наизусть...

Зачем же ты так тосковала,
Откуда взялась эта грусть?

Далече до зимних морозов,
Ведь осень еще не пришла,
И жарко горящее сердце
Покрыть не посмела зола!

Но хоть и зима подберется,
И тут не пеняй на судьбу.
Пусть волосы снегом осыплет,
Пусть лягут морщины на лбу, —

К чему сокрушаться напрасно?
Идет всё своим чередом...
Не мучайся скорбным раздумьем,
Свой век мы не зря проживем!

Идет караван поколенья,
С тропы ему горько сойти...
Из тысяч таких караванов
Не первые мы на пути.

Никем не был мир этот создан,
Не будет разрушен никем,
А жизнь — словно яркая искра...
Сверкнет и погаснет совсем.

Здесь много прошло караванов,
Исчезнув один за другим,
И мы, проходя вслед за ними,
На давней стоянке гостим.

От многих следа не осталось,
В забвенье исчезли навек,
И всем им, наверно, хотелось
Вернуться на старый ночлег.

И мы не вернемся обратно,
Но наши потомки не раз
У памятника на стоянке
По-доброму вспомнят о нас.

Фундамент мы здесь заложили,
Возводим стену за стеной,
Не раз еще тяжкие камни
Поднимем мы вместе с тобой.

И память о нас сохранится
До самой далекой поры —
О подвиге старшего брата,
О подвиге старшей сестры.

Надежный заложен фундамент,
Мы стены построим теперь,
В дворец, воздвигаемый нами,
Потомкам откроем мы дверь.

Мы справимся с большей работой,
Нам больший размах по плечу,
Всё выше мы прочную кладку
Возводим — кирпич к кирпичу.

Один за другим караваны
Исчезли в беспамятстве лет,
О нас же останется память,
В веках нестираемый след.

Еще не прошло наше лето,
Ведь осень еще не пришла,
И жарко горящее сердце
Покрыть не посмела зола.

А если зима подберется,
Не будем пенять на судьбу.
Пусть волосы снегом осыплет,
Пусть лягут морщины на лбу, —

И здесь горевать мы не станем:
Идет всё своим чередом. . .
Не мучайся в горьких раздумьях,
Свой век мы не зря проживем.

1 января 1927

101. НАБОРЩИКИ

Ударил раскатами дробного грома
Станков типографских рокочущий ряд.
И образы реют, парят небесомо
И наше сознание незримо творят!

Не с облачных высей откликнулось эхо,
Не в утреннем небе рождается свет —
Сейчас в коридорах наборного цеха
Куется оружие наших побед.

И чудо течёт в золотых узорочьях,
Которые век на свинце начертал,
В железных руках типографских рабочих
Одухотворяя холодный металл.

История стала звенящим металлом,
История в шрифт воплотилась литой,
Встает золотым, небывалым порталом,
И время несется стрелой золотой.

Ты знания сеял в народе, как зерна,
Высокого десятилетия набор...
Рабочий! Веди вдохновенно, упорно
По черни свинца драгоценный узор.

И вот по свинцу семенит вереница
Причудливых образов, линий, замет.
И быстрые буквы спешат перелиться
В слова и созвучья, и в краски и в свет.

И синих спецовок спешит муравейник,
Растет, шевелится, он занят трудом,
Бригады и звенья... И утренней смене
Вечерняя смена подобна во всем.

Мерцает серебряный шрифт типографский,
Серебряным блеском сияет пыльца,
На пальцах, измазанных грязью и краской,
Играют и светятся блески свинца.

Ударит, прокатится дробное эхо
И с цокотом пересечет поперек
Свинцовое царство наборного цеха,
Горячего зала просторный чертог.

И перелетая из ящика в ящик
И черпая пригоршни букв на бегу,
Из прямоугольников, плотно стоящих,
Упорные пальцы сбивают строку.

Огромные рати и полчища гранок
Теснятся на полках и рвутся из рук.
В знаменных узорах, в цветах златотканых
Проносится войско искусств и наук. . .

По этим свинцовым изображениям
Печатное слово промчится, горя
Сегодняшним чудом, грядущим сраженьем. . .
И будущей жизни восходит заря.

Грохочут пчелиные ульи печати,
Но кассы наполнил не мед, а металл.
Мой первый товарищ, мой первый читатель —
Наборщик над свежими строчками встал.

Он в синем халате простого покроя.
Таких же спецовок немой хоровод,
Бригада, подобье пчелиного роя,
Стоит над свинцом и по цеху снует.

Рабочие! Это они дирижеры
Великого хора. . . Из капли свинца
Рождаются знаки, струятся узоры,
И наши они озаряют сердца.

Проснулись и ожили мертвые знаки,
Разгадан металла безмолвный секрет,
И отданы звуки и знания бумаге,
И новые книги увидели свет.

История стала звенящим металлом,
История в шрифт воплотилась литой,

Встает золотым, небывалым порталом,
В грядущее нитью ведет золотой.

Ты знания сеял в народе, как зерна,
Великого десятилетия набор. . .
Рабочий! Веди вдохновенно, упорно
По черни свинца драгоценный узор.

1927

102. ЛАСТОЧКА

После долгой спячки зимней
Пробуждается земля —
И вершины и низины
Расшивают зелена.

И весенний темперамент
За узором тклет узор,
За орнаментом орнамент
На степной кладет ковер.

Пали капли дождевые,
Как жемчужины, с небес,
И концерты птиц живые
Оглашают звонкий лес.

Расцвела земля сырая,
Соком всё поит, растя, —
Словно грудью мать родная
Кормит милое дитя.

Полдень ясный и высокий. . .
Вытирая потный лоб,
Ты земные слышишь соки,
Благодарный хлебороб.

Пробудилось всё живое,
С каждым часом жизнь живей,
Начал дело трудовое
Даже малый муравей.

У засеянного клина
Шустро ласточка снует,
В клюве — прутик или глина,
Гимн весне она поет.

Прославляя труд и братство,
Пой, ударница труда!
Коль бедняк взрастил богатство —
Будет с хлебом он всегда!

1927

103. НА ВОЛНАХ ЖИЗНИ

Сверстнице

Как бурный Яик, жизнь течет
В неведомые нам края.
Здесь каждый в меру сил гребет
И цель у каждого своя.

В верховьях, тонок и плаксив,
Журчит, петляет ручеек!
По капле силу накопив,
Он превращается в поток.

И вот, раздвинув берега,
Как будто расправляя грудь,
Течет могучая река,
Прокладывает к морю путь.

Везде, куда проникнет взгляд,
Чернеют лодки на волнах.
Они спуют, бредут, летят,
Порой сшибаясь второпях!

Пути их определены,
Неволен их усталый бег.
И в руки яростной волны
Их судьбы отданы навек.

Так лодки мчатся по реке,
Спешат, сшибаясь на лету,

То исчезают вдалеке,
Уходят в воду, в темноту...

Их гонит бурная вода
То врассыпную, то гурьбой,
С коварной льдиной иногда
Они вступают в жаркий бой.

И мне на весла налегать,
И мне без усталости грести.
Воды недвижимая гладь
Мне чудится в конце пути.

Но волны бешено снуют,
Играя мною, как мячом,
И белой пеною плюют,
Как будто всё им нипочем.

Над бездной пенится вода,
И кружит нас водоворот.
В пути застигла нас беда,
Никто на помощь не придет.

Мою ладью кружит волна,
Как мяч резиновый неся.
То в берег тычется она,
То под волну уходит вся.

Я над пучиной водяной
Вишу беспомощный, хоть плачь.
Волна несется за волной,
Меня швыряя, точно мяч.

И я, сорвавшись с этих круч,
Лечу неведомо куда.
И надо мной до самых туч
Вскипает пенная вода.

Весь мир как будто превращен
В воздушный шарик на волне.
Еще мгновение — и он
Исчезнет в темной глубине.

Мы в ходе жизни не вольны.
Мы только щепки на реке.
Мы на волну летим с волны
И исчезаем вдалеке.

Любой ручей, любой поток
Спешит припасть к морской груди.
Наш путь опасен и далек,
Но море ждет нас впереди.

Река швырнула как-то раз
Тебя в объятия ко мне.
Две наши лодки в этот час
Сошлись на бешеной волне.

И там, среди бурлящих струй,
Куда несет тебя поток,
Ты встретишь жаркий поцелуй
Или предательский клинок.

Пока вдали от берегов
Меня носил безумный шквал,
Я много раз встречал врагов
И много раз друзей терял.

Меня волна сшибала с ног,
Меня крутил шальной поток.

Со многими я враждовал
И с очень многими дружил.
Огнем я дружбу проверял,
Врага вокруг пальца обводил.

Нас качка мучает в пути,
И ветер нас наотмашь бьет,
Но кто откажется грести,
Кто не захочет плыть вперед?

И мы с тобою, вдали спеша,
На бурной встретились волне.
И расцвела моя душа,
Когда ты улыбнулась мне.

Твои достоинства не счесть,
Но каждому воздам я честь.

Перед тобой склоняюсь ниц.
Нет у любви моей границ.

Ты так небесно хороша,
Прекрасный свет моих очей.
Как жадно ждет моя душа
Твоих улыбок и речей!

Ведь каждый, утомясь в пути,
Покой мечтает обрести.

Но, как мячом, твоей судьбой
Еще потешится пока
Под улюлюканье и вой
Вдаль устремленная река.

Волна, набаловавшись властью,
Тебя со смехом отшвырнет.
Ты угодишь пучине в пасть,
Тебе песок залепит рот.

Мы жемчуг собираем впрок,
Пока нырять хватает сил.
Мы ищем в жизни суть и толк,
А нас засасывает ил.

Мы на волну летим с волны,
Плывем без усталости вперед.
Мы только утлые челны,
Попавшие в водоворот.

1927

104. СРАЖАЮЩЕМУСЯ РАБОЧЕМУ КЛАССУ

Я не забуду
Первое Мая:
Бережь единство,
Рабочий класс,

Давал ты клятву,
В борьбу вступая
В тот день великий,
Великий час.
Товарищ и друг,
Не забыл ты еще —
Мы шли,
Как братья,
К плечу — плечо!

Коварных хищников стая
Когтями
Тогда терзала
Горло твое,
Она железными обручами
Тогда сжимала
Горло твое.
Тогда золотые сынки,
Злодеи,
Вся желтая свора —
Нет ей числа —
Кинжал золотой над тобой,
Зверяя,
В ярости занесла...

В тот миг
Разве мог я оставить друга?
И я на помощь
Тебе поспешил —
Врага я крушил,
Хоть и было нам туго,
Хоть он нас душил
И клинками крошил.
С врагами боролся я
Вместе с тобою,
С тобою
Я падал
На поле боя...

Сегодня поем мы
Об этих днях,
О том,
Как вгрызались в глотки

Врагов,
 У которых пальцы в перстнях,
 Мягкие подбородки...
Мы знали,
 Как эти опасны гады, —
 Давили их без пощады!

Толстых портфелей в те времена
 Не было в мыслях у нас.
И иноходцев в те времена
 Не было в мыслях у нас...
Как раздавить толстопузых — одна
Мысль волновала
 В те времена,
Думали:
 Пуля или петля? —
Мы в этот грозный час.

Вовек я не действовал
 Тихой сапой,
Я не из тех,
 Кто, тебя зарезав,
 Потом над тобой рыдал...
Не ждал я,
 Что схватит наживку слабый,
Обедом жирным
 Не подкупал...

Вместе с тобою я целовал
 Древко красного знамени...
Вместе с тобою я воевал,
 В жарком горел я пламени.
Вместе с тобою ходил в бои —
 В самую гущу врагов,
Мы сердца
 Заворачивали свои
 В алые стяги полков!

Вместе с тобою я побывал
 В страшной тюрьме-могиле,
Голод со света меня сживал,
 Вместе в застенках стыли.

Превосходящие силы врага
 Нам столько ран наносили —
С тобою, рабочий, мы землю одну
 Кровью своей оросили!

Я свято
 Давний храню мандат,
Что штабом фронта
 Мне дан.
Я, дней октябрьских
 Юный солдат,
Ношу его
 Как талисман.
Мандат, что окрашен кровью моей,
Храню
 С тех пламенных дней.

Не смолкнет
 Слава их никогда,
Из памяти их
 Не стереть,
Высокие,
 Грозные эти года...
Враг драпал...
 На время сумел присмиреть
Дрожащий двурушник;
 Окраску сменил —
Но нам ничего не простил.

Простят ли злодеи
 И их сыновья,
Чью мы беспощадно
 Громилли орду?
Они, под плащами кинжалы тая,
Нас ввергнуть мечтают
 В беду и нужду,
Болтают приветливо,
 Смотрят хитро,
Свое вероломно скрывают нутро.

Хищная шайка недругов злых
Вновь заносит кулак...
Все основания есть у них
Нас ненавидеть так.
Мой друг и товарищ,
Мой верный брат,
Запомни раз навсегда:
Не верь гладколицым,
Их злобен взгляд,
В нем ненависть и вражда.
И пусть наш недруг цинично ржет,
Пусть смотрит косо, свистит,
Пусть, разжиревший, нас стережет,
Зловеще носом свистит, —
Я не страшусь,
От борьбы не уйду,
Уста мои не солгут,
Когда провокаторы
На ходу
Мне под ноги палку суют.
Я метким словом своим готов
Стрелять по орде врагов.
Их гладкие морды разрисовать
Прицельным огнем — готов!
Конечно, случается иногда,
Ты рано курок нажмешь —
Горячий свинец
Летит не туда,
Куда ты его пошлешь...
И если я оступлюсь — исправь,
Рабочий класс, излечи!
Твой локоть —
Опора в нелегкий час,
Острей кинжал наточи!
Когда проходницы
Мешают жить,
Лают исподтишка —
Их лай ехидный
Хочу сравнить
С голодным визгом щенка!

Рабочий класс!
В кровавом бою
Вступил я в твои ряды.
Тебе всю жизнь свою отдаю —
Да будут шаги тверды!
Я в это великое братство вступил,
Целуя кинжал, я клятву скрепил,
И вместе с тобою
Ходил я в бой,
Горел я в огне не раз,
Покуда дышу я —
Всегда с тобой
Я буду, рабочий класс!

Оружие —
К бою,
Наизготовку,
Смелее шагаи,
Заряди винтовку!

Готовься,
Целься,
Всю силу,
Волю
В этой борьбе
Напряги...
Вперед, колонны, —
Нас — миллионы,
Не устоят
Враги!

1929

107. ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ ПОЛЬСКОГО РАБОЧЕГО КЛАССА

Пускай враги очумели,
пускай сберегают пули!
Пускай для битвы кровавой
готовят своих людей!
Уроки недавней бойни
напрасно, что ли, минули?

Но время еще покажет,
что выйдет из вражьих затей.
Они померяться силой
хотят с рабочей державой,
Хотят отнять у нас волю,
добытую нами с трудом.
Пускай, обнажая шпаги,
выходят на бой кровавый!
Пускай стремятся разрушить
построенный нами дом!
Пускай в кольцо забирают
страну рабочего люда
И все капиталы мира
выходят на нас гурьбой!
Пускай попробуют разом
напасть на нас отовсюду!
И это будет последний
и решительный бой!
Пусть выйдут на поединок,
в своей уверены силе!
От хлынувшей к мозгу крови
с ума сошел капитал!
Он хочет в бою погибнуть,
спешит он к своей могиле
И в судорогах предсмертных
зловеще корчиться стал.
Когда, потеряв рассудок,
враги рванутся в атаку,
Покоя мы знать не будем,
пока не растопчем их!
И к нам друзья на подмогу
придут по первому знаку,
Трудящиеся планеты
нас не оставят одних.
Стоять в стороне не станут
рабочие люди Польши,
Так пусть не знают сомненья
отважные ваши сердца.
Поверьте, что мы сильнее,
что нас бесконечно больше,
Пусть даже в какой-то схватке
врагам не будет конца.

Пока не залечим раны
от подлых пуль капитала,
Не знает Страна Советов,
что есть на свете покой.
А если бы вражья сила
опять на нее напала,
Солдат Октября винтовку
железной возьмет рукой.
Покуда враг существует,
мы сабли в ножны не вложим,
Мы с классовыми врагами
должны покончить сперва.
И мы навсегда забросить
тогда только сабли сможем,
Когда слетит капитала
последняя голова!

1929

106. НА ТКАЦКОЙ ФАБРИКЕ

(Под стук колес)

Паровик
Чугунный
Жмет,
Пар
Пыхтит,
Рокочет,
Напирает он,
Ревет,
Он бурлит,
Клокочет...
Трубы черные
Кричат,
Из-за облака
Торчат...
В небо дым
Стремится,
Дыбится,
Клубится...

И гудит машина,
 Стонет,
 Нет, не стонет,
 А хохочет
 И поет...
 Цех грохочет,
 Многоликий,
 Говор
 Тысячезыкий,

Шум и смех,
 Станки стрекочут —
 Гул плывет...

Я следил
 За жизнью
 Шумной,
 Находился
 В самой гуще,
 Подходил
 К машине умной,
 Тяжкий груз
 В зубах несущей...
 Научились
 Люди наши
 Делать всё
 Быстрее,
 Краше.

Как их много —
 Черных, русых,
 Неустанных,
 Синеблузых...

Люди
 Синему металлу
 Волю твердую
 Диктуют,
 Над деталями
 Немало

Люди умные
Колдуют.
Дело трудное, большое
Эти люди
Сделать в силах —
Настоящие герои!
Капитал не покорил их!

Челноки стоят
Без счета,
Веретен-то —
Поглядите!
Сила
Мускулов,
Работа...
Вот,
Еще в щетинках,
Нити...

Поражен я,
Вида танец
Веретен
В гремящем марше...
Как нежны,
Изящны ткани,
Как их ткут
Машины наши!
Это впрямь —
Феноменально:
Ткут машины —
Машинально!

Славлю вас,
Прогресс
И труд, —
Люди
Горы
Тут свернут!

Дашь, машина!
Гуди сильнее!
Прибавь нагрузку,
Быстрее, быстрее!

Любой расцветки
Ты нить мотай,
План пятилетки
В три года дай!
Прекрасны ритмы
Твоих побед,
Заданье на день
Кончай в обед!

Включай моторы
На полный ход!
Ясны просторы,
Вперед, вперед!

1929

107. МАУЗЕР

(К 12-й годовщине Октября)

Снова пурпуром сверкнули
Листики календаря.
Славят трубы всех оркестров
Годовщину Октября.
Я оглядываюсь. Где-то
В глубине прошедших лет —
Как звезда, мерцает случай,
Как в степи далекий свет.

... Помните? Скрывая солнце,
Тучи черные неслись.
Класс господ сходил в пучину,
Класс рабов взбирался ввысь.

Мой товарищ был на фронте
Всех упорней и смелей.
Светлый, чистый этот образ
Жив навек в душе моей.

Никогда я не забуду,
Никогда не забывал
День, когда товарищ, кровью
Истекая, умирал.

Обессиленный, суровый,
Он лежал тогда во рву,

Кровь испачкала одежду
И окрасила траву.
Он в предутренней прохладе,
В бледных проблесках зари,
Задыхаясь, умирая,
Еле внятно говорил:
«Друг мой. . . Если будешь дома,
Передай ты, как сосед,
Мой прощальный, мой последний
Старой матери привет.

Пусть она не плачет в горе,
Сын за класс свой в битве пал,
Пусть она гордится сыном,
Будет твердой, как металл.

И жене с приветом вместе
Передай ты мой наказ:
Пусть растит и холит сына,
Не спуская с сына глаз.

Слушай, друг, ведь не напрасно,
Неспроста ведь и не зря
Черноглазый сын родился
В день седьмого ноября.

Вот мой маузер. Он — черен.
Был в боях он лучший друг,
Бил без промаха, и всё же
Рано выпал он из рук.

Передай его ты сыну,
Пусть он маузер хранит,
Чтоб дрожали перед дулом
Враг, изменник и наймит. . .»

И угас герой отважный,
Голову склонив на грудь.
Взял я маузер и тихо
Продолжал тяжелый путь.

...Годы мчат над Казахстаном.
Встала над страной заря,

Каждый год я в доме друга
В день седьмого ноября.

Каждый год напоминаю
Сыну славного бойца
Утро боя, утро смерти,
Завещание отца.

Мальчик поднимает руку,
Звездами горят глаза.
Символ клятвы — красный галстук —
Мальчик крепко завязал.

«Будь готов!» — ему шепчу я.
Так велит отцова кровь.
Пионер встает, волнуясь,
Говорит: «Всегда готов!»

В этой клятве на оружье,
В этом кличе юных сил —
Вдохновенье, гнев, решимость,
Удаль, ненависть и пыл.

Если враг вспылит дороги —
Гневом праведным горя,
Вскинешь маузер отцовский
Ты, ровесник Октября!

1929

108. ПЕСНЬ КАМЕНЩИКОВ

*Молодым рабочим, обучающимся
на курсах каменщиков
при Центральном институте труда*

Серый фартук из серого полотна...
Все мы в серой одежде сейчас.
Все мы строим, работа у нас одна,
И единая стройка у нас.

Словно статуи серого камня, крепки,
И стремительны мы, и легки.

И в руках — молотки, помазки, мастерки,
Светло-серой замазки куски.

Мы сильны, наши грубые руки сильны
И обтесаны тяжким трудом.
Небывалые здания новой страны,
Новой жизни в степи возведем.

Мы возьмемся за дело и, все заодно,
Вскинем к небу дворцы, города.
Мы — особая смена, большое звено
Необъятного войска труда.

Мы заложим фундамент бетонно-стальной
Новой жизни на много веков,
Встанет новая жизнь над тобой, надо мной,
Воспарит над толпой облаков.

Общий радостный труд, общий радостный круг,
Ни усталости нет, ни тоски.
И раздолжны, как песни, движения рук,
И привычны они и легки.

Ярко-красный кирпич, словно слиток стальной,
Раскаленный в печи докрасна.
И встают их шеренги железной стеной,
И отвес напряжен, как струна.

О, железной, неслыханной музыки звон,
Прославляющий наши труды!
Мы создатели зданья грядущих времен,
Новым зодчеством все мы горды.

Громятся кирпичные стены горой,
И отвес протянулся струной.
И строенье стоит нерушимой стеной,
Словно новый невиданный строй.

Наши грубые руки привычно снуют
И кладут кирпичи на упор.
И бессмертно упорен, и намертво крут
Светло-серый горячий раствор.

Мы из маленьких красных крутых кирпичей
Колоссальные сложим дома.
И под солнечным ливнем, под ливнем лучей
Старой жизни развеется тьма.

Кирпичей собирается шашечный строй,
Созидается кладки узор.
И возвысится здание красной горой,
Вознесется в лазурный простор.

И всё выше наш общий незаблемый дом.
Поднимаясь по красной горе,
Мы под красным, пылающим Солнцем взовьем
Алый флаг на багряной заре.

1930

109. В КОЛХОЗЕ

Колхозный стан.
Колхозный сбор.
Все — молодцы,
Как на подбор,
Здесь каждый дом
И каждый двор.
Заслужен отдых трудовой.

Закончен труд —
Получен приз!
И отдыхай,
И веселись —
И стар и мал,
Кто выполнял
План большевистской посевной.

И люди вокруг
На луг легли. . .
Зеленый шелк —
Лицо земли,
И ветерок,
Звеня вдаль,
Проводит шелком по щекам.

Прекрасен мир!
В груди у всех
И торжество,
И песнь, и смех,
И солнца луч
Целует всех...
Что делать здесь помещикам?

Увидев вдруг
Такой колхоз,
Помещик тот
И кровосос
Закрыв лицо,
Повесил нос,
А в сердце — ненависть и страх.

А нам весна
Цветы дарит,
Их аромат
Кругом парит,
Куда ни взглянешь —
Чудный вид!
Как яркое луговое поле в руках!

И гомон птиц
Над головой,
Журчанье вод
И звон живой
Ручьев весны,
Шум ветровой —
Всё было музыкой в тот час.

Казалось, всё
Подчинено
Труду и нам!
И солнце — нам!
Для нас оно
И зажжено,
И светит именно для нас!

Народ в колхоз
Объединив
И души слив
В один порыв,
Врага коварного
Разбив,
Ты в коммунизм шагаешь,
класс.

Вчера враги
И вкривь и вкось
Ругали нас
И наш колхоз,
Мешали нам,
И нам пришлось
Им дать, как надо, по зубам.

Дай волю им —
Вредить начнут,
Оговорят
И покачнут
Того, кто слаб,
Слабее баб, —
Но воли не дадим врагам!

Да, иногда
В работе здесь
Ошибки есть
И трудность есть —
Всё не учесть,
Но мы преодолеем их.

Мы отrekliсь
От власти тьмы,
И вверх — не вниз
Шагаем мы!
Труды утрой!
Крепите строй
Рядов партийных боевых!

Народ родной,
Вчерашний твой
Люд кочевой
Дома возвел,
Десятки школ —
Иди и строй,
Трудись, учись, расти, не спи!

Кооператив,
И зерносклад,
И скотный двор,
И зданий ряд —
Огни горят!
Все говорят:
«Построен город здесь в степи!»

...И трактора
В грунт лемеха
Вонзают тут,
И, как меха,
Растянут грунт...
А где старье?
А где соха?
В музей — подальше от греха...

А в годы тьмы
Трудились мы
На богачей
Из-за харчей,
Из-за телка
Иль стригунка...
Чем жизнь теперь, скажи, плоха?

Теперь бедняк
Хозяин здесь!
Есть и телки,
И стригунки...
И есть что есть.
Почет и честь!
Не бедно наш бедняк живет!

Народ в колхоз
Объединив,
Сердца скрепив
В один порыв,
Врага коварного
Разбив,
Идем вперед! Ведем народ!

1931

110. ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Весть из Кремля сквозь микрофон сюда летит,
Что навсегда металл оков рабом разбит,
Что навсегда
племен вражда
стране чужда
И что любовь к Москве родной в сердцах кипит.
И вестью той земная твердь обойдена,
И вся земля сегодня к нам обращена.
Там кровь-ручей
течет с мечей
на палачей,
Там у раба от рабских мук болит спина.
Наш вождь — кузнец, который взял железный брус.
Занес он молот над врагом — зажмурься, трус!
И молот тот —
для тех оплот,
чей горек пот,
Чей рабий хлеб соленых слез имеет вкус.
Мы всей страной, как лучший дар, тот молот чтим,
За мудрым тем, кем поднят он, любя следим.
Раздутый мех
сулит успех, —
в нем нет прорех,
И горна жар, как солнца жар, неукротим.
Наш антрацит в печах горит, горит комир.
Куем мы медь, куем булат, куем темир,
И наш гудок,
чей звук высок,
стрелюю-ок
Стремится вдаль, страша врагов и проча мир.

В груди, мотор, не умолкай, сердечный мой,
Тебя с Москвой соединил ремень прямой.
Среди ремней,
бегущих к ней
со всех степей,
Со всех равнин, со всех вершин страны родной,
Живут в ладу сестра с сестрой и с братом брат,
Но связь племен моей страны прочней стократ —
С Москвой, с Кремлем. . .
Стальным литьем
мы создаем
И ткацкий стан, и славный танк, и стратостат!

1934

111. РОЗА И СОЛОВЕЙ

(*Майские напевы*)

Расцветает душистый ковер — цветник,
Лепестки его тонким шелкам сродни,
Оглянись вокруг, вдохни аромат,
Душа восторженная, звени!

Это тысячи тысяч тонов, теней,
Это музыка — впитывай и пьяней.
Очищает душу цветов аромат,
Оставляет лишь восхищенье в ней.

Ведь у каждого свой красоты секрет,
Свой особый запах и силуэт.
Слишком ярок один, но бледен другой.
Белый. Алый. Есть и мышиный цвет.

Тем прекрасней цветок, чем он ярче, свежей.
Не за это ли в розу влюблен соловей?
Но у каждого цвета есть тайный смысл.
Неспроста этот розов, а тот — покрасней. . .

Суть явлений пытаюсь в цветах уловить,
В черном — скорбь ты увидишь, невзгоды свои,
Распознаешь веселье ты — в красном цветке,
Угадаешь ты в розовом — нежность любви.

Эти пламенно-алые лепестки —
Вспышка острая чувств, сладострастный порыв,
Страсть без удержу, разуму вопреки.
Бледный цвет — это цвет увяданья, тоски.

Цвет сомнений и горечи без конца,
Цвет измены, неразделенной любви —
Желтый цвет, подобающий черствым сердцам,
Неприступным горлячкам и гордецам.

Белый цвет — это искренность и чистота,
Это — совесть, прозрачная, словно кристалл.
Дорожи им, надежно его охраняй,
Чтобы сор никогда бы к нему не пристал.

Разве любят цветы не за их аромат,
Разве тонкие запахи нас не бодрят,
Разве мыслями властвует не красота,
Разве кто-нибудь нежным объятьям не рад?

Каждый ищет в цветах усладу свою.
Без цветов человек на земле одинок,
Но иные растопчут цветок, оскорбят,
Никогда не изменит цветку однолюб.

И к цветку человек всей душою влеком,
И достойный — любим цветком дорожит.
А подлец измывается над цветком,
А подонок сбивает его пинком.

Вечно в розу влюбленный, поет соловей,
И, от пенья пьянея, он хмурит глаза,
Только розу к груди прижимает сильней,
Жизнь его и вселенная — в песне о ней!

Беспредельная преданность соловьев!
Соловей — он пожертвовать жизнью готов.
Розу так никогда не полюбит никто,
Лишь ее — среди тысячи тысяч цветов!

Стал цветок соловьиной любви божеством,
Петь о нем — наслаждение и торжество.

Надо тайну вечной любви постичь
Соловью для того, чтобы стать соловьем.

Самый стойкий среди мелочей и забот,
Из людей соловью подобен поэт.
И поэт о вечной любви поет,
И любовь простирается, как небосвод.

Я пою потому, что мне сердце велит.
Я нашел свою розу, свою мечту.
В ней, единственной в мире, я вижу, слились
Все сокровища неба, вся щедрость земли.

Соловей! Вечно в розу влюбленный мой брат!
Как и ты, буду славить цветов аромат,
Синий шелк, ликование майских ночей!
Соловьиного пенья волшебный лад!

Май 1935

112. В ГОРАХ КИРГИЗСКОГО АЛАТАУ

1

Алатау! Прекрасны высокие горы твои —
Тут в жемчужных лучах серебристые вьются ручьи,
Тут с вершин по ущельям стремительно мчатся потоки
И в оврагах им вторит журчанье холодной струи.

Золотые лучи устремляются вниз с высоты,
Заливая сияньем твои, Алатау, хребты,
Ледники вековые купаются в солнечном свете,
Голубым небесам улыбаешься радостно ты...

Вот хребет снеговой в световой полосе заиграл,
Грохоча, водопады с крутых низвергаются скал...
Вижу: тур лунорогий внезапно застыл на вершине,
Слышу — конь быстроногий в ущелье, внизу, проскакал.

Тут высок травостой и в долинах прекрасны хлеба,
В землю ткнешь тут лозу — встанет дерево толще
столба,

Люди здесь говорят: небольшой черенок посади ты —
У тебя на глазах из него вырастает арба...

Кисло-сладкие вишни и алые яблоки тут,
Фрукты полнятся солнцем, и медом они отдают.
До чего ароматен, приятен плодов этих запах!
Чуть насытишься ими — к себе они снова влекут.

Солнце дарит тут людям прекрасную щедрость свою,
Им рассветы приносят прекрасную нежность свою,
Тут чудесны и дни, и прохладные тихие ночи,
Им дающие отдых, прекрасную свежесть свою.

Когда красное солнце за черный опустится круг,
Вдохновенная ночь изумляет и радует вдруг,
Словно рядом домбра с миллионами струн заиграла —
Отразился в душе золотой, переливчатый звук.

Озаряется небо сверкающим Млечным Путем,
И лукавые звезды моргают друг другу на нем,
И звенят, и звенят в тишине серебристые струны,
Звуки дивных мелодий трепещут волшебным огнем.

Ветерок, задевая листочки, лениво летит,
И верхушка чинары таинственно так шелестит.
Лай собак, стерегущих отары, вдали отдается,
Снеговая вершина от лунного света блестит!

Золотая луна по ночам шелковисто-нежна...
Вот в глубоком овраге ручей озарила она.
Он журчит, он звенит, словно это — домбра Дайрабая,
Раз услышишь ее — и душа твоя счастьем полна!

Знаю: горская песня с дыханьем народа слита,
С этой песней любая подвластна тебе высота,
Помогает она обрести всемогущие крылья...
Зазвучит эта песня — весь мир облетает мечта!

И мечту заставляя она над Вселенной парить,
Чтобы душам людским ликование и бодрость дарить...
Как Алтай — комузист, увлекающий музыкой души,
Горы музыкой вечной сердца наши могут пленить...

Алатау, Алтай — две чудесные вижу горы!
 Белый снег на вершинах не тает с далекой поры.
 То не горы — взгляни — а бойцы в позолоченных латах,
 Два могучих гиганта, что встали грозны и храбры.

Тут ущелья и склоны людских поселений полны,
 Тут обилье — без края, счастливее нет стороны,
 В час нелегкой работы и в ясное время досуга
 Тут в киргизских аулах веселые песни слышны.

Я спускаюсь в аул — это счастья гнездо и труда,
 Слышу радостный говор — тут прошлого нет и следа...
 Вижу я: по ложбинам, ущельям, по южному склону —
 Даже счесть невозможно — повсюду пасутся стада.

Пастухи и табунщики четко отсюда видны —
 Стерегут они зорко отары овец, табуны...
 Пастухам помогая, за стадом следят волкодавы,
 Всем известно давно, как умны эти псы, как сильны!

Я горжусь, Алатау, что так ты красив и богат!
 Сердце полнится счастьем, и я воспевать тебя рад:
 Первозданность твою, и обилье, и щедрость природы,
 Неоглядную даль, яркость красок, ласкающих взгляд.

Для чего же любовь свою станешь скрывать ты, поэт?
 Ты не клялся молчать, настоящий поэт — не аскет!
 Вот он славы венок поднимает над милой землею —
 Этот край ненаглядный да будет достойно воспет!

Жизнь народа киргизского счастьем сегодня полна,
 Значит, в песню поэта с улыбкою входит весна...
 Почему бы ему не воспеть эту чудную землю —
 Словно сына родного, его полюбила она.

Мы — как братья и сестры, народы Советской страны!
 Мы в стремленьях — едины, мы все пред отчизной равны.
 Ведь куда я ни еду — повсюду я встречен радушно,
 Дети разных народов, мы дружбе и братству верны.

Всюду кажется мне, что в своем я ауле родном,
Где трудился и жил, где когда-то бродил малышом.
Удивляюсь я сам: или тут я и вправду родился?
Или каждый аул тут и вправду мне с детства знаком?

Люди тут позабыли о распрях старинных своих,
Сила ленинской мысли сдружила и сблизила их,
Свет взаимной любви эта сила в сердца заронила,
Чужеродцев вчерашних она превратила в родных.

Я толпой окружен, но она — как родная семья,
С уважением я встречен, и тут не в диковинку я:
Словно братья и сестры, пришли ко мне эти крестьяне,
Я люблю их, они ведь — мои побратимы, друзья...

Тут народ — жизнерадостный, любящий песню и труд,
Возвратиться к былому — не встретишь желающих тут.
Здесь гражданским достоинством, гордостью полнятся
души,
Всё красивей они, в них и дружба, и братство цветут.

Тут веселые люди, мне свет их улыбок знаком.
Как чудесно, что старым не веет уже холодком.
Я с любовью сыновней смотрю на народ свой могучий —
Всё сильнее отчизна в прекрасном единстве таком!

Словно к матери, я обращаюсь к Советской стране,
Как с кормилицей доброй, я с ней говорю в тишине.
Раскрывая объятия, она с материнской улыбкой
Говорит мне: «Сыночек, иди же скорее ко мне!»

Ах, отчизна моя, ненаглядная милая мать!
Всей душою готов я свершенья твои принимать,
Я в грядущее верю, я верю в твои начинанья,
И готов я всё выше твой огненный стяг поднимать!

Молодыми и старыми встречен приветливо я —
Тут поэта встречают, почтенья к нему не тая...
В белой принят я был, превосходно украшенной юрте,
Мне сказали: «Пред вами распахнуты наши края!»

Не чинуше из лести такие дарилл слова,
И не ради бахвальства устроили мне торжества...

Словно гость долгожданный, я в этом колхозном ауле —
Наша добрая дружба да будет вовеки жива!

В этой юрте гляжу на волшебные краски ковров,
На веселых людей, что сидят возле круглых столов...
Горы белого хлеба, изюма, и мяса, и масла.
Бедняками мы были, таких не видали пиров!

Это лучшие люди колхоза встречают меня...
Солнце за гору село, конец плодотворного дня.
Слышу говор киргизов: похож он на пенье комуза,
Серебристые звуки летят, над столами звеня.

В этих людях правдивость, и щедрость, и твердость
живет,
Не нашел я пороков — прекрасный, достойный народ.
Простота и достоинство в каждом мне видятся жесте —
К ним невольно влечет, оказать им желаешь почет...

Здесь народности разные спаяны дружбой большой,
Человек к человеку приходит с открытой душой.
Бич вражды не свистит, всюду теплые слышатся речи,
Зубоскальства тут нет, не осталось и лени тупой.

Это добрые братья сегодня со мною сидят.
Я для старших — братишка, для младших —
почтеннейший брат;
Вот красавица юная мне пиалу протянула —
От нее не могу отвести восхищенный я взгляд.

Эта белая юрта украшена ярко, светла,
Слышен девичий смех, и беседа течет, весела...
С красно-бурой алтайской лисицей красавица схожа,
Как приветливо гостю она пиалу подала!

Я смотрю на нее: хороша-то! Стройней тростника,
И лучами искрятся глаза ее — два уголька...
А хитрющий киргиз к ней примазаться хочет, он шепчет
Ей какую-то шутку... Она уплывает, легка.

Кто красивее женщину в округе целом найдет?
А она ведь — прославленный в этих краях свекловод!

Разве раньше могли мы мечтать о такой молодежи?
В ней краса и закалка, в ней мысли свободный полет.

Мастер труд отчеканил прекрасную женщину ту,
Жизнь под солнцем отчизны шлифует ее красоту,
Гравировывает высокую душу ее — равноправье,
Оттого-то она, как родные просторы, в цвету!

Я не тем, как роскошно меня принимали, польщен,
И не только подарками добрыми я восхищен —
Я в восторге, как братский киргизский народ меня
встретил,
Что меня как родного сегодня приветствует он.

Я не тем, как роскошно меня принимали, польщен,
И не только подарками добрыми я восхищен —
Я в восторге от веяний новых, от нового братства,
Сердце радостно бьется, увиденным я потрясен!

*Ноябрь 1936
Колхоз «Кенеш» Кантского района
Киргизстана*

113. В МУЗЕЕ ЛЕНИНА

Здесь ленинский вижу партийный билет,
С ульяновской подписью первый декрет.
И теплым дыханьем твоим, Ильич,
Здесь воздух как будто согрет.

Вот ты в Петрограде, на броневике,
Без кепки, в потертом своем пиджаке,
И счастье народов,
И судьбы земли —
В простертой вперед руке.

Окутанный пламенем грозных знамен,
Ты в бронзе и мраморе повторен,
А на полотнах родные черты
Гения всех времен.

Ты умер — я был охвачен тоской,
Но в этом музее ты снова живой:

Я слышу тебя,
Я вижу тебя,
Твой вижу стяг огневой.

Я встретил здесь дочь казахских степей,
Косы чернее ночи у ней,
Она смугла, и голос ее
Серебряных струй нежней!

Давно из аульной сплошной темноты
Песню казашки услышал ты.
Эта песня летела к тебе,
Правдивы слова ее и чисты.

Была в ней горечь, полыни горчей,
В ней было горе, темнее ночей,
Слезы текли из тоскливых очей,
Одна другой горячей.

Прошло над планетой несколько лет,
Овеянных славой твоих побед;
И песня той же казашки звенит
Со сцены на целый свет.

О счастье народа поет она,
Ленинской правдой песня полна.
Этот ликующий гордый напев
Слушает вся страна.

Ленин, и ты эту песню слышал,
Ленин, и ты ей рукоплескал,
Когда улыбалась ей вся Москва,
Когда гремел от оваций зал.

Взгляд народа, Ленин, как твои глаза,
Партия нам скажет, что бы ты сказал.
И мы, безгранично тебя любя,
В партии видим тебя.

1936

114. ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ

В беспредельных степях нашей родины,
Где под солнцем лежит Алатау,
Расплескались веселья мелодии,
Осень шествует золотая.

В селах, в городе радуется жителей,
Взор улыбкою им украшая.
Никогда мы раньше не видели
Столько песенного урожая!

Радость, радость летит над отчизною!
Даже птицы поют неустанно, —
Соловиною трелью пронизано
Небо нашего Советстана.

Нет, не зря мы тиранов сбросили,
Крепнет, ширится революция.
Украшение этой осени —
Наша славная Конституция!

Подтвердила Восьмая сессия:
Дружба наших народов — литая!
Потому по просторам так весело
Осень шествует золотая.

Потому и особо запомнится
Осень светлого этого года;
Лишь у нас действительно полнится
Счастьем жизнь трудового народа.

1936

ПОЭМЫ

115. РАЗЛУЧЕННЫЕ ЛЕБЕДИ

Есть сказочные уголки,
В лесной одетые убор, —
Там, в глубине моей Арки,
Есть озеро средь синих гор.

И так светла его вода,
Что камешки видны на дне,
А берега его всегда
В туманной легкой пелене.

И нежных водорослей сеть
Узором в глубине волны...
Стоять бы здесь и всё смотреть
На это царство тишины.

Безмолвьем дышат берега,
Здесь нет огней и нет людей,
За зарослями тростника
Белеют шеи лебедей.

Свободы баловни, они
Белее, чем вершины гор;
Всегда вдвоем, всегда одни, —
Не отвести от них мне взор.

С утра до самой темноты
Здесь не смолкает птичий гам...
Они величье красоты
Дают безлюдным берегам.

И если я в степи бывал
Без провожатых, без друзей,
Я шел всегда к безмолвью скал,
К призывным песням лебедей.

На мягком лежа берегу,
Я утопал в траве по грудь,
Здесь не бывать я не могу —
Прохлады светлой не вдохнуть.

Вдали от городов пожить
Немудрой жизнью степняка...
Как можешь ты к себе манить
И зачаровывать, Арка!

Раз я у озера бродил
И вслушивался в каждый звук,
И будто заново открыл
Его звучанья тайну вдруг.

Увидев в озере себя,
Ныряли птицы в глубь волны,
Рыбешку в клюве теребя,
Являлись вдруг из глубины.

Вот пигалица там, вдали,
Привычно хнычет в камышах,
Касаясь крыльями земли
И кувyrкаясь в облаках.

Клекочет чайка, червяка
Хватая цепко, как палач.
И слышится издалека
То хохот, то как будто плач.

Гогочет гулко гусь-урод,
В какой-то кается вине,
И юрких уток хоровод
Скользит по мраморной волне.

Но этот гомон, плач и крик
Не дорог памяти моей,

И сердце хочет хоть на миг
Услышать песни лебедей.

Я ждал. Я слушал. Я смотрел.
Но глазу жадному видны
Лишь зелень камышовых стрел
Да рябь нетронутой волны.

Но вдруг совсем вблизи возник
Несмелый лепет, песни зов.
И вот плывет один из них —
Мой белый лебедь. Он готов

Лететь и петь, любить и ждать,
Принять и счастье и позор.
Он ждет любимую опять,
Над гладью крылья распростер.

Но слышится издалека
Та песня, что всегда сильней,
И лебедь, вздрогнувши слегка,
Уже летит, стремится к ней.

Здесь говорят, что каждый звук,
На землю чуткую упав,
Цветком на ней восходит вдруг,
Не только слышным — зримым став.

Пускай разлука коротка,
Всегда желанна радость встреч...
Крыло, как будто бы рука,
Касается любимых плеч.

Вот рядом лебеди плывут
Сквозь птичий гам, и стон, и визг —
И вдруг волну крылом порвут
На сотни бирюзовых брызг.

Их отражения мелькнут —
Вода становится светла, —
Одним движением смахнут
Все брызги с белого крыла.

И тонких водорослей сеть
Они своим движеньем рвут,
Не уставая плыть и петь,
Они вдвоем поют, плывут.

Вдыхают нежный аромат,
Порвав невиданный узор,
Вдоль мягких берегов скользят
В прозрачный утренний простор.

Камыш касается лица,
Но я не двигаюсь, стою,
Они ведь ищут без конца,
Как выразить любовь свою.

.. Но почему же, почему
В тиши такой, в любви такой
Она глядит в глаза ему
С необъяснимую тоской?

Что так негаданно могло
Ее глаза подернуть мглой,
Что звонкий звук заволокло
Глухого горя пеленой?

Вот лебедь крылья распростер
И, набирая высоту,
Покинул нежных волн простор,
Летит и плачет на лету.

Печальны взмахи крыльев-рук,
А крик подруги — словно стон. . .
Еще один прощальный круг —
И вот вдали растаял он.

Всегда разлука тяжела
И долгой кажется всегда,
Хозяйкой в сердце к нам вошла
Неотвратимая беда.

Вдруг вспыхнул шорох и погас,
Прошелестел и замер он,

И берег для ушей и глаз
Безмолвьем вновь заморожен.

Но лебедю неведом страх,
Он головы не повернул
На этот шорох в камышах,
Который мелких птиц вспугнул.

Но миг — и в камышах сверкнул
Ружья жестокий холодок,
Огонь цветы перечеркнул,
Расцвел в сиреневый дымок.

И выстрел, словно гром в грозу,
Над водной гладью прозвучал,
И первобытную красу
Развеял, подавил и смял.

И, дрогнув, ахнула волна...
Поражена смертельно в грудь
Лебедушка...

Лежит она,
Не в силах и крылом взмахнуть.

Был браконьер невозмутим,
Укрытый в камышовой мгле.
Лебедка всем теплом своим
Прильнула к стынувшей земле.

Она лежит, как будто спит...
Убийца, встав из камыша,
Прикончить лебедя спешит
Холодным лезвием ножа.

Насквозь прошла пуля грудь,
Оставив теплый, вязкий след,
А птица тянется взглянуть
В последний раз на яркий свет.

А белогривые валы
Клубились у прибрежных скал.
И вал, разбившись у скалы,
Грозя, убийцу проклинал.

И вот, прошлепав по воде,
Вновь браконьер ножом сверкнул,
И вот, глухой к чужой беде,
Лебедке крылья он свернул.

Убийца ловок, точен, скор.
Он зубы скалит, как шакал.
К любви подкравшийся, как вор,
Убив, он гордо зашагал.

Но вдруг, покинув вышину,
Поспешно крыльями шурша,
Друг грудью врезался в волну
Вблизи густого камыша.

Почуял, что беда стряслась, —
И жизнь ему не дорога,
Любовь не даст столкнуться он в грязь
Руке коварного врага!

И лебедь не лететь не мог,
Он видел милую в крови —
И рухнул вдруг у самых ног
Убийцы счастья и любви.

«Убей меня, я смерть приму,
Мне больше не сужден полет. . .»
И, близко подойдя к нему,
Проклятье лебедь громко шлет.

Рыдая, бьет крылом волну,
Убийце преграждает путь, —
Не рвется больше в вышину,
А дулу подставляет грудь.

Но браконьер, убив одну,
Другого не посмел убить,
Хотел смягчить свою вину,
О чувстве память сохранить.

Вот крылья снова воздух мнут,
Но, места не найдя и там,

Вдруг, опускаясь, гневно бьют, —
Вслед за убийцей, по пятам.

Трепещут по траве густой
И вдруг застонут, прозвения:
«О, я молю тебя, постой,
Убей меня, убей меня!»

Вокруг убийцы всё кружась,
Летел, бежал, не отставал,
То вдруг смотрел, остановясь,
Просить врага не уставал.

А браконьер от пота взмок,
Шел без оглядки он вперед,
Но снять ружье, взвести курок —
Убийца силы не найдет.

И лебедь снова ввысь взлетал,
Как стон — могучих крыльев взмах,
И вновь к земле он припадал
С тоской предсмертной в глазах.

К земле прижав крутую грудь,
Траву он крыльями хлестал,
И, чтобы воздуха глотнуть,
Он высоко опять взлетал.

Обходит смерть таких, как ты,
Глядит на них со стороны,
Когда и солнце, и цветы,
И боль, и счастье не нужны.

Жестоким горем потрясен,
Живой, трепещущий слегка,
Вновь напрягает крылья он
И вновь летит под облака.

«Не расставаться никогда, —
Клекочет клятвенный обет, —
Пусть не почувствует вода
Разлуки одинокий след».

Всё выше, выше крыльев свист,
Всё дальше, дальше зелень трав. . .
И, крылья сжав, он прынул вниз,
Со свистом воздух разорвав.

Неудержимый, смят в комок,
Стук сердца крыльями обвив,
Разбился он у самых ног
Убийцы счастья и любви.

И вот всё замерло кругом,
Кровь розовеет на груди,
В последний раз взмахнув крылом,
Любимой он шепнул: «Прости. . .»

Упал он наземь, весь в крови,
Он оживет в легендах вновь,
Нежнее в мире нет любви,
Чем лебединая любовь.

1925

116. СОВЕТСТАН

(Восьмой годовщине Советов)

В ОТ-АРБЕ

Смотри! В от-арбе мы, как буря, летим,
То рысью мы мчим, то галопом шальным...
Пути заблестели,
Колеса запели,
Доедем до цели, —
От станции к станции стелется дым.

МОЙ ТУЛПАР

Возил меня раньше тулпар — Байге-кок,
Теперь меня поезд несет на восток.
Что лучше в дороге?
Скакун тонконогий
Иль поезда строгий,
В степные просторы летящий гудок?

Летел Байге-кок. В избавленье от бед
В уздечку его был вплетен амулет.
Но где же теперь он?
В полях он затерян:
Конь пахарю верен,
Как верен был всаднику тысячи лет.

РАЗДУМЬЕ

Я в поезде отдан раздумью — и вот
Всё так же мечта, пламенея, встает,
 Вечерней зарею
 Глаза я закрою —
 И вновь предо мною
Картина широкая жизни встает.

И мыслей бездонных кипит океан,
Вагоны бегут сквозь вечерний туман.
 Как лед в наводнение,
 Как люди в смятенье,
 Мелькают виденья,
Как будто их стонущий кружит буран.

И мысли сжимаются в точку одну,
И в пропасть влекут меня, тянут ко дну.
 Окутан, как в дымы,
 Мечтами своими,
 Насытятся ими
Не можешь, раздумий познав глубину.

Куда же влечешь ты, мечтанье, меня,
В томительной пытке упорство храня?
 Ночную порою,
 Не зная покоя,
 Расстанься со мною,
Оставь же меня хоть в преддверии дня!

И снова, как солнечный зайчик, легка,
Мечта молодая летит в облака.
 Небес достигая,
 Сверкая, блистая,
 Как вольная стая,
Летит по вселенной мечта, высока.

НАША ЖИЗНЬ — ОТ-АРБА

Весь мир для меня — муравейник большой.
Хоть жизнь коротка, но работы людской
 Огромная сила

Меня окрылила,
Пути проложила,
Как поезд летя по дороге степной!

Гони, от-арба, нет дороги назад!
Тра-та-та-та-та... — колеса стучат.
Пусть степи родные
Встречают прямые
Лучи золотые!
Дорога длинна, и просторы блестят.
Просторы блестят,
И дали синее,
Лети же скорее! ..
Колеса стучат:
Тра-та-та-та-тат.
Тра-та-та-та-тат.
Та-тат.

СОВЕТСТАН — ОТ-АРБА

Немолчно колеса ведут разговор.
Робея, под полками прячется вор.
Под стук однотонный
Мелькают перроны.
Испуганный, сонный,
Дрожит безбилетный: идет контролер.

Вагоны грохочут так же, как встарь,
Горит впереди паровозный фонарь.
А помнишь, когда-то,
В одежде богатой,
Над нами, проклятый,
Над нами безжалостный царствовал царь.

Он царствовал, чувства людские поправ,
Держава, как поезд, летела стремглав.
В те годы глухие
Народы России,
Склонившие выи,
Лежали во прахе, лишенные прав.

И трона, и золота, и серебра
Лишить самодержца настала пора.
С пути нам не сбиться!
И поезд стремится
В просторы как птица,
Ведомый вперед угнетенным вчера.

Уверен был царь, что нас может вести,
Но царь — под откосом на нашем пути.
Эй, друг, вспомяни-ка,
Как правил владыка
Нагайкой и пикой...
С дороги его удалось нам смести.

Избрал машиниста свободный народ.
Народным Советам дает он отчет...
Мелькают перроны,
И мир обновленный
Звенит, лампионы
Льют свет электрический: поезд идет!

Вставай же, кондуктор, вагоны проверь,
Замкни пред врагами вагонную дверь.
А где только нет их?
Развеем и след их!
От всех безбилетных
Очисти вагоны, кондуктор, теперь.
Живее, живее!
Вставай, не ложись, —
Летит, пламенея,
Огромная жизнь!
Так будь осторожней —
Во мгле придорожной
Скрывается враг,
Тра-та-та-та-тах.
Тра-та-та-та-тах.
Та-тах.

Питается углем большой паровоз.
Огонь большевизма нам счастье принес...
Путей не оставим

Ни левым, ни правым,
Помехи раздавим
На рельсах стальных жерновами колес!

Чтоб поезд с пути не сошел — последи!
Пусть пламя дрожит в паровозной груди.

Пусть мчатся вагоны,
Взлетают знамена!
Гони неуклонно!

Весь мир перед нами лежит впереди!

Вези же, вожатый,
Веди, миновав
Откосы и скаты,
Огромный состав!
Сердца стучат
С колесами в такт:
Тра-та-та-та-тат.
Тра-та-та-та.
Тра-тат.

СОВЕТСТАН — ВОСЬМИЛЕТНИЙ ЛЕВ

Советы, о лев восьмилетний! Пред ним
Трепещут враги, — он прошел невредим,

Развевя невзгоды,
Сквозь тяжкие годы
Провел он народы,

Во всех испытаниях непобедим!

Большая сила у гордого льва,
Он нам отвоевывал наши права.

Всю мощь угнетатель,
Судья и каратель

В борьбе с ним истратил, —

Рассыпался враг, как сухая трава.

Твой клич, лев, народам земли прогремел,
Воспрянули люди для доблестных дел.

На гибель нас гнавшим,
На смерть посылавшим,
Властителям павшим

Лизать твою лапу достался удел.

Весь гнев угнетенных в себя ты вобрал,
Смотри же: на землю твой недруг упал,
 И ловит он воздух
 В молениях слезных
 У лап твоих грозных, —
А прежде он «грязными» их называл.

Заплывшие жиром добро берегут,
Враги на поклон лицемерный идут.
 Испуганы новью,
 С неожиданной любовью
 Покорность «сыновью»
К ногам победителя робко несут.
А разве толпа по-другому могла б?
Шептали они: «Перебесится раб!»
 Они теперь тише травы,
 Они теперь ниже воды,
 И хлеба они попросили,
 Они говорят: «Тауба»,
 Они говорят: «Сауба»,
И хлеба они попросили
Из «грязных» твоих и «засаленных» лап.

СССР — ЭКСПРЕСС

Союз наш — экспресс, он летит по мостам,
По свежим лугам, по широким полям.
 Страны нашей лучшей
 Народы могучи,
 Свободны, как тучи, —
И это отлично известно врагам.

Нас в поезде много, и вера сильна,
Нас цель воедино связует одна.
 Когда нам грозили —
 Расправили крылья
 В едином усилье
Готовые к смертным боям племена.

Союз наш могуч, как удар громовой,
Завистнику страшен разбег боевой.

Мир старый и хилый
Глядит из могилы,
И копит он силы,
И хочет вернуться любой ценой.
Вожатый, веди же
Экспресс на подъем!
Мы к цели всё ближе.
Пылают огнем
Огромные зори,
И, поезду вторя,
Сердца стучат
С колесами в такт:
Тра-та-та-та-тат.

СОВЕТСКИЕ ПРОСТОРЫ

О Русь, был немерен твой дивный простор...
Советское время пришло, — и с тех пор
И в глуби земные,
И в чащи лесные,
И в дали степные
Пытливый проник человеческий взор.

Есть земли, куда не доскачешь верхом,
И много племен и народов кругом
Под знаменем рдяным
В труде неустанном
Раскинутым станом
Живут здесь как братья в союзе одном...

Есть земли, где вечное лето стоит,
Где ветер прохладой людей не дарит,
Есть земли, где зимы —
Ночами томимы,
Метели над ними
Тайгу обрядили во льды, как гранит.

А степи раскинулись пестрым ковром,
Ромашкой цветут и цветут васильком.
Земля золотая!

И ветер, играя,
Цветы облетая,
Просторы понт благодатным дождем.

Взгляни-ка на карту — есть много морей,
Глоотающих бивни стальных якорей.

К причалам далеким,
Под ветром жестоким,
По волнам высоким —
Всё больше и больше плывет кораблей.

Вот реки, как змеи, текут по стране,
И взор удивляется их ширине.

Вода в полусонных
Мерцает затонах,
И сладко в зеленых
Густых камышах заблудиться волне.

Вот Волга волну голубую стремится,
Урал прорезает волною гранит,

В песках их прибрежных
Отрядов мятежных,
Воителей прежних —
След Разина и Пугачева сокрыт.

Мир желтых песков неподвижен и наг,
И солнце — как смерти мучительной знак.

О, жгучее горе!
В безбрежном просторе
Безводное море —
Лежит бездыханна пустыня Бетпак.

Вот горный хребет вдалеке заблестал,
Где в недрах сокрыт драгоценный металл.

В излом его линий
Белеющий иней
Ложится, где синий
Туман на широких плечах ночевал.

Владеешь богатыми недрами ты,
Леса и луга обступили хребты,
Железом богата,

Как скалы, крепка ты,
О, как велика ты,
Страна, что с уральской глядит высоты...

Алтай и Кавказ окаймляют страну,
Они охраняют ее ширину, —
Два старца седые,
Как сторожевые,
Кольчуги стальные
Надевшие, строго хранят тишину.

Гремя, паровоз рассекает простор,
И вдаль машинист устремляет свой взор,
И поезд огромный
Мчит полночью темной,
И вихрь неумемный,
И бешеный ливень встречает в упор.
Тра-та-тат, та-так...
Тра-та-та-та-так...
Пред нами подъема
Встает высота,
Со скоростью ветра
Летят километры
К мосту от моста.
Сердца стучат
С колесами в такт:
Тра-та-та-та-та...
Та-тат.

СОВЕТСТАН — КОЛЫБЕЛЬ ЮНЫХ ГЕРОЕВ

О родина храбрых — Советский Союз!
Твоими детьми я по праву горжусь:
Ведь крепче нет сплава,
Чем молодость — слава
Страны величавой,
О родина храбрых — Советский Союз!

Мои комсомольцы красивы, сильны,
На смену идут пионеры, стройны,

Лавиной могучей,
Походкой летучей,
За участью лучшей,
Единой свободною верой сильны.

Вот дружно идет комсомольский отряд,
В руках загорелых знамена горят,
Вперед же скорее!
Открыты их шеи,
И, в воздухе рея,
Высокие песни над ними звенят.

Стихают шаги комсомольских рядов. . .
Идут пионеры, и в такте шагов
Услышишь ты снова
Ударное слово.
«Всегда мы готовы!» —
Они отвечают на клич: «Будь готов!»

Жар галстуков красных у них на груди,
Свобода и счастье у них впереди,
Коммуна и братство! . .
О молодость, здравствуй!
Дружнее! Марш, раз-два!
Ликующей жизни навстречу иди!

Так будь же в науке отважен и тверд,
В грядущих боях — и бесстрашен и горд!
И поступью бравой,
Единою лавой —
Марш!левой! Правой!
Всё старое выбросим дружно за борт.

Весь мир для меня — муравейник большой.
Хоть жизнь коротка, но работы людской
Огромная сила
Меня окрылила,
Пути проложила,
Как поезд летя по дороге степной.

Лети, от-арба! Нет дороги назад!
Тра-тат-та-та-та. . . — колеса стучат.

Пусть степи родные
Встречают прямые
Лучи золотые!
Дорога длинна, и просторы блестят.
Веди же, вожатый,
Веди, миновав
Откосы и скаты,
Огромный состав.
Так будь осторожней —
Во мгле придорожной
Скрывается враг,
Просторы блестят,
И дали синее!
Лети же скорее! . .
Колеса стучат:
Тра-та-та-та-так.
Так-так . . .

1925

117. ПЕСНЯ О ЛАШИНЕ

Расскажу вам подробно свой сон,
Он меня взволновал и встревожил.
(Мне когда-то рассказывал друг
О событьях, на сон мой похожем.)

Я хочу, чтоб вы вдумались в сон,
Удивились его поворотам:
Лашин борется, как человек,
Он подвержен паденьям и взлетам.

Мне приснилась родимая степь...
Предо мною в степи перевалы,
Я иду от холма до холма,
Вот озерная гладь засверкала.

Это озеро так глубоко,
Ни с каким не сравнить водоемом,
Хищных птиц различаю над ним,
Вразнобой поднимающих гомон.

В центре озера остров большой,
По краям белой пеной окрашен,
Приземлился на острове том
Одинокий, израненный лашин.

Всю вселенную он обыскал,
Не нашел себе спутника жизни,
Не остался он в землях чужих,
Не найдя ни друзей, ни отчизны.

Птиц немало, подобных ему;
Как повадкой они ни похожи,
Он сородича ищет себе —
Только с ним породниться он сможет.

Приземлился на острове он,
На крутом осмотрелся утесе.
Как и чем навсегда исцелить
Ту кручину, что на сердце носит?

Вдруг вблизи замечает гнездо.
Любопытством своим подзадорен,
Настороженно он на птенца
Посмотрел, позабыв свое горе.

Он глядит, изумленно застыв:
Что за птичка, с ним схожая, рядом?
Он в черты и в повадку ее
Ястребиным впивается взглядом.

Он сородича видит в гнезде,
Что и резв, и наивно бесстрашен.
Это был нелетавший птенец,
Несмышленый и маленький лашин.

Он почесывает крыло,
Озираясь на гостя без дрожи,
Хоть и рост у них разный, они
Чем-то очень близки и похожи.

У обоих сверкают глаза,
Молча смотрят, во что-то вникают.
Вот на птичьем родном языке
Взрослый лашин мальчика окликает.

Он зовет его в небо взлететь,
Мрачный остров покинуть скорее,
Устремиться к далеким краям,
Над земными просторами рея.

Птенчик слушает гостя, узнав
В нем сородича матери милой,

Что птенца не оставит в беде,
Увлечет непонятною силой.

Мелодичным приветом птенец
Гостя встретил у самого входа,
И смягчились обоих сердца
Наподобие нежного меда.

Взрослый лашин поклялся птенцу
Клятвой той, что живет в человеке,
Что отныне никто и ничто
Разлучить их не сможет вовеки.

Растопырил он крылья, едва
Из гнезда с другом маленьким вылез,
Бросил в небо призывный свой клич,
Чтоб отвага в птенце пробудилась.

Но услышали клекот и вмиг
Всполошились на острове птицы.
И над озером подняли шум,
Вопрошая: «Кто смел к нам явиться? ..»

И ватагой крикливою всей,
Разъяренной, горластой оравой
Подступили, сдавили кольцом,
Беглецам угрожая расправой.

Хорохорясь пред ними, гордясь,
Устрашали их взмахами крыльев,
Задевая насмешкой, шипя
И густой обдавая их пылью.

Мелюзги и стервятников сброд,
Пестрый, шумный и разноплеменный:
Лунь болотный и чибис-крикун,
Чайка в близком соседстве с вороной.

Упиваются травлей, кричат,
Брызжут злобой, безжалостно дразнят.
Чтоб сородичей разъединить,
Обдают их и пылью и грязью,

Чтобы птенчик не смел улететь,
Позабыл о решительном шаге,
Чтобы в нем навсегда заглушить
Чувство первой и робкой отваги.

Только трое притихших гусей
Не виновны, полны состраданья.
И у лебеда совесть чиста:
Не способен он на злодеянья.

Лашин сизые крылья раскрыл,
Снова клекот призывный вознес он.
«Улетим!» — сверху крикнул птенцу,
«Торопись!» — слышен зов над утесом.

И птенец, не желая отстать,
Тотчас крылья пытался расправить,
Чтобы больше не быть сиротой,
Чтобы остров зловещий оставить.

Но напрасен бедняги порыв,
Бесполезны пустые усилья:
Довели его птицы до слез —
Так ударили злобно, свалили.

Смотрит жалобно птенчик вокруг,
Одинокий, жестоко избитый:
Видно, хищники все заодно,
Сироте не дожждаться защиты.

И на родственника его
В небе кинулась недругов стая.
Но окрепшего в битвах бойца
Сбить на землю — затея пустая.

От врагов он отбился и ввысь
К облакам улетел. И оттуда
Смотрит с вызовом гордым храбрец
На неистовство птичьего люда.

Он намерен вернуться опять,
Он сумеет за всё рассчитаться!

Пусть вторично посмеют напасть,
Пусть попробуют с ним потягаться!

Наберется он сил в вышине
И низринется камнем навстречу,
Не успевшему вскрикнуть врагу
С лету срежет крыло до предплечья.

Но пока его горе грызет,
Нет тоски тяжелей, необъятней:
Может, ястреб похитил птенца,
Крови жаждущий перепелятник? ..

Если хищник успеет украсть
Сироту до его возвращения,
То тогда содрогнется земля,
Небо вздрогнет от ярости мщенья.

Что там с птенчиком случилось внизу?
Неизвестен пока его жребий!
Это слезы сверкнули в глазах,
А не молния вспыхнула в небе... .

Думал — явь, а гляжу — это сон...
Слышу, кто-то стучит в мои двери.
На постели, проснувшись, сижу,
На подушку смотрю — и не верю.

Одиноких страдающих птиц
Пожалел. Так сильна была жалость,
Что горячей слезой наяву
Вся подушка моя пропиталась.

«Как ты думаешь, — друга спросил, —
Чем же кончится всё это дело?»
Опечаленный, взял я домбру,
И рука моя струны задела.

«Абеке! Вас душевно прошу
Этот сон разгадать на досуге...
Пожелаем от честных сердец,
Чтобы счастья достигли супруги... .

Но скажи: может птенчик попасть
В когти хищнику хитрому, злому?
Не смирится ль невольно птенец,
Безразлично вверяясь чужому?

И сочтет по велению судьбы
Свою участь иных благодатней,
И поверит наивно всему,
Что внушит ему перепелятник. . .»

Так и вижу: слетевшись опять,
На убийство решаются птицы,
Натравив самых хищных и злых. . .
Неужели такое случится?

Оттого всё звучит и звучит
Сон печальный во мне — в человеке:
Не остался б тот бедный мой друг
Обделенным судьбою навеки. . .

1926

118. КОКЧЕТАУ

Гора Кокчетау стройна, как сосна,
Дождями свой лик умывает она.
Плывут облака над ее головой,
Справляются: в здравье она иль больна.

Озера ее окружили толпой,
И каждое — в чаше лежит золотой.
Коль вы нездоровы, езжайте сюда:
Недуг исцеляет наш воздух степной.

Высокие сосны растут на горе,
Березы поднялись в зеленом шатре,
И ветер, пьянея от трав и цветов,
Колышет деревья на ранней заре.

На самом верху сосны тоже растут!
Их корни крепки — ни за что не дадут
Деревья свалить! Непрístupна гора —
Одни ястреба свои гнезда тут вьют.

С вершины не сходит лиловая мгла,
Ни разу ее не коснулась стрела. . .
Вдохнула б душа чистый воздух горы —
До гроба его бы забыть не смогла!

И если целуется солнце с горой,
То кажется местность вокруг золотой.
И снова раскроется бездна времен,
Века пред тобою пройдут чередой.

Об этой, о самой чудесной из гор
С деревьями ветер ведет разговор,
И шепчут о ней и трава, и листва,
И гулкие волны целебных озер.

Поют о горе и акыны-отцы,
Поют о горе молодые певцы,
И, камни и травы в свидетели взяв,
Поют о ней женщины или юнцы.

Преданья о ней, о ее чудесах
Нигде не записаны, но на устах
У старцев-сказителей были они,
Чтоб знал их и пел о них каждый казах.

ЖЕКЕ-БАТЫР

Об этом батыре рассказ был таков:
Он гору одну охранял от врагов,
Но как-то на страже стоял и вздремнул...
И вот не проснется во веки веков!

Огромной горой богатырь тот лежит,
Глаза он закрыл, словно тайну хранит.
Зовется гора эта — «Спящий батыр»,
Поскольку похоже, что кто-то тут спит.

Скала — головой его кажется нам,
И нос из-под шлема нам видится, прям,
Хребет протянулся, как тело батыра,
Он спит, он навеки останется там!

БУРАБАЙ

Бура был огромен и белоголов.
В горах он скрывался от злобных врагов.
Об этом верблюде немало легенд
Услышать вы можете от стариков.

Он был одинок, и угрюм был, и дик,
Как горное эхо, гремел его крик.

Бура себе озеро облюбовал,
К нему он спускаться поутру привык.

По важным причинам, а не из причуд
Название местности каждой дают,
И вот в честь буры нарекли Бурабай
То озеро, где поселился верблюд.

Вода в Бурабае прозрачнее рос,
А берег его добрым лесом порос,
Вкруг озера встала густая стена
Из сосен зеленых и белых берез.

А в озере пеной вскипает волна.
Ах, скольких красавиц умыла она!
А сколько преданий и дивных легенд
С озерного чистого поднято дна!

Вот в этих местах и ютился бура,
Он ведал, какая настанет пора.
О каждой беде он протяжно трубил,
И эхом ему откликнулась гора.

Войною ли племя на племя пойдёт,
Опасность какая ли путника ждёт,
А может быть, голод народу грозит
И скоро слезами зальется народ...

Об этом бура сообщал, как баксы,
И стадо пугалось, и лаяли псы,
И скот в жертву небу казах забивал,
А сам замирал в ожиданье грозы.

И тучи нависнут, и гром прогремит,
И молния весь небосвод озарит.
Голодные звери завоют в лесах,
И ливень ударит, заплачет навзрыд.

Таков был верблюд этот, белоголось.
И юноши, помня наказ стариков,
Боялись буры, почитали буру,
Любимца пустынь и седых облаков.

...У хана Аблая был сын, Касым-хан,
Отчаянный отрок, драчун и буйн.
Однажды со свитой он ехал в горах
И хвастался силой, был весел и пьян.

Вся ханская челядь о битвах кричит,
И в удали спорит с джигитом джигит,
Стрелой пролетает у края воды,
Играет копьём и коня горячит.

Мишенью избрав себе камень любой,
О меткости спорят они меж собой.
И вспомнил Касым о буре и сказал:
«Увижу — сразу его первой стрелой!»

Убийцей рожден был свирепый Касым,
Он хана Аблая безжалостный сын.
Людские страдания — отрада ему!
И кровью людскою он только и сыт.

Вдруг хану навстречу выходит бура,
Весь белый, лохматый, большой, как гора!
Нацелился хан прямо в сердце буре,
И огненной кровью зарделся бура...

Завыл он, зубами он заскрежетал.
И, словно убийцу проклясть пожелал,
Вкруг хана верблюды обежал, как шаман,
И в дальние горы навеки бежал.

И выл, как баксы, в тех высоких горах,
На всех наводил он тревогу и страх.
Услышал народ, что Касым совершил,
И понял: грозит роду ханскому крах.

А вскоре исчез белошерстый бура,
Столетия прошли, и настала пора —
Увидели путники снова буру:
Он каменным стал и стоял как гора.

Главу свою поворотивши к Кубле,
Он спит. Голова его вечно во мгле.

Он мрачен. Он хмурит огромную бровь,
Не может забыть о содеянном зле.

Преданье с тех пор сохраняет народ
О том, что бура проклял с горных высот
И хана Касыма, и внуков его,
Поэтому вымер аблаевский род.

А видели это лишь волны озер,
Да замок Касыма, что рухнул с тех пор,
И эта гора, что лежит, как верблюд,
И ветер, что вечно срывается с гор.

ОКЖЕТПЕС

Покрыл Кокчетау туман голубой,
Плывут облака над ее головой,
А плечи ее придавила скала,
Поставленная богатырской рукой.

Стоит, неприступная, среди синевы,
И если с подножья посмотрите вы
Туда, на макушку орлиной скалы,
То шапки, пожалуй, слетят с головы.

Верхушка ее и остра и крута.
Быть может, раздумьем скала занята?
А беркута там, на вершине ее,
Заметить немалого стоит труда.

Стрелой ее не достанет никто,
Она одинока среди скал, но зато
Горда, неприступна. . . И там, наверху,
Лишь беркут да ястреб свивают гнездо.

И к озеру, названному Бурабай,
Подходит гряды этой западный край.
Одно тут событие произошло
В те дни, когда правил кровавый Аблай.

О прошлом преданий, должно быть, не счесть,
Но правды, пожалуй, не много в них есть.

Одно достоверно: жестокий Аблай,
Тиран-кровопийца, жил именно здесь.

Батыров, и ханов, и биев одни
Хвалили, кровавые славили дни,
И ложь убивала их песенный дар:
Они не акыны — шаманы они!

Тот звался батыром, кто кровь проливал,
«Он самый достойный!» — акын напевал.
А если был добрым и мирным казах,
Акын его «бабой трусливою» звал.

А хан? С ханом голову ниже держи!
Расправы — услада для ханской души.
Народ разорял он и в доблесть возвел
Одни лишь насилия и грабежи.

А много ль добра от продажных судей?
Кто был их ленивей, жирней и подлей?
Что им до народа? Виновен ли ты —
Решали одним мановеньем бровей.

Я многое слышал и много читал:
Нет ханов, нет биев, достойных похвал,
Но пусть мой читатель оценку им даст,
Затем и Аблая в поэму я взял.

...Разбив под горой Кокчетау свой стан,
На запад врагов своих вытеснил хан.
Но мало Аблаю земли, и идти
На мирных калмыков приказ им был дан.

Казахи с калмыками жили тогда
В соседстве. Была между ними вражда.
Был темен калмык, и жесток был казах,
Давили обоих беда и нужда.

И двинулись полчища — нет им конца!
У каждого война — два бегунца,
На мирное племя набег учинить —
Достойна ль такая судьба храбреца?!

Доспехи начищены все добела!
Ревут скакуны, закусив удила,
И всадники сдерживают скакунов, —
Кровавые, черные будут дела! ..

И тысячи глаз из-под шапок глядят,
Насытиться жаркою кровью хотят.
За три перехода добрались войска
До мирных аулов, где жители спят.

Рубаху надел на доспехи джигит:
Аблаеву воину так надлежит,
И вот спозаранку на спящий аул
Под гром барабанов дружина летит.

Слетаются тучи нежданных гостей,
Дрожит под копытами тихая степь.
Оглохла округа от крика: «Аблай!»,
Немало тут ляжет калмыцких костей.

Кто чем. . . Кто стрелою калмыков сражал,
А кто в животы загонял им кинжал,
А кто, пред дружиною всей похвалясь,
Ребенка на острую пику сажал.

Ревели, как волки, хоть были сыты!
Беременным вспарывали животы,
Детей извлекали из чрева ножом
И вешали в юртах, ощеривши рты.

Везде возносили Аблаю хвалу,
Махали кинжалами в пьяном пылу,
Мужчин убивали, а головы их
Привязывали, как трофеи, к седлу.

А девушек юных и жен молодых
Собрали, связали за волосы их,
И перед собою, как стадо овец,
Погнали батыры красавиц степных.

Домой возвращается войско. Ревет
Награбленный, с ночи не кормленный скот,

И девушки плачут, и вдовы кричат:
Теперь уж никто их домой не вернет.

Аблай весь в крови — с головы и до пят.
Набегу зато несказанно он рад:
«Коль будут удачи такие и впредь,
То степи калмыки нам освободят».

И вот повелел он устроить привал,
Батыров своих на равнине собрал.
Расселась вокруг хана свирепая рать,
И каждый шумел и всюю пировал.

Довольны батыры, закончив разбой,
И делят добычу они меж собой,
Но вдруг не на шутку затеяли спор:
Не знают, как быть им с калмычкой одной.

Шумит из-за девушки ханская рать,
Никто не желает ее уступать!
За пленницу эту любой богатырь
Готов всю добычу немедля отдать.

Красавицы этой я сам не видал,
Поскольку я с ханами не пировал,
Но как до сих пор утверждает молва,
Была та калмычка превыше похвал.

И я промолчу через сотни годов,
Хотя и поверить акынам готов,
Что для описанья ее красоты
Они подобрать не сумели бы слов.

Семнадцати лет не исполнилось ей,
И косы ее были ночи черней.
Как ласточек крылья, сверкали на лбу
Огромные черные дуги бровей.

А вся — как лоза! И гибка, и нежна!
Батыры считали — как солнце она!
Считали, что может соперничать с ней,
Пожалуй, одна молодая луна.

Делили добычу легко до сих пор,
Но вот начался из-за девушки спор.
Сильней и сильней разгорается он, —
Батырам степной уже тесен простор.

Как малый козленок, попавший в капкан,
Иль как бегунец, угодивший в аркан,
А может, как кречет, попавший в силки,
Глядит она в страхе на вражеский стан.

Шумели батыры. Казалось: чуть-чуть —
С кинжалами бросятся грудью на грудь,
И битва начнется. . . Но хан повелел
Подняться и снова отправиться в путь.

Так до Кокчетау шумели в пути,
Никак не могли они выход найти.
У озера, названного Бурабай,
Сумели батыры к решенью прийти.

Молва утверждает, что именно здесь,
Где слева залив, а правей его — лес,
Войскам своим спешиться хан повелел, —
У озера возле скалы Окжетпес.

Беседует с небом скала. Свысока
Глядит, как проходят внизу облака
И головы как опускают пред ней. . .
Недаром приплыли-то издалека!

И здесь, отдыхая от ратных трудов,
Купали батыры своих скакунов,
Но, на берег выйдя, вновь спор завели,
И в ссору уже перейти он готов.

Пугливо калмычка глядит на врагов,
И ей объясняют обрывки их слов,
Какая ее ожидает судьба. . .
Не выбраться ей из железных оков!

У воинов злоба сверкает в глазах,
Готов уже драться с казаком казах.

Но понял Аблай, чем закончится спор...
Созвал он батыров и так им сказал:

«У вас много пленниц, добра и скота!
Пусть будут набеги удачны всегда!
Неужто же ради калмычки одной
Меж вами кровавая вспыхнет вражда?»

Я вижу: вмешаться настал мой черед.
Ваш спор разрешу! Пусть калмычка придет.
Вы встаньте пред нею. Пусть взглянет на вас
И мужа себе среди вас выберет».

Покорно батыры построились в ряд.
Ждут пленницу. Молча на хана глядят.
И каждый лелеет надежду: «А вдруг
Калмычка на мне остановит свой взгляд!»

Вот хан посылает калмычку найти
И в ставку немедля ее привести.
«Пускай среди батыров найдет жениха,
Скажите, — велит он, — вы ей по пути!»

Склонились батыры пред ним до земли,
Перечить Аблаю они не могли.
И вот возвратились обратно гонцы,
И пленницу к хану они привели.

Тонка, как лоза, та калмычка была,
Как ранняя зорька, ясна и бела,
Бледна, как подснежник... От жалости к ней
Любая душа бы тоской изошла.

Подстреленной ланью подходит она,
Как будто погоней утомлена,
Она задыхается. Нежная грудь
Тревогой и горькою скорбью полна.

Стоит перед ханом, грустна и тиха.
Легко ли, скажите, избрать жениха
Из самых кровавых и подлых врагов?..
Тут мысль о замужестве даже дика!

Хан бросил на девушку сумрачный взор:
«Ты в войске моем породила раздор.
Возьми же любого батыра в мужья,
И свадьбой окончим несправедный спор».

Застыли все те, кто ее пожелал,
И каждый глазами ее пожирал,
И чудилось каждому богатырю,
Что к сердцу красавицу он прижимал.

Как птицы в силках, колотились сердца,
Отхлынула кровь у джигитов с лица...
Смеялась над ними озерная гладь,
Вовсю хохотали над ними леса.

И молвила пленница хану: «Ну что ж...
Я воле твоей покоряюсь, а всё ж
Позволь приглядеться к батырам твоим:
Не сразу постигнешь, кто плох, кто хорош!»

К тебе, повелитель, есть просьба одна.
Исполни ее, коль разумна она.
Батыры пусть доблесть покажут свою, —
И выберу мужа, коль выбрать должна.

Прошу, повелитель, задай им урок.
Пусть снимут стрелой со скалы мой платок.
Пусть стрелы заточат, пусть луки возьмут, —
И мужем моим будет лучший стрелок».

Аблай согласился с решением таким.
Батыры безмолвно склонились пред ним,
Но каждый, взглянув на вершину скалы,
Был втайне предчувствием горьким томим.

Снимает калмычка свой белый платок.
Он кем-то ей дан, словно счастья залог.
И светлая юность проходит пред ней,
Ей чудится юрты отцовской дымок.

И видит она: на заветном платке
Начертана фраза в одном уголке:

«Изменишь любви — разорви мой платок».
Ту фразу она прочитала в тоске.

Но, с гордым лицом обернувшись к врагам,
Бросает платок она к ханским ногам.
Батыры смыкаются плотным кольцом,
А в центре стоят лишь калмычка да хан.

И машет рукою довольный Аблай:
«Дружина, коней поскорее седлай!
Сейчас интересная будет игра.
Готовься, дружина моя, не зевай!

Пусть десять джигитов к скале поспешат,
Платок на вершине ее укрепят,
А все остальные прозерят пока,
Остры ли их стрелы, и станут пусть в ряд!»

Скала высока и не в меру крута,
Но десять джигитов полезли туда.
Платок укрепили они на древке.
Немало стоило это труда!

Меж тем скакунов оседлали стрелки,
И пробуют стремя ударом ноги,
И скачут к утесу, откуда стрельба
Начнется, и шепчут: «Аллах, помоги!»

Джигиты готовы к началу борьбы,
Калмычка готова к ударам судьбы,
Несчастная, влезла она на утес...
Сейчас будет подан сигнал для стрельбы.

Сжигает джигитов любовная страсть,
И каждый товарища рад бы проклясть,
И каждый взывает к аллаху: «Аллах,
Дай первым в платок этот белый попасть!»

И, тихо промолвив: «Аллах, помогай!»,
Аблай дал команду: «Дружина, стреляй!»
Батыры натягивают тетиву
И стрелы пускают при кличе: «Аблай!»

Еще не бывало подобной стрельбы.
Пугаются кони, встают на дыбы.
Джигиты, как овцы, сгрудились толпой,
И стрелы со свистом летят из толпы.

Калмычка глядит с невысокой скалы,
Калмычка следит за полетом стрелы,
Но стрелы никак не достигнут платка,
Там, рядом с платком, лишь клекочут орлы!

Всё ханское войско собралось вокруг
И стрелы считает. За тысячу штук
Послали стрелки уже в этот платок...
И вот не на шутку берет их испуг!

Ломаются стрелы, о камень дробясь...
И, хоть в него целятся тысячи глаз,
Платок невредим. Не достать до платка.
Там только орлы пролетают, резвясь.

Тогда, от отчаянья лютого злы,
Помчались джигиты к подножью скалы
И целились снова. Но в белый платок
Опять ни одной не вонзилось стрелы.

Ползла на вершину упрямая рать,
Срывалась, без толку стреляя опять.
Платка не сорвала. Отсюда пошло
Названье вершины: «Стрелой не достать».

КАЛМЫЧКА

В смятенье Аблая воинственный стан,
Урок непосильный батырам был дан.
Поняв наконец, что скала высока,
Как туча, угрюм, раздосадован хан.

Калмычка стоит на утесе, бледна.
«Решай, повелитель, — сказала она. —
Я дам два урока батырам твоим
И выберу мужа, коль выбрать должна.

Виновна ль, что первый нелегок урок, —
С вершины никто не сорвал мой платок.
И ты, повелитель, уверился сам,
Что тут был бессилен и лучший стрелок.

Теперь два последних урока даю —
Они и судьбу пусть решают мою.
Коль справится с ними твой воин лихой —
Немедля я волю исполню твою».

В душе своей пленницу злобно кляня,
Сказал ей Аблай, не слезая с коня:
«Но ты непосильных условий не ставь,
Иначе пощады не жди у меня!»

Как будто пред крепостью, ханская рать
Стоит перед пленницей. . . Штурмом не взять!
На время с позором пришлось отойти,
Пришлось и осаду до времени снять.

Леса и вершины сияньем полны,
Как в зеркале, в озере отражены.
Сверкает небесная голубизна:
И только утес видит горькие сны.

Над озером гогот гусей раздался.
Молоденький беркут взлетел в небеса.
А песнь лебединая сердце щемит, —
И горы ответственуют ей, и леса.

Выходит второй, черный, беркут в дозор,
Угрюмо парит, озирая простор.
А ястреб сорвался стрелой со скалы:
Должно быть, добычу узрел его взор.

Батыры утес обступили кольцом,
Надеются в грязь не ударить лицом!
И думает каждый, что он победит,
Покажет себя самым храбрым бойцом.

Калмычка стоит на утесе. Одна
Средь вражеских полчищ. . . Не птица она,

И не улететь ей в родную страну,
Которая недругом разорена.

Так горько ее обделила судьба!
Теперь не спасет никакая мольба:
Пылая, сгорая в любовном огне,
Ее окружает батыров толпа.

И хану красавица так говорит:
«Тебе покориться судьба мне велит.
Но пусть мой жених будет лучшим бойцом,
И пусть он загадку мою разрешит.

Прошу, чтоб отмерили тыщу шагов!
На спину взвалив четырех седоков,
Пусть смелый всю тыщу шагов пробежит!
Учи, повелитель, урок мой таков.

Задачи найти не смогла я другой:
Пусть в силе поспорят бойцы меж собой.
Кто первым взберется на этот утес,
Тот выиграл. Стану тому я рабой».

И тотчас Аблай крикнул рати своей:
«Батыры, скорее слезайте с коней!
Забавная будет сегодня игра!
И тыщу шагов отмеряйте скорей!»

Батыры расседлывают скакунов,
А свита отмерила тыщу шагов.
Батыры молчат в ожиданье игры,
И каждый в товарищах видит врагов.

Аблай наблюдает их со стороны:
Так чем же батыры его смущены?
Ни разу они не робели в бою,
А нынче их души тревоги полны.

А как меж собой похвалялись сперва!
Должно быть, на ветер кидали слова —
Поскольку сейчас только кучка бойцов
Выходит вперед, засучив рукава.

В глазах их сверкает смертельная злость,
Их сорок всего человек набралось...
Четыре десятка — среди тысяч бойцов!
На силу надеются, не на авось!

Хоть отлиты мускулы их из свинца,
Однако тревога закралась в сердца.
Но ради красавицы подвиг свершить —
Отрада для истинного храбреца!

Красавица очаровала их всех,
Но лишь одного ожидает успех.
Так кто же счастливец? Какой же батыр
Познает отраду любовных утех?

Огромное войско шумит, как прибор,
Ему отзывается ветер степной.
Вот сорок батыров подходят к черте, —
Четыре батыра за каждой спиной.

Со страхом рабыни глядят из шатров,
А сорок отчаянных, злых смельчаков
Построились молча у самой черты,
На спину взвалив четырех седоков.

Подобной игры не бывало вовек!
Попробуй поднять четырех человек!
Как видно, калмычка себе на уме...
Но подан сигнал — начинается бег.

По-разному наши батыры бегут:
Одни, задыхаясь, калмычку клянут,
И гнутся другие, как тонкая сталь,
А третьи бегут, как проворный верблюд.

Заданье калмычки — совсем не пустяк!
И вовсе не ясно, который смельчак,
Своих сотоварищей опередив,
Свернит на утесе свой тысячный шаг.

А войско гогочет, а войско орет!
Хохочет Аблай, надрывая живот.

Но восемь сильнейших среди сорока,
Прибавивши шагу, помчались вперед.

Аблай, задыхаясь, смеется до слез.
А тех, восьмерых, словно ветер понес!
Бегут они рядом всю тыщу шагов
И разом взбираются все на утес!

И каждый считает, что первым был он!
С утеса Аблаю отвесив поклон,
Уже полагает, что всё решено
И пленницу нынче возьмет он в полон.

Хохочет Аблай. Не поймут: почему?
И эхом ответствуют горы ему.
Но хан говорит: «Победили вы все,
Калмычку отдать не могу никому!»

Так молвил Аблай. Ошибется ли он?
Ведь слово его — непреложный закон.
И каждый изрек: «Повелитель, ты прав»,
Хотя был немало в душе обозлен.

Калмычка стоит на утесе, бледна.
«Прости, повелитель, — сказала она, —
Хочу я батырам загадку задать,
В запасе имеется притча одна.

Бега не решили ведь участь мою.
Теперь твоим воинам притчу спою.
Пускай кто-нибудь объяснит ее смысл,
Тогда я и выполню волю твою».

И хан отвечал: «Что ж, красавица, спой!»
Но солнце палило, измучил всех зной.
Решили сначала напиться воды,
И двинулось к озеру войско толпой.

Вода в Бурабае прозрачнее рос,
А берег его добрым лесом порос.
Но с той стороны, где купались войска,
Был в озеро вклинен высокий утес.

Но, речь заведя об утесе втором,
О первом скажу: он был назван потом
«Девичьим утесом», поскольку бега
Под ним проходили тем памятным днем.

Испивши прозрачной, студеной воды,
Калмычка прошла сквозь батыров ряды.
Батыры съедали глазами ее,
Пьянея от дивной ее красоты.

Как серна, она на утес взобралась,
А возле утеса вся рать собралась.
С высокой вершины прибрежной скалы
Калмычка сплет свою притчу сейчас.

Стоит на утесе, высоком, крутом,
Утес этот в озеро входит углом,
И мрачен, угрюм, неприветлив утес,
Застыл над водою в молчанье немом.

Забравшись сюда — не шутила она!
Страшно ей бесчестье, а смерть не страшна.
Налево тут камни, направо — вода. . .
Коль бросится вниз, то разбиться должна.

Вдоль гор потянулись густые леса,
Не молкнут в лесах этих птиц голоса!
А в дали далекой озера видны,
Похожие на голубые глаза.

И солнце пылает в полуденный зной,
С озер подымая мираж голубой.
По озеру пара плывет лебедей,
Узоры вычерчивая за собой.

СКАЗАНИЕ О ДИКОЙ ГОЛУБКЕ

Нелегкая участь калмычке дана,
Грустна, одинока, тиха и бледна,
Над бездной стоит на утесе крутом,
Готовится петь, и вздыхает она.

И голос настраивает, как домбру,
Но петь начинает не как на пиру,
А как набирающий скорость скакун,
Что степью весенней летит поутру.

Лицо обративши к высокой горе,
Стояла и пела. . . И песнь в серебре
То низко плыла, то плыла высоко. . .
Так лебедь поет на вечерней заре.

И сумрачно слушает каждый джигит
О том, как в горах за Аркою лежит
Огромное озеро. Небо над ним
Любыми пернатыми так и кишит.

Калмычка поет: «Там прельстила меня
Голубка одна. . . Не прожить ей и дня
Без страха. Все птицы сильнее ее.
Бойтся болотного даже луны.

Она была матерью малых птенцов,
Но как-то однажды, услышав их зов,
Озлобленный коршун к гнезду подлетел.
Он был самым злобным среди сонмищ врагов.

Иные поют про отвагу в бою,
Другие поют про судьбину свою. . .
А вы со вниманьем следите за мной,
Я о злочлоченьях голубки спою.

КОРШУН И ДИКАЯ ГОЛУБКА

Не зная покоя, не ведая сна,
Голубка жила, вечных страхов полна,
И для четырех своих малых птенцов
Жуков и букашек искала она.

А коршун искал по округе гнилье
И как-то заметил голубки жильё.
Когда прилетела голубка домой,
Коварный схватил из засады ее.

Теперь по всей роще он поднял трезвон!
Хоть слабую птицу забрал он в полон,
Но, словно осилив большого врага,
Ликует, удачею хвалится он.

Голубка хрипит — нелегко умирать!
Кровь каплет из горла, уж нечем дышать...
И жалобно плачут четыре птенца,
Увидев, как бьется их бедная мать.

Постигла несчастных такая беда!
В отчаянье вывалились из гнезда
И коршуна молят: «Нас лучше ты съешь —
Быть может, ее ты не тронешь тогда!»

Ответил им коршун: «Щадить не могу!
Довольно щадил на своем я веку!
И если голубку сегодня не съем,
То перед собою останусь в долгу!

Я грозный владыка небес голубых,
Хочу — убиваю холопов своих.
Я голоден нынче. Голубку сожру,
А после примусь и за вас четверых».

КОРШУН, ГОЛУБКА И КРЕЧЕТ

Рыдают птенцы. Что злодею до них?
Со слабыми он расправляться привык!
К убийству уже приступить он готов,
Но в воздухе что-то сверкнуло в тот миг...

Со свистом промчалась лихая стрела?
А может, то острая пика была?
Но что-то явилось с небес голубых,
И коршун упал, не содеявши зла.

С голубкой расправиться он не желал —
Уже бездыханным он трупом лежал,
Из глотки его била черная кровь.
Он больше в лесу никому не мешал.

А был он подкошен не меткой стрелой,
Не пикой, что пущена верной рукой,
И даже не молнией был он сражен. . .
Сразил его крик, отважный герой.

Был крик в дозоре, и ветер донес
До слуха его стон птенцов, полный слез.
И крик немедля сорвался с небес
И злобному коршуну голову снес.

Голубка и голуби скрылись сперва,
Прикрыла спасенных густая трава,
Но вышли они из укрытия, когда
Герой обратил к ним такие слова:

«Я зря никого не казню никогда.
Я понял, что с вами случилась беда,
И вашему недругу голову снес,
А вас обижать — мне какая нужда?!

Что прячетесь вы? Разве трону я вас?
Ваш жалобный плач мою душу потряс.
Молили вы коршуна: «Мать отпусти!»
Просили, чтоб съел вместо матери вас!»

И голуби вынырнули из травы.
Голубка промолвила крику: «Вы
Отважный, и сильный, и нам не чета!
Всем вашим врагам не снести головы!

Сам коршун был вами сражен без борьбы!
Вы, крик, отважный, но как вы добры!
Поэтому я и четыре птенца —
До смерти покорные ваши рабы!

Любое желание ваше — закон!» —
Сказала, отвесив герою поклон.
Напрасно герой возражал голубям:
Совсем бескорыстно их вызволил он.

Но каждый сказал: «Вы достойны похвал»,
Молил, чтобы клятвой его он связал,

Любое желанье исполнят они...
И кречет подумал и так им сказал:

«Творил я добро только ради добра!
Ну, ладно... Пусть старшая ваша сестра
Грудинкой своею меня угостит,
Когда вылетать ей настанет пора».

И все согласились с желаньем таким:
Оно пустяковым представилось им.
И старшая, перед героем склонясь,
Сказала: «Согласна с условием твоим».

И кречет сказал, вылетая в дозор:
«Тебя ожидать буду с этих я пор!
Надеюсь, как вылетишь ты из гнезда,
Забуть ты не сможешь про наш уговор».

МОЛОДАЯ ГОЛУБКА

Уж кречет давно улетел на восток.
Шли дни. Наступает условленный срок.
Птенцы покидают родное гнездо,
И старшей пора исполнять свой зарок.

Трех младших куда никуда не гнетет,
В лазури они совершают полет, —
А старшая не покидает гнезда,
С тоской благородного кречета ждет.

Три голубя младших уходят в зенит,
А наша голубка на небо глядит.
То розовым маслом надушит себя,
То перья расчесет... Герой не летит.

Готова она совершить свой обет,
Но дни пролетают, а кречета нет!
Решилась голубка его отыскать,
Пока не стряслось с ней каких-нибудь бед.

ГОЛУБКА И СОКОЛ

Покинуть гнездо уж готова была,
Но, в воздухе вдруг просвистев, как стрела,
К ней сокол спустился с лазурных высот.
Опомниться даже она не смогла.

Парил сизокрылый в густых небесах,
И сверху следил, что творится в лесах,
И страстью к голубке проникся... Теперь
Трепещет она в соколиных когтях.

Взмолилась голубка: «Меня пощади!
Великую клятву несую я в груди...
Пожалуйста, выслушай повесть мою
И, как поступить мне, уж сам рассуди!

Нет птиц беззащитнее нас, голубей,
Поймал нашу матушку коршун-злодей...
Но доблестный кречет злодея сразил
И вырвал ее из кровавых когтей!

Что ж, кречету я благодарна была,
Великий обет я ему принесла...
И время настало исполнить обет,
Прошу тебя, сокол, не делай мне зла!

Сама не хочу расставаться с тобой...
Мне сердце пронзает жестокая боль.
Но верь мне, батыр, как исполню свой долг,
Вернусь и тебе возвращу я любовь.

Ты властен сейчас над моею судьбой,
Надеюсь, что праведным суд будет твой...»
И сокол, подумав, ее отпустил,
Считая себя неподкупным судьей.

ГОЛУБКА, ЛЕЯЩАЯ НОЧЬЮ

«Ну что же... — он с грустью сказал ей. —
Лети!

Смотри только ночью не сбейся с пути».
Петляет голубка в дремучем лесу,
Пристанище кречета жаждет найти.

Спустилась на землю глубокая ночь,
Одна только ночь ей и может помочь.
Ночь спрячет ее от коварных врагов...
Ведь каждый голубку обидеть не прочь.

А ночь непроглядна, глуха и темна.
За тучами прячется где-то луна.
И даже на озере замер камыш,
Настала в дремучем лесу тишина.

Голубка летит над безлюдной тропой,
Желает обет она выполнить свой,
И к соколу хочет вернуться она,
Смирись со своею печальной судьбой.

ГОЛУБКА И ФИЛИНЫ

Лесная округа окутана сном,
И озеро дремлет во мраке ночном.
Спят птицы. А филины ночью не спят,
Затем что они отсылаются днем.

Ночами выходят они на разбой.
Три филина нынче довольны судьбой:
Поймали голубку. И спор начался:
Не могут ее поделить меж собой!

Ругаясь, как бесы, друг друга клянут,
У каждого слюнки из клюва текут,
У каждого кровью глаза налиты...
Пожалуй, что миром не кончится тут.

И к ним обратилась голубка с мольбой:
«И так я обижена горькой судьбой!»
О кречете им рассказала она,
Потом про обет им поведала свой.

«Мой сокол любимый меня отпустил,
Хотя, отпуская меня, он грустил,
Вы, филины, тоже пустите меня...»
И сразу у филинов пыл поостыл.

Рычали, как волки, минуту назад,
Но вот они молча потупили взгляд.
И, честностью сокола поражены,
Голубке три филина так говорят:

«Сердца нам растрогал твой горький рассказ.
Поверь, есть и совесть, и гордость у нас.
Мы знаем, где кречет свил нынче гнездо,
Тебе мы дорогу покажем сейчас.

Ты нас, непутевых, голубка, прости!
А мы охранять тебя будем в пути.
И вот полетели. Два сзади летят,
А третий, бесстрашный, летит впереди.

Всё слышат, всё видят три птицы ночных!
Кто ночью ловчей, осторожнее их?
Голубку ведут они тайным путем,
Скрывают ее от злодеев лихих.

Никто их не слышал, не видел никто!
И вот, показав, где свил кречет гнездо,
Вернулись назад. Был некороток путь,
Но дерзость свою испутили зато!

ГОЛУБКА И КРЕЧЕТ

По небу как раз растекалась заря,
Лесам и долинам свой отблеск дая.
И кречет, проснувшись, сидел на суку.
Голубка его проискала не зря!

Покуда стояла в лесу тишина,
И кречет зевал, пробуждаясь от сна.
Увидев голубку, он был удивлен:
Не понял, зачем прилетела она.

Немало воды утекло ведь с тех пор!
Но вот завела она с ним разговор,
Всю душу открыла голубка ему, —
И кречет припомнил про их договор.

О соколе всё рассказала ему,
О филинах... «Я сквозь глубокую тьму
Летела к тебе, кричит доблестный мой!
Как видишь, я слову верна своему!

Сейчас я исполню желание твое.
Не бойся, что тело изранишь мое.
Для этого я и летела к тебе».
Но кричит смущенно глядел на нее.

Рассказом таким озадачен он был
И думал: «Ведь сокол голубку любил,
А вот ведь не тронул подружку свою...
И филины свой поумерили пыл!»

И, их благородным примером влеком,
Сказал ей: «Тебя отпускаю добром!
Не трону тебя. Ты обету верна:
Ко мне прилетела. Спасибо на том!»

ГОЛУБКА И БЕРКУТ

Отвесивши кричущему низкий поклон,
Она улетела. Светлел небосклон.
Проснулись озера, проснулись леса,
И жаворонки поднимали трезвон.

Теперь, от обета освобождена,
Далекой дорогою утомлена,
Спешила голубка... И как не спешить?
Любимому жаждет отдаться она.

Уже показались родные леса,
И вдруг всполошились в лесу голоса,
Пронесся по лесу испуганный крик:
Над лесом родным разразилась гроза!

Над лесом родным горный беркут парил,
Он был самым злобным среди ярых громил!
Все птицы лесные боялись его,
Поскольку немало он гнезд разорил.

Напавши на жителей мирных лесов,
Он всех убивал, даже малых птенцов!
И старых и слабых он уничтожал...
И не было в рощах страшнее врагов.

А с беркутом рядом летит воронье,
Творит оно черное дело свое:
Коль беркут разбой и убийство чинит,
То ворон за ним подбирает гнилье.

Весь лес был в мгновение опустошен.
Из гнезд разоренных доносится стон.
Едва прилетела голубка домой —
И, бедная, сразу попала в полон.

Да есть ли у беркута совесть и честь?
Его злодеяний, наверно, не счесть!
Ведь столько убил он и осиротил!
Не минет его справедливая месть!

На этом, батыры, закончу рассказ.
Надеюсь, что мудрый найдется среди вас
И тотчас загадку мою разрешит.
Не сказку, а быль я вам спела сейчас.

Одни воспевают отвагу в бою,
Другие поют про судьбину свою.
А я рассказала вам горькую быль...
На суд ваш теперь ее передаю».

ДЕВУШКА И ВОЙСКО

Так пела она на утесе крутом,
Что в озеро вклинился острым углом,
И, в притче изливши всю горечь души,
Замолкла и слезы сдержала с трудом.

Безмолвное войско пред нею стоит.
Вот начал шептаться с джигитом джигит,
Конец этой притчи им не по шутру,
Но смысл ее им разгадать предстоит.

А хан после песни стоит сам не свой,
Угрюмый, с опущенною головой, —
Озлоблен и сгорблен жестокий Аблай,
Как будто согнул его сумрак ночной.

А в войске меж тем уже споры идут:
Что — была или небыль рассказана тут?
Все склонны загадкою притчу считать,
Но только разгадки никак не найдут.

МОТИВЫ КОКЧЕТАУ

И крикнул Аблай: «Где ж тот мудрый джигит,
Который загадку для нас разрешит?»
Но все словно в глотку набрали воды,
Охотников нету. Молчанье царит.

Как будто задумались небо с землей,
Встревожены девичьей горькой судьбой.
И ветер степной, и озерная гладь
О девушке шепчутся между собой.

А тайну загадки лишь ведает лес,
Да сизые тучи высоких небес,
Да горные кручи. . . Но кручи молчат.
Молчит и вершина скалы Окжетпес.

На озере лебеди тихо поют,
А по небу горные птицы спуют,
То ввысь подымаясь, то падая вниз,
Пронесются вихрем и не устают.

АДАБ

Отважный и сильный — в бою победит,
Но притчу находчивый лишь разрешит!
И вот из безмолвной, смущенной толпы
Выходит один смуглолицый джигит.

Он строен, высок, а в плечах он широк!
И крепок он, словно железа кусок!

Как будто из стали дамасской джигит
Был выкован весь — с головы и до ног!

Посмотришь — поймешь: настоящий боец!
Весь собран, подтянут он, как бегунец.
Пылает огонь в его карих глазах,
А в мускулах так и играет свинец!

В степях Кокчетау жил род Куандык,
От древнего рода Аргына возник.
Из этого рода и происходил
Тот воин, что тайну загадки постиг.

По бедности много он бед испытал,
Табунщиком он к богачам поступал,
А после — причины не знает никто —
К дружине Аблая зачем-то пристал.

Он хвастаться силой своей не любил,
И в ссорах он свой не растрчивал пыл.
Спокоен был, скромн он и справедлив,
И сверстниками уважаем он был.

Был смелым бойцом и чудесным певцом!
Его до сих пор поминуют добром.
Ему и присвоили имя Адак,
Что значит: единственный в роде своем.

Когда все молчали, он вызвался вдруг.
Огромное войско сгрудилось вокруг,
И к хану подходит отважный Адак.
Он просто одет, а за поясом лук.

И с ханом ведет он такой разговор:
«Загадку решу, но хочу до тех пор
С тобою, Аблай, договор заключить...
Клянись, не нарушишь ты наш договор.

Есть в притче правдивая горькая мысль.
И ты, повелитель, сейчас поклянись,
Что пальцем не тронешь калмычку, когда
Я притчи открою загадочный смысл».

ВЕРКУТ, ЛЕБЕДЬ И СТРЕЛОК

«Согласен», — ответил Аблай. Только вдруг
Раздался тревожный и жалобный звук
И эхом стократ повторился в горах. . .
И вынул Адак из-за пояса лук.

Тревога объяла батыров сердца,
У многих румянец отхлынул с лица:
Увидело войско, как у лебедей
В мгновенье унес горный беркут птенца.

Зачем их печалит такая беда?
Ведь слабого сильный обидит всегда!
Ведь сами они про недавний набег
Припомнить — себе не доставят труда.

Но всё же волнуется войско кругом,
И, стоя сейчас на утесе крутом,
Калмычка на беркута тоже глядит
И плачет, припомнив сожженный свой дом.

Пронзает сердца лебединая песнь,
А беркут кружит и хохочет, как бес!
И, жвав лебеденка в кровавых когтях,
Взмывает злодей на скалу Окжетпес.

Тут воин Адак натянул тетиву
И плечи расправил, откинул главу,
Напрягся он, навзничь едва не упал,
Однако стрелу запустил в синеву!

Со свистом помчалась стальная стрела,
Она не простой, а трехгранной была, —
С лиловой вершины скалы Окжетпес
В мгновенье злодея она сорвала.

Расправился с беркутом меткий стрелок
И гул одобренья из войска исторг.
О том, что злодея достанет стрела,
Всерьез и подумать никто бы не смог!

СТРЕЛОК АДАК

Как горное эхо, гудели войска,
И все восхищались искусством стрелка.
Кричали: «Когда бы стрелял он в платок,
Сорвал бы с древка его наверхьяка!»

Бобровую шапку стянув на висок,
Хан молвил Адаку: «Ты славный стрелок!
И я не пойму, мой отважный Адак,
Зачем ты не целился в белый платок?»

Зачем ты тогда затерялся в толпе?
Красавица — что — не по вкусу тебе?
А может, из скромности, храбрый батыр,
Участвовать не пожелал ты в борьбе?»

Ответил Аблаю отважный стрелок:
«Тогда я не целился в этот платок
Затем, что отвагу и меткость свою
На дело пустое я тратить не мог.

Но, притчу услышав, я понял ее
И нынче меняю решение свое.
Сниму я стрелкою платок со скалы,
Коль ты не нарушишь условие мое».

Два лебедя в небе кружат без конца,
Кричат, вспоминая родного птенца.
Калмычка стоит на утесе своем,
Глядит с удивленьем она на бойца.

В тот час, когда эта стрельба началась,
С вершины скалы не сводя зорких глаз,
Адак словно мерил ее высоту,
С любовным томлением стойко борясь.

И после, когда начался трудный бег,
Он тоже стоял в отдаленье от всех.
А спрашивали, отвечал: «Нездоров!» —
Что, мол, не надеется он на успех.

А страсть между тем в храбром сердце жила,
И сердце батыра спалила дотла.

С волненьем глядел он на бег. Так скакун
Перед самою скачкой грызет удила.

А нынче, опять натянув тетиву
И плечи расправив, откинув главу,
Прицелившись в белый заветный платок,
Волнуясь, стрелу он послал в синеву.

Со свистом достигла вершины стрела,
И белый платок она разорвала,
Но всё же платка не сорвала с древка, —
Стрела не трехгранной, двугранной была.

Тогда он трехгранную вынул стрелу
И снова стрелу запустил на скалу.
Разбито древко — и не видно платка!
И войско Адаку возносит хвалу!

Вернулся на землю заветный платок.
Один только воин достать его смог!
И шумно приветствует войско стрелка.
Так выполнен первый калмычки урок.

Адака со всех окружили сторон.
Кричат: «На земле всех счастливее он!»
Его поздравляют, а воин молчит,
Поскольку нелегкой судьбой умудрен. . .

И, шапку напялив, идет к нему хан,
Возвысясь, как в стаде овечьем баран!
Он шумно Адака поблагодарил,
И снова ликует воинственный стан.

ЗАГАДКА ДЕВУШКИ

Калмычка стоит на утесе крутом,
А хапское войско собралось кругом.
Батыры шумят, поздравляют ее,
Желают ей счастья с таким женихом.

И молвила пленница: «Слово даю
Исполнить, Аблай, злую волю твою!

Пусть мужем моим будет воин Адак,
Но пусть разгадает он притчу мою».

Аблай согласился с условием таким,
Сказал он Адаку: «Сын рода Аргын,
Нам пленница спела загадку, а ты
Разгадку нам спой. Ты ведь славный акын!»

Дружина ликует, дружина шумит!
Теперь уж надеется каждый джигит,
Что только один достославный Адак
Смысл притчи рассказанной им разрешит.

АКЫН АДАК

Как конь Кер-Кожек перед самой байгой,
Как кричат, что, крылья сложив за спиной,
Готовится взмыть в небеса, — так Адак
Пред пением голос попробовал свой.

Настроил домбру он, и песнь полилась
Сначала неспешно. Но вот, вдохновясь,
Быстрее Адак на домбре заиграл,
И птицею песнь в небеса поднялась.

Несется она, как скакун Кер-Кожек,
Быстрее ветров и клокочущих рек!
Чудесная песнь, и сложил ведь ее
Совсем не аллах, а простой человек!

И замерло войско пред славным певцом,
Его окруживши безмолвным кольцом,
Что ж, каждому хочется тайну узнать,
И каждый застыл с напряженным лицом.

Под ловкими пальцами плачет домбра,
И эхом домбре отвечает гора.
Звенит над степною округою песнь,
И звон ее чище, чем звон серебра.

«Народ мой, — поет он, — бойцы-силачи!
Я к притче сейчас подбираю ключи.

Когда же раскрою загадку тебе,
Горюй, мой народ, плачь, а не хохочи!

Ведь сложена притча совсем неспроста!
По свету пойдет, и людские уста
Повторят не раз ее, даже не два...
И нашему войску сгорать от стыда!

Так слушай, Аблай, и простой слушай люд!
Проклятия нас, а не почести ждут...
Сейчас я раскрою вам притчу, а вы
Судите себя, и да строг будет суд!

РАЗГАДКА ЗАГАДКИ

В рассказе красавицы вымысла нет.
Всю жизнь свою, полную горя и бед,
Себя уподобив голубке, она
Поведала нам. В этом главный секрет.

Калмычка была еще очень юна,
Когда с первым горем столкнулась она:
Напали враги на родимый аул,
Казалось, семья вся погибнуть должна.

Уж к горлу отца был приставлен кинжал,
Несчастный хрипел, уж почти не дышал.
Молила калмычка отца пощадить,
А коршун, смеясь, ее горе вкушал.

Но мимо аула скакал той порой
Отважный джигит, благородный герой.
Заметив, что грабят злодеи аул,
Прогнал их, сразив главаря их стрелой.

Так кречету был уподоблен джигит.
Повсюду он суд справедливый вершит,
Из плена он освобождает народ
И меткой стрелою тиранов разит.

Так старый калмык был спасен от врагов,
Героя отблагодарить был готов.

Но храбрый джигит не желал брать добра,
А девушке молвил он несколько слов:

«Добра не возьму я у вас, но когда, —
Сказал, — в совершенные вступишь года,
Согласна мне первую ночь подарить?»
И девушка тихо ответила: «Да».

Уехал джигит, заключив договор.
Немало воды утекло с этих пор,
И девушка выросла и расцвела,
Сердца утешая и радуя взор.

И свататься ехали к ней без числа,
Но всех отвергала она — не со зла,
А просто пришелся один по душе!
Она его соколом и назвала.

Жених ждет невесту в ночной тишине.
Поставлена юрта его в стороне.
Сейчас из аула ее приведут,
Ее приголубит он наедине.

Надели на голову ей джаулык
И в юрте до утра оставили их.
Тогда рассказала она жениху,
Какой ее жребий нелегкий постиг.

Спросила его: как же ей поступить?
Просила ее до зари отпустить:
Ведь надо спасителя ей отыскать,
Сполна ему девичий долг уплатить!

Жених благородный перечить не мог,
Обидного слова не молвил в упрек,
Сказал он невесте: «Коль клятву дала,
Ступай и сполна уплати ему долг.

Хоть горек обет, но исполни обет!
Превыше, чем честность, достоинства нет!
Иди, дорогая! Совсем не хочу,
Чтоб лгуньей слыла ты с шестнадцати лет».

И он подарил ей на память платок,
Заветный платок, словно счастья залог.
К спасителю девушку он отпустил,
Поскольку уплаты исполнился срок.

Упала на землю полночная мгла.
Красавица клятву свою берегла,
На поиски кречета вышла она,
Но шайка воров ее подстерегла.

Повсюду известны повадки воров,
Они по почам собирают улов.
Схватили три вора голубку одну,
И каждый над ней надругаться готов.

Чего ж им бояться? Кругом темнота,
И нету ни чести у них, ни стыда.
От страсти у них разгорелись глаза,
А в душах преступных — одна чернота.

Голубка, как белая роза, нежна. . .
Неужто же жертвою станет она?
Взмолилась она: «Пощадите меня!
Нелегкий обет я исполнить должна!»

Просила она их со слезной мольбой:
«И так я обижена злою судьбой. . .»
О кречете им рассказала, потом
Она про обет им поведала свой.

«Жених мой любимый меня отпустил,
Хотя, отпуская, он горько грустил. . .
Прошу, чтоб и вы отпустили меня. . .»
И воры примолкли, их пыл поостыл.

Как волки, рычали минуту назад. . .
Но вот они молча потупили взгляд.
Теперь, благородством людским сражены,
Три вора красавице так говорят:

«Ты нас, непутевых, родная, прости.
Согласны к герою тебя провести. . .»

И девушку, точно родную сестру,
Всю ночь охраняли в нелегком пути.

Когда же ночная рассеялась мгла,
Жилище героя калмычка нашла.
И молвила кречету: «Славный батыр,
Свой давний обет я исполнить пришла».

Не сразу сумел тот понять, почему
Калмычка пришла. И пришлось ей ему
Про всё рассказать, и про то, как жених
Одну отпустил в полуночную тьму.

Пришлось ей добавить и несколько слов
О гордости и бескорыстье воров.
Услышал батыр этот горький рассказ,
Был в чести своей усомниться готов.

Он молвил: «Домой, дорогая, иди!
Пусть горе тебя не настигнет в пути.
Не смею я трогать, голубка, тебя, —
Жива еще совесть в батырской груди!»

Так девушке кречет свободу вернул,
Но только она воротилась в аул,
Как в цепкие когти попала к врагам,
Как раз по аулу шел страшный разгул. . .

На этом она прервала свой рассказ.
Понятно, надеюсь, любому из вас,
Как девушка — гордость родной стороны —
В плену у врага оказалась сейчас.

На этом и песню закончу свою.
Вам притчу калмычки на суд отдаю.
В ней беркуту был уподоблен наш хан,
А мы уподоблены все — воронью!

Надеюсь, калмычка достанется мне,
Но боль принести я могу ли жене?
И я ей свободу хочу подарить:
Нет счастья душе на чужой стороне!

Нет, сам я жениться на ней не могу,
Пред совестью быть не желаю в долгу.
Я дам быстрого ей скакуна,
И пусть воротится она к жениху!»

ОСВОБОЖДЕННАЯ ДЕВУШКА И ХАНСКОЕ ВОЙСКО

На этом сказанье окончил акын.
Все были согласны с решением таким,
И пленница слезы утерла платком,
Один только хан думой черной томим.

Снедаем тоскою и злобой Аблай...
Меж тем уже солнце заходит за край
Земли, и темнеют луга и леса,
И только сверкает один Бурабай.

Батыры опять обступили утес,
Но в криках их больше не слышно угроз.
Теперь уж калмычке желают добра, —
Ей каждый батыр поздравленья принес.

Батырам калмычка сказала в ответ:
«Теперь вам, батыры, открою секрет,
Зачем забралась я на этот утес.
Ведь думала я: мне спасения нет...»

Меня не страшила его вышина!
Страшно мне бесчестье, а смерть не страшна...
Налево тут камни, направо — вода...
Коль брошусь я вниз, то разбиться должна...

Теперь приношу благодарность свою
Адаку! Вернул он мне юность мою!
Но сверстниц моих ведь никто не спасет!..
Я им оказать снисхожденье молю...»

И к пленнице тут подвели скакуна,
К седлу приторочили два коржуна,
Взнуздали коня, напоили водой —
Был резвым скакун, но дорога длинна!

Была та калмычка и впрямь хороша!
Глядели войска на нее не дыша.
Прощаясь, склонились батыры пред ней,
Как будто она их владыка, ханша.

Красавица к ним обратилась опять,
Спросила: куда ей дорогу держать?
Увидев, что час расставанья настал,
Все пленницы начали громко рыдать.

ДЕВУШКА И КЕР-КОЖЕК

Скакун от волнения грызет удила,
И даже дракон, распустив два крыла,
Его не догнал бы! . . . Летит Кер-Кожек
Быстрее дракона, быстрее орла!

Приподняты уши, а хвост жидковат!
Зато уж глаза так огнем и горят!
Бескрылому глупо соперничать с ним,
Когда и крылатый догонит навряд! . . .

Стоит пред красавицей конь Кер-Кожек,
В коржун к нему вложен добротный конек,
Чтоб черпала пленница воду в пути, —
Погибнет в степи без воды человек!

И вот уж войска расступились вокруг,
Раздался копыт оглушительный стук —
Помчался скакун Кер-Кожек как стрела,
Совсем как жар-птица иль как булдурук.

Невеста спешит. Ждет невесту жених.
Не в силах ничто разлучить уже их!
Скакун Куандыка, литой Кер-Кожек,
Вечернею степью летит, словно вихрь!

Совсем как из клетки красивая лань,
Как выскочивший из загона кулан,
Она понеслась на своем скакуне,
Навечно покинув захватчиков стан.

ОКЖЕТПЕС, БУРАБАЙ, ЗАГАДОЧНЫЙ УТЕС

Покрыл Кокчетау туман голубой,
Плывут облака над ее головой,
К плечам же горы прислонилась скала,
Поставленная богатырской рукой.

Взлететь на высокую эту скалу
По силам лишь ястребу или орлу,
А песни об этой чудесной скале
Всегда вызывали одну похвалу.

Лежит Бурабай у подножия гор,
И горы в него обращают свой взор.
Как в зеркало, смотрит в него Окжетпес,
Любуясь своей красотой до сих пор.

И камень-загадка находится тут, —
Прижался к скале он, как малый верблюд
К большому верблюду. Над ним — облака,
Под ним — белокрылые гуси плывут.

Он в озеро вклинился острым углом.
А в пору далекую, стоя на нем,
Калмычка исполнила притчу свою,
Которая песнею стала потом.

И нынче, хоть эта легенда стара,
Ее напевает, садясь у костра,
Какой-нибудь старый, почтенный акын,
И жадно внимает ему детвора.

У самого озера камень стоит,
Озерной водой до вершины омыт,
И каждый из вас, кто приедет сюда,
На камень вниманье свое обратит.

Вода в Бурабае прозрачнее рос,
А берег его добрым лесом порос.
Вкруг озера встала густая стена
Из сосен высоких и стройных берез.

Когда задувают лихие ветра,
Рычит Бурабай, как сердитый бура,
И мечется, точно бура, Бурабай,
И эхом ему отвечает гора.

Но если погода не очень свежа,
По озеру гуси плывут не спеша,
И лебедь чудесную песню поет. . .
И вновь от тревог отдыхает душа.

1925—1928

119. АЛЬБАТРОС

1. МОЙ СКАКУН

По пяти перевалам
Под яростный стук колес
Сквозь пятилетку
Мчится наш паровоз.
Песня, лети
По его пути, —
Там, впереди,
Век золотой,
Там не знают ни горя, ни слез.

О мои руки,
В труде не щадите сил,
Пусть марш эпоха
Играет на струнах жил.
Труд — наш оплот.
Восставший народ,
Рванувшись вперед,
Через пять перевалов
К социализму путь проложил.

Страна Советов
Идти не привыкла вспять,
Миг передышки —
И на кручи лезем опять.
Труден поход,
Светел восход,

Знамя зовет
Сомнения забыть
И дорожный кушак завязать.

О конь мой, считался ты
Клячей степной вчера,
Ударь же копытом
Так, чтобы в щебень гора.
Шипами подков
Сокрушая врагов,
До облаков
Взвейся, тулпар!
Нынче наша настала пора.

2. ПОД ЗНАМЕНОМ ЛЕНИНА

На дорогу марксизма,
Решителен, тверд и суров,
Ильич нас позвал,
И откликнулись массы на зов.
Люд трудовой
Ринулся в бой.
Над головой
Знамя взметнув,
Ленин повел отважных бойцов.

Тысячи
Рук
Вскинулись
Вдруг,
Своре —
Каюк,
Пламя
Вокруг.

Ленинской правды стяги
В небе парят,
Только пред ними
Склонен пролетарнат,
Лениным он
Вооружен.

Будет сражен
Алмазным мечом
Капитализм — огнедышащий гад.

Ленинизм — вот наука,
Превратившаяся в клинок.
Массы сбивают им
Жадных хозяев с ног.
Острее во сто крат
Он, чем булат.
В мире преград
Нет для того,
Кто над врагом занести его смог.

Пролетариату,
Когда он с алмазным мечом,
Цари, богачи
И приспешники их нипочем.
Удар за удар,
Пожар за пожар.
Бесценнейший дар
С начала времен —
Меч этот, выкованный Ильичем.

Мы в жарких боях
Забывали еду и сон,
Но лишь крепче сжимали
Древки красных знамен.
И враг ослабел,
И враг оробел.
Враг не сумел
Удар отразить
И понял, что обречен.

С алмазным
Мечом —
Раз!
Два!
Раз!
Два!

К плечу
 Плечо,
 К голове —
 Голова,
Наши колонны
 Идут
 В бой,
Остры,
 Как булатный
 Клинок
 Голубой.

Тех, что мечтали
Без счета нам головы сечь,
Везде настагает
Разящий алмазный меч.
Мы встали не зря,
Теперь ни царя,
Ни алтаря,
Ни михраба у нас.
Венценосные головы катятся с плеч.

В. В СТАНЕ ВРАГОВ

Ярились буржуи,
Сползались со всех сторон
К бело-зеленым
Полотнам своих знамен.
Они пострашней
Ядовитых змей,
Миллионы людей,
Обманутых ими,
Шли ради них на рожон.

Подлый враг не желал
Упрятать кинжал в ножны,
Нас поджидали
В засадах его сыны.
Им бы народ
Резать, как скот,
Кровь нашу пьет

Каждый из них...
Жаждут власти они и войны.

А не сила, так хитрость, —
Эксплуататорский класс,
Победить не сумев,
Очернить пытается нас —
Он лжет и язвит,
Он ядовит.
Добрый на вид,
Фальшивый внутри,
По-разному жалит он всякий раз.

Стиснув зубы,
Борьбу продолжает гад:
Где подножка,
Где в спину — картечи заряд.
В душе его месть,
Он рад бы нас съесть.
Угрозы и лесть
Пускает он в ход, —
На кабаньих клыках не слюна, а яд.

4. ДВЕ СИЛЫ

Пролетариат вышиб дверь
Центрального штаба врага.
Дал он почувствовать
Мощь своего кулака.
Ленин свалил
Тех, кто грабил и бил,
Тех, кто лгал и юлил,
Осталась от них
Только пыль, что развеется от ветерка.

Хитрость тогда
Поступила на службу врагу,
Он понял: вовек
Нас не сможет согнуть он в дугу,
И начал орать:
За ратью, мол, рать
Надо слать, чтоб не дать

Разрастись коммунизму,
Я, мол, мир от него берегу!

Он искал подлецов
За границей и в наших рядах:
Пулей и ядом
В нас думал посеять страх.
Враг зол и умел,
Стяг зелено-бел,
И тигр бы не смел
Столько крови пролить,
Сколько ее у врага на руках.

Оружие разное
Вражьи брали сыны
И в схватки вступали
Всюду, где были сильны.
Но вспыхнувший в нас
Огонь не угас,
Мы, что ни раз,
Побеждали их,
Алмазным мечом они сокрушены.

Б. ВО ВРАЖЕСКОМ СТАНЕ

Волна за волною
На нас надвигались враги,
В металл облачившись,
Вздымали над нами клинки.
Буржуи земли
В крови и пыли
Скопом пришли
Уничтожить нас
И страну разорвать на куски.

Изнутри и снаружи,
В обход или напрямик
Шли вражьи отряды,
И в каждом наймит — меньшевик.
Он звал мусульман
Защищать Коран,
А христиан

Защищать Христа...
Жалил всех его лживый язык.

Каждый пес, что пошел
Добровольно к богатству в рабы,
Клеветал и вопил
И, беснуясь, вставал на дыбы,
Чтоб достать,
Чтоб сорвать
И в пыли растоптать
Зарю коммунизма,
Погасить нашу жажду борьбы.

В дело шли газ и снаряд,
И пушка и пулемет,
В ход пускались
Воздушный флот
И морской.
Кровавой рукой
И петлею тугой
Душили враги
Разогнувший усталую спину народ.

На постыдную службу
Шли пастор, и поп, и мулла,
Шли все, кто за деньги
Готов на дурные дела.
Им кричали рубли:
«Бей, руби, коли!
Сотри с земли
Большевистский род!
Грабь догола, жги дотла!»

Жерла орудий
Угрюмо глядели на нас,
Нацелил их тщательно
Эксплуататорский класс.
Армии шли,
Танки ползли,
Подняться с земли
Не давал пулемет,
Кровь обильней воды лилась.

Аэропланы
Ревели, над нами кружа.
Двигались танки,
Сопротивленья круша.
В бой напрямиком
Шел полк за полком,
Свинцом и штыком
Сокрушая всё,
Нашей крови отведасть спеша.

Их чертовы клещи
Сжимались тесней и тесней.
Мы насмерть стояли
В кольце из дымов и огней.
Антанта была
Хитра и подла,
Злые дела
Замышляла она...
Лишь одно она знала: «Убей!»

Бомбы,
Гранаты,
Газы,
Солдаты.
Флаг
Полосатый,
Кольт.
И Вандервельде
Зол,
Как собака,
Лаял
Вояка.

И любой генерал
Брызгал пеной,
Как бешеный пес.
Хотелось им крови,
Низких поклонов и слез.
Хрипели не в лад:
«Коммунизм — это яд,
Коммунистов подряд

Надо вешать, чтоб злак
Их ученья опасного не пророс».

Враги отовсюду
Ползли в громыханыи брони,
Кровью рабочих
Спирт запивали они.
Рыгали спьяна:
«Кровь слаще вина,
Освежает она. . .»
И хохотали —
«Всех истребим, мол, останутся камни
одни!»

Ядовитыми газами
Пахли в ту пору ветра,
Под тяжестью танков
Прогибалась земная кора.
Гремело вдали, —
То гибель несли
Детям нашей земли
Бомбовозы врага,
И дредноуты, и крейсера.

6. НА НАШИХ СУХОПУТНЫХ ПОЗИЦИЯХ

Оружья у нас
Даже меньше, чем у врагов.
Меньше пушек и танков,
Стволов и штыков,
Но враги не страшны,
Ибо мы для войны
Вооружены
Мечом ленинизма,
Главной силою большевиков.

Брызжущий ядом змеиным,
Враг побежден,
Черной змеею
В пыли извивается он.
Но жив еще гад,
А яд — это яд,
Брызги летят,

Издыхающий змей
Опасен покуда, хотя обречен.

Воины наши
Отвагой и мезтью горят,
Кольцо штыков
Размыкает пролетариат.
Алмазный меч
Грозней, чем картель,
Не страшно и лечь,
Сжимая его...
Конником был и ходил я сквозь ад.

Под знаменем красным
Ходили мы в бой не раз,
Силу и смелость
В сраженьях испытывал класс.
Последний бой —
Решительный бой.
Трус же — судьбой
На смерть обречен,
Но трусов не было среди нас.

Знаменем нашим
Был ленинский первый декрет.
По трудным дорогам
Шли мы за Лениным вслед.
Он вел нас вперед
В победный поход,
С командных высот
Видел всё и всех,
Наставлял и учил добиваться побед.

Раз!
 Раз!
 Раз!
 Раз!
Наш
 Железный
 Строй
 Поднялся
 Стеной,

Не опрокинуть,
Не сдвинуть
Нас.
Левой!
Левой!
Ну-ка,
Рванем!
Сталь
Гнева,
Брызгай
Огнем!

Четкость команд
Восхищала бойцов не раз,
Ленин и штаб его
Побеждать научили нас.
Наш вождь боевой
На передовой
Своей головой
Порой рисковал
Перед тем, как отдать приказ.

Искусно укрывшись,
Лежали мы на рубеже,
Огонь наш прицельный
Был контре не по душе.
Глаз на врага,
Рука
У курка, —
Стрельбу корректировал Ленин
Внимательно, не спеша.

Ленин был монолитен,
Стальная в нем воля видна...
Пламенем правды
Душа его зажжена.
Прищурясь слегка,
Издалека
Он видел врага.
Была подзорная труба Маркса
Недаром ему вручена.

7. ВРАГ

С неба, земли и воды
Угрожал нам враг.
Реял повсюду
Бело-зеленый стяг.
Сжималось кольцо
Огнем и свинцом.
Смерти в лицо
Смотря всякий раз,
Отбивали мы сотни атак.

Знамя
 Полосато —
 Зéлено-
 Бéло.
Трон —
 Без возврата.
 Корона —
 Слетела.

Щупальцы
 Тянут
 Спруты
 Сквозь чад.

Это —
 Дутов,
 Это —
 Колчак.

Жаждой бессмертья
Томится царь Капитал,
Хочет он, чтоб вовеки
С колен пролетарий не встал.
По вставшим на бой
С рабской судьбой
Наводкой прямой
Он из пушек гвоздит,
Расщедрясь на огонь и металл.

8. НА НАШЕЙ ПОЗИЦИИ

Уверенно, твердо
Ильич нашей правил судьбой,
Его приказы
Вели нас в последний бой,
В последний бой,
В решительный бой.
Рад был любой
Из наших бойцов
Жертвовать ради победы собой.

Снаряды и бомбы,
Взрывы, грохот и вой.
Качаются горы, степи
И небо над головой. . .
Земля что огонь,
Рукою не тронь. . .
Как бешеный конь,
Гарцует пожар. . .
Класс на класс. . . Вставай, кто живой!

И встали в атаку
Залегшие было полки,
Пошли сквозь огонь
За победой большевики.
Дрожит всё кругом
Пред трехгранным штыком,
Пред алмазным клинком
Учения Ленина. . .
С фланга конница мчит, разметав башлыкн. . .

9. ГНАЛИ МЫ ВРАГА

Сыны капитала
Рубить привыкли сплеча,
Но мы поднялись, —
Сшиблись в воздухе два меча.
В диком разгоне
Падают кони,
Кровь на ладони. . .
Но меч ленинизма
Острее, чем меч палача.

Буря
Огня,
Свист
Ветровой,
Стрельбы
Трескотня,
Грохот,
Вой...
Облаком
Газ,
Трупы
В пыли...
Осколочным —
Раз!
Бей!
Руби!
Коли!
С ленинизма
Алмазным
Мечом
Нам
Любые
Враги
Нипочем.

Буржуев смутил
Наш бросок, наш отважный порыв.
Они отступили,
А наши пошли на прорыв.
Контре беда,
И стали тогда
Искать господ
Новых путей, чтоб нас победить,
Солнце Ленина тучами скрыть.

Всех нас в то время
Кидало по разным фронтам,
Встать первым в атаку
Каждый стремился сам.
В жарком бою,
В конном строю
Смелость свою

Проверяли мы
Не по словам — по делам.

Я отважнейших помню:
Алиев, Ярмухамед,
Джангильдин, Асылбеков,
Татимов. . . Дорогой побед
Ночи и дни,
Затянув ремни,
Шагали они,
Попирая смерть. . .
Я бы многих назвал, но в строфе больше
места нет.

10. ЛЕНИНЦЫ

Ленинизм — это стержень
Всего, что познал человек,
К социализму дорога,
Путь в золотой век.
Кони сильны,
Руки верны,
Обнажены
Стальные клинки,
Никому не сдержать наш разбег.

Куй железо, товарищ,
Пока не остыло оно,
Пока не будет оно
В меч сверкающий превращено.
Коммунизм,
Марксизм,
Ленинизм —
Вот кузницы наших душ.
Они нашу кровь и плоть
Перековали давно.

11. Я

Я не хвастаюсь, что за мной
В этих битвах скакали кони.
Не говорю, что был первым
В наступлении и обороне.

Но я был удальцом,
Хорошим бойцом,
К лицу лицом
Видел смерть не раз
И на эскадре и в эскадроне.

С красным флажком на штыке
Я охранял границу,
С недругом конь о конь
Мне приходилось биться.
Сверкая клинком,
В огонь прямиком
Ходил я с полком,
Я видел, как газ,
Злую смерть несущий, клубится.

Мчался я то впереди,
То позади эскадрона.
На правом, на левом фланге скакал
Под юртою небосклона.
Я радость познал,
Я горе познал
И перевал,
Высочайший в жизни,
Одолел, качаясь в седле бессонно.

Были всего страшней
Встречи с удушливым газом.
Тут и герой и трус
Себя проявляли разом.
В сознании — муть,
Сжимается грудь,
Нет силыдохнуть,
А надо вперед
Идти, согласно приказам.

В сплетеньях чужих траншей
Не раз спотыкались кони,
Был случай, когда я сам
Едва ушел от погони.
То фланговый бой,
То рейд тыловой, —

Своей головой
Я не раз рисковал,
Но ни разу не выпал клинок из ладони.

Ходил под моим седлом
В ту пору красавец стройный,
Быстрый и сильный, но
Нервный и беспокойный.
Не конь,
А огонь,
Балованный конь,
Но по пробежке не встретился мне
Соперник, его достойный.

О конь
Мой
 Степной,
 Ты смел,
 Надежен!

Ставь
Ноги
 Тверже,
 Будь
 Осторожен!

Ударь
Копытом,
 Как буря,
 Мчи.

Нам
Степь
 Открыта.
 Скачи!
 Скачи!

Лети,
Как птица,
 Сквозь бури
 Вдаль,

Своих
Позиций
 Врагу
 Не сдай!

Но с шага сбивался и этот конь,
Словно кто сглазил его,
И зря пропадал тогда
Взмах клинка моего,
Так бывало не раз,
Это за ноги нас
Поверженный класс
Петлею ловил,
Ложью опутать он мог хоть кого.

Зорче
 Смотрите
 Вокруг,
 Глаза,
Остерегайтесь
 Засад.
Всюду
 Опасности —
 Их
 Не счесть,

Они
 И справа
 И слева
 Есть.

Так
 Тверже
 Клинок
 Опускай,
 Рука,

На голову
 Врага!

То трава под копытом,
То бродов плотный песок,
И всюду идет дорога
От смерти на волосок.
Ошибочный шаг
Караулит враг,
Чуть что не так —
На шею аркан
Или просто пуля в висок.

Я горжусь, что в эту борьбу
Лепту вложил свою,
Что, грудь нараспашку,
Работал штыком в бою.
И правду одну
Нес сквозь войну —
Надо ко дну
Старый мир пустить,
Слить все народы в большую семью.

«Былое на слом!» —
Услыхал этот лозунг народ.
Конником стал я,
А после попал на флот,
Так всё началось.
То солдат, то матрос...
Взлетай альбатрос,
Над синей волной...
Эскадра, вперед!
Эскадрон, вперед!

С первой минуты
Я верил, что Ленин прав,
Что красное знамя —
Символ народных прав,
Что надежна рука
Большевика,
Что сквозь века
Нас Ленин ведет,
Единственно правильный путь избрав.

Сквозь вспышки разрывов,
Ночной разрывавшие мрак,
На красное знамя
Держали мы как на маяк.
Выпало мне
Скакать на коне
И на волне
По морям ходить.
Я красный конник и красный моряк!

Будьте
Точны,
Снаряд
И клинок,
Громите,
Рубите,
Валите
С ног.
Точный
Удар
Разит
Наповал.
Тех
Убивайте,
Кто нас
Убивал!

12. НА МОРЕ

Маркс и Ленин — вот наше знамя,
Их пример вдохновляет нас.
От маяка коммунизма они
Не отрывали глаз.
От карты штабной
До пули шальной
Нет ни одной
Неучтенной детали, —
Ленинский нас согревает приказ!

Ленин — главком,
Это знают вода и земля.
ЦК — его штаб,
И приказы летят из Кремля.
На море флот
Службу несет.
Буря ревет,
Но рассчитан в штабе
Курс для каждого корабля.

Мудр главком и упорен,
На подвиг зовет боевой. . .

Он видит даль коммунизма,
Он Маркса наследник живой.
Он держит штурвал,
Он штаб свой созвал,
Он не устал от сражений с врагом,
И ветер не страшен ему штормовой.

К берегам коммунизма
Сквозь ветер и шторм идет,
Путь расчищая огнем,
Наш военно-морской флот.
Курс, по морям
Проложенный, прям.
Ленин сам
Сквозь бинокль марксизма
Смотрит вдаль и суда ведет.

Рев
 Волн,
 Взрывы
 Мин. . .

Бух!
 Трах!
 Огонь!
 Дым!

В небе
 Пустом
 Молнии,
 Гром!

18. НАШЕ ОРУЖИЕ

У нас в арсенале
Есть то, чего нет у врагов.
Есть то, что сильнее
И газов, и пуль, и штыков.
Если хоть шаг
Сделает враг,
Чтоб, как собак,
Нас на цепь посадить,
То закается на сто веков.

Становятся сабли острее
В рабочих руках рубак,
А броненосцы — мощнее,
Когда на них красный флаг.
И я ведь рубашку
Менял на тельняшку.
Грудь нараспашку,
Драил медяшку, —
Военмором был как-никак.

14. ВРАЖЕСКИЙ ФЛОТ

Оружие гнета
Враг копил от начала веков.
Больше орудий
И больше судов у врагов.
Царь Капитал
Смиряться не стал,
Он подобрал
Для войны экипажи
Из лакеев своих и сынков.

Крейсера и дредноуты —
Как китов исполинских стада,
По-акульему рыщут
Миноносцы туда и сюда.
Броня их крепка,
Мощь велика.
Под облака
Поднимается дым.
Тем, кто столкнется с эскадрой, — беда.

Князь,
 Граф,
 Хан,
 Лорд,
Злобный
 Палач —
 Лай
 Уат
 Норд, —

Тысячи
Дьявольских
Жирных
Морд!

Ползли броненосцы,
Как тучи, таящие гром.
Жерла орудий
Плевали свинцом и огнем.
Подлодки внизу
Таили грозу,
А на весу
Меж туч или звезд
Гидропланы жужжали ночью и днем.

Когда окружили нас
Вражеские корабли,
А их адмиралы
Бинокли в упор навели,
Сигналя с рей:
«Мы владыки морей,
Сдавайтесь скорей!
Не для вас свобода,
Вы сидите теперь на мели!» —

Не дрогнули мы,
Зажаты стальным кольцом,
С вражеским флотом
Сошлись мы к лицу лицом.
Море в огне,
Град по броне,
Смерть в глубине
Корабли сторожила,
Нашпигованы были волны свинцом.

Пар,
Газ,
Шип,
Вой,
Брызги,
Дым,
Свист
Ветровой,

Пламя,
Вода...
Кто чужой?
Кто свой?..

Вооружили для боя нас
Маркс и Ленин,
Перед врагами
Не стали мы на колени.
Оружья верней,
Оружья грозней
От начала дней
Мир не видал.
Вражье мы сломим сопротивление!

Тщетно пугали нас
Пушками их флотоводцы.
Знающий правду
С прямого пути не собьется.
Ленин в сердце у масс,
Ленин в каждом из нас.
Атакующий класс
Поднял стяг Ильича.
Смерть врагу, если враг не сдастся!

Ленин тогда
Указал нам конкретные цели,
И пушки взревели,
И снасти под ветром запели.
Рванулся вперед
Наш израненный флот.
И конец среди вод
Обрели враги,
Лишь немногие скрыться успели.

Возмездье народа
Страшнее, чем залпы торпед.
И враг уничтожен,
И флота огромного нет.
В море ушли
От нашей земли

Лишь те корабли,
Что бежали вначале.
Остальные на дне пролежат до скончания лет.

Враг
 Задрожал,
 Враг
 Побежал,
Вошел
 В его сердце
 Страх
 Кинжал.

15. Я

Конь мой Глиссер на челке
Красную ленту носил.
Нам на разведку
И на битву хватало сил.
Я делал что мог...
Сколько тревог,
Сколько дорог
Теперь позади?!
Сколько раз он от смерти меня уносил!

Полз не раз мне навстречу
Ядовитым туманом газ,
На вражьи засады
Мы натыкались не раз.
Выручить мог
Подчас лишь клинок,
Но с конных дорог
Возвращался я
И смотрел, как пожар над волнами гас.

16. ФРОНТЫ ЗА ФРОНТАМИ

Сквозь войны и голод,
Сквозь сотни бед и невзгод
Пролетариат
Упрямо шагал вперед.

К плечу плечом
За Ильичем
С алмазным мечом
Шел рабочий класс,
Поднявшийся против господ.

Он вытерпел много,
Ни разу не дрогнул в бою,
Зная, что миссию
Выполнить должен свою.
Он бил палачей,
Громил басмачей,
А во мраке ночей
Думал только о том,
Как осилить разруху, назло воронью.

Но враг, что не смог
Одолеть нас в открытой борьбе,
Враг, что бежал,
Посылая проклятья судьбе,
Начал опять
Вредить и мешать,
Он надеялся вспять
Повернуть историю
И заставить снова служить себе.

Невидимый фронт,
Ненавидя нас, создал он,
Он жалил украдкой,
Он полз к нам со всех сторон.
Он не бандит,
Он кроток на вид,
Но даже спит,
Сжав заряженный кольт,
И нож его обнажен.

Во мраке, в подполье
Зубами скрипели враги,
Ткнув свои песьи морды
В кровавые кулаки.
А штаб наш — ЦК —
Обучал войска.

Чтоб наверняка
Прихлопнуть врага,
Стволы шлифовал и ковал клинки.

Буржуазия
Коварный придумала план:
На лица — улыбку,
А в потные лапы — наган,
Хитра и подла,
Из-за угла
На мушку брала
Она лучших из нас,
Обезглавить пыталась наш стан.

Но смерть командиров
Не испугала нас.
Не страх, а гнев
Был ответом народных масс.
Суровы и грубы,
Мы сжали губы,
Мы стиснули зубы
И алое знамя
Ввысь взметнули уверенней во сто раз.

17. ОН БЕССТРАШЕН

Его не однажды
Видали на передовой.
Наш фланг инспектируя,
Он рисковал головой.
На старом авто,
В гражданском пальто,
Он, как никто,
Мог поднять солдат
И повести их в решительный бой.

Пуля — дура,
Святого для пули нет.
А он приезжал —
Не в броню одет.
Неверный шаг,

Что-нибудь не так —
И может враг
Поразить свинцом,
Погасить забрезживший свет.

Но это был Ленин,
Всех армий народных главком,
Не знающий страха,
Умеющий драться с врагом.
Его приказ
Поднимал не раз
Рабочий класс
На неравный бой
И к победе вел пряником.

Глава коммунистов,
Не ведал он страха в бою,
Всё знал обо всех,
Но про жизнь забывал он свою.
Каждый из нас
Говорил не раз:
«Надо бы вас
Побереечь». Но он
Улыбался: «Я крепкий, я устою».

Шли к нему
И армейцы, и моряки.
Как мечи,
Выковывал он полки.
Верней, чем картечь,
Была его речь,
Душ не зажечь
Она не могла:
Самый робкий готов был идти в штыки.

Но враг, что в бою
Визжал, как побитый пес,
Кольт свой припрятал
Не для пустых угроз.
Бродил он вокруг,
Твердил, что он друг,
И вдруг...

Неожиданный выстрел в упор,
Выстрел подлый, словно донос.

Затаившийся враг
Обдуманно сделал ход,
Убрать вождя
Прямой ему был расчет.
Но взвился, как бич,
Яростный клич:
«Ранен Ильич!
Пролетарий, мсти
За кровь, что из раны его течет».

Черной змеею
Подполз и ужалил враг —
Бессильною злобой
Подсказан был этот шаг.
Но и раненный в грудь,
Не подумал свернуть
На запасный путь
Владимир Ильич.
Не задрожал в руке его красный флаг.

Ту, что стреляла,
Славили наши враги, —
Не зря, мол, старалась,
Он умрет от ее руки.
Пойдут, мол, дела...
Но судьба сберегла
Недруга зла
От приспешников зла, —
Ленин выжил, их карканью вопреки.

Куда
 Ни иди —
 Караулит
 В засаде
 Враг.
Из синих,
 И белых,
 И красных
 Полос
 Его стяг.

Смотри,
Часовой,
Внимательно —
Что
И как,

И если
К прицелу
Прильнет
Кровожадный
Дурак —

В лоб ему
Пулю
Всади,
Пусть он
Канет
Во мрак!

Будь
Всегда
Начеку
Ты
И вражьих
Не бойся атак!

Голосом твердым Ленин
Скомандовал: «По местам!
На месте стоять не время,
Время двигаться дальше нам!
Истории ход
Зовет нас вперед,
И солнце встает,
Озаряя дорогу
К новым радостным временам!»

19. ЛЕНИНСКИЙ ПЛАН

Партии коммунистов
Ленин наметил путь,
Штабу ее — ЦК —
Объяснил начинанья суть.

Отчизне был дан
Строительный план.
Оправясь от ран,
Начал строить Ильич
Социализм — чтоб свободно дышала грудь...

Призыв прозвучал:
«Чтоб буржуи не съели нас,
Чтобы уступок
Не требовали каждый час,
Чтоб от щедрот
Иноземных господ
Не зависел народ
Советской страны,
Надо браться за дело без лишних фраз!

В хозяйстве догнать
Америку надо сперва,
А потом обогнать ее —
Это ясно, как дважды два.
Мы за год шагнем на века».
«Есть!» — сказали в ЦК,
«Есть!» — сказали войска,
«Есть!» — сказали рабочие. —
Мы на ветер не бросим слова!»

Так-то,
Граф,
Хан,
Пан,
Лорд!

Так-то,
Банкир,
Фабрикант,
Заводчик
Форд!

Пусть
Вест
Бушует!
Пусть
Злится
Норд!

Не испугает нас
Даже
Черт!

Проект все читали,
Знакомился с ним народ,
И каждый был вправе
Исправить любой просчет.
Был Лениным дан
Гениальный план,
Реальный план, —
Все поняли это,
И пошла работа на полный ход.

Жизнь забурлила,
Как по весне река, —
Всё на учете,
От винтика до станка.
Ясен маршрут,
Радостен труд,
Всюду грохот и гуд. . .
Как недавно винтовка,
Серп или молот — в руках большевика.

Юный класс, что вчера еще только
С оружием дружил
И семиглавую гидру
В честном бою положил, —
Встал к верстаку,
Влюбился в кирку,
Не спит на боку, —
Он выполнит план,
Что Ильич ему предложил!

Счастье народа
Владимир Ильич ковал.
Он, партию вырастив,
Стал за ее штурвал.
И выгнал господ
Восставший народ,

И что ни год —
Прекраснее жизнь.
России — отечеству социализма —
не страшен
Свинцовый шквал.

19. ЛЕНИНА НЕ СТАЛО

Нет ствола, из которого
Враг бы не целил в того,
Тяжелее чьей ноши
Не было ничего.
Кровь в нем кипела,
И мыслил он смело,
И сердце горело
Огнем коммунизма,
Огнем, освещавшим презренье его.

Но, как ни горько,
Вечно жить не дано,
Всё, что пылает, —
Однажды угаснуть должно.
Был он солнцем для нас,
И всё же угас,
Как угаснет в свой час
И солнце само.
Но величья свершений даже смерть
не может стереть.

Не каждым веком
Бывает гений рожден.
Путь к коммунизму
Начал прокладывать он,
Он знал наперед,
Что произойдет
Через день, через год,
Через тысячу лет. . .
Но вот он вернулся в природу —
Таков ведь жизни закон. . .

Страшный миг наступил —
Ни отсрочек, ни льготных дней. . .

Судьба обрубилa жизнь,
Которая всех нужней.
Умер Ленин,
Чей подвиг бесценен. . .
На мгновенье
Земля недвижно застыла,
Слезы вселенной падают в тишине. . .

20. ЛЕНИНСКИМ ПУТЕМ

Вот уже девять лет
Без Ленина протекли,
Но океан ленинизма
Разлился по шире земли.
Ленинская рука
Путь указала ЦК.
Из тесаных скал на века
Мы сложили фундамент социализма
И первый этаж возвели.

Ленинский путь —
Единственно верный путь,
Никто никогда
Нас не сможет с него столкнуть.
Сквозь кровь и пот
Трудовой народ
Упорно идет
Путем Ильича, —
Хочется всем в коммунизм шагнуть.

Серп и молот теперь —
Твои, трудовой народ!
Вздымай же знамена,
Трудись и иди вперед.
Нет слова: «Потом».
Ударным трудом
Мы строим наш дом,
Выполняя до срока
Невиданный план пятилетних работ.

Всё, что не так,
Сегодня исправим мы,

Разрушены стены
Извечной нашей тюрьмы.
Встала не зря
Свободы заря.
Свергнув царя,
Мы должны трудом
Уничтожить отсталость, выйти из тьмы.

Буржуям,
Вредящим нам исподтишка,
Чья совесть в грязи
И в крови рука,
Со стороны
Хорошо видны
Ошибки страны,
Перестроившей жизнь,
Но мы выправим их, будет радость врага
коротка.

Он недавно еще
Угрожал нашей юной стране, —
Голодухой душил,
Нападал изнутри и извне,
Жег огнем, сек мечом...
Был для нас палачом.
А теперь нипочем
Не решается лезть, —
Мелко гадит, держась в стороне.

Бей же
Последышей!
Бей
Шелудивых
Псов,

Жаждающих
Грызть
Наши кости
И пить
Нашу кровь!

Затопи
Их берлогу!
Могилу
Им
Приготовь!

Будь
Беспощаден!
Будь
Справедлив
И суров!

Ростки коммунизма
Опознай, побеждающий класс,
В реве новых моторов,
В направленной воле масс.
Трудись и твори
От зари до зари;
Сознания остр
Не зря оселок —
Марксизм-ленинизм есть теперь у нас.

Индустрия социализма
Зовет вперед,
И в темпе ином
Живет трудовой народ.
Утро земли
Пылает вдали,
Мы дошли,
За Марксом и Лениным следуя,
До распахнутых в счастье ворот.

ЦК нас ведет
По ленинскому пути.
Всё, что Ленин задумал,
Мы в жизнь должны провести.
За штабом ЦК
В строю, как войска,
Издадека
Мы шагаем туда,
Куда Ленин надеялся нас довести.

Всегда коммунисты
Шли в авангарде масс.
Сомкнувшись, шагает
За ними рабочий класс.
Бедняк и батрак
Под ленинский стяг
Спешат, чтобы враг
Не смел посягнуть
На счастье, что ныне живет меж нас.

Идут
Колонны —
Рабочий
Строй.

Мы
Непреклонны —
На труд,
На бой!

Стальная
Сила,
Греми
Грозой!

Шаг
Печатай
Ногой
Босой!

Марш,
Марш!
Вперед!
Труба
Зовет! ..

Раз!
Два!
Левой!
Вперед!
Вперед!

21. АЛЬБАТРОС

Новую мирную жизнь
Строит рабочий класс,
А враги выбирают момент,
Чтобы напасть на нас.
Взгляд напряжен,
Нож обнажен,
Из них на рожон
Полезет любой,
Чтоб напиться крови хоть раз.

Немало еще врагов
Есть у нашей страны.
Как птицы ночные,
Они лишь во тьме страшны.
За ними сейчас
Нужен глаз да глаз.
Во мраке плодьясь,
Жалят они,
Злостью и ненавистью полны.

Так зорче смотри вокруг,
Страны моей часовой!
Пусть тот, кто сунется к нам,
Назад не уйдет живой.
Твое всё вокруг:
И север, и юг,
Выше гроз, выше выюг
Альбатросом взлети,
За мир отвечаешь ты головой.

Враг нас держит в кольце,
Охраняй границы страны!
Зоркие стражи
На земле и в небе нужны.
Дивен, как рай,
Наш радостный край.
Глаз не смыкай,
Альбатросом пари!
Наблюдай за врагом с вышины!

А коль сунется враг,
Обрушь на безумца гром,
Сожги его полчища
Молний живым огнем.
Разбей,
Убей,
По ветру развей
Пепел преступника, альбатрос!..
И пусть позабудет Земля о нем!

1933

120. КЗЫЛ-АТ

ПОСВЯЩЕНИЕ ДРУГУ

Поэму эту завершить я к сроку — очень рад,
Ее тебе я посвятил, мой старый друг Кзыл-ат.
Твой крик лоснится, словно шелк, красна, красавец,
Ты посвященья моего вполне достоин, брат!

Чтобы какой-нибудь знаток не объявил мне вдруг,
Что, дескать, сделался мой стих сухим, как голый сук,
И что поэзия моя похожа на доклад,
Решил от всей души воспеть тебя я, милый друг.

Поэту любви на земле все виды красоты, —
От них рождаются в душе и слезы и мечты.
Прекрасны лебеди, цветы и синий лунный свет...
Но всех прекраснее, Кзыл-ат, на белом свете — ты.

1. ПОЭТУ

А ну, поэт, скорей бери любимую домбру,
С глубоким чувством начинай серьезную игру!
Под звуки музыки, Кзыл-ат, прославившей тебя,
Стальному радостно бежать без усталости перу!

Я чувствовал подъем души сильнее во сто крат,
Когда на небе полыхал сверкающий закат,
Во глубь вселенной я летел тогда своей мечтой,
Когда бывали мы вдвоем с тобою, друг Кзыл-ат!

Да, человеку неспроста дана его мечта.
И он стремится вдаль, вперед всё время — неспроста!
Все тайны космоса постичь сумеет человек, —
Закат реален, и его реальна красота.

2

На небе много ясных звезд, что весело горят,
Сокровищ много на земле, что наш чаруют взгляд.
Как много в мире красоты, и так милы душе
Цветок, алмаз и соловей, газель и водопад!

Не раз ты взоры обращал к звезде лучистой той,
В своих поэмах пел о ней, далекой и святой.
Того, кого ты воспевал, того ты называл
Алмазом, песней, соловьем, зарницей и звездой!

Ты нежный голос соловья в полночи любил,
Любил, когда огнем играл сияющий берилл.
Сливаясь с золотом лучей, что так тебе милы,
Летела песнь твоя в простор на паре сильных крыл.

3

Пусть Муза не спеша идет поверхностью земной.
Я песню посвятил свою тебе, Кзыл-ат родной!
Мы нашей партии призыв должны нести в народ:
«Готовься к посевной! Пора! Готовься к посевной!»

4

Чему всего сильней, скажи, ты в этом мире рад?
Милы ли птицы, что поют в весенний вечер в лад?
Или милей всего тебе бегущий по камням,
Дробящий что есть силы дно, кипучий водопад?

Иль месяц тот, что озарил полночный небосвод?
Иль лебедь та, что не спеша плывет по глади вод?
Иль, может, легкая сайга, что где-нибудь в степи
Средь марева одна ручей пересекает вброд?

Но эти темы ты, поэт, не подымай! Пора
Воспеть идущие вдали стальные трактора!
Есть в мире музыка одна, достойная тебя:
На поле коллективный труд, что радуется с утра!

Ведь люди лучшие идут в поля. За рядом ряд
Шагают по земле они. Их голоса звенят!
Что солнце? Где-то высоко! А здесь вот на земле,
Как будто солнце, милый друг, стоит батыр Қзыл-ат.

Как ветер, попусту, мой друг, не шелести, родной.
Не прыгай попусту, мой друг, как ветер озорной.
Почисть коня и сахар дай буланому коню.
Готовься к посевной, мой друг, готовься к посевной!

В колхозе, руководимом лжеактивистами

1. В состоянии ли ты провести посевную, мой Қзыл-ат!

Ты посевную провести сумеешь ли, Қзыл-ат?
Час наступил, упорный труд тебя согреет, брат!
Уже оттаяла земля, и надо провести
Под пашню борозды по ней, с утра — за рядом ряд.

Уже повеяло теплом; от снега и от льда
На отогревшихся полях не видно и следа.
Трудись же, веселей трудись, настанет скоро срок,
Когда сторицею пожнешь в полях плоды труда!

От солнца, жгущего поля с лазоревых высот,
Сугробы снега на холмах растаяли, как мед.
И мать великая, Земля, свободно в рост встает,
И белый снеговой покров со всею силой рвет.

Ложбины будут до краев полны воды, воды,
Ручьями сделаются вдруг в полях снега и льды!
Весенний воздух опьянит тогда, мой друг, тебя,
И дружно птицы запоют вокруг на все лады.

Настанут теплые деньки, воскреснет мир, и тут
В природе сотни голосов, ликуя, запоют.

Раздастся дружный, звонкий хор и будет петь одно:
«Вперед — на труд! Вперед — на труд!
Вперед, вперед — на труд!»

Земля и небо — всё звенит, на все лады поет!
И гуси в небесах трубят, свершая свой полет.
И серый селезень кричит, входя в крутой вираж,
Над рябью серою озер, над чернотой болот.

Как светит солнце! Все в поля идут — и стар и млад.
Им премию дадут за труд на посевной, Қзыл-ат!
Настал тот час, когда пласты под лемехом стальным
Средь криков скачущих грачей уже ложатся в ряд.

Идут по полю трактора средь вязкой черноты.
Сейчас все силы на посев! Все полем заняты!
Нельзя минуты пропустить! Здесь дорог каждый миг.
А ты что делаешь, Қзыл-ат? Скажи: готов ли ты?

2. КРАСАВЕЦ МОЙ

Красавец мой, зачем, скажи, скопил сердито глаз?
Где голос твой, что подавал ты прежде мне не раз?
Как лебедь шею выгибал и ластился ко мне, —
Так почему ж, когда зову, ты не бежишь сейчас?

Мой черноглазый, что ты так, расставив ноги, встал?
Хребет могучий у тебя. И в беге ты удал!
Так почему же на межу невесело глядишь?
Ты строен, словно кипарис, как яблоко, ты ал.

Так почему же у тебя такой печальный взгляд?
Иль мысли черные тебя всё время тяготят?
Когда я приходил к тебе, чтоб приласкать тебя,
Ты весело бежал ко мне. Мне был всегда ты рад!

Лебяжья шея у тебя, — вот как она кругла!
Как медленно ступаешь ты, не ведая седла!
Красавец ласковый, идешь, не чувствуя земли,
Глаза твои как изумруд! Ты строен, как стрела!

Меня завидев, ты ко мне бросался сам не свой,
Забуть доныне не могу я взгляд твой огневой.
По челке гладил я тебя и хлопал по спине.
Ты сладко ластился ко мне, качая головой.

Я постою с тобой, мой друг, опять наедине.
В глаза, как прежде, загляну, поглажу по спине.
Скажи, что сделалось с тобой? Что мрачно ты глядишь?
Так почему же ты, мой друг, не радуешься мне?

Слова Кзыл-ата

1. ВДРАВСТВУЙ, ДРУГ!

Здоров ли ты, мой старый друг, мой дорогой поэт?
Тебя не видел я давно, мне кажется, сто лет.
Меня ты, видно, позабыл, не посещал меня.
Но всё ж ты вспомнил обо мне, привет, мой друг, привет!

Ты разговорчивым был, друг, и чутким был всегда.
Но вот от нежности твоей уж нету и следа!
Со словом ласковым ко мне подходишь ты сейчас,
Ты, позабывший обо мне на долгие года!

2. КАКНИ-МЫ БЫЛИ

А помнишь, были мы с тобой такие, брат, друзья,
Что удивлялись все вокруг: «Водой разлить нельзя!»
Как две звезды на небесах, с тобою мы сошлись,
На двух — и горе пополам, на двух — и радость вся.

Я был помощником тебе, всегда тебе был мил.
Ты гриву жесткую мою ладонью теребил.
Меня ты нежно обнимал и говорил не раз:
«Вот это пара крыл моих, вот это пара крыл!»

Ты нежно гладил шею мне ладонью на бегу.
Я мчал тебя, чтоб ты, мой друг, не угодил к врагу!
Когда я, помню, ночью раз все силы напрягал,
Шептал ты: «Этого вовек забыть я не смогу».

Как будто птица, под тобой я пролетал не раз,
И лебедем меня ты звал, любуясь мной, подчас.
Сливались с криком лебедей, несущихся вдали,
И голос человеческий твой, и мой могучий глас.

Все годы лучшие тебе я посвятил, мой друг!
Забыть вовеки не смогу твоих любимых рук,
Что заплетали гриву мне, что гладили меня.
К тебе летел я по траве через зеленый луг!

Ты звал меня — и я летел к тебе во весь опор,
Я пронесился по земле, как будто метеор.
И шерсть лоснилась у меня, как будто у бобра.
Я пред тобою гарцевал, скосив игриво взор.

Раздумьями делились мы с тобой, мой друг, тогда.
Мы пели. Плыли облака, как белая гряда.
Внимали пенью соловья в задумчивом лесу,
И нам светила с высоты полночная звезда.

В. ЗАБЫЛ ЖЕ ТЫ!

Ты за бандитами не раз в погоню выезжал.
Тебя завидев, страшный враг от ужаса дрожал.
Белобандитов разогнав, ты приезжал домой.
И знамя красное в руке ты высоко держал.

Ты в гриву мне вплетал не раз, мой друг, огонь гвоздик.
Светился за твоей спиной, мой друг, суровый штык.
Грудь украшал твою в те дни походный патронташ.
Враг убегал, заслышав твой победоносный крик.

Ты помнишь ли, как гнали мы когда-то беляка?
И поступь гордая моя была тогда легка.
Пять лет мне было. Я тогда был строен и игрив,
Твоя взлетала надо мной, как молния, рука!

Скажи: я струсил ли когда? Был путь мой смел и крут,
Мне не были страшны ни смерть, ни пламя и ни труд,
Я был защитник Октября, меня не оскорбил
За фронтовую жизнь мою ни разу злобный кнут.

Скажи: щадил ли я себя? И кто мне был ровня,
Когда стрелою мчался я? Такого нет коня!
Скажи: оставил ли тебя я в поле хоть бы раз?
Скажи: ты мог ли ожидать измены от меня?

Так мог ли я предположить, мой дорогой герой,
Что ты забудешь те года, когда рвались мы в бой?
Ты веселишься средь друзей. «О, как беспечен ты!» —
Я, глядя на тебя, твержу, качая головой.

Ты, брат, нарушил свой обет, что произнес тогда.
Забыл о друге боевом, с кем прожил ты года.
Ты говоришь сегодня «друг», пытаешься обнять,
А между тем ты стал, мой друг, багровым от стыда.

4. ТЫ НЕ УЗНАВАЛ О МОЕМ СОСТОЯНИИ. ВРЕДИТЕЛИ ПОГУБИЛИ МЕНЯ

Скажи: спросил ли ты меня, как я живу? Спросил?
Как самочувствие мое? Осталось много ль сил?
Поэт, ты равнодушным стал! К лицу ли то тебе?
А ведь в былые дни со мной ты ласков был и мил?

Ты видишь сам, как я живу. Взгляни-ка на меня!
Ведь становлюсь всё хуже я, слабей день ото дня.
Вредители вошли в колхоз. И вот сегодня нет
Готового для посевной ни одного коня.

Моя разодрана спина, не в силах я терпеть!
Ходила по моим бокам вредительская плеть.
Отбили внутренности мне. Почти что гривы нет.
Лжеактивисты холку мне сумели в кровь стереть.

Мы спрашивали: «Почему у нас порядка нет?»
Лишь ругань грубая была на это нам в ответ.
Лжеактивисты, кулаки и прочие враги
Наделать, злобствуя, смогли в колхозе много бед.

Их воля хищная была всем бедствиям виной!
Лжеактивисты обходить нас стали стороной.
Уполномоченный не раз, бывало, наезжал,
Но он недосыгаем был в дни трудной посевной.

Сам предколхоза жулик был. К тому же был нагден!
При помощи дружков колхоз он разорил вконец.
Народ боялся, как огня, приспешников его,
Народ безмолвный походил, робея, на овец.

Лжеактивисты растащить смогли колхоз за год.
Где масло? Мясо? Падать стал день ото дня доход.
Разворовали всё добро. Нет больше жеребцов!
Не стало племенных телят. Был съеден мелкий скот.

Ты помнишь рыжего коня, призера-скакуна?
Кобылу помнишь ли? Была как молоко она!
Их перебили всех давно, замучили враги.
Расправа тайная была бессмысленна, страшна!

Скот измочален. До конца изнурено тягло.
До ручки дело, коль взглянуть, у нас уже дошло!
Лжеактивисты здесь царят. От них спасенья нет.
А если спросит что бедняк, ему ответят зло.

5. ГДЕ ТЫ БЫЛ

Где ты все эти годы был? Ответь-ка нам, поэт?
Иль ты мечтою облетел весь наш бескрайний свет?
Иль сладкой песнею себя ты сладко усыплял?
В машине ездил? Отдыхал? Что скажешь ты в ответ?

Иль в самолете ты летал? Был твой полет высок?
Ты в золотых тонул лучах. Пошло тебе ль то впрок?
Когда я пить просил, когда просил простой воды,
Ты в минеральной утопал, ты пил фруктовый сок!

Луч золотой, — что говорить! — приятен он и мил!
Конечно, наслаждался ты, ты набирался сил!
Но ведь, летая в небесах, над облаком паря,
Ты землю нашу позабыл, о нас ты позабыл!

Про свой, про наш родной аул ты, друг мой, позабыл,
Ты внешнего врага, мой друг, стихом жестоким бил,
Но внутренний коварный враг вредил нам изнутри!
А ты о тракторах в стихах на всю страну трубил!

6. Я НЕ ПРОТИВ МЕХАНИЗАЦИИ

Я за внедрение машин. Я был за них всегда!
Я против тех, кто говорит, что от машин беда.
Я против тех, кто вредный слух распространять горазд,
Что нам машины, мол, вредят. Какая ерунда!

Машины — сила на полях. Когда они придут,
Всей грудью радостно вздохнет колхозный дружный люд.
Машины отдых принесут, машины облегчат
Пока еще нелегкий труд, пока что тяжкий труд.

Есть люди, знаю, на земле, что долгие года
Знавали терпкий смертный пот крестьянского труда,
Но нынче радостны они, ведь на полях у них
Гремят машины, трактора, несутся поезда.

7. НЕБЛАГОДАРНО ПОСТУПИЛ ТЫ

Ты позабыл меня, мой друг, а вспомни, ведь всерьез
Поклялся помнить обо мне! Тебя другой вопрос
Сейчас волнует, — ты сейчас стремишься воспевать
Машину! Славишь самолет, косилку, паровоз!

А я, товарищ дорогой, доволен был вполне,
Когда б ты вспомнил между дел о боевом коне,
Когда б спросил хотя бы раз: «Что друг мой боевой?» —
Когда болел я. В те года так плохо было мне!

Ты позабыл меня, мой друг, что скажешь мне в ответ?
Ну посвятил бы ты, поэт, мне хоть один куплет.
Ты изменил мне. Позабыл ту клятву, что давал.
Измена людям не к лицу! Она не красит. Нет!

8. РАЗВЕ ТАК УЧИТ СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ!

Скажи: тому ли учит вас родная наша власть?
Дает ли право воровать? Дает ли грабить власть?
Поэту в небеса смотреть, про землю забыв?
Лжецам и жуликам она дает ли право красть?

Нет, власть Советская губить нас людям не дает.
Твоя опора — это власть. Она коню — оплот.
Не говорит она: коня не надо воспевать!
Не говорит она: воспой один лишь самолет!

А коль сказали не писать — так ты ли виноват?
Сердиться будешь на друзей — и сам не будешь рад.
Не может наша власть сказать, что кони не нужны.
А если кони не нужны, то что мне делать, брат?

Коль я не нужен, то тогда молчи про недород,
О том, что должен день и ночь трудиться весь
народ...
Тому, кто хочет рассказать всю истину о том,
Как плохо дело с лошадьми, — заткнуть возможно ль
рот?

Ответ Кзыл-ату

1. ПРИЗНАЮСЬ

Я знал тебя, мой милый друг, когда тебе был год,
Что сделалось с тобой, мой друг? Иль был плохой
уход?

Резвились мы с тобой в полях цветущею весной,
Тогда ты мог еще скакать! Сейчас уж ты не тот.

Внимательно я осмотрел за эти дни колхоз.
И тем, что видел, глубоко я огорчен, всерьез!
Что понаделали плуты! Что натворили тут!
И всё, что здесь я увидал, я в книжечку занес.

Мне жаль, что ты угас! Мне жаль, что ты поник,
поблек,
Как будто сломанный, степной, загубленный цветок.
Лжеактивисты над тобой глумились, милый друг.
Сгубили, бедного, тебя они в короткий срок.

Ты прав, ты прав: я пред тобой, мой милый, виноват,
Ни в чем тебя я упрекнуть не смею, милый брат!
Нет, не писал я о тебе, забыл я про тебя.
Другую темой занят был. Я жил другим, Кзыл-ат.

2. ОБСТАНОВКА БЫЛА ТАКАЯ

Нас Ленин вывел на борьбу. И пролетариат
С крестьянством вместе вышел в бой: идут за рядом ряд.
Чтоб богачей смести с пути, оружие взял народ.
В те дни, что потрясли весь мир, боролись стар и млад.

Класс угнетенных поднялся на бой в тот грозный год,
На смертный бой, на правый бой весь поднялся народ,
И вот настал тот славный день, тот незабвенный день,
Когда победу одержал народ, разбив господ!

Все богачен собрались на свете заодно.
Они решили, что навек всё в мире им дано, —
Луна и Солнце! Для чего я это говорю?
Ведь это же и без меня известно всем давно!

И враг проклятый был разбит. Решимости полны,
Все стали дружно создавать мощь молодой страны.
Курс на строительство был взят. И стало ясно всем,
Что сеялки и трактора родной земле нужны.

Тогда «Догнать и перегнать!» — был первый лозунг

дня...

И стройки начали расти, гремя, гудя, звеня.
Неужто только я один останусь в стороне,
Неужто же задача дня пройдет мимо меня?

И за создание машин взялась страна труда.
Из самых тайных недр земли пошла наверх руда,
И железнодорожный путь в глухих песках пролег,
И в дальний океан ушли груженные суда.

Тогда-то трактор я воспел, прославил самолет.
И думаю, за то меня никто не упрекнет.
Но не прощаю я себе всего лишь одного —
Что я тебя не навещал уже который год.

3. НА ТРУДНОМ ПУТИ

Пешком тебя не перейдешь, высокая гряда.
Просторы нам преодолеть помогут поезда.
Достичь социализма мы без мощных тракторов,
Без самолетов и судов не сможем никогда.

Но, чтобы двигаться вперед, нам техника нужна.
Не сможет планы завершить без техники страна.
Чтоб будущее штурмовать, чтобы идти вперед,
Нам, как оружие бойцу, та техника дана.

Чтоб будущее штурмовать, и кони нам нужны.
Ведь продовольствие сейчас как воздух для страны.
Сельскохозяйственный вопрос — ответственный вопрос,
Недаром взоры на село теперь устремлены.

Вот почему ты, милый друг, нам нужен до сих пор.
Пред нами, друг, тяжелый путь, пред нами, друг,
простор.

Покуда в мире есть враги, тот нужен мне еще,
На ком когда-то я в степи скакал во весь опор.

4. НАША ВЛАСТЬ ПРОТИВ УНИЧТОЖЕНИЯ ПОГОЛОВЬЯ

Нет, наша власть против того, кто истребляет скот,
Она за то, чтоб жил народ сытней из года в год.
Тот кару должен понести, кто заодно с врагом.
А приносящий вред скоту от кары не уйдет!

Власть хочет, чтобы был колхоз в богатстве
и в цвету,
Чтоб все трудились, чтоб росла оплата по труду,
Чтобы росла моя страна, чтоб двигалась вперед,
Чтобы вступила в коммунизм — в заветную мечту.

Во всех краях моей страны, во всех концах страны
Колхозники поют, — они свободны и дружны!
Они богаче с каждым днем. В густой степной траве
Великолепных скакунов гуляют табуны

Когда все трудятся, тогда идут дела на лад,
Колхоз растёт, идет вперед, не ведаёт преград.
Но надо, чтоб к тому же был и предколхоза сам
Хороший, честный человек, не вор, не конокрад.

5. ПЕРСОНАЛЬНАЯ ОПЕКА ЛОШАДЕЙ

Чтоб не губили лошадей, чтоб был присмотр, уход,
Чтоб уберечь от стужи их и от других невзгод,
Буденный наблюдает сам, сам лично начеку,
Такое дело поручил ему, видать, народ.

И Ворошилов о коне заботится давно.
На совещаниях они твердят всегда одно —
Что о коне забыть нельзя, не помнить о коне
В такое время, как у нас, конечно же грешно!

Они твердят, что мы коня обязаны любить,
Ведь конь помог в огне боев победу нам добыть.
Конь нам опора и в труде и в будущем бою.
И этого никто в стране не смеет позабыть!

Они твердят, что о коне мы помнить все должны,
Ведь конь поможет нам опять в дни будущей войны!
Когда-то в битвах за Октябрь нам конь поддержкой
был...

Да и поныне верный конь — оплот родной страны.

6. ВАС ПОГУБИЛИ ВРЕДИТЕЛИ

Вредители губили вас тайком из года в год,
Все хитрости свои они пустить сумели в ход.
И справки лживые они готовили не раз.
Скрывали истину они: их лживым был отчет!

Очки втирали втихаря, орудуя хитро,
Стараясь от народа скрыть враждебное нутро.
Бросали камень в нашу власть, отчаянно крича:
«Колхоз, мол, богатеет наш, растёт, растёт добро!»

Сумели жулики тайком всех честных обвести,
Для этого они нашли различные пути.

Разворовали до конца колхозное добро,
Коней, готовых для труда, уже и нет почти!

Разворовали подлецы весь инвентарь и скот,
Набили жулики себе чужой едой живот.
Терзали, мучили коней, не запасли кормов.
Колхоз едва стоит, упасть колхоз готов вот-вот...

7. ЛЖЕАКТИВИСТЫ — ПРИХВОСТНИ ВРАГОВ

Лжеактивисты не враги — назвать их так нельзя,
Но прямо надобно сказать: они и не друзья...
Они похожи на врагов, они близки врагам,
Загублена ведь ими, друг, смотри, конюшня вся.

Они лжецы и хитрецы, измены мастера,
Любители чужих коней и прочего добра.
Они лизали у господ тарелку, словно псы,
У байских пресмыкались ног они еще вчера.

Чинуша возглавлял колхоз. Как был нахален он!
На этот пост солидно сел, как будто бы на трон.
Но раскусила власть его, он отдан был под суд,
За дело был разоблачен, за дело осужден.

Его разоблачила власть и осудила власть.
Был ли он враг? Конечно, был. Любил он врать и красть!
Он волк в овечьей шкуре был, и, как матерый волк,
Имел он алчное нутро и злую волчью пасть.

Жулье орудовало всласть, лик под личиной скрыв.
Остались кони без копыт, без кожи и без грив.
Не стало скаковых коней, погиб, погиб колхоз!..
Как хорошо, мой милый друг, что ты остался жив!

8. ВЛАСТИ ПОКАРАЮТ ВРЕДИТЕЛЕЙ

Но и в других, слышал, местах погублен также скот,
Не стало тягла, говорят, для полевых работ.
Виновных предают суду, — не дремлет наша власть.
Ведь кто колхозный губит скот, наказан будет тот!

Людей ответственных у нас снимали неспроста
За попустительство врагам с высокого поста.
А если председатель сам способствовал врагу,
То он идет под суд, и тут бывает власть крута!

Всех тайных недругов страны печальный ждет удел;
Лжеактивисты смещены, отстранены от дел.
Одни уже сидят в тюрьме, другие ждут суда.
От взгляда нашего никто укрыться не сумел.

9. ПО ЗОВУ ТОВАРИЩА МИРЗОЯНА

Так власть Советская дала вредителям урок.
И для иных секретарей был тот урок жесток.
Был лозунг партии: «Пора восстановить село!»
Тогда-то Мирзояна к нам прислал Дальний Восток.

Со всею страстью Мирзоян принялся за дела,
Его решительность тогда порядок навела.
Чтобы от голода страну огромную спасти —
Отдать все силы посевной готов народ села.

В трудах всё время Мирзоян. Всегда среди забот!
Его призыв позвал в поля весь трудовой народ!
И я пришел к тебе сейчас прощения просить:
Забудь о прошлом и смотри смелее, друг, вперед!

Ведь ты на лебедя похож, мой милый брат, родной.
Подобно птице ты летишь степною стороной.
А ну-ка силы собери, давай-ка потрудись,
Руководитель наш сказал: «Готовься к посевной!»

Давай по полю протяни глубокие бразды,
Как будто это длинный след от мчащейся звезды.
Так покажи, мой друг Кзыл-ат, что ты еще силен,
И в землю черную степей вложи свои труды!

Слова Кзыл-ата

1. ТЕПЕРЬ Я НЕ ПОЖАЛЕЮ СНА

До глубины души меня растрогал ты, поэт,
Таких приятных новостей не слышал много лет.
Утешили слова твои, я будто бы воскрес!
Я силу чувствую в себе, — а был я как скелет.

Как много истин услышал я от тебя сейчас.
Кровь закипела. Я живу! Меня ты, друг мой, спас!
Я верю, что враги народ хотели обмануть,
И мне понравился, мой друг, правдивый твой рассказ.

Я, милый друг, не подведу колхозный честный люд,
Нет, я еще не инвалид! И я возьмусь за труд!
Я сил своих не пощажу, в работу я впрягусь,
И не смотри, что я, мол, слаб, что я, мол, очень худ.

Ну что поделаешь, спина моя в крови сейчас,
И круп мой плетью иссечен, избит я был не раз!
Все силы я для посевной, однако, соберу,
Хоть израсходован давно терпения запас...

Когда бы не народа взгляд, что зорок и суров,
Не обнаружили бы мы подонков и воров, —
Неужто ты бы тоже лгал, как лгали все они,
Что, дескать, славный конь Кзыл-ат и весел и здоров?

2. ЕСЛИ ХОЧЕШЬ ЗНАТЬ ВСЮ ПРАВДУ

Ты говоришь, что ко всему отнесся ты всерьез,
Что видишь сам ты, до чего скатился наш колхоз,
Всё о вредителях узнал и о проделках их, —
И всё, о чем ты разузнал, ты всё в блокнот занес.

А если хочешь разузнать подробней, что и как,
О том, как действовал тайком вредитель и кулак,
Колхозников ты расспроси, они-то знают всё.
О том, что было здесь у нас, тебе расскажет всяк.

И если истина тебе, мой милый, дорога,
Иди в конюшню, в хлев, в поля, в свинарник и в луга.
Расспрашивай всех обо всем, интересуйся всем,
И вот раскроется тогда тебе лицо врага.

И я желанием горел всё выложить до дна,
Что накипело на душе, всё, чем душа полна,
Но что-то боязливым стал и потому, видать,
Я не раскрыл ни разу рта. И в том моя вина!

8. БЫЛО ТАК

Лжеактивисты были злы у нас в селе в те дни,
Попробуй лишь не угодить им, — боже сохрани!
Им были все права даны. Дыхнуть при них нельзя.
Рукам пытались волю дать, того гляди, они.

Лишь заикнись об их делах, они начнут плести
Интриги, уж они найдут тогда к тебе пути!
И говоря тебе о них, от страха я сказал,
Что это, дескать, не враги, а вроде бы, почти. . .

4. ЧТО ПРОДЕЛЫВАЛИ НА ПЕРИФЕРИИ

От центра наш колхоз далек. И вот какой уж год
В правленье начал заседать сомнительный народ:
Лжецы, и воры, и жулье в правленье — как цари,
А без надзора — инвентарь, а без надзора — скот!

Они гоняли на конях с утра и дотемна.
Кормов не стало. Как же быть? Не наша, мол, вина!
Тут начался падеж скота. Напал на птицу мор.
Они же стали воровать: всё тяжелей мошна!

Уполномоченный когда приедет, тут как тут
Они уже его в поля под локотки ведут.
«Колхоз у нас передовой!» — они всюю кричат.
Сбивают с толку нашу власть. Молчит колхозный люд.

«За власть Советов мы!» — кричат с утра и до утра.
Кричат: «Да здравствует! . . Привет!» Кричат: «Ура!
Ура!»

А в это время режут скот, уродуют коней,
Уводят маленьких ягнят с колхозного двора.

А я держался на ногах в те дни едва-едва,
В глазах темнело у меня, кружилась голова,
Я от столицы вдалеке жизнь тяжкую влачил,
О жизни горестной моей не ведала Москва.

**5. ЗАМЫСЕЛ ПОДЛЕЦОВ,
ГОСПОДСТВОВАВШИХ В НАШЕМ КОЛХОЗЕ**

Нет, невозможно перечесть все грязные дела:
Их шайка наше всё добро по ветру растрясла.
Я без волненья не могу об этом рассказать,
В те дни так много было бед, так много было зла.

Мы посреди степи, от нас столица далека,
И потому творила зло враждебная рука.
В те дни колхоз наш возглавлял не честный коммунист,
А тайный враг, опасный лжец, приспешник кулака.

В колхозе нашем подлый враг успел наделать дел,
Он маску честного борца, чтоб скрыть лицо, надел.
Он, как паук, всё время плел свою паучью сеть,
При нем колхоз совсем упал, распался, оскудел.

О, сколько он успел один у нас наделать зла!
Печальные пошли у нас, унылые дела,
Раскидан в поле инвентарь, стоит, шатаясь, хлев,
У нас не стало ни скота, ни корма, ни тягла.

А цель была тогда у них, вредителей, проста —
Чтоб не сбылась моей страны заветная мечта,
Чтоб отвращение к труду крестьянину внушить,
Чтобы оставила колхоз в испуге беднота.

Они хотели разорить колхозы все дотла,
Чтоб люди плюнули на власть от горя и со зла,
Чтоб нищий, вскинувши мешок, по миру зашагал,
Чтобы протянута в тоске ладонь его была,

8. ОДИН ИЗ ПОДЛЕЦОВ В КОЛХОЗЕ

Одни спокойные на вид, безмолвно стиснут рот,
Глаза их мрачно-холодны. Ничто их не проймет!
Как ненавидят все они наш пламенный Октябрь!
В их душах камень в глубине, в их черных душах лед.

Как зверь, огромен. Зол и хмур, на палача похож!
За пазухою он хранит окровавленный нож.
Когда увидит тучный скот, колхозные стада,
От злобы воет и хрипит, от лютой злобы — в дрожь!

И конь под ним всегда хрипит — натянута узда!
Весь день он скачет по степи, весь день туда-сюда.
Доволен он собой тогда, когда он режет скот,
Когда он мучает и бьет. А больше никогда!

Колхозный скот не бережет, убийца и подлец,
Не бережет он ни коров, ни коз и ни овец.
И сливками своих щенков отпаивает он,
Но ничего не даст другим, хоть лопни. И конец!

9. ОБЛИК ДРУГОГО

А есть такие, что сидят, в тебя уставя взгляд,
И головой твоим словам покачивают в лад.
«Зачем так мучаешься ты, измаялся совсем!» —
Они с сочувствием тебе, вздыхая, говорят.

10. ОБЛИК ТРЕТЬЕГО ЛЖЕАКТИВИСТА

А третий ложный активист довольно прост на вид.
То тих, а то в безумье он несется, как джигит.
То грозен и надменен он, то улыбнется вдруг,
Дашь что-нибудь — доволен он, не дашь — так он
грозит!

Кто угостит его, того и почитает он,
О том и печься будет он, тот будет вознесен.
А если угостить его не сможешь хорошо,
Тебя он «контрой» назовет и подведет «закон».

11. ОДИН ИЗ ПОДЛЕЦОВ, ЗАБРАВШИХСЯ В ПРАВЛЕНИЕ

А есть такие хитрецы: по ветру держат нос!
Мы, дескать, все стоим за власть! Радеем за колхоз!
Уполномоченным они стремятся угодить,
Они подозревают всех! На всех строчат донос!

Такой промашки уж не даст. Он бьет наверняка!
Казалось, страдает он невзгодам бедняка.
Лжеактивистов меж собой сравнил он, как собак,
И всех подуськивает он. Зудит исподтишка.

Вот так орудовали псы у нас в былые дни,
И беззакония свои творили здесь они.
Не знал колхозник, как тут быть и как тут поступать,
А те, орудую тайком, — в стороночке, в тени!

Такой, приняв смиренный вид, упорно губит скот,
Как пес жиреет. День и ночь себе растит живот.
Всех хочет убедить он в том, что борется с врагом,
А дома тайно сало ест. Пьет молоко и мед.

Одних преследует, теснит и жмет день изо дня,
Клевещет подло на других, их всячески черня.
Упитанных коней чужих нещадно хаает он,
Но восхваляет до небес тщедушного коня.

12. НАШ БЫВШИЙ СЕКРЕТАРЬ, СТАРИК...

Все бюрократы как один, кто с ними не знаком!
Был среди них старик. К нему ты хаживал в райком.
Ты факты лживые ему принес бы или нет,
Когда узнал, что до сих пор он на посту таком?

Он до сих пор еще сидит. И это неспроста.
Он заявление подал, сославшись на лета?
Ну что ж, он, право, доказал, на что способен он:
Теперь ему уже пора всё же уйти с поста.

В колхозах он бывал, скажи? На поле бросил взгляд?
Умел решенья принимать, чтоб шли дела на лад?
На нас в течение многих лет он даже не глядел.
Он, видно, не в своем уме. Чиновник. Бюрократ.

Он был ответственным один, один на весь район.
Руководил райкомом он, был высшей властью он.
Руководитель должен быть суров, но справедлив,
Затем что правом нас вести вперед он наделен.

Конечно, не разделит он мои слова вполне,
На шею звонкую медаль он не повесит мне,
Не вызовут мои слова восторга у него,
Не станет он трепать меня ладонью по спине.

Руководитель должен быть мыслителем у нас,
С овец колхозных ты, пастух, сводить не должен глаз.
Никто вовек не оскорбит такого пастуха,
Который стадо от волков и от бурана спас.

Наш секретарь незорок был. Не шли дела на лад.
Враги поднялись. Секретарь всё делал невпопад.
Да, «у плохого чабана, что там ни говори,
Но никудышная овца не принесет двойни».

Уж коль руководитель ты, так будь же зорок, брат.
Пусть цифры дутые, мой друг, тебя не ослепят,
Не дай очки себе втереть. Внимательней смотри!
Иначе ты не секретарь, а просто бюрократ.

13. И ТЫ ДАВАЛ ВЫ ЛЖИВЫЕ СВЕДЕНИЯ!

Еще секретарем у нас всё этот же старик.
Попробуй-ка сказать ему по-свойски, напрямик!
Как куст, он сразу задрожит, хотя есть у него
И ум и опыт. Но беда: он к лести, брат, привык!

Ты у него, скажи, бывал, беседовал ли с ним,
Сгибал ли спину ты пред ним, как мерзкий подхалим,
Что, словно мелкий лизоблюд, попасть стремится в тон,
Ты говоришь ему, что он велик, неустрашим?

Скажи: робеешь перед ним? Ты бьешь ему челом?
Поддакиваешь ли ему? Иль прешься напролом?
Ты цифры дутые ему подсунуть норовишь,
Когда он важно так сидит за письменным столом?

А если этот секретарь за нерадивость снят,
Ты будешь ли тогда его срамить повсюду, брат?
Вину всю свалишь на него, чтоб обелить себя?
Ты скажешь, что разоблачил его пять лет назад?

Когда уйдет наш секретарь, сидевший много лет,
Ты будешь ли тогда его ругать? А может, нет?
А нового секретаря ты будешь ли хвалить,
А коль уйдет, то и ему кулак покажешь вслед?

О, ежели ты стал таким, что можешь, брат, порой
Душою покривить своей, какой же ты герой?
Ты раб и трус. Кому, скажи, поверить мы должны?
Ответь, прошу тебя, ответь. Всю правду мне открой!

Но если раболепен ты, сгибаешься в дугу,
Противным станешь другу ты, станешь смешным — врагу.
И если, хитро лебезя, заискивать начнешь,
То этого, мой друг, тебе простить я не смогу.

14. НЕ ЗНАЮЩИХ СОВЕСТИ — МНОГО...

Есть много на земле людей, не знающих стыда,
Забывших совесть, а она, мой милый друг, свята!
Но мы, животные, себя позорить не хотим,
И, право ж, неспособны мы на подлость никогда.

Способен человек подчас на низкие дела,
Он имя пачкает свое, бывает полон зла.
Но я на подлости не шел, ей-богу, никогда,
Хотя судьба моя была горька и тяжела.

15. НЕ СБЕЙСЯ, ДРУГ, С ПУТИ ОКТЯБРЯ!

Не обессудь меня, поэт, прошу, не обессудь!
Когда всё выскажешь вот так, то легче дышит грудь.
В дни революционных битв, в годовину Октября
Все лучшие сыны страны прямой избрали путь.

Мы штурмовали в эти дни труднейший перевал,
Любой из нас и кровь, и пот в походах проливал.
Хоть много вынесли с тобой, хоть много позади,
Но до победы труден путь, путь впереди немал!

Мой дружеский тебе совет — ты честь не урони,
Не подхалимничай, будь тверд, достоинство храни!
Ведь ради равенства мы шли с тобою, друг, на бой,
Мы за достоинство людей сражались в эти дни.

16. КАЖДЫЙ ДОЛЖЕН БЫТЬ ОЦЕНЕН ПО ЗАСЛУГАМ

Конечно, я хочу, чтоб ты не шел иным путем,
Ты должен тем идти путем, которым мы идем.
Кто славно воевал в боях, у нас героем слыл,
Тот должен честь свою хранить и помнить о былом.

Без колебанья надо быть с народом, как солдат,
Быть с партией, стоять всегда за справедливость, брат.
Наш секретарь, старик седой, был не на высоте,
Без сожаленья потому и должен быть он снят.

Кзыл-ату

1. ВСЁ ЕЩЕ ОБИЖАЕШЬСЯ?

Любимый друг мой, милый друг, ты дерзок и крылат,
Свисает грива до земли, как шитый шелком плат.
Тебе всю правду я сказал, всего себя раскрыл,
Но в голосе обида есть. Напрасно это, брат.

Мне кажется, что речь твоя двусмысленной была,
Что ты не всё мне рассказал, что шутишь не без зла.
Зачем, товарищ дорогой, все колкости твои?
Неужто я тебе не смог все изложить дела?

Неужто думаешь, что я какой-то пустослов?
Все меры для тебя плохи? И ты всю жизнь готов
Обиду на меня таить? Неужто ты сердит,
Что поздно раскусили мы все происки врагов?

2. СКАЖУ ЕЩЕ

Я повторю тебе еще то, что сказал всерьез,
Ведь мы затронули с тобой существенный вопрос!
Я тоже подтвердить готов всё, что поведал ты:
Вредители из года в год губили твой колхоз!

Но не везде, мой старый друг, творилось то, что тут,
В колхозах многих шли дела отлично; дружный труд
Повсюду спорился! Лишь ваш запущенный колхоз
Был разорен. И от врагов страдал колхозный люд.

В колхозах многих шли дела тогда на полный ход,
Неведом был падеж скота, неведом недород.
Лишь в том колхозе, что похож на бедный ваш колхоз,
Не мог от классовых врагов избавиться народ.

Творили черные дела у вас в селе они,
Вредили, сами находясь до времени в тени,
Обманывали, мастера замазывать глаза,
Старались истину скрывать от партии в те дни.

Меняли кожу, притаясь, коварны и ловки,
Меняли методы борьбы, двуличны и низки.
Творя коварные дела, кричали: «Вот враги!» —
Со всеми вместе. А потом — вонзали в скот клыки.

8. ДО ВАС НЕ ДОВОДИЛИ УСТАНОВКИ ПАРТИИ

Хотя и ведали враги, что гром ударит вдруг,
Что все их темные дела сойти не могут с рук,
Но всё ж вредили, до людей они не довели
Все указания Москвы. И вот замкнулся круг!

Уже потом слова Москвы узнал колхозный люд:
«Отныне наш по трудодням оплачен будет труд».
Того, кто запустил дела, кто долг свой позабыл,
За безответственность того ждет справедливый суд.

«Решают кадры всё! — в колхоз такой пришел наказ. —
Ответственность несет за всё сейчас любой из нас».
Беречь колхозники должны и инвентарь, и скот,
Ведь мы с колхозного добра спускать не вправе глаз.

Колхозник, взявший, например, хотя б на пять минут,
Телегу или же коня, вола или хомут,
Пусть случайно или нет, но причинит урон,
И пусть ответственность несет, закон с ним будет крут...

4. ПО ПРИЗЫВУ ПАРТИИ

Враги смогли урон стране серьезный нанести,
Но партия смела врагов решительно с пути.
И лозунг партия дала — «Разоблачай врага!»,
И не осталось ничего уж от врага почти!

Сумела партия в селе исправить страшный вред.
За горло взят был лютый враг. Ему пощады нет!
И у народа на устах слова о посевной,
Слова о будущем села, цитаты из газет!

Сумела партия вдохнуть уверенность в сердца.
Разбить всех классовых врагов сумела до конца!
И наказать смогла она со всею прямою,
И разглядела — и глупца, и вора, и лжеца!

5. НАШ СЕКРЕТАРЬ НА ПРАВИЛЬНОМ ПУТИ

Наш новый секретарь упрям. От каждого села
Ему реальные нужны и цифры и дела.
И захоти я поднести заведомую ложь —
Я сам бы стал тогда врагом, наделал много зла!

У нашего партвожака суровый взгляд орла:
Всё знает он, всё видит он — все темные дела.
Мой резвый друг, мой старый друг, смелее в труд
И ты увидишь урожай и торжество села!
включись,

6. НОВЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Товарищ мой, слова твои обидою полны.
Они, по-твоему, мой друг, задеть меня должны...
Поверь мне: новый секретарь — ведь он наш лучший
И скачет он во все концы родимой стороны. друг,

Он побывал во всех углах, всё осмотрел кругом,
О счастье думает людском, всегда о нем одном.
Заходит в каждое жильё, чтоб толковать с людьми,
Неважно — хижина ли то, или роскошный дом.

Без устали день ото дня работать он привык,
Он не какой-то бюрократ, а дельный большевик.
Он говорит всегда с людьми, всегда среди людей, —
Не то что прежний наш «вожак», наш секретарь-старик.

Он побывал у нас в краю за краткий срок везде.
Он помогает всем во всем, в несчастье и в беде.
Народ беседы с ним ведет, о планах говорит,
Всяк обращается к нему в невзгоде и в нужде.

Ну что же, скинули с поста за дело старика!
Заслуга нового вождя безмерно велика!
По настоящему пути величья и побед
Ведет вперед, ведет вперед нас партии рука!

7. УВИДИШЬ, УЗНАЕШЬ ТЫ

Когда его увидишь ты, доволен будешь ты:
Правдивы все его слова, а помыслы чисты.
Сюда приехать должен он, ты с ним поговоришь!
Обрисовать тебе хочу товарища черты.

Довольно молод, с огоньком веселых черных глаз,
Он полон силы. Он готов в любой подняться час
И выехать в село! Ведь он отличный секретарь!
Он самый лучший изо всех работавших у нас!

Размах плечей, стальная грудь и рост богатыря,
Он прямо смотрит на тебя, в упор, умом горя.
Он скромен, голову свою всё ж держит высоко.
И поступь у него горда. И это всё не зря!

8. КАКОВ ЖЕ СТАРЫЙ СЕКРЕТАРЬ!

Что делал старый секретарь? Бывало, что не раз
Он на бумаге отдавал неясный всем приказ.
Он ездил лишь на поездах и разным городам
Приказы устно отдавал, туманные подчас.

А в захолустье не бывал, не навещал район,
Но слухи лживые ползли к нему со всех сторон.
Он ничего, лентяй, не знал о жизни на местах,
Он в кресло тяжело воссел, как будто бы на трон.

В неистовство впадал не раз, как злой самец-верблюд.
Он тряс козлиной бородой. Творил неправый суд.
И подхалимничали все, стараясь угодить.
И все склонялись перед ним. И трясся в страхе люд.

9. РАЗВЕ Я СЕБЯ ПОЗОРИЛ!

Твои слова — они верны, бьют в сердце напрямик,
Они ведь ранили меня, они — как острый штык.
Ты хочешь, видимо, сказать, что нового хвалю,
А прежнего ругаю я, — а прежний ведь старик?

Ты издевался надо мной, хотя и столько лет
С тобою не видались мы, — мне всё ж пощады нет.
Поверь, уж лучше мне не жить, чем средь народа слыть:
Лжец, проходимец и хитрец, — а я ведь всё ж поэт!

Я нового секретаря хвалю не зря, мой брат,
А старого я поругать при всем народе рад.
Но что бы я ни говорил, о чем бы ни твердил,
Я мысли выражаю масс. Пою я с ними в лад.

Я разве на кого-нибудь напрасно, брат, пенял,
Кого-нибудь, скажи, мой брат, я пачкал, очернял?
Попыткой льстить кому-нибудь иль просто угождать,
Скажи, мой старый друг, хоть раз я честь свою ронял?

10. МОГУ ЛИ Я ГОВОРИТЬ НЕПРАВДУ!

Нет, не скажу, что ты меня порочил ложью, нет!
Нет, не скажу, что поносил меня на целый свет.
О том, что я тебя забыл, о том, что покидал,
Верны, мой друг, твои слова. Я не был много лет!

Ты обвинил меня, что я тебя, мой друг, забыл,
Что я не навещал тебя, что я, мол, изменил,
Что я, обманывая власть, втирая ей очки,
О положение дел в селе неправду говорил.

Способность слово не держать — значительный порок.
Тот, кто двуличен, тот, мой друг, наказан будет в срок.

Напрасно, друг мой, на меня возводишь ты поклеп,
Что я, мол, изменил тебе, тобою пренебрег.

Какое обвиненье, брат, еще ты возведешь?
И ты стыдишь меня, мой друг, твердишь одно и то ж.
Всё, что ни делал я, — ничто мне совесть не чернит,
Моей подругой никогда не становилась ложь!

Неправду разве я сказал когда-нибудь, поэт,
На совесть брал ли грех, скажи? Я отвечаю: нет!
Пусть буду я на сей земле, здесь счастья лишен,
От правды не отречься мне. Вот мой тебе ответ!

Уж коль люблю, то я люблю душою до конца!
Я тех люблю, мой старый друг, чьи праведны сердца.
И если я и невзлюблю кого, то невзлюблю,
Я в мире ненавижу, друг, лжеца и подлеца.

Нет, сильным я не угождал, не лаял, словно пес,
И не держал по ветру я, поверь, товарищ, нос.
И ту, которая была постыла, не хвалил,
Не врал, не притворялся я и чепухи не нес.

Коль радости на сердце нет, не веселюсь с утра,
Коль мне невесело, молчит правдивая домбра.
Все струны сердца не поют, когда я загрущу,
Но коли радость, то в душе — и песня, и игра.

Переродиться ли смогу, когда я сердцем чист?
Чиста душа моя, как чист бумаги белый лист.
Могу ль обманывать я власть? Я был душою прям,
Когда обманывал ее в селе лжеактивист!

11. ВОТ И ВЕСНА

Скакун мой, бешеный скакун, идет весна-краса!
Несет и радость и любовь и синью бьет в глаза.
И вместе с яркою весной летит издалека
Веселых журавлей косяк. Сияют небеса!

И песни лебедей звучат на высоте с утра,
И на воде озерной рябь — веселых волн игра!

И воздух полон голосов певучих вешних струн,
Что льются с голубых небес. Мир звучен, как домбра!

Ты видишь голубую даль, безоблачный простор?
Ты замечаешь рябь озер, жемчужный блеск озер?
Весенняя простерта степь, покрытая травой,
И надо всем звучит вдали призывный птичий хор.

А утки над водой кружат и весело поют,
Стремительные виражи я вижу там и тут,
Звенят их крылья в высоте, как молнии блестят.
Звучит победоносный крик, как праздничный салют.

А селезни, что, как заря, прельщают пестротой,
Прекрасной шею своей, и гордой и крутой, —
Играют, плавают, стремглав мчат наперегонки
Под неподвижной, голубой и чистой высотой.

Земля, как мать, любя дала всему живому грудь.
Природа хочет, пробудясь, могучая, вздохнуть.
Животные хотят детей, растения — ростков,
Всё к жизни тянется, поет, всё словно вышло в путь.

12. СКАКУН МОЙ

Скакун мой, черноглазый мой, подвижный, как сайга,
Мне шея гибкая твоя, приятель, дорога.
Тебя за шею обниму! Мой милый друг, пойми:
Пора за призом трудовым идти в поля, луга.

Твоя знакома сила мне, мой милый друг, давно,
У нас работа впереди, у нас ведь дел полно!
Ты не забудь, мой милый друг, задача нелегка:
Нам вред, что нанесли враги, исправить суждено.

13. БЕГУН МОЙ

Красавец мой, ты с тонкой схож ракитой, со струной,
Ты лучше всех, мой милый друг, на этой посевной.
Ты ласковый, любимый мой, всё тянешься ко мне.
Ты будешь, верю я, дружить всегда, всегда со мной.

На состязаньях первый приз ты добывал всегда.
И первым ты ведь приходишь, мой милый, без труда.
Коль исхудать случалось вдруг, ты быстро набирал
Свой вес. Тебе, мой дорогой, ведь не страшна беда!

Ну а теперь, мой милый друг, ты вновь день ото дня
Наращиваешь силы, брат, крутую мощь коня.
Ты, побеждающий всегда на фронте и в труде,
И на грядущей посевной не осрамишь меня.

Слова Кзыл-ата

Товарищ мой, слова твои зовут меня вперед,
Я слово верное даю, товарищ, в свой черед.
Ты, вдохновитель, силу дал, ты бодрость мне внушил.
И я тебя не подведу, поверь, в пылу работ.

Слова твои, товарищ мой, что сделали со мной!
Я вдохновлен тобой, мой друг, я жажду посевной!
Твоя поэзия несет ко мне призыв Москвы.
По телу ток бежит, мой друг, и ты тому виной!

Я верю всем твоим словам. Душа моя легка!
Как будто солнце вышло вдруг, раздвинув облака!
Но как увижу жеребцов соседних с нами сел,
Упитанных и боевых, меня берет тоска.

Мы тоже были хоть куда, и нас ценил народ!
Но волю дали мы врагу — и вот какой исход!
А почему мы не смогли вредителей смести? —
Мне мысль покоя не дает, она меня гнетет.

На фронте, среди битв, лицом я не ударил в грязь!
Мы выйдем в поле. Из села мы вывели всю мразь!
Когда раскрыта грудь земли, грудь матери-земли,
На поле всякий выйти рад, героем становясь.

Пускай работает со мной ударник! Мне он брат!
Я с ним работать на полях до ночи буду рад.
Ведь ты же веришь мне, скажи? Ведь я не посрамлю
Тебя в труде! Что он герой, докажет всем Кзыл-ат!

Пусть люди примут от меня всю страсть, всю страсть
МОЮ.

Хочу войти я словно друг в колхозную семью.
Пусть не зовут меня конем враждебным и чужим,
Меня, соратника в труде, соратника в бою.

Ударнику труда служить я буду день-деньской.
Делить я буду с ним всегда работу и покой!
Пускай же претворятся в жизнь шесть тех условий,
шесть,
Которые нам начертал наш вождь своей рукой!

После посевной

КЗЫЛ-АТ ПОЛУЧАЕТ ПРИЗ

Кзыл-ат вернулся с посевной. Округа вся горда!
Кзыл-ат взял первый приз, взял приз, как обещал
тогда!

Но главный подвиг впереди, ждут новые дела!
Там вновь кампания грядет, там новая страда.

Не подкачал наш верный конь, не подкачал Кзыл-ат,
Хотя и был он истощен, хоть был он худоват.
Но слову верен был скакун и не подвел колхоз.
И весь колхоз был за него в тот час счастливый рад.

Труд равен подвигу. Труды теперь настал черед.
Благословенен будет твой рабочий, горький пот!
Когда в работе на полях конь приза не возьмет,
То значит это, что в бою он друга подведет!

Вернемся к Кзыл-ату

КЕМ ЕГО НИ НАЗЫВАЮТ! . .

А ну, поэт, поговорим, похвастаем конем —
Про то, что сделал наш Кзыл-ат и отличился в чем.
Давай обсудим, обо всем с тобой поговорим.
Поскачем резво по степи. Итоги подобьем!

Послушаем, что говорят! Зря или же не зря?
Ругают ли его? Бранят? Или богатыря
Задумали хвалить? Чего, скажи, достоин он?
Друг друга прерывают все, о друге говоря.

Одни Кзыл-ата всё бранят, зовут его «верблюд».
Другие вовсе не конем — кобылою зовут,
И только третьи молодца как следует поймут.
И скажут: прав поэт, над ним свершивши честный суд!

Ну а четвертые, прочтя правдивый сей рассказ,
Вскричат: «Он хочет очернить, товарищи, всех нас!
Лжеактивистами назвал он нас — сынов села!»
И злобу затаят они: «Смотри! Придет наш час!»

Критик-знарок и критик-притворщик

Мне человек по сердцу тот, мне, право, близок тот,
Кто указание тебе затем, мой друг, дает,
Чтоб искренне помочь тебе, чтоб выручить тебя,
И это вдохновляет нас на творчество, полет...

А есть и критики. Вот так они себя зовут!
Они взвалили на себя всё ж непосильный труд!
Всё путают. Где ясно всем — они всюю темнят.
Над ними, над словами их смеется добрый люд.

А есть — как кляча, что одна впряглась в тяжелый
плуг
И тшится глубоко вспахать целинный вязкий луг,
Иль словно заяц, что попал в сыпучие пески
И хочет выбраться, и весь — без силы, весь — испуг.

Как критиком быть нелегко! Искусство «знатока» —
Оно дано не всем, его задача нелегка.
Искусство тонкое схватить не всякому дано,
Вот так лисицу ухватить не можешь ты, рука.

Мой черноглазый, как сайга!

1. КАКОЙ ЧЕЛОВЕК ОБВИНИТ КЗЫЛ-АТА?

Но кто Кзыл-ата обвинит? Он добрый ветеран.
В чем прегрешение его? Он смирен? Иль буян?
Но кто захочет обвинить, тот что-то да найдет!
Какой-нибудь найдет ущерб, какой-нибудь изъян.

Тот критик — он лжеактивист! Я в том уверен. Вот!
Он подхалимом был всегда, смотрю и вижу: тот,
Что тише всех ходил тогда, боялся больше всех,
О теплой должности мечтал он в тот нелегкий год.

Иль этот, что мастак соврать, мастак втирать очки,
Чьи так «заслуги», говорят, безмерно велики,
Что сведенья давал в райком, сплетенные из лжи...
Скота неслыханный падеж был от его руки!

Они стремились раздуть в скандал любой пустяк,
У каждого своя есть ложь, он врет и так и сяк!
То вражья критика была, она несла лишь вред.
В той критике средь мелюзги встречался лжи мастак!

Лжеактивисты хорошо устроились вполне!
И покровители у них в друзьях или в родне!
Ну что ж, я критике внимал. Но я им цену знал.
Ведь птичка каждая, поверь, по собственной цене!

2. ПСПРАВЛЯТЬ СПОСОБНА ЛИШЬ КРИТИКА ТРУДОВОГО КЛАССА

Как следует критиковать — рабочий знает класс.
Кзыл-ата враг не очернит, Кзыл-ат глубок подчас.
Он искренних друзей поймет, врагов он различит,
Ведь у Кзыл-ата на врага нацелен острый глаз.

Поэту

1. КТО ПЕРЕД ЗЕРКАЛОМ

За мужество твое ужель страдаешь ты, поэт?
Кто музу оценил твою, кто подавал совет?
А кто критиковал, скажи, звук сладостный домбры
И душу очернил твою? А ну-ка, дай ответ!

Кто разделял с тобой часы и горестей, и слез?
Кто майским вечером с тобой ждал музыки и грез?
А кто, когда твоя домбра ему терзала слух,
Был обругать тебя готов и растерзать, как пес?

Кто, мой товарищ, кто, скажи, давал отпор тем псам,
Когда не мог протестовать, не мог бороться сам?
Кто радовался всей душой достоинствам твоим?
Кто вел итог твоих побед, счет боевым делам?

Кто ждет того, чтоб ты упал, споткнулся и пропал,
Кто за тобой следит, мой друг, мой верный аксакал?
Лукавый человек, мой друг, всё смотрит на тебя,
С улыбкой хитрой на тебя глядит из всех зеркал.

А у кого смешных сторон на этом свете нет?
Порой и ты смешон, мой друг, мой дорогой поэт!
Когда ты в зеркало глядишь сам на себя в упор,
Признайся, ты смешон, мой друг! Что скажешь мне
в ответ?

Поэт с поэтом меж собой заводят разговор,
И разговор начистоту, на совесть, взор во взор.
А то бывает, что они лукавят и хитрят,
Как будто бы они плетут запутанный узор.

2. ЗАДУШЕВНЫЕ ЗВУКИ АРФЫ ЗОЛОТОЙ

Пусть отвлечет нас от всего певучая домбра,
Она ведь звуками полна, могуча и добра,
Пускай широкою рекой мелодия течет,
Пускай идет звучна, нежна веселых струн игра.

Пусть слушать музыку легко, приятно будет нам.
Пусть пальцы весело бегут по золотым струнам,
Пусть славной музыки язык беседует с душой,
Пускай душа плывет к звезде, как будто по волнам...

Без музыки была бы жизнь, мой милый друг, не той,
Без песен лебедей, гусей над синею водой,
Возможно разве передать красу родной земли
Без удивительной домбры, прекрасной, золотой.

Сыграл ты музыку свою, прославлен твой Қзыл-ат,
Излил ты в песне и любовь, и радость всю, мой брат,
Ты песню создал про коня, как выткал бы ковер,
Как вышивал бы не спеша чудесным шелком плат.

Настроил ты свою домбру и песнь из чудных слов
Пропел под звуки тонких струн, под шорохи ветров.
И конь-красавец танцевать под твой веселый ритм,
Под звуки струн, под шум ветров от радости готов.

Держу домбру и так хочу исторгнуть чистый звук, —
И песня сразу закипит, польется песня вдруг.
И, словно сокол, ввысь взлетев над местностью над всей,
Я с той безмерной высоты увидел ширь вокруг.

Қзыл-ат, мой старый, дорогой, о конь, любимый мной,
Ты победил, мой золотой, на этой посевной!
Дай я за шею обниму тебя, дай потреплю
По гриве, молодец! Мой друг! Мой верный друг, родной!

Прорвалась музыка моя! Что ж, видимо, пора!
Запела звонкая моя, любимая домбра!
Прости, прости, что у тебя я время отнимал.
Как ястреб, каждый день взлетал я в небеса с утра.

Быстрее не видел я коня! Когда Қзыл-ат летит,
И хвост, и грива на ветру среди степей шумит.
Когда легишь как пуля ты, резвишься на тропе,
Седая пыль встает столбом из-под твоих копыт.

Власть требует беречь добро колхозное сильнеей.
Друзья, велит она хранить — коней, коней, коней!

И лучших самых лошадей приказано сдавать
Для обороны, тех коней, что крепче и стройней.

Пусть мой красавец, тот, что мне и дорог так и мил,
Что из одних составлен мышц, из крепких свитый жил,
Пусть скачет, прыгает, стремглав несется по степи,
Пусть вольной тешится игрой, исполнен свежих сил.

1933

ПРИМЕЧАНИЯ

В настоящее издание включены переводы наиболее значительных стихотворений и поэм Ильяса Джансугурова и Сакена Сейфуллина. Многие из вошедших в сборник произведений звучат на русском языке впервые. Уже печатавшиеся переводы в большинстве своем заново просмотрены и уточнены.

Первую часть книги составляют произведения Джансугурова. Им предпослана вступительная статья, характеризующая творческий путь поэта. Ее автор — член-корреспондент Казахской Академии наук М. К. Каратаев.

Во второй части книги представлены произведения Сакена Сейфуллина. Им предпослана вступительная статья, автором которой является доктор филологических наук, член-корреспондент Академии педагогических наук СССР С. С. Кирабаев.

Открывает книгу вступительное слово поэта Вс. Рождественского, перу которого принадлежит также значительная часть вошедших в нее переводов произведений Сейфуллина и Джансугурова.

В основу рубрикации произведений положен жанровый принцип (стихотворения и поэмы), внутри каждого жанра они расположены в хронологическом порядке с отдельной для каждого поэта нумерацией. (Джансугурову принадлежат №№ 1—34, Сейфуллину — №№ 1—119).

В примечаниях к сборнику приводятся сведения историко-литературного характера (о каждом поэте отдельно). В словаре (общем для произведений Джансугурова и Сейфуллина) поясняются встречающиеся в тексте устаревшие или местные географические названия, понятия, относящиеся к культуре, быту и фольклору казахского народа, а также специфические термины и слова, оставленные без перевода. В содержании одной звездочкой отмечены произведения Сейфуллина и Джансугурова, переведенные на русский язык впервые, двумя — переведенные заново.

Примечания к произведениям И. Джансугурова написаны М. К. Каратаевым; им же отобраны для данной книги тексты произведений И. Джансугурова.

Примечания к произведениям С. Сейфуллина и отбор его текстов для настоящего издания осуществлены С. С. Кирабаевым.

ИЛЬЯС ДЖАНСУГУРОВ

Ранние юношеские стихи Ильяса Джансугурова, относящиеся к 1915—1916 гг., сохранились в рукописном виде (две тетради) и обнаружены в 1957 г. в Государственной публичной библиотеке им. А. С. Пушкина (Алма-Ата). Впервые они были опубликованы в 1-м томе собрания сочинений поэта, изданном в 1960 г. Казахским государственным издательством художественной литературы в Алма-Ате. На русский язык, за исключением стихотворения «Соловей», они еще не переведены.

Стихи Джансугурова 20-х годов публиковались в периодической печати (в газетах «Тилши», «Кедей ерки», «Еибскиши казах», в журнале «Жана адебиет» и др.). Первый сборник его стихов под названием «Бет ашар» издан в 1927 г. в Кызыл-Орде, в Казахском государственном издательстве, а следующий сборник — «Саганак» — издан там же в 1928 г. Собрание сочинений Джансугурова в трех томах издано на казахском языке в 1933 г. в Алма-Ате в Казахском государственном издательстве. В 1935 г. отдельным изданием вышла в Казахском государственном издательстве художественной литературы поэма «Кюйши», а в ноябре 1936 г. была опубликована в нескольких номерах республиканской партийной газеты «Социалистик Казахстан» его последняя поэма «Кулагер».

В 1958 г., после большого перерыва, Казахским государственным издательством художественной литературы (Алма-Ата) осуществлено посмертное издание однотомника стихотворений и поэм Джансугурова с предисловием профессора К. Джумалиева, а в течение 1960—1964 гг. издано в том же издательстве под общей редакцией К. Джумалиева и М. Каратаева собрание сочинений И. Джансугурова в пяти томах, куда вошли не только стихи и поэмы, но также и прозаические и драматургические произведения поэта.

Произведения Джансугурова стали переводиться на русский язык с 1933 г. Первым его произведением, прозвучавшим на русском языке, было стихотворение «Степь сегодня», посвященное восьмой годовщине Советского Казахстана. В переводе З. Кедринной оно вошло в литературно-художественный сборник «Казахстан», вышедший в Алма-Ате — Москве в 1933 г. В том же году был осуществлен З. Кедринной и М. Ауэзовым перевод на русский язык поэмы Джансугурова «Степь», опубликованный в сборнике «Поэзия народов СССР», изданном Казахским государственным издательством художественной литературы.

С тех пор в течение четырех лет непрерывно печатаются на страницах газет, журналов, литературно-художественных сборников стихотворения и поэмы Джансугурова в переводах разных поэтов. Так, в 1934 г. в литературно-художественном сборнике «Советская литература Казахстана» (№ 1) опубликованы произведения Джансугурова: «Москва — Казахстан» в переводе З. Кедринной и «Шаги трех союзников» в переводе В. Язвицкой. В первых двух номерах журнала «Литературный Казахстан» за 1935 г. были опубликованы стихотворение «Гималай» в переводе Д. Снегина и поэма «Кюйши» в авторизованном переводе Вс. Рождественского. В том же году в «Казахстанской правде» за 7 декабря в авторизованном переводе П. Кузнецова было опубликовано стихотворение «Холодный день».

Следует отметить, что уже в 1935 г. в Алма-Ате — Москве впервые на русском языке издается сборник стихов И. Джансугурова, названный «Кенес», куда вошли десять стихотворений поэта в переводах Д. Снегина. В следующем году в Москве отдельным изданием выходит поэма «Кюйши» в авторизованном переводе Вс. Рождественского, под редакцией Г. Шенгели. В том же 1936 г. в Москве под редакцией Н. Сидоренко и К. Алтайского выходят два сборника стихов казахских поэтов: «Поэты Казахстана» и «О чем поет Казахстан», куда вошли стихотворения Джансугурова «Думы пастуха» и «На заводе» в переводе Д. Снегина. На страницах «Литературной газеты» за 12 февраля 1936 г. в переводе Д. Снегина было опубликовано стихотворение «Необъятен великий Союз». На этом надолго прервалась публикация произведений Ильаса Джансугурова.

Только в 1957 г. снова возобновились переводы его произведений на русский язык и публикации их в периодической печати, а также в отдельных изданиях. Так, например, в сборнике казахских поэтов «Мы с тобою, Москва», составленном М. Львовым и изданном в Москве в 1958 г., опубликованы четыре стихотворения Джансугурова: «Ленин жив», «Мавзолей» (пер. А. Кафанова), «Москва — Казахстан» (пер. Т. Стрешневой), «Земля России» (пер. Евг. Евтушенко).

В том же году в Алма-Ате в связи с Декадой казахской литературы и искусства в Москве было осуществлено издание однотомника стихов и поэм Джансугурова в переводах на русский язык под редакцией М. Львова и с предисловием М. Каратаева. В сборник вошли 22 стихотворения и 4 поэмы в новых и обновленных переводах К. Алтайского, В. Соколова, Вс. Рождественского, М. Луконина, Евг. Винокурова, Т. Стрешневой, Евг. Евтушенко, А. Кафанова, Ю. Полухина, Н. Панова. В 1962 г. на основе этого однотомника был составлен сборник избранных стихов и поэм Джансугурова под редакцией Н. Сидоренко, с предисловием М. Каратаева (издан в Москве, в Государственном издательстве художественной литературы).

В период 1962—1965 гг. поэтами К. Алтайским, В. Савельевым, В. Корниловым, В. Смирновым выполнялись новые переводы стихов Джансугурова, которые публиковались в газетах «Литературная газета», «Казахстанская правда», в журналах «Дружба народов», «Простор».

Все эти стихи собраны в отдельный сборник под названием «Кулагер» и изданы в 1967 г. в Алма-Ате, в издательстве «Жазушы». Сюда вошли 19 новых переводов и в третий раз была включена поэма «Кулагер» в переводе М. Луконина и Евг. Винокурова.

В настоящее время на русский язык переведено менее половины всего поэтического наследия Джансугурова. Требуется еще много усилий и труда, направленных на создание новых высококачественных переводов, чтобы перед русским читателем открылся во всем своем объеме поэтический мир Джансугурова.

СТИХОТВОРЕНИЯ

8. Стихотворение написано в день смерти В. И. Ленина и в 1924 г. опубликовано на казахском языке в газете «Тилши».

11. *Джетысу* (Семиречье) славится своими горами, долинами, садами, плодородием. Поэт вдохновенно описал богатство и красоту

родной земли. В 1958 г. на вечере воспоминаний об Ильясе Джансугурове Мухтар Ауэзов говорил: «Я и раньше знал Ильяса, неизменно читал его стихи. Но по-настоящему признал его как даровитого поэта после чтения „Картин Джетысу“».

13. Написано во время учебы в Москве. Как и другие стихотворения московского периода, оно качественно отличается от прежних новизной образов, свежестью красок и интонаций. Стихотворение вошло во все казахские издания поэта.

14. Стихотворение посвящено началу строительства (1926) *Туркестано-Сибирской железной дороги*, которая должна была соединить Среднюю Азию с Сибирью и пройти через степи Казахстана, горы Каратау и Алатау. Турксиб сдан в эксплуатацию в 1930 г.

15. «Певец» — первое зрелое стихотворение Джансугурова в ряду многих его произведений, в которых автор прославляет музыку и поэзию родного народа. Вошло во все издания поэта на казахском языке. *Асет Найманбаев (1867—1923)* — знаменитый певец родом из Коунрадского района Карагандинской области. *Если с песней откроет небесную дверь язычок* — согласно казахским поверьям, талант певца определяется формой язычка, находящегося в мягком нёбе.

16. Написано под впечатлением от посещения Джансугуровым московского завода «Серп и молот». Стихотворение было новаторским по своей теме и вызвало большой интерес в литературной среде и у читателей.

17. *Алаш-Орда* — контрреволюционная буржуазно-националистическая организация в Казахстане, существовавшая в период революции и гражданской войны (1917—1920). Политически оформилась в июле 1917 г. на так называемом «Всекиргизском съезде» (курултае) в Оренбурге. При поддержке белогвардейцев захватила власть в декабре 1917 г. Под покровительством белогвардейского атамана А. И. Дутова (1864—1921), возглавлявшего контрреволюционные выступления кулацких слоев оренбургского казачества, было сформировано правительство Алаш-Орды. Прекратила свое существование с победой революционных сил и созданием 26 августа 1920 г. Киргизской Автономной Советской Социалистической Республики (с 1936 г. — Казахская ССР).

19. Стихотворение посвящено народам колониального Востока. Написано в связи с активизацией национально-освободительного движения в Индии в конце 1920-х годов. *Гималай* использован поэтом как символический образ вскамян угнетенных народов Востока.

21. Написано Джансугуровым в 1929 г., в день пятилетия со дня смерти В. И. Ленина, под впечатлением от посещения *Мавзолея*. Стихотворение пронзывает мысль о том, что Ленин является великим вождем всех угнетенных народов мира. Это — первое стихотворение в казахской литературе, в котором дается описание Мавзолея, увековечившего память гениального вождя народов, и воплощается вели-

кая любовь, которую демонстрируют люди всех наций и племен, идя бесконечной вереницей к Мавзолею Владимира Ильича Ленина. По форме стиха, по мотивам и интонации в стихотворении явно заметно влияние В. Маяковского, в частности его поэм «В. И. Ленин» и «Хорошо!». Поэт разбивает семисложный, восьмисложный и одиннадцатисложный казахский стих на двух-, трех- и четырехсложные строки. Чередуя их, он создает совершенно новую, необычную для казахской литературы форму стиха.

22. Написано в 1930 г. под впечатлением поездки на *Кавказ*. При виде Кавказских гор, которые в казахских сказках назывались *Кантау*, в воображении поэта возникают известные образы из восточного эпоса и сказок, а также из произведений Лермонтова. Автор создает также образы и картины, характеризующие новую жизнь народов Кавказа. Стихотворение переведено размером казахского одиннадцатисложного стиха. *Загэс* — Земо-Авчальская гидроэлектростанция. Первая ее очередь сдана в эксплуатацию в 1927 г.

23. Одиннадцатисложный казахский стих переведен здесь пятнадцатисложным с сохранением перекрестных рифм.

24. Не раз воспевал поэт в своих произведениях *домбру* — любимый музыкальный инструмент казахского народа. Три стихотворения специально посвящены ему в разное время. Это — последнее по времени стихотворение, написанное в 1930 г. В казахском издании 1960 г. ошибочно датировано 1929 г.

25. В 1930 г. поэт ездил на Алтай, в рудники *Риддера*. Делегацию рабочих этого рудника в первые годы Советской власти принял в Кремле В. И. Ленин и лично вмешался в дело расторжения договора с английским концессионером Лесли Урквартом, а затем и в дело восстановления рудников Риддера. Как и стихотворение «На заводе», данное произведение поэта имело большой резонанс, потому что поэтическое описание труда рабочего-казаха, вчерашнего кочевника, батрака, было большим событием в жизни возрожденного народа. В переводе сохранен размер одиннадцатисложного казахского стиха.

26. Стихотворение написано в 1930 г. в связи с приездом в Казахстан представителей рабочего класса Москвы на помощь молодой Казахской Советской Республике в социалистическом строительстве, в развитии социалистической индустрии. Ильяс Джансугуров рассматривал эту помощь как бескорыстную помощь Москвы, всего русского пролетариата казахским трудящимся и выразил сердечную благодарность родного народа великому русскому народу за братское отношение. *Даже камни идут на подъем*. Казахи говорят о том, кто становится все счастливее и богаче: «у него даже камни катятся вверх».

27. Песня эта, написанная в 1930 г., навеяна специфическим жанром казахской народной поэзии — так называемым толгау, яв-

ляющимся своеобразной патетической песней (одой), проникнутой философско-лирическим раздумьем акына-певца. С толгау обычно выступали акыны на больших сборищах в дни народных торжеств или скорби. Традиции толгау получили дальнейшее развитие в творчестве современных казахских поэтов и акынов. Толгау Джансугурова запечатлевает возвышенное и ликующее настроение поэта и его народа, определяемое великими социалистическими преобразованиями родной земли за советское десятилетие. Написан он одиннадцатисложным казахским стихом, переведен — пятнадцатисложным. *О рыданье всенародном — Актабан Шубырынде*. Имеется в виду громадное бедствие, пережитое значительным числом казахских родов в 1723 г. в результате набегов калмыков под водительством Галдан-Церена. Калмыки аннексировали тогда значительную территорию Казахстана. Застигнутые врасплох и разбитые вдребезги казахские роды бежали в панике на север, оставив земли (по долине Сырдарьи), скот, юрты и все свое имущество. Долгие, изнурительные переходы привели к массовой гибели населения от голода и заболеваний. По преданию, от долгой ходьбы не раз слезала кожа с подошв, отсюда это историческое бедствие получило название «Актабан» — белая подошва. *И в руках у нас тот красный, данный Лениным мандат*. Речь идет о мандате, выданном чрезвычайному комиссару Степного киргизского (казахского) края Алибию Джангильдину (1884—1953), одному из организаторов борьбы за Советскую власть в Казахстане. Джангильдин был направлен в Казахстан с караваном оружия для защиты республики.

28. Написано в 1931 г. в день празднования 14-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Страну Советов, 14 лет идущую по пути Ленина, поэт рисует в образе бронепоезда, который стремительно мчится к заветной цели — коммунизму. Бронепоезд истории ведет партия — великий машинист. Поэтому он и назван поездом Ленина. Стихотворение носит яркий отпечаток времени первой пятилетки. Слова «трактор», «молот», «пулемет», «самолет», «враги», «бдительность», «правые», «левые», «кулаки» и т. д. характеризуют дух того времени, когда был в ходу лозунг «техника решает все», когда шла борьба с левыми и правыми оппортунистами, когда кулачество ликвидировалось как класс на основе сплошной коллективизации.

29. Непревзойденную картину лета нарисовал до Джансугурова классик казахской литературы Абай Кунанбаев (1845—1904). Но у Абая представлено правдивое описание старого казахского аула, у Джансугурова — новый колхозный аул. Перевод сделан двенадцатисложным стихом вместо семисложного в оригинале с сохранением порядка рифмовки.

30. Здесь, как и во многих других своих стихотворениях и поэмах, Джансугуров, прекрасный знаток казахской музыки, с любовью и вдохновением пишет о ее создателях и исполнителях, о ее инструменте. Сжато и проникновенно говорит поэт о природе кюя, специфического произведения казахской музыки, исполняемого на домбре.

31. Это первая поэма Джансугурова о музыке и ее исполнителях. Она написана в 1929 г. на мотив известного народного кюя «Боз инген» («Белая верблюдица»), основанного на печальной легенде о плаче белой верблюдицы по своему верблюжонку, злодейски разлученному с матерью. Поэма повествует о старике кобызисте (исполнителе кюев на кобызе) *Молкыбае из рода Матай* (это и род самого поэта). Джансугуров в ряду других кюев слушал в детстве кюй о белой верблюдице, навсегда взволновавший его. *Кенже, Тунгат, Сакай* — колена рода. «*Ак кобик*», «*Кок кобик*», «*Дуль-Дуль героя Али*», «*Плач при прощанье казахов с ногаями*», «*О расставанье племен с Орманбетом*», «*Корамжан*», «*Боз инген*» — названия кюев.

32. Поэма написана в 1930 г. в связи с празднованием 4 октября десятилетия Советского Казахстана и опубликована в нескольких номерах республиканской газеты «Енбекши казах». Поэма имела громадный резонанс. В ней звучит взволнованный рассказ о жизни казахского народа в XVIII—XX вв. — о народном бедствии 1723 г. — *Актабан Шубырынды* (см. примеч. 27), о двойном гнете в тисках колониализма, о национально-освободительном движении казахского народа в 1916 г., о свержении царя, об обмане народа Временным правительством, о подлинном освобождении трудящихся в октябре 1917 г., о великих достижениях народа за советское десятилетие. В поэме богато использованы образы, жанры и мотивы казахского фольклора.

Поход на отар. Осенью 1860 г. кокандский хан, обеспокоенный опасностью окончательной потери власти в Семиречье вследствие все усиливающегося стремления казахов Старшего жуза к принятию российского подданства, направил против укрепления Верного (ныне — Алма-Ата) 20-тысячное войско. Сражение состоялось в октябре 1860 г. в урочище *Узун-Агац*. Численно небольшой русский отряд под командой *Колпаковского* нанес полное поражение кокандцам. Весной 1864 г. царское правительство двинуло против *Коканда* войска. Одним из отрядов командовал генерал Н. Г. *Черняев*. В военных действиях принимал участие и генерал В. А. *Перовский*. Несмотря на численный перевес, кокандцы были не в силах противостоять русским войскам. После поражения Коканда, Хивы и Бухары казахские земли, захваченные этими ханствами, полностью вошли в состав Российского государства. Так завершился процесс присоединения казахских земель к России. Несмотря на то что царизм проводил в Казахстане колониальную политику, присоединение имело большое прогрессивное значение для экономической и культурной жизни Казахстана, начался процесс формирования казахского пролетариата. По мере продвижения царизма в Казахстан колониальный гнет усиливался. Началось изъятие казахских земель (см. главу «Скитания»), усилился произвол царских генералов и баев, служивших царизму. «*Положение о степях*». К 1867 г. относится «Временное положение об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях» и образование Туркестанского генерал-губернаторства, к 1868 г. — «Временное положение об управлении в степных областях Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторства». *Бекет* — батыр, участник антифеодального восстания в XIX в.

С к и т а н и я. *Бекетбай* — слепой певец-акын.

В о л н а. 25 июня 1916 г. был издан Указ царского правительства о мобилизации на тыловые работы казахов, киргизов, узбсков, туркмен, дунган и уйгуров («набор джигитов»). Этот указ послужил непосредственным поводом к восстанию, охватившему в июле — октябре 1916 г. весь Туркестанский край. Правительство объявило Туркестан на военном положении; туда были посланы карательные отряды, провоцировались межнациональные столкновения. Восстание было подавлено. Своей борьбой казахские трудящиеся усиливали удары, наносимые тогда царизму русским пролетариатом; восстание способствовало росту классового самосознания, укрепляло союз с русскими рабочими.

С в о б о д а. *Алаш, Курултай* — см. примеч. 17.

Б е з в р е м е н ь е. *Дутов* — см. примеч. 71. *Колчак* — см. примеч. 119 к Джансугурову. *Старец из Алаш-Орды* — А. Букейханов, председатель центрального совета контрреволюционного буржуазно-националистического правительства Алаш-Орды; будучи комиссаром Временного правительства по Тургайской области, принимал непосредственное участие в подготовке карательной экспедиции для уничтожения партизанских отрядов Амангельды Иманова.

Р а з г у л а т а м а н о в. *Кровь залила, как поток... Села Черкес и Антон*. В этом районе около полутора лет длилась героическая борьба партизанских отрядов, окруженных белогвардейцами. Это событие вошло в историю под названием «Черкасская оборона». *Аблаханов* — казах-офицер, сподвижник атамана *Анненкова*, известный своими зверствами в Семиречье.

П р е д в е с т ь е О к т я б р я. *Молвил большой большевик* — имеется в виду В. И. Ленин.

К р а с н я я з в е з д а. *Алибей* (Алибий) Джангильдин — см. примеч. 119 к Сейфуллину и примеч. 27 к Джансугурову.

В ы с е л е н ь е. *На злеге горе народа «Господом богом» даны* — каламбур. Джансугуров использует фамилии двух феодалов и купцов Семиречья: Худайберген («Данный господом») и Танырбергень («Данный богом»). *На пестрогрудых орлов*, т. е. на феодалов — намек на медали, данные им царским правительством.

Д о к л а д. *Собачья спина* — имеются в виду недолгие стоянки при длительных перекочевках: шалаш сравнивается с выступающими позвонками исхудавшей собаки. *Аблаи* — см. примеч. 33.

33. «Кюйши» — вторая поэма Джансугурова о музыке. Написана в 1934 г. и впервые в авторизованном переводе Вс. Рождественского издана в 1936 г., еще при жизни Джансугурова, в Москве. В основу поэмы положен исторический факт переезда из Центрального Казахстана в Семиречье известного своей жестокостью и деспотизмом казахского хана Среднего жуза *Кене* — Кенесары Касимова (1802—1847), внука хана *Аблая* (султана Среднего жуза, хана с 1771 г., установившего в жузе режим насилия и произвола). В трактовке хана Кене Джансугуров был исторически точен и справедлив. *И лезья переливами «Асанкайги»... Вырывался напев «желмая» на простор*. Речь идет о кюях, исполняемых на кобызе. «*Бота-кюй*», «*Терис-как-кай*», «*Корамсак*», «*Сары-Узен*», «*Боз инген*», «*Кари-жорга*», «*Ак-кобек*», «*Ой-баурым*», «*Кос-кеменшек*» — названия кюев. *Полосатоз*

знамя — знамя Алаш-Орды (см. примеч. 17). В переводе в основном сохранены размер и порядок рифмовки казахского стиха; однако одиннадцатисложный стих заменен в нем двенадцатисложным.

34. «Кулагер» — последняя по времени создания поэма Джансугурова, его «лебединая песня». Поэма названа именем легендарного коня-скакуна *Кулагера*, принадлежавшего знаменитому казахскому акыну конца XIX в. *Ахану-серэ* Корамсину (1843—1913), жившему в центральной части Казахстана. Поэма на казахском языке была опубликована в нескольких номерах «Социалистик Казахстан». Факты, относящиеся к печальной судьбе Ахана, связанной с его насильственно разрушенной любовью к Акмарке и коварно убитым баями-соперниками любимым конем Кулагером, действительно имели место в жизни. Песня «Кулагер», сочиненная Аханом, и ставший в пароде легендарной рассказ об Ахане, о его песне про Кулагера послужили сюжетной канвой поэмы Ильяса Джансугурова. «*Косбасар*» — название кюя. *Хазрет-Али* — зять и военачальник пророка Магомета, обладавший силой гиганта. *Одинокий кол* — имеется в виду одинокий разбойник, злодей с колом, подстерегающий коня.

САКЕН СЕЙФУЛЛИН

С поэзией Сакена Сейфуллина всесоюзный читатель начал знакомиться еще в середине 30-х годов. В то время были опубликованы на русском языке поэмы «Советстан» (пер. В. Бугаевского и А. Тарковского), «Кзыл-ат» (пер. С. Талжанова), «Кокчетау» (пер. Н. Феокистова), а также стихотворения «Маузер», «В музее Ленина» (пер. К. Алтайского), «Два письма» (пер. Н. Феокистова), «Ленин» (пер. В. Виноградова), «Весенняя песня» (пер. М. Тарловского) и др.

Следующий период перевода и распространения произведений С. Сейфуллина начинается лишь в конце 1950-х годов. В 1958 г. в связи с Декадой казахской литературы и искусства в Москве было выпущено два сборника его поэтических произведений: «Стихотворения и поэмы», под редакцией И. Сельвинского, М., 1958; «Избранные стихи и поэмы». Ответственный редактор М. Львов, Алма-Ата, 1958.

Настоящее издание — третья книга поэта, выходящая в переводе на русский язык. Она составлена на основе предыдущих сборников стихотворений и поэм Сейфуллина, изданных на русском языке. Впервые на русском языке публикуется здесь полный текст поэмы «Кзыл-ат» в переводе Евг. Винокурова и целый ряд стихотворений Сейфуллина, переведенных для настоящего издания Вс. Азаровым, С. Ботвинником, П. Карпом, М. Синельниковым, Н. Яворской и др. Заново выполнен А. Сендыком перевод поэмы «Альбатрос» (в предшествующее издание она была включена в переводе Ю. Коренева).

Рукописи Сейфуллина не сохранились, поэтому казахские издания его произведений основываются на книгах поэта, выпущенных при его жизни. Наиболее полное собрание сочинений С. Сейфуллина (в 6 томах) осуществлено в 1960—1964 гг. Русский перевод произведений поэта сделан по текстам этого издания.

Начиная со сборника «Асау тулпар» («Неукротимый конь», Оренбург, 1922), С. Сейфуллина у большей части произведений помечал

год, а у некоторых — даже день и месяц написания. Эта авторская датировка сохраняется и в настоящем издании. Затруднения вызывает лишь датировка стихотворений, вошедших в первый сборник Сейфуллина «Откен кундер» («Минувшие дни», Казань, 1914), куда были включены ранние стихотворения поэта, созданные им в 1910—1914 гг. Поэтому некоторые дореволюционные стихи, включенные в настоящее издание, имеют приблизительную датировку.

В книгу вошли стихотворения Сейфуллина из сборников «Откен кундер» (1914), «Асау тулпар», «Домбра» (1924), «Экспресс» (1926), «Турмыс толкынында» («На волнах жизни», 1928), «Социалистан» (1935) и отдельные стихотворения, не включавшиеся в сборники и опубликованные в периодической печати, а также в посмертном собрании сочинений Сейфуллина в 6 томах. Поэмы Сейфуллина входили в книги: «Экспресс» (1926), «Турмыс толкынында» («На волнах жизни», 1928), «Кокчетау» (1929), «Альбатрос» (1933), «Қзыл-ат» (1934). Поэмы «Разлученные лебеди», «Песня о лашине» при жизни поэта были опубликованы лишь в периодической печати — в журнале «Жана мектеп» («Новая школа», 1925, № 2; 1926, № 11—12).

СТИХОТВОРЕНИЯ

1. Одно из самых ранних стихотворений Сейфуллина. *Нура* — река на родине Сейфуллина.

4. Одно из первых стихотворений Сейфуллина, созданных как подражание любовной лирике Абая. Так же как №№ 6, 7, 8, 13, 18, написано в студенческие годы.

18. *Нигмет Нурмаков* (1896—1938) — друг Сейфуллина, студент Омской учительской семинарии, впоследствии — видный общественный и государственный деятель Казахстана.

19. Одно из первых стихотворений поэта, направленных против национализма. Высмеивается хвастливое пустословие молодого поэта-националиста Магжана Жумабаева, студента Омской учительской семинарии. *Жакан* — Миржакип Дулатов — поэт-националист, один из видных деятелей националистической партии. *Акан* — Ахмет Байтурсунов — один из лидеров партии Алаш-Орда (см. примеч. 17 к Джансугурову). *Жусуп* — Жусупбек Аймаутов — писатель-националист, один из видных деятелей Алаш-Орды. *Абай* Кунанбаев (1845—1904) — казахский поэт-просветитель. *Тукай* Габдулла (1886—1913) — татарский поэт-демократ, произведения которого очень популярны среди казахов.

20. Направлено против М. Жумабасва (см. примеч. 19, 118).

26. Написано в июле 1916 г. в родном ауле Сейфуллина.

27. Написано в ауле Сары-Арка.

28. Стихотворение посвящено Февральской революции 1917 г. и свержению царя.

29. Написано в марте 1917 г. в ауле *Сары-Арка*. По старому казахскому календарю началом года считался март, когда уходила зимняя стужа, стада приносили приплод, больше становилось молока и кумыса.

32. Написано как призыв к революционной борьбе.

40. Написано в марте 1919 г., после побега из колчаковского концлагеря в Омске.

41. Написано в апреле 1919 г. в изгнании, в *Баян-Ауле* (ныне находится в Павлодарской области).

42. Написано в изгнании. *Тока* — название рода, из которого происходил поэт. *Ескене, Байбек, Жанибек* — предки поэта.

43. Стихотворение положено на музыку и стало одной из широко распространенных революционных песен Сейфуллина.

44—46. Написано на пути в Туркестан.

47. Написано в 1919 г. на последнем этапе странствования после побега из концлагеря, когда поэт пробирался через пустыню Бетпак-Дала (Голодная степь) в Туркестан.

48. Написано после бегства из колчаковского концлагеря в Омске в 1919 г., когда поэт, скрываясь от врагов, бродил по павлодарским степям.

49. Одна из широко распространенных песен С. Сейфуллина. Музыка написана самим поэтом.

50, 51. Написано в изгнании.

54. В 20-е годы достижения техники, изменявшие жизнь степняков, поэты изображали, пользуясь традиционными фольклорными образами. Паровоз сравнивался со степным скакуном, жеребцом, аэроплан — с орлом, легендарной птицей Самурьк и т. д.

55. *Абдулла Асылбекович Асылбеков* (1896—1938) — соратник поэта по революционной борьбе, командир Красной Армии. В 20-е годы — секретарь Казахского обкома партии в Оренбурге.

58. Написано в Омском аэропорту перед вылетом вместе с *А. Асылбековым* (см. примеч. 55). *Аблай* — см. примеч. 33 к Джансугурову.

59. Написано в 1921 г., во время посещения рабочих Карагандинского, Нильдинского, Спасского рудников. Одно из первых в казахской литературе стихотворений, посвященных рабочим.

60. А. Досов (1899—1938) — видный революционный и государственный деятель Казахстана. М. Саматов — общественный и государственный деятель в 1920-е годы — нарком продовольствия КазАССР.

61. Сатира на националистов. Как и № 62, направлена против М. Жумабаева (см. примеч. 19, 118).

67. Впервые напечатано в сб. «Асау тулпар» как посвящение его читателям.

70. Написано 8 февраля 1923 г. Пуанкаре Раймон (1860—1934) — французский политический деятель, президент Французской республики (1913—1920), с января 1923 г. — премьер-министр. Выражал настроения наиболее агрессивных кругов французской буржуазии. Активное участие Пуанкаре в подготовке первой мировой войны принесло ему прозвище *Пуанкаре-война*. В 1923 г. в связи с оккупацией Рура и в ответ на провозглашенную правительством Германии политику «пассивного сопротивления» страну охватила мощная студенческая волна. К осени в Германии назрела революционная ситуация. Но всеобщая забастовка была сорвана правыми социал-демократами. 23 сентября была прекращена политика «пассивного сопротивления». Реакция перешла в наступление. В ответ осенью 1923 г. вспыхнуло революционное восстание пролетариата, были сформированы рабочие правительства в Саксонии и Тюрингии. Но все выступления революционных масс были подавлены. В связи со всеми этими событиями и было написано стихотворение Сейфуллина. *Корынбай* — имя богача-скряги, ставшего в народе олицетворением скупости.

71. В стихотворении, при всем его несомненном революционном звучании и смысле, отразилась некоторая растерянность Сейфуллина. Не случайно стихотворение написано от имени мальчика, настроения которого разделяет сам поэт. Глубоко волновало Сейфуллина то, что при новой экономической политике подняли головы бан и их прихвостни — ненавистные ему представители эксплуататорских классов. В этом разоблачительном стихотворении поэт показал, как оживают перетруснившие было вчерашние «хозяева жизни», как ловко используют они новые условия для дальнейшего обогащения, как хитро пробираются в советские учреждения. Лирический герой стихов — бедняк, сын Советов, обиженный баями, — недоволен нэпом, вернувшим определенную свободу действий торговцам и богатеям.

75. *Абулхаир Досов* — см. примеч. 60.

78. *Назипа Кулжанова* — видный деятель женского движения в Советском Казахстане.

81. Написано 22 января 1924 г. в Москве. С. Сейфуллин, в то время бывший Председателем Совета Народных Комиссаров Казахской АССР, возглавил казахскую делегацию на похоронах В. И. Ленина. Впервые — в газ. «Еңбекші қазақ» 13 февраля 1924 г.

95. В 20-е годы казахские писатели создавали циклы стихотворений и рассказов из жизни бедняка. Из таких героев особенно по-

любился читателям Мыркымбай Б. Майлина. Подобные образы привлекали многих других казахских поэтов и писателей (Шокпыт у С. Муқанова, Кусен у Г. Мусрепова, Ершойын у Г. Мустафина и т. д.). Созданием образа *Жумата* Сакен Сейфуллин внес свою лепту в изображение казахского бедняка. Стих. № 94—96 составляют цикл из жизни бедняка *Жумата*.

98. *Мустафа Шокаев* — видный представитель буржуазно-националистической партии Туркестана, активный борец против Советской власти. После установления Советской власти в Казахстане эмигрировал во Францию. В годы второй мировой войны служил фашистам.

99. Посвящено Гулбарам Батырбековой, позже ставшей женой поэта (ныне Сейфуллина). Стихотворение во всех русских изданиях напечатано под названием «Моей сестре — студентке совпартшколы». У казахов принято обращаться к девушкам моложе их словами «сестра», «сестрица». Этот смысл не уловили переводчики, и в названном стихотворении добавлением слова «моей» усилен оттенок слова «сестра». На самом деле героиня стихотворения — не сестра поэта, а девушка из аула, поступившая в совпартшколу. С этим новым шагом и поздравляет ее Сейфуллин.

100. Написано 1 января 1927 г. и посвящено *Саре Есовой* (р. в 1903 г.), видной революционной и общественной деятельнице Казахстана. Сара Есова встретила вместе с С. Сейфуллиным Новый год в поезде. В русских изданиях стихотворение имело ошибочный подзаголовок «Сестре Саре».

105. 12—13 мая 1926 г. в Польше был совершен вооруженный переворот, в результате которого был установлен военно-фашистский «санационный» режим. Глава режима Пилсудский готовился к нападению на Советский Союз. 7 июня 1927 г. в Варшаве был злодейски убит советский полпред П. Л. Войков. Эти обстоятельства вызвали революционный подъем польского рабочего класса, антифашистские и антивоенные выступления пролетариата. В стихотворении С. Сейфуллин выражает солидарность с польским рабочим движением.

110. Перевод стихотворения был опубликован в журн. «Литературный Казахстан», 1936, № 3. Оригинал не сохранился.

112. Последнее опубликованное произведение поэта, созданное после его поездки в Киргизию. *Дайрабай* — казахский народный композитор, автор кюев.

113. Одно из последних произведений Сейфуллина. Оригинал не сохранился и не был опубликован. Русский перевод осуществил и сохранил К. Алтайский («Литературная газета», 1936, 6 ноября), печатается (с небольшими исправлениями) по тексту газеты.

114. *Восьмая сессия* — Чрезвычайный VIII съезд Советов (25 ноября — 5 декабря 1936 г.), на котором была принята Конституция СССР.

115. Лебедь — часто встречающийся поэтический образ в творчестве С. Сейфуллина. Автор использует его преимущественно как символ красоты, в которую он безгранично влюблен. Выстрелить в такую красивую птицу, как лебедь, — это значит стрелять в красоту. Поэт, видимо, слышал много преданий и рассказов о лебедях, считающихся в казахском народе неприкосновенными птицами, и собрал большой материал о них. Об этом говорит его статья «О благородной птице лебедь», опубликованная в 1931 г. (журн. «Жана Эдебиет», № 12). Там он писал: «Прекрасный лебедь, рассекающий гладкую поверхность глубокого серебряного озера, обрамленного ислестящим, как зеленый шелк, тростником, пробуждает мечты кочевников, ласкает их взор. Лебедь гордо и отрешенно плывет над таинственной глубиной, волны которой обнимают его белоснежную буховую грудь. Трубя звонкую песню, плещется он в алмазных брызгах, затем белые красавицы ныряют в холодную прозрачную глубину и срывают молодые листья камыша, колыхающихся подводных растений, чтобы после снова нежно курлыкать от радости жизни. Они отдыхают за плотиной, как за занавеской новобрачных, — зеленой стеной камыша и рогоза. Невинные и прекрасные чистые птицы с серебряным мелодичным голосом украшают озеро, делают его привлекательным. Кочевник-казах, выросший и живущий в объятиях чудесной природы, превращает лебедя в символ чистоты, благородства, безупречной красоты».

116. «Советстан» — первая поэма в казахской литературе, созданная в лирико-публицистическом плане. В ней образ стремительно мчащегося *экспресса* был широко использован поэтом для передачи неудержимого движения советского народа к счастливому будущему. С точки зрения формы «Советстан» также относится к новым явлениям в национальной литературе. Ритм стиха Сейфуллина организуется в соответствии с ритмом несущегося поезда. Для этого поэт перестраивает одиннадцатисложный размер казахского стиха, разбивая третью строку обычного одиннадцатисложника на три строки с одной рифмой. *Советстан — восьмилетний лев* — фольклорный образ. В казахском народном творчестве лев является символом и воплощением силы, мощи. В день восьмилетия Советской власти поэт Страны Советов видит ее в образе могучего восьмилетнего льва, устрашающего врагов.

117. В «Песне о лашине» отразились переживания самого поэта. В середине 20-х годов тогда еще не женатый Сакен встретился с девушкой по имени Гуль. Жила она в Четском районе Каркаралинского уезда. Местный житель, позже ставший известным казахским артистом-домбристом, Абикен Хасенов (см. в поэме: «Абеке! Вас душевно прошу. . .») помогает Сакену познакомиться с Гуль. Девушка тоже полюбила поэта. Но молодые влюбленные не смогли осуществить свои мечты и соединиться. Отец девушки не желает отдать дочь без калыма. По его повелению богатые заправила степи, заплачившие за Гуль большой калым, приезжают толпой и с помощью местных баев силой увозят ее от любимого. Ожесточенный неудачей,

Сакен пишет эту поэму, передавая историю как приснившийся ему сон.

118. Поэма написана в 1925—1928 гг. Отрывки из нее были опубликованы в 1926 г., заключительная часть — в 1929 г. Полностью издана отдельной книгой в 1929 г. *Кокчетау* (буквально: спящие горы) — горы на севере центрального Казахстана. Окружены многочисленными озерами (в народе насчитывают — 80), в том числе *Бурабай* (Боровое), на берегах которого находится курорт «Боровое». *Жеке-батыр* — буквально: одинокий батыр, иногда его называют «спящим батыром». *Аблай* — см. примеч. 33 (к Джансугурову). *Касым-хан* — сын Аблая. *Батыров, и ханов, и биев одни Хвалили, кровавые славили дни*. Речь идет о поэте-националисте Магжане Жумабаеве, создавшем поэму «Батыр Баян», где он воспевал «батырские традиции» ханских времен и «доблесть» самого хана Аблая. *Рубаху надел на доспехи джигит* — таков отличительный признак воина из войска Аблая.

119. Поэма «Альбатрос» опубликована отдельной книгой в 1933 г. В новаторских исканиях Сейфуллина «Альбатрос» занимает значительное место. «У меня был большой замысел, — писал С. Сейфуллин о своей поэме, — ибо я хотел в собранном виде дать обзор гражданской войны. Я стремился описать классовую борьбу, войну красных и белых и показать ожесточенную борьбу классов на земле, на воде, на всех фронтах. Я хотел создать образ великого командира красных войск в этих сражениях — Ленина» (газ. «Казах эдебети», 1936, 5 мая). Нова поэма и по форме. В «Советстане» поэт использовал традиционный казахский одиннадцатисложник, изменив его строфику: оставляя в обычном виде первую, вторую и четвертую строки четырехстишья, он разделял третью строку на три самостоятельные, рифмующиеся между собой. В поэме «Альбатрос» он делит на две части первую, вторую и четвертую строки. Это новшество носит не внешний характер: каждая из вновь полученных коротких строчек приобретает большую смысловую самостоятельность, большую ударность. Вместе с тем в поэме встречаются места, где поэт совершенно выходит за рамки казахского одиннадцатисложника. *Вандервельде Э.* (1866—1938) — бельгийский политический деятель, правый социалист, один из лидеров II Интернационала. Выступал против признания СССР. *Дутов А. И.* (1864—1921) — один из руководителей казачьей контрреволюции на Урале в период Октябрьской революции и гражданской войны. В 1918—1919 годах командовал Оренбургской отдельной казачьей армией, входившей в состав войск *Колчака* (1873—1920) — одного из лидеров российской контрреволюции, установившего в Сибири военную диктатуру в качестве «верховного правителя российского государства». Дутов в марте 1920 г. бежал в Китай. Убит казаком в своем штабе в Суйдине. Колчак после разгрома его войск арестован и в 1920 г. расстрелян в Иркутске по приговору большевистского революционного комитета. *Алиев Т.* (1892—1941) — активный участник революционного движения в Казахстане, один из организаторов кавалерийского казахского полка в годы гражданской войны. *Абдулла Ярмухамедов (Ярмухамед, 1896—1940), Мухаметкали Татимов (1894—1937)* — активные участни-

ки революции и герои гражданской войны в Казахстане. *Джангильдин Алибий* (1884—1953) — видный казахский революционер, чрезвычайный комиссар Степного киргизского (казахского) края. Встречался с В. И. Лениным. *Асылбеков* — см. примеч. 55. *Ту, что стреляла*. Имеется в виду Ф. Каплан — эсерка-террористка, совершившая 30 августа 1918 г. покушение на жизнь В. И. Ленина.

120. Поэма «Кзыл-ат» («Красный конь») написана в 1933 г. и издана отдельной книгой в 1934 г. Переведена в отрывках (с некоторыми сокращениями) М. Львовым в 1958 г. и опубликована в предыдущих сборниках. Для настоящего сборника переведена заново.

Об обстоятельствах, при которых написана поэма, сказано во вступит. статье (см. с. 316—318). Поэма вскоре после ее опубликования вызвала разноречивые оценки. Но время определило ее значение — поэма была мужественным выступлением Сейфуллина, поэта-коммуниста, против перегибов, допущенных в Казахстане в процессе коллективизации сельского хозяйства. Л. И. *Мирзоян* был избран первым секретарем краевого комитета Коммунистической партии Казахстана (1933—1938) — после освобождения от занимаемого поста секретарей крайкома Ф. И. Голощекина и И. Курамысова. Тогда же была организована правительственная комиссия по оказанию помощи Казахстану. Все хозяйства животноводческих районов были временно освобождены от государственных налогов и обязательных платежей. С них была снята вся государственная задолженность за прошлые годы, оказана продовольственная помощь и семенная ссуда. К. Е. *Ворошилов* (1881—1969) с 6 ноября 1925 г. по 20 июня 1934 г. был народным комиссаром по военным и морским делам и председателем Революционного Военного Совета СССР. С. М. *Буденный* (р. 1883) был с 1923 г. помощником главнокомандующего Красной Армии по кавалерии и членом Революционного Военного Совета СССР. В 1924—1937 гг. был также инспектором кавалерии РККА.

СЛОВАРЬ

- Абилхаят* — легендарная вода, оживляющая мертвых.
Ага — обращение к старшему по возрасту, хозяину, начальнику.
Азан — призыв к молитве у мусульман.
Азраил — ангел смерти.
Аип — штраф.
Айбалта — секира.
Айдахар — легендарная устрашающая своим видом змея, дракон.
Айран — специальным образом заквашенное коровье молоко.
Айтишу — восклицание при понукании верблюдов.
Айтыс — состязание певцов-акынов.
Аксакал — старейшина, буквально: белая борода.
Аксарбас — баран, предназначенный для жертвы.
Албасты — злой дух, демон.
Алдияр — обращение к лицу ханского происхождения.
Апа — мать.
Апеке — ласкательная форма слова «апа».
Аптамай — так казахи в 20-е годы называли автомобиль.
Арғын — казахский род Среднего жуза.
Архар — горный баран.
Арча — можжевельник.
Ас — поминки покойному, устраиваемые через год после смерти его родственниками. Проводятся с богатым угощением участников, борьбой силачей, конными состязаниями, айтысами и т. д.
Асан Кайгы — герой народных преданий, искавший для казахов обетованную землю.
Атан — холощеный верблюд.
Аят — стихи из Корана.
- Байбише* — старшая жена.
Байга — конное состязание, скачки.
Баксы — лекарь-колдун, исполнял свои заклинания под игру кобыза; в другом значении — бродячий сказитель.
Барымта — угон скота с целью родовой мести.
Баурсак — жаренные на сале лепешки из теста, печенье.
Баялыш — степной низкорослый кустарник.
Баян-Слу — см. Корпеш.

- Бегунец* — лошадь, конь.
- Белдеу* — аркан, которым опоясывают спаружи юрту.
- Бетпак* — Бетпак-Дала, Голодная Степь.
- Бешимет* — верхняя мужская одежда, доходящая до колен; в талии собирается и подпоясывается.
- Бий* — знатный, влиятельный человек, принадлежавший к феодально-патриархальной верхушке, судья.
- Борик* — головной убор (шапка).
- Бота* — верблюжонок.
- Бота-коз* — буквально: верблюжьих глаза; здесь: красивые глаза.
- Буйда* — повод у верблюда.
- Булдурук* — степная птица.
- Бура* — верблюдо-производитель.
- Бурабай* — верблюжья гора — название горы в Кокчеставе, похожей на лежащего верблюда, а также название озера, примыкающего к этой горе.
- Весы* — название созвездия.
- Гяур* — у мусульман всякий иповерец, немусульманин.
- Дат!* — форма обращения.
- Датха* — чин, соответствующий генеральскому в армии кокандского хана, дававшийся в виде почетного звания вождям казахских родов — сторонников кокандцев.
- Дервиш* — странствующий мусульманский монах.
- Джайлау* — летовка, летнее пастбище, летняя стоянка аула.
- Джаулык* — головной убор замужней женщины.
- Джида* — плодовое дерево, растущее в поймах южных рек.
- Джин* — содержимое кишечника у жвачных животных.
- Джинн* — незримый дух.
- Джингиль* — колючий кустарник.
- Джуг* — гололедица, сопровождаемая массовым падежом скота из-за бескормицы.
- Домбра* — двухструнный казахский национальный инструмент.
- Дуан* — уездный центр.
- Дулат* — название казахского рода.
- Дуль-Дуль* — легендарный конь-скакун.
- Г.дил* — Волга.
- Ерулик* — здесь: пир в честь хана.
- Жал* — национальное мясное блюдо.
- Жанка* — национальное мясное блюдо.
- Жез-Тырнак* — легендарный дух в образе женщины с острыми медными пальцами.
- Женгей* — жена старшего брата. Употребляется также как форма обращения к женщине старше себя.
- Женгетай* — ласкательная форма от слова женгей.
- Жидели Байсын* — обетованная земля в казахских сказаниях.
- Жирау* — певец.
- Жуан* — влиятельный, родовитый казах-феодал.
- Жуз* — феодальное объединение казахов, орда.

Зекет — обязательный налог в пользу мечети, сбор, пожертвование.

Инген — верблюдица.

Ичиги — женская обувь.

Ишан — духовный наставник у мусульман Средней Азии.

Казрет — искаженное «хазрет» — лицо духовного звания.

Казы — искаженное «казий» — судья, судящий по шариату. В другом значении: национальное мясное блюдо.

Камбар — батыр, герой народной героической поэмы «Камбар-батыр».

Камча — плеть.

Караганник — пустынный кустарник.

Караоткел — Акмолинск, ныне: Целиноград.

Карта — национальное мясное блюдо.

Каусылгазы — легендарный покровитель верблюдов.

Каф — мифическая высочайшая гора, упоминаемая в казахских легендах.

Кеген — аркан с петлями для привязывания ягнят за шею.

Кембе — место финиша на байге.

Кенже — название одного из колен казахского рода.

Ксереге — низкий решетчатый остов юрты.

Ксрей — один из родов, входивших в Средний жуз.

Кереку — казахское название Павлодара.

Кимешек — головной убор пожилых женщин.

Кобыз — казахский национальный музыкальный инструмент.

Кобызши — исполнитель кюев на кобызе.

Кокпек — колючая степная трава.

Комир — уголь.

Комуз — казахский национальный музыкальный инструмент.

Коржун — сумка для провизии.

Корпеш и Баян-Слу, или *Козы-Корпеш и Баян-Слу* — возлюбленные, герои казахской народной лиро-эпической поэмы «Козы-Корпеш и Баян-Слу».

Корыктас — способ кипячения молока (в молоко кладут раскаленный камень).

Кошара — овчарня.

Кстау — зимовка.

Кубле — направление в сторону Мекки, куда обращаются мусульмане во время молитвы.

Куга — камыш.

Кумалак — сухие шарики бараньего или козьего помета или бобы, употребляемые при гадании: набрав 41 кумалак, гадающий раскладывал своеобразный пасьянс.

Кумыс — национальный напиток из кобыльего молока.

Кун — выкуп за пролитую кровь; штраф.

Курай — растение с мясистыми стеблями.

Курт — сушеный сыр.

Курултай — учредительное собрание (у древних киргизов так назывался съезд представителей различных племен); чрезвычайный съезд.

Куй — программная музыкальная пьеса.

Кюйши — музыкант, исполняющий сложную мелодию на домбре.

Лашин — ловчая птица из породы ястребов.

Майлык — салфетка для вытирания рук после мясного кушанья.

Майталман — краснойбай, оратор.

Малахай — головной убор, шапка.

Манап — представитель феодально-родовой аристократии.

Манат — ткань.

Мая — быстрая верблюдица, помесь одnogорбого верблюда с двугорбым.

Мирза, или мурза — здесь: лицо благородного происхождения.

Михраб — ниша внутри мечети в стене, обращенной к Мекке.

Муфти — здесь: духовный глава российских мусульман.

Найман — крупные племена, входившие в Средний жуз.

Нар — одnogорбый верблюд.

Нас — жевательный табак.

Ок — пуля.

Окжетпес — буквально: пулей (стрелой) не достичь. Знаменитая скала в горах Кокчетая, воспетая С. Сейфуллиным.

Орымбор — казахское название Оренбурга.

Отар — колония.

Отау — ханская юрта.

От-арба — буквально: огненная телега. Так называли казахи в 1920-х годах поезд или паровоз.

Саба — большая кожаная посуда, в которой держат кумыс.

Саис — состязание на копьях.

Сайгел — овод.

Саймак — имя кюйши былых времен.

Сал — см. серэ.

Салам (салам) — привет.

Самурык — сказочная птица, на которой герой казахского фольклора Хасен увез красавицу Бадигул-Жамал, похитив ее у родителей.

Сарай — дворец восточных ханов.

Сарбаз — воин.

Сауба — здесь: спаси, пощади.

Саукеле — женский головной убор.

Саун — дойный скот или скот вообще.

Сель (силь) — поток воды и камней, сбегающий с гор.

Семей — казахское название Семипалатинска.

Серэ, или сал — своеобразные степные рыцари, соблюдавшие исключительные правила достойного поведения и одежды. Обычно они были акынами (певцами). Слова эти приставлялись к конкретным именам, например Ахан-серэ (хозяин Кулагера).

Симург — сказочная птица огромных размеров.

Согул — мясо скота, заколотого впрок, на зиму.

Сойил — длинный березовый шест, употреблявшийся наряду с кистенем в бою и во время пастыбы лошадей.

Сурпа, или сорпа — суп.

Суфи (суфий) — здесь: святоша.

Сыбызгы — музыкальный инструмент типа свирели.

Табакши — верховой слуга, блюдоносец.

Тайлак — годовалая верблюдица.

Тауба — зарок.

Тяке — казахское название Уральского.

Текемет — кошма с узором.

Темір — железо.

Тёрь — почетное место в юрте, передний угол.

Той — пир.

Тойбастау — запев, которым открывается торжество.

Тойган — имя кюйши былых времен.

Толгау — своеобразная патетическая песня (ода), проникнутая этически раздумьями акына.

Туленгут — личная охрана хана.

Тулпар — сказочный крылатый скакун.

Тундук — кусок кошмы, прикрывающий на ночь купол юрты.

Туранга — речной кустарник.

Тюре (тере) — потомки ханов, степная аристократия.

Тымак — шапка.

Уак — казахский род, входивший в Средний жуз.

Уйсун — род Старшего жуза, из которого происходит кюйши в одноименной поэме.

Улар — горная куропатка.

Улек — одnogорбый верблюд-самец.

Улу-жуз — старшее из трех древних разветлений казахского народа.

Уркер — созвездие.

Ханзада — дочь правящего хана.

Хан-Тенгри — пик в Заилийском Алатау.

Хурият — свобода (от арабского «хуррийат»), арабское слово, часто употреблявшееся в Казахстане в годы революции.

Чапан (шапан) — верхняя одежда (род халата).

Чия — пустынная осока.

Чокпар — длинный кистень.

Шайтан-арба — так порой называли казахи в первые годы индустриализации паровоз, велосипед, автомобиль.

Шараб — вино.

Шариат — свод мусульманских религиозных и юридических норм, основанных на Коране.

Шекпен — грубоотканая верхняя одежда из верблюжьей шерсти.

Шербет — сладкий прохладительный напиток.

Шолпан — Венера.

Эблек — перекаптанное поле.

Яик — река Урал.

СОДЕРЖАНИЕ

Два поэта казахских степей и гор. <i>Вступительное слово Вс. Рож- дественского</i>	5
--	---

ИЛЬЯС ДЖАНСУГУРОВ

Поэзия Ильяса Джансугурова. <i>Вступительная статья Мухамед- жана Каратаева</i>	15
---	----

СТИХОТВОРЕНИЯ

1. Моя Аксу. <i>Перевод В. Савельева</i>	51
2. Облако. <i>Перевод В. Савельева</i>	52
3. Ветер. <i>Перевод В. Савельева</i>	53
4. Скала. <i>Перевод В. Савельева</i>	54
5. Соловей. <i>Перевод В. Савельева</i>	54
6. «То с удачей по соседству...» <i>Перевод В. Савельева</i>	55
7. Выздоровление. <i>Перевод К. Алтайского</i>	55
8. Умер Ленин. <i>В день смерти Ленина. Перевод Евг. Евту- шенко</i>	56
9. Ленин жив. <i>Перевод К. Алтайского</i>	58
10. Я буду учиться. <i>Перевод К. Алтайского</i>	58
11. Картины Джетысу. <i>Вступление. Перевод Евг. Евтушенко</i>	59
12. Камень-мать. <i>Перевод Т. Стрешингой</i>	60
13. Земля России. <i>Перевод Евг. Евтушенко</i>	61
14. Поэзд. (<i>Туркестано-Сибирская железная дорога</i>). <i>Перевод Н. Панова</i>	63
15. Певец. (<i>Из уст старого певца</i>). <i>Перевод В. Соколова</i>	67
16. На заводе. <i>Перевод К. Алтайского</i>	69
17. Степь сегодня. (<i>Посвящается 8-й годовщине Советского Ка- захстана</i>). <i>Перевод В. Соколова</i>	70
18. Три мечты. <i>Перевод В. Савельева</i>	72

19. Гималай. <i>Перевод Евг. Евтушенко</i>	76
20. Погонщик. <i>Перевод В. Савельева</i>	79
21. Мавзолей. <i>Перевод А. Кафанова</i>	80
22. Кавказ. <i>Перевод В. Соколова</i>	87
23. Солнечныс. <i>Перевод К. Алтайского</i>	91
24. Домбра. <i>Кюй. Перевод В. Соколова</i>	91
25. Золотая чаша. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	92
26. Москва — Казахстан. (<i>Отрывки</i>). <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	95
27. Песня радости. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	99
28. Темп Октября. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	101
29. Лето. <i>Перевод К. Алтайского</i>	104
30. Музыка и слово. <i>Кюй. Перевод К. Алтайского</i>	105

ПОЭМЫ

31. Кюй. <i>Перевод В. Соколова</i>	109
32. Степь. <i>Перевод К. Алтайского</i>	121
33. Кюйши. <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	178
34. Кулагер. <i>Перевод М. Лукошина и Евг. Винокурова</i>	225

САКЕН СЕЙФУЛЛИН

Поэзия Сакена Сейфуллина. *Вступительная статья С. Кирабаева* 301

СТИХОТВОРЕНИЯ

*1. Нура. <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	331
*2. Перекочевка на джайляу. <i>Перевод М. Синельникова</i>	332
3. Пьют кумыс на джайляу. <i>Перевод А. Кафанова</i>	333
*4. Незабвенная. <i>Перевод П. Карпа</i>	334
*5. Там, где простились мы. <i>Перевод П. Карпа</i>	334
*6. Тоска. <i>Перевод М. Синельникова</i>	335
*7. Сон. <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	335
*8. Кто поведет мой народ? <i>Перевод Л. Друскина</i>	337
*9. Исповедь казаха. <i>Перевод Л. Друскина</i>	338
*10. О невежественных баях. <i>Перевод Л. Друскина</i>	338
*11. Брату. <i>Перевод П. Карпа</i>	339
*12. Сирота. <i>Перевод Л. Друскина</i>	340
*13. Поэт. <i>Перевод П. Карпа</i>	341
*14. Вдали от родины. <i>Перевод М. Синельникова</i>	341
15. Мечта. <i>Перевод А. Кафанова</i>	342
16. Любимой. <i>Перевод С. Наровчатова</i>	344
*17. В летнюю ночь. <i>Перевод М. Синельникова</i>	345
*18. Печаль. <i>Перевод Г. Гампер</i>	350
*19. Некоему. <i>Перевод Н. Яворской</i>	351
*20. От компрометируемого. <i>Перевод Н. Яворской</i>	351
*21—23. М а й с к и е д н и. <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	
1. «Всё небо майское ломилось. . .»	352
2. «Прекрасен май! В лесах, в предгорьях. . .»	352
3. «Чудесен май! Весь мир зеленый. . .»	353

*24.	«Сердце музыкой обвито...»	Перевод Г. Гампер	353
*25.	Волны.	Перевод Г. Гампер	354
26.	Страсть.	Перевод Вс. Рождественского	354
27.	Свет мой.	Перевод М. Львова	355
28.	Мы спешно собрались в поход. (Встречая свободу).	Перевод В. Виноградова	355
*29.	Новый год.	Перевод П. Карпа	357
30.	В степи.	Перевод С. Наровчатова	358
31.	Пороша.	Перевод С. Наровчатова	359
32.	А ну-ка, джигиты!	Перевод М. Львова	360
33.	На холме.	Перевод М. Демина	361
*34.	Прошедший день. (Осень).	Перевод Вс. Рождественского	361
35.	Если допытываешься — скажу...	Перевод М. Львова	362
36.	В заточении.	Перевод С. Наровчатова	363
*37.	Мой крылатый скакун. Мольба узника.	Перевод Г. Пагирева	364
38.	Заблудившимся. Слова заключенного.	Перевод С. Наровчатова	365
39.	Соскучился я.	Перевод С. Наровчатова	365
40.	Побег из тюрьмы.	Перевод М. Львова	366
41.	В нашем крае. Стихи, написанные в изгнании.	Перевод С. Наровчатова	368
42.	Предкам.	Перевод С. Наровчатова	369
**43.	Марсельеза казахской молодежи.	Перевод П. Карпа	371
*44—46.	В Голодной степи.	Перевод Вс. Рождественского	
	1. К домбре		373
	2. К лебеди		373
	3. Моему темно-рыжему коню		374
47.	Аул беглеца.	Перевод В. Виноградова	374
48.	Подавленное настроение.	Перевод М. Львова	378
49.	В горах.	Перевод М. Львова	379
50.	Весною.	Перевод В. Виноградова	380
51.	В пургу.	Перевод В. Виноградова	381
52.	В ладье.	Перевод М. Львова	382
53.	Баловень мой. (Своему настроению).	Перевод М. Львова	382
*54.	Вороной скакун. (Паровоз).	Перевод Г. Пагирева	383
*55.	Мы.	Перевод С. Ботвинника	384
*56.	Красные богатыри.	Перевод Н. Яворской	386
57.	Маржан.	Перевод Н. Яворской	388
*58.	В полете. (На аэроплане).	Перевод Н. Яворской	389
59.	Рабочим.	Перевод М. Львова	391
*60.	Товарищи.	Перевод С. Ботвинника	391
61.	Бред националиста.	Перевод М. Львова	393
*62.	Бредни одного поэта.	Перевод С. Ботвинника	394
*63.	Красавец тополь.	Перевод М. Синельникова	395
64.	В ком энергия бьется.	Перевод М. Львова	396
65.	Наша жизнь — экспресс.	Перевод М. Львова	397
*66.	Наша Сауле.	Перевод М. Земской	398
*67.	В степи. (Посвящение).	Перевод С. Ботвинника	399
*68.	Домбра.	Перевод Вс. Рождественского	401
*69.	Алтай.	Перевод М. Синельникова	403
*70.	Немецким рабочим.	Перевод Вс. Азарова	404

*71.	Думы советского мальчика. <i>Перевод С. Ботвинника</i>	406
72.	Юному казаху. <i>Перевод Г. Пагирева</i>	408
**73.	Мускулы. <i>Перевод Г. Пагирева</i>	408
*74.	Сарсен. <i>Перевод М. Земской</i>	409
*75.	Борец за наше дело. <i>Перевод Вс. Азарова</i>	410
*76.	Летом в степи. <i>Перевод М. Синельникова</i>	413
*77.	Не жалей сил. <i>Перевод М. Синельникова</i>	416
*78.	Самурьк. <i>Перевод М. Синельникова</i>	418
*79.	Автомобиль. <i>Перевод Л. Друскина</i>	419
**80.	Ленин. <i>Перевод П. Карпа</i>	425
81.	Скорбная весть. <i>Перевод С. Наровчатова</i>	427
82.	Траурный день. <i>Перевод С. Наровчатова</i>	427
*83.	Красная звезда. <i>Перевод Г. Пагирева</i>	428
84.	Раненая сайга. <i>Перевод С. Наровчатова</i>	429
85.	Осенью в степи. <i>Перевод И. Лиснянской</i>	431
86.	Мать-земля. <i>Перевод В. Виноградова</i>	434
87.	Лебедь. <i>Перевод В. Виноградова</i>	437
88.	Тайга. <i>Перевод В. Виноградова</i>	438
89.	Озеро. <i>Перевод В. Виноградова</i>	440
90—91.	Два письма. <i>Перевод Н. Феоктистова</i>	
	1. Письмо матери	441
	2. Письмо сына	444
92.	Таинственный ларец. (<i>Из письма к другу</i>). <i>Перевод В. Виноградова</i>	447
*93.	Мой бедный аул. <i>Перевод М. Синельникова</i>	450
94.	Думы молодухи. <i>Перевод В. Виноградова</i>	454
95.	Бедняцкий аул при трескучем морозе. <i>Перевод В. Виноградова</i>	457
96.	В лачуге Жумата в трескучий мороз. <i>Перевод В. Виноградова</i>	458
97.	Колыбельная песня. <i>Перевод С. Наровчатова</i>	460
*98.	Белый пес и паровоз. <i>Перевод П. Карпа</i>	462
99.	Девушке из совпартшколы. <i>Перевод С. Наровчатова</i>	465
100.	Из окна вагона. <i>Перевод С. Наровчатова</i>	468
*101.	Наборщики. <i>Перевод М. Синельникова</i>	472
102.	Ласточка. <i>Перевод М. Львова</i>	474
*103.	На волнах жизни. <i>Перевод Г. Гампер</i>	475
*104.	Сражающемуся рабочему классу. <i>Перевод С. Ботвинника</i>	478
*105.	Представителям польского рабочего класса. <i>Перевод П. Карпа</i>	483
*106.	На ткацкой фабрике (<i>Под стук колес</i>). <i>Перевод С. Ботвинника</i>	485
107.	Маузер. (<i>К 12-й годовщине Октября</i>). <i>Перевод К. Алтайского</i>	488
*108.	Песнь камешников. <i>Перевод М. Синельникова</i>	490
109.	В колхозе. <i>Перевод М. Львова</i>	492
110.	Весенняя песня. <i>Перевод М. Тарловского</i>	496
*111.	Роза и соловей. (<i>Майские напевы</i>). <i>Перевод М. Земской</i>	497
*112.	В горах Киргизского Алатау. <i>Перевод С. Ботвинника</i>	499
113.	В музее Ленина. <i>Перевод К. Алтайского</i>	504
114.	Золотая осень. <i>Перевод В. Виноградова</i>	506

ПОЭМЫ

115. Разлученные лебеди. <i>Перевод И. Озеровой</i>	509
116. Советстан. <i>Перевод В. Бугаевского и А. Тарковского</i>	517
117. Песня о лашине. <i>Перевод Ю. Окунева</i>	528
118. Кокчетау. <i>Перевод В. Корнилова</i>	534
*119. Альбатрос. <i>Перевод А. Сендыка</i>	575
*120. Кзыл-ат. <i>Перевод Евг. Винокурова</i>	614
Примечания	651
Словарь	669

*Джансугуров Ильяс
Сейфуллин Сакен*

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1973,
680 стр. План выпуска 1973 г. № 350.

Редактор *Л. С. Гейро*

Художник *И. С. Серов*

Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*

Техн. редактор *В. Г. Комм*

Корректоры *Ф. Н. Аврунина*
и *Ф. С. Флейтман*

Сдано в набор 11/IV 1973 г. Подписано в пе-
чать 16/VII 1973 г. М 56086. Бумага 84×103^{1/2},
тип. № 1. Печ. л. 21^{1/4}+2 вкл. (35,91). Уч.-
изд. л. 33,25. Тираж 20 000 экз. Заказ № 521.

Цена 3 р. 15 к.

Издательство «Советский писатель»,
Ленинградское отделение, Ленинград,
Невский пр., 28.

Ордена Трудового Красного Знамени Ле-
нинградская типография № 5 Союзполи-
графпрома при Государственном комите-
те Совета Министров СССР по делам из-
дательств, полиграфии и книжной торговли.

Ленинград, Центр, Красная ул., 1/3.

